

Дневник

Quod sentimus loquamur,
quod loquimur sentiamus!

VEcordia

Извлечение R-OJAK-1

Открыто: 2012.05.19 13:44
Закрито: 2012.06.30 14:02
Версия: 2016.12.24 14:19

ISBN 9984-9395-5-3

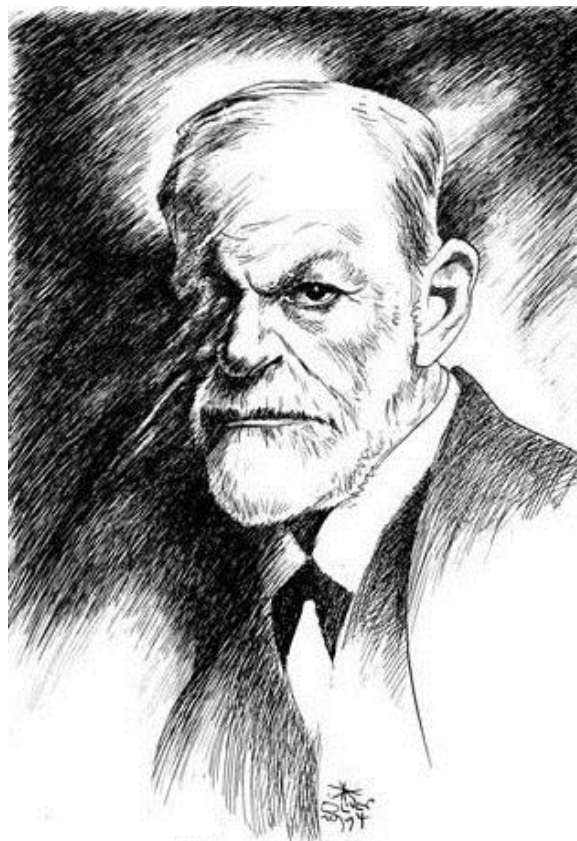
Дневник «VECORDIA»

© Valdis Egle, 2016

ISBN 5-9900342-3-7

О.Е. Акимов. «Правда о Фрейде»

© О.Е. Акимов, 2005

Олег Акимов

Правда о Фрейде

С комментариями Валдиса Эгле

Impositum

Grīziņkalns 2016

Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

Правда о Фрейте и психоанализе

Изучение глубинной психологии лучше всего начать с ознакомления с жизнью и деятельностью Зигмунда Фрейда. На нашем сайте¹ размещены две книги и ряд статей, которые, быть может, подвигнут вас на серьезное исследование психологической тематики. Вы можете возразить: «Зачем мне знать биографию Фрейда? Я никогда не мечтал(а) стать психотерапевтом и, вообще, я очень далек(а) от психологии».

Да, разумеется, важно научиться проводить, например, экономический анализ ситуации в стране. Возможно, в данный момент вас больше интересует математический или физический анализ тех или иных мировых задач. Но подумайте, ведь в повседневной жизни нам приходится ежечасно решать множество именно психологических проблем. Стоит оказаться в обществе людей, как тут же невольно мы начинаем оценивать обстановку, т.е. осуществлять *психологический анализ*. Только не тот *психоанализ*, о котором постоянно твердят фрейдисты, – это откровенное надувательство доверчивых обывателей, – а совсем другой, *настоящий анализ человеческих душ*. Однако фрейдистский психоанализ, как наиболее запутанный клубок человеческих заблуждений, является тем оселком, который позволит вам отточить мастерство *истинного аналитика*.

Правда о Фрейте и психоанализе

ББК 88.3

УДК 159.964.2

А 39

Акимов О.Е. Правда о Фрейте и психоанализе. – М.: Издатель АКИМОВА, 2005. – 279 с.
ISBN 5-9900342-3-7

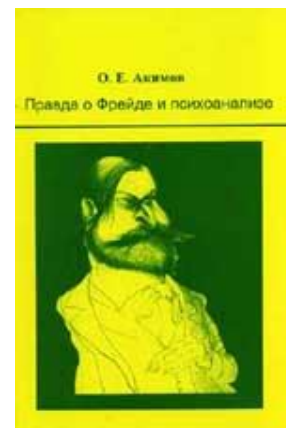
Аннотация

В книге рассказывается о сенсационных фактах из жизни Фрейда, в частности, о его любви к знаменитой пациентке Анне О., она же – Берта Паппенгейм. Детально расшифровывается главный сон книги «Толкование сновидений» и показывается, что Ирма и Берта – одно и то же лицо. Доказывается, что по причине ревности к Берте родоначальник психоанализа виновен в смерти своего лучшего друга, Эрнста Флейшля. Читатель узнает о тщательно скрываемой тайне рождения Фрейда, о загадочных обстоятельствах его знакомства с будущей женой Мартой и, вообще, о масштабных фальсификациях его биографии. В книге объясняется, как «папочка» вместе со своими «приемными детками» придумывал психоаналитические концепции вроде теории дефекации, учения о кастрационном и эдиповом комплексах.

Предназначается для студентов и преподавателей университетов, историков науки и культуры, а также специалистов, интересующихся психологическими механизмами обмана больших групп населения.

© О.Е. Акимов, 2005

© АКИМОВА, 2005

¹ http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/pravda_1.htm

1. Зачем нам неправда?

Было время, когда писались героические биографии Ленина, Сталина и прочих пламенных революционеров. Но скажите, зачем нам, современным людям, свободным от идеологических оков, сфальсифицированная биография Зигмунда Фрейда? Когда, наконец, будет написана правда об этом «авантюристе» и «конкистадоре» (этими словами он сам характеризовал себя)? Книга, которую вы держите в руках, призвана рассказать о некоторых малоизвестных подтасовках, осуществленных венским психоаналитиком, которым почему-то до сих пор не уделялось должного внимания. Однако основная цель книги – познакомить читателя с совершенно неизвестными фактами из жизни родоначальника «кокаиновой теории» (как известно, основы психоанализа закладывались в период, когда Фрейд интенсивно употреблял кокаин). Историк психологии, наверное, удивится, узнав, что Ирма (с этим именем связано главное сновидение «Толкования сновидений») и Анна О. (настоящее имя Берта Паппенхейм) – одно и то же лицо. Читателю, решившему изучать психологию всерьез, будет любопытно узнать, что Фрейд, прежде чем в тридцать лет жениться на Марте Бернайс, длительное время ухаживал за ее подружкой, Бертой, которая, в свою очередь, любила близкого друга Фрейда, Эрнста Флейшля.

Фрейд в отношении Берты совершил преступление; он всегда совершал преступление против тех, кого любил. Чем больше он любил человека, тем большее преступление он против него совершал. Берта осталась жива, а своего друга, Флейшля, он погубил, причем умертвлял методично в течение нескольких лет. Когда Фрейд ждал присвоения ему звания профессора, он опасался, что кто-нибудь расскажет о его ужасных деяниях. Не любовь, а страх – вот главное чувство, испытываемое автором при написании книги «Толкование сновидений». В 1895 г. вышли несколько работ, в названиях которых фигурировали термины «страх» и «фобия». Но сон об Ирме и комментарий к нему появились раньше, когда у Фрейда превалировало чувство мести. Он мстил Берте за то, что она отвергла его любовь, предпочтя Флейшля.

Родоначальник психоанализа никогда не был серьезным ученым, более того, примерно на четвертом курсе он забросил учебу в университете, а Брейер помог ему устроиться домашним врачом в дом Паппенхеймов, где «врач» без диплома вел «очистительные беседы» со своей дамой сердца. Из ревности он «залечил» наркотиками Берту до того, что она в течение многих лет страдала психическим расстройством, а Флейшля он просто-напросто убил ими. После смерти отца Берты, которому была занесена какая-то легочная инфекция, мать запретила «домашнему врачу» появляться у них дома.

Испугавшись последствий трагических событий, Фрейд в спешном порядке приобрел диплом врача, который он должен был получить три с лишним года назад, и устроился в городскую больницу. Еще позже он сверстал книгу «Исследование истерии», в которой сочинил, как Брейер «лечил разговорами» Берту (авторство метода и якобы успешное его применение к пациентке Анне О. коварный доктор приписал своему бывшему другу из чувства ненависти к нему). Страдающий нервным расстройством на почве половой неудовлетворенности Фрейд с помощью наукообразной теории бесцеремонно внедрялся в интимную жизнь девушек и женщин, озабоченных жизненными проблемами. Окружив себя группой льстецов, состоящей сплошь из врачей-дилетантов, он объявил себя отцом-основателем школы по одурачиванию доверчивого населения.

У всех на виду Фрейд старался демонстрировать свое идеальное «супер-эго», доброго и умного доктора, но наедине с самим собой и, в частности, в некоторых своих произведениях, он показывал свое «ид», Фрейда-животного, все мысли которого сосредотачивались на сексе. Автор непристойных книжек хотел убедить читателей, что они все так же похотливы и низки, как и он сам. Те, кто находил у себя следы его гиперсексуальной природы, признавали в нем ученого; остальные в ужасе отшатнулись от него. Нужно с удовлетворением отметить, что вторых оказалось больше, чем первых. Ведь к изучению фрейдовских сочинений, которыми, к сожалению, завалены полки книжных магазинов, принуждают только студентов образовательных учреждений психологического профиля. Большинство же жителей нашей страны о Фрейте и его учении, слава Богу, ничего не знают.

Я подозреваю, что в душе Фрейда на протяжении всей его жизни в отношении его первой пациентки, которую он любил, происходили сложные процессы психологического и эпистемологического характера. Возникло впечатление, что он сначала лелеял живой лик Берты, бережно хранил его в тайных отделах своего мозга, но потом ее образ начал медленно разлагаться, источать неприятное для него зловоние. И вот уже образовалась гора психоаналитического мусора, но едва уловимые очертания когда-то горячо любимой девушки продолжали мерцать в его сердце как угли в камине. Берта превратилась в белую лошадь – фобию пятилетнего Ганса.

Изложение учения Фрейда его апологеты всегда начинали с рассказа о чудесном выздоровлении тяжелобольной Берты. Враги психоанализа пытаются разоблачить этот миф, низвергнуть с заоблачных высот божественный образ. Они говорят, смотрите, да это же обыкновенная истеричка, у которой сфальсифицирована история болезни. Но преданные солдаты Фрейда свято чтят «научный подвиг» пациентки от невежественных «богохульников и еретиков».

Фрейдизм важен не только как частный случай искажения психиатрической практики, но и как социально значимое явление для всей мировой науки. На конкретном примере случая Анны О. можно изучать глобальные законы функционирования знаний, скрупулезно исследовать, как в отдельных отраслях науки зарождаются и развиваются раковые опухоли в виде странных мифологем, которые оформляются в соответствующие непоколебимые каноны. Нужно пытаться найти профилактические меры против появления злокачественных образований в будущем. Яркая биография харизматической личности Фрейда, его активная спекулятивная деятельность и основанная им школа образуют один из мощнейших *доменов* современной культуры. Наряду с психологией доменное, или кластерное, строение характерно для религиозно-мистической и политэкономической деятельности интеллектуальной элиты. Математика и физика тоже имеет домены, только их генезис и функционирование в силу рациональной природы предмета исследования осуществляется на иных психологических и эпистемологических принципах. Как правило, в них отсутствует культ мифологизированного отца-основателя, а институциональная организация не столь жестко и ярко выражена. Где возникают культ и школа, там отсутствует наука и процветает схоластика.

Фрейд сравнивал себя с жившим за несколько веков до Моисея библейским Иосифом, который после 14 лет рабства в 30 лет стал управителем Египта. Этот высокий пост Иосиф получил в награду за успешное истолкование сновидений фараона. Согласно библейской легенде, однажды фараону приснилось, будто семь тучных коров вышли с водопоя на луг, за ними проследовали семь тощих коров, которые съели семь тучных. В другой раз ему снилось семь тяжелых от зерен колосьев, растущих на одном стебле, а потом он увидел, что прорастают еще семь пустых от зерен стеблей, которые накинудись на семь первых колосьев и погубили их. Лучшие жрецы Египта не могли истолковать эти видения. Иосиф же интерпретировал их так: страну ожидает семь урожайных лет, за ними последуют семь лет засухи. Поэтому он посоветовал фараону поставить управляющим хозяйством страны мудрого человека, который бы в благоприятные годы не разрешал проедать и распродавать урожай, а старался бы сберечь его, чтобы накормить народ в годы засухи. Услышав эти слова, фараон снял со своей руки перстень, надел его на руку Иосифа и сказал: «Я фараон, но без твоего разрешения никто в Египте не посмеет пошевелить ни рукой, ни ногой» [*Бытие*, 41:44]. Фараон нарек Иосифа именем Цефнаф-Панеах, что значит «тот, кто разъясняет тайное», и в благодарность отдал ему в жены красивую и знатную Асенефу.

Герменевтика, искусство истолкования символов и знамений, – основная «наука», с которой Фрейд по-настоящему считался. Имя Иосиф для него обрело магическую силу: его лучшего друга, Брейера, который был на 14 лет старше, звали Иосиф; несчастный дядя, который, как и библейский Иосиф, угодил в тюрьму, тоже носил это имя; он жил одно время на улице императора Иосифа. Фрейд, как и библейский Иосиф, женился в 30 лет. Сына-первенца, родившегося от Асенефы, управитель Египта нарек именем Манассия, что значит «забвение», поскольку он хотел забыть 14 лет рабства, тюремное заточение и горькие обиды, нанесенные ему окружающими. Чтобы забыть свои унижения и неудачи, Фрейд уничтожил за 14 предыдущих лет дневники и письма, которые он «признал недостойными выживания» (так он, во всяком случае, написал в апреле 1885 г.).

По библейской легенде, Иосиф был красивым, честным и гордым парнем. Еще в юности ему приснился сон, будто он вместе со своими братьями вяжет снопы в поле. Вдруг снопы, которые вязали братья, пришли в движение, закружились и поклонились его снопу. В другой раз ему снилось, как одиннадцать звезд, луна и солнце склонились над ним. Он

истолковал этот сон следующим образом: придет время, когда его одиннадцать братьев (звезды), мать (луна) и отец (солнце) придут к нему на поклон. За такое высокомерное толкование сновидения рассердились не только братья, но и отец, любивший Иосифа больше всех других братьев (отца Иосифа, как и отца Зигмунда Фрейда, звали Якоб). Из-за вспыхнувшей ненависти братья продали Иосифа в рабство. Но в неурожайные годы им пришлось идти на поклон к управителю Египта, в котором они не узнали своего брата. Когда же Иосиф дал им сполна зерна и сказал, кто он, весь большой род Израиля, состоящий из 70 человек, быстро переселился в Египет. Таким образом, сны Иосифа оказались пророческими: его отец, мать и братья были бесконечно ему благодарны, что и выразилось через поклоны небесных светил.

Всякий рационально мыслящий человек скажет, что данная легенда является вымыслом, так как Бог, или нечто Его заменяющее, не сообщает людям через их сновидения события будущего, и всякое совпадение сна с действительностью нужно рассматривать как случайное. Фрейд не верил в Бога, но верил в сновидения и пытался интерпретировать содержащуюся в них информацию в нужном ему ключе, особенно нумерологического характера. В погоне за смыслом, автору книги «Толкование сновидений», как и автору библейской легенды, приходилось что-то выдумывать или искажать реальные события. Фактически, фрейдовские сочинения мало чем отличаются от библейских легенд, написанных много веков назад. В обоих случаях мы имеем дело с мифотворчеством, которое в одном случае защищено авторитетом церкви, в другом – авторитетом психоаналитической школы. Однако оба этих института имеют примерно одну и ту же историю формирования культурологического домена, в основе которого отсутствует рациональное знание.

Часто историки и биографы отделяют научное творчество от личной жизни ученого: они приводят важнейшие даты жизни ученого, его семейное положение, официальные посты, которые он занимал, рассказывают, где бывал, с кем встречался, какие награды получал, а затем излагают содержание его научных трудов. Для нашего случая такая раздельная схема изучения не годится: мы ничего не поймем ни в жизни, ни в творчестве Фрейда, если допустим зазор между эпистемологией и психологией. Чтобы проникнуть во внутренний мир героя, получить стереоскопическое изображение событий его жизни и одновременно досконально понять содержание его произведений, надо осмыслить не только аргументацию, которую автор выставил на всеобщее обозрение, но и найти тайные пружины его творчества, попытаться понять, какие жизненные обстоятельства подтолкнули его к преступлению.

Для многих ученых, чье творчество попадает под пристальное изучение историков науки, такой рентгеновский аппарат не нужен.² Но подобное безразличие к генезису интеллектуальных пристрастий Фрейда для исследователя психоанализа окажется пагубным: он просто не сможет уловить сути фрейдизма, претендующего сейчас на идеологию психиатрии. Поэтому, чтобы до конца понять результаты разрушительной деятельности первого психоаналитика, необходимо вот уже в который раз сосредоточиться на его личности.

В результате скрупулезной расшифровки текстов фрейдовских произведений удалось получить более полное, так сказать, голографическое изображение предмета исследования. Для знакомства с истинным портретом Фрейда и адекватного понимания его трудов от читателя требуется одно – здоровый скепсис ко всему, что ранее он слышал о жизни и творчестве этого афериста.

Каждый практикующий врач-психотерапевт, к какой бы школе он сам себя не причислял, налаживает контакт с пациентом, исходя из своего личного опыта. Если пациент смог поверить в его психотерапевтические способности, можно рассчитывать на какой-то положительный эффект, если же у врача нет обаятельной харизмы, никакая школа ему не поможет. В погоне за симпатиями пациентов («позитивным переносом») многие психотерапевты прибегают к различным уловкам. Фрейд в помощь себе призвал богиню Венеру, а теперь его самого используют в качестве Санта-Клауса. От эксплуатации сказочного образа сотни тысяч психоаналитиков круглый год имеют щедрые подношения от наивных пациентов.

Я не думаю, что подавляющая масса современных психоаналитиков находится в полном неведении относительно Фрейда. Уверен, многие давным-давно поняли, чего стоит его ученость.³

² В.Э.: Возможно, в других случаях это не так важно, как в случае Фрейда, но в принципе знание обстоятельств (в том числе психологических) возникновения рассматриваемого учения – полезно всегда.

³ В.Э.: Это-то так, но меня давно занимает вопрос: В какой степени САМ ФРЕЙД верил в свое «учение»? В какой степени это были искренними заблуждениями психически (скажем так) неуравнове-

Однако они не хотели бы раскрывать карты перед доверчивой публикой, чтобы не лишиться прибыльной работы по «исцелению» больных.⁴ Рекламный образ мудрого отца-учителя на рынке психиатрических услуг позволяет собрать немалые денежки от тех, кто верит в новогодние сказки. Бренды «Юнг» и «Адлер» не идут ни в какое сравнение с успешной маркой «Фрейд». Рынок есть рынок: он функционирует в соответствии со своими экономическими законами, которые не считаются с научной истиной, если она не приносит деньги. Вот и выходят в России миллионными тиражами глупые и аморальные книжки вроде «Три очерка по теории сексуальности», «Анализ фобии пятилетнего мальчика» или «Толкование сновидений». Плох тот психолог, который принял обыкновенного жулика за серьезного ученого, но еще хуже, когда из психоанализа делают большую науку.

Жизнь и творчество Зигмунда Фрейда является лучшим «учебным пособием» для студентов, приступивших к изучению курсов «Общая психология» и «История психологии». На его примере будущие специалисты смогут изучить психологические механизмы тотального обмана больших групп населения. При этом надо иметь в виду, что аналогичный алгоритм фальсификаций действует в политической, религиозной и иных сферах. В 2004 г. вышла моя книга «Психология познания. Удод»⁵. Форма подачи материала этих двух работ заметно отличается, но лежащая в них идея одна – показать способ познания мира через особенности психологии Фрейда. В обеих книгах убедительностью доказываемся, что аморальный и бесчестный человек, уничтоживший все свидетельства своей бесславной биографии, не мог создать ничего ценного и полезного для науки. Психоанализ – это лженаука, которую возродили у нас в России ловкие люди с целью личного обогащения.

2. Да свершится правосудие

Данная работа всецело опирается на тексты, написанные отцом-основателем психоанализа. Древние римляне говорили: *scribere est agere* (писать – значит совершать фактическое действие). Люди рассказывают о Фрейте разное, но *vox emissa volat, litera scripta manet* (сказанное улетучивается, написанное остается). Заметьте, написанное прямым участником событий, а не свидетелем или кем-то, кто живет в другую эпоху. Показания подозреваемого в преступлении выше показаний свидетеля и заключений эксперта. Таким образом, письменные показания подозреваемого о совершенном им преступлении имеют самую высокую степень обоснования, которую можно только достичь. Бывают самооговоры, но не в случае с Фрейдом; если бы он взял чужую вину на себя, то не стал бы играть в прятки с общественностью. Я выставлю *in foro legis* (на суд) множество веских аргументов в пользу вышеуказанной позиции, надеюсь, что *in foro conscientio* (в справедливом суде) ее признают неопровержимым доказательством. Первый принцип Римского права: *Fiat justitia, pereat mundus!* (Да свершится правосудие, хотя бы погиб мир!) В конце концов, есть *Dei iudicium* (Божий суд). Так пусть же услышит Фрейд и на том свете грозный *vox Dei* (глас Божий).

Я осознаю, что *affirmanti, non neganti, incumbit probatio* (бремя доказывания лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто отрицает). *Semiplena probatio – non probatio* (Полудоказательство – не доказательство). Римское право гласит: *probationes debent esse evident, id est, perspicuae et faciles intelligi* (доказательства должны быть очевидными, т.е. должны быть ясными и легко понимаемыми). Не хочу уподобляться уфологам, которые говорят о посещении земли пришельцами и не приводят в подтверждение своих слов никаких веских аргументов. *Sunt adsunt testimonia rerum, quid opus est verbis?* (Когда имеются доказательства фактов, какая нужда в словах?)

Фрейд совершил *felonia* (тяжкое преступление). Он признает это *in facto* (фактически), хотя и зашифровывает свое признание в рассказах о снах: *veritas nihil veretur nisi abscondi* (истина не боится ничего, кроме сокрытия); *fatetur facinus qui fugit* (тот, кто скрывается от правосудия, признает свою вину). Я расшифровал его тексты сновидений и понял, что он совер-

---

шенного человека, и в какой степени – сознательным обманом подлежащего унижению и ненавидимого Фрейдом общества?

⁴ В.Э.: Тут я тоже не уверен, что назойливая и наглая реклама Фрейда обусловлена только финансовыми (экономическими) соображениями. Не присутствует ли тут еще и политически-расистский элемент – т.е. намеренная цель растления и разложения окружающего общества?

⁵ В.Э.: См. {[R-OJAK-2](#)}.

шил *peccatum* (ужасный грех). Многостраничный рассказ Фрейда об Ирме лишь называется «сновидением», но фактически им не является. Реалистичность его подтверждается стилем и конструкцией изложения сложной череды событий, связанных с Бертой. Каждый серьезный исследователь при желании расширит круг аргументов, имеющих доказательную силу, если при чтении сочинений Фрейда будет тщательно учитывать психологические особенности его характера.

Он совершал деяния *in quantum lucratus est* (в той мере, в какой он получал от них выгоду); действовал *ex dolo malo* (с целью обмануть); *adversus bonos mores* (против добрых нравов); никогда не руководствовался преумножением *commune bonum* (общественного блага). Поэтому-то и *volo* (я повелеваю), чтобы Фрейд предстал перед *fas et jus* (судом Божьим и человеческим). Он написал множество книг, в которых реальные события *falsum* (сфальсифицированы); он не обладал настоящими научными знаниями: *qui non habet, ille non dat* (кто не имеет, тот не дает). Его не раз уличали во лжи: *falsus in uno, falsus in omnibus* (ложное в одном, ложно во всем); *qui semel malus, semper praesumitur esse malus in eodem genere* (тот, кто однажды был дурным, всегда предполагается дурным в том же смысле слова). Многие письменные документы о своих злодеяниях он уничтожил: *qui male agit, odit lucem* (кто творит зло, боится света). Кроме того, *clam delinquentes magis puniuntur quam palam* (тот, кто совершает преступление тайным образом, заслуживает более сурового наказания, чем тот, кто делает это открыто). Не все его злодеяния можно сегодня доказать, но римляне говорили: *quod factum est, cum in obscuro sit, ex affectione cuiusque capit interpretationem* (когда не ясно, что содеяно, действие должно объясняться исходя из характера лица, которое его совершило). Подозреваемый *sarax doli* (способен на преступление); он был *antithetarius* (лицом, стремящимся избежать наказания за преступление, обвиняя в этом преступлении своего обвинителя).

Сегодня тайная жизнь Фрейда превратилась чуть ли не в *arcana imperii* (государственную тайну). Но *potentia non est nisi ad bonum* (власть существует только для добра), в противном случае, она преступна: *nemo est supra leges* (никто не находится выше закона); *hostes humani generis* (враги рода человеческого) должны понести неотвратимое и адекватное их преступлениям наказание. Фрейд совершил *peccatum* (преступное деяние) не только против конкретного лица (Берты Паппенхейм), но и *contra omnes gentes* (против всего человечества). Многие всё еще признают его великим и гениальным, но *reputatio est vulgaris opinio ubi non est veritas* (репутация есть общее мнение, в котором нет истины); *scientia sciorum est mixta ignorantia* (знание поверхностных людей есть собранное отовсюду невежество).

Помня изречение римлян, *compendia sunt dispendia* (кратчайший путь – самый длинный), начнем издалека, *ab ovo* (от яйца), чтобы уважаемый читатель подошел к истине сам, без посторонней помощи. Однако начинать с чего-то надо *incontinenti* (без промедленья, тотчас же). Лучше, если он с первых же минут чтения будет удерживать в голове следующие соображения: нет иных объяснений тому, почему Фрейд так заиклился на Берте Паппенхейм. Она была для него *principium et fons* (начало и источник), *terminus ad quem* (конечный пункт). Те жалкие толкования, связанные якобы с его научным интересом, никуда не годятся. Внимательный анализ его теоретических исканий, которые всегда стояли у него на втором, если не на седьмом месте, показывает, что длинный и нестройный состав его психоаналитических рассуждений неизменно цеплялся к мощному локомотиву, которым служила яркая личность Берты. Девушка была его *perpetuum mobil* (вечным двигателем), невидимым с берега моря эпицентром цунами, волны от которого неожиданно обрушивались на ничего незнающих обитателей суши. Фрейд говорил о ней бесконечно, всякий раз сообщая какие-то детали, которых не было в описаниях, принадлежавших якобы Брейеру. Его обвиняли в фальсификации фактов (что, конечно, имело место), но от зрителей, стоявших на берегу и наблюдавших за психоаналитическим цунами, ускользнуло землетрясение – мощный источник, из которого Фрейд черпал свои миражи. Откуда взялись эти фантазии? Почему была выбрана Берта, которую он якобы никогда не видел? Где та вереница других пациенток, которых следовало бы назвать хотя бы ради приличия? Нет, тут что-то не так; давайте разбираться.

3. Не верю!

Я много думал над вопросом: зачем потомкам Зигмунда Фрейда понадобилось до XXII в. держать в тайне письма милейшего Йозефа Брейера? Причем нет никакой гарантии, что их

секретность не продлят до XXIII в. Понятно, что речь не идет об укрывательстве научных истин; засекречиванию подверглась информация личного характера. Предположим, Брейер (хотя на него это не похоже) что-то написал об интимных связях Зигмунда со свояченицей Минной, так об этом всему миру раструбил Карл Юнг. Кроме того, данный грех не представляется таким уж постыдным для автора сексуальной теории.

Возьмите другую проблему биографии Фрейда. Что заставило его накануне женитьбы на Марте Бернайс уничтожить дневники и письма предшествующих 14 лет? Что в них такого, чего не должна была знать будущая супруга? Ведь ясно как день, что содержащаяся в них информация касалась именно ее. Сведения о «старых друзьях», а тем более «научные записи и рукописи публикаций» (об этом упоминается в апрельском письме 1885 г.) не нуждались в уничтожении; в них нет ничего предосудительного. Значит, там были какие-то личные переживания Зигмунда, о которых Марте не положено было знать. Причем уничтоженные бумаги касались самых трогательных периодов его жизни – с 16 до 29 лет, когда все молодые люди – кто в большей степени, кто в меньшей – находятся в состоянии влюбленности. По его переписке с Мартой мы знаем, как неистово мог любить Фрейд, но кого именно он любил до того момента, как в апреле 1882 г. встретил Марту?

Мне не дают спокойно спать строки из письма Фрейда к Марте: *«Пусть нервничают биографы, мы не сделаем их задачу слишком легкой. Пусть каждый из них будет уверен в своей правоте, в собственной «концепции развития героя». Даже теперь я испытываю удовольствие при мысли о том, как все они будут заблуждаться»*. В чем заблуждаться? Какой сюрприз он подготовил биографам? По официальной «концепции развития героя» любовь Зигмунда к Марте вспыхнула внезапно, когда он увидел ее за столом у себя в квартире. Как она там оказалась? Усиленно поддерживается версия, что Фрейд никогда не видел и не говорил с Бертой, а ее ближайшую подругу, Марту, изображают так, будто бы она с луны свалилась прямо в дом Фрейдов только затем, чтобы очистить яблоко от кожуры. Между тем этот «герой», как заправский шпион, сочинил о себе легенду, для чего менял даты событий своей биографии (на это я обращал внимание Удоды в книге «Психология познания. Удод»). Период же его самого раннего детства и юношества выглядит сейчас одним большим белым пятном.

Официально сообщается, что Марта впервые появилась в Вене в 1869 г., приехав из Гамбурга, чтобы поступить в гимназию. Тут же на горизонте появляется Берта Паппенхейм, которая становится ее ближайшей подругой на всю жизнь. Как потом выясняется, при более внимательном изучении биографий, их дружба в период учебы в гимназии обусловлена не только взаимной симпатией двух девочек, но и дружбой их семейств. Об этом факте редко упоминается в отцензурированном «житии святого», но на него определенно указывают события 1879 г., когда внезапно умер отец Марты, Берман Бернайс. Именно отец Берты, Зигмунд Паппенхейм, взялся помогать Марте и всему ее семейству, пока он сам не подхватил легочную инфекцию. Кроме того, Берта была не только подругой Марты, но «позднее ее родственницей по линии брака». Об этом сообщил биограф Эрнест Джонс в своей книге «Жизнь и творения Зигмунда Фрейда». О родственных связях между двумя подругами сообщают биографы Берты Паппенхейм, Дора Эдинггер и Люси Фриман.

Напомню, именно Джонс в середине 1950-х годов впервые объявил, что Анна О. и Берта Паппенхейм – одно и то же лицо, чем навлек громы и молнии со стороны Паппенхеймов, поскольку они и слышать ничего не желали о Фрейде. Но почему, что он им сделал? Объяснение дается такое: родственники не хотят вспоминать о тяжелом нервно-психическом расстройстве Берты, которая после выздоровления стала видным общественным деятелем. Но ведь психоанализ по официальной версии помог ей, следовательно, Паппенхеймы до вырождения рода должны быть благодарны психоаналитикам. Эту признательность не обязательно выражать на публике. Почему бы в узком кругу, просто по-человечески не встретиться и не выразить благодарность представителям психоаналитической школы. Но ничего этого не было. Эдинггер, написавшая книгу «Берта Паппенхейм: жизнь и творчество» (1963), психоанализу уделила менее одной страницы, где рассказывала об общеизвестных фактах. На протяжении длительного времени автор была подругой той, о ком писала. Однако по всему видно, что Берта не делилась с ней воспоминаниями о своей болезни. В книге Фриман «История Анны О.» (1973) также отсутствуют новые сведения или хотя бы оригинальные версии, относящиеся к Фрейду, Брейеру и другим лицам, окружавшим Берту в 1880-х годах. Таким образом, нет никаких надежд на то, что по линии Паппенхеймов удастся обнаружить какие-то факты, позволяющие ответить на поставленные вопросы. Между тем число таких вопросов можно легко преумножить.

В девятой главе «Лечение разговорами» книги «Зигмунд Фрейд» Пол Феррис обращает внимание на обстоятельства, которые ставят фрейдистов в тупик.

«Мы не знаем, – пишет автор, – почему Брейер не занимался своими многочисленными пациентами, а проводил долгие часы у кровати Берты и слушал ее, или почему он решил, что ей необходимо уделить так много внимания. Один исследователь рассчитал, что Брейер провел с Бертой тысячу часов.⁶ В 1880-х годах, когда царило научное мировоззрение, к психическим болезням обычно относились гораздо пренебрежительнее».

В самом деле, Брейер относился к истерическим заболеваниям довольно скептически, чтобы не сказать иронически. Как верно написал Джонс, «Брейер был преданным приверженцем школы Гельмгольца», т.е. убежденным материалистом, высмеивающим всё, что связано с Психеей. Он был домашним или личным врачом многих высокопоставленных особ города. И вот неожиданно этот серьезный врач-профессионал и просто ответственный человек бросает все дела, забывает о своих важных пациентах и занимается одной истеричкой, которая рассказывает ему во всех подробностях свои галлюцинации. Потом содержание ее сумасшедшего бреда он, как начинающий врач, только что закончивший ординатуру, в мельчайших деталях пересказывает другу. Всё это мало похоже на первоклассного специалиста, воспитанника школы Гельмгольца и ученого-материалиста, интересующегося исключительно физиологией, в частности, вестибулярным аппаратом голубей.

Удивительным является и то, что Брейер при успешном лечении Берты методом катарсиса (поверим на минуточку рассказам психоаналитиков) никогда им впоследствии почему-то не пользовался. Одного этого аргумента достаточно, чтобы усомниться в корректности официальной биографии основателя психоанализа.

Вообразите себе следующую ситуацию. С Мартой Фрейд познакомился в апреле 1882 г., в июне они обвенчались, а о Берте, лучшей ее подруге, за которую она переживала и, по словам того же Джонса, неоднократно навещала, он узнал почему-то от Брейера причем только в ноябре? Как такое могло случиться? Почему он не расспрашивал свою невесту и почему он не навещал Берту вместе с Мартой? Не встретить и не поговорить с пациенткой, которая определила судьбу психоанализа, мог кто угодно, только не Фрейд. Всё это выглядит крайне непоследовательно и неестественно. Любой нормальный детектив, расспрашивающий подозреваемого о совершенном им преступлении, не поверил бы ему.

В статьях и публичных выступлениях Фрейд намеренно отгораживал себя от Берты, искусственно поднимая ее до небес, не умея или не желая видеть в ней обыкновенную пациентку. Вдумчивому наблюдателю понятно, что между Зигмундом и Бертой что-то произошло. Зная настойчивый характер родоначальника психоанализа, его жизненный стиль и манеру обращаться с людьми, несложно выдвинуть правдоподобную гипотезу в отношении Берты.

Сейчас я имею в виду даже не Фрейда, добывающегося внимания и любви Берты, а Фрейда-ученого (предположим, что он не любил Берту, и она была для него не более чем научный объект исследования). Всё равно, даже в этом нейтральном случае он вел себя в несвойственной ему манере. Посмотрите, как он добивался встречи с Ипполитом Бернхеймом, живущим в далекой Франции, чтобы больше разузнать о гипнозе. Он ездил к нему в Нанси дважды, привозил истеричку со сложной симптоматикой, просил французского коллегу помочь разобраться с больной. Перевел его книгу с французского на немецкий язык. А тут, видите ли, поленился пройти три улицы и постеснялся спросить «как твои дела?» подругу своей невесты и одновременно уникальную, с точки зрения психиатрии, пациентку. «Не верю!», как сказал классик, актер фальшивит. Фрейд никогда не церемонился, если он был в чем-то заинтересован. Здесь мы имеем дело не столько с логическим противоречием, сколько с психологическим. Далее нужно только тщательнейшим образом сопоставить хотя бы имеющийся в нашем распоряжении материал, а его немало, чтобы выявить подлинную правду.

По официальной версии Брейер лечил Берту с декабря 1880 по июнь 1882 г. Джонс пишет: «В течение года, день за днем, он терпеливо наблюдал эту пациентку, отказываясь от многих других предложений». С чего бы это? Всех больных жалко, у всех своя специфика протекания болезни, но ответьте на элементарный вопрос: «На какие деньги он жил и содержал семью?» Одна пациентка не смогла бы обеспечить комфортное проживание его и бездельника Фрейда, которому Брейер в это время регулярно передавал значительные суммы. Джонс сообщает, что

⁶ В.Э.: Если по 8 часов в день, то это 125 дней – более четырех месяцев.

«Брейер оставался главным «кредитором» Фрейда. В течение долгого времени он практически ежемесячно помогал ему. По всей видимости, это началось в последний год работы Фрейда в Институте Брюкке, незадолго до его помолвки». Я думаю, еще раньше, а именно, с конца 1870-х годов, когда они крепко сдружились. По словам Джонса, к началу 1884 г. долг Фрейда Брейеру составил 1500 гульденов. Это огромные деньги; для сравнения: на полугодичную стажировку во Францию Фрейд получил 600 гульденов.

Между тем разрешаются вышесформулированные загадки очень просто: не Брейер, а Фрейд сидел целыми днями у постели Берты и вел с ней «очистительные» беседы, причем сообщил нам об этом ни кто-нибудь, а непосредственно сам Фрейд в знаменитом сновидении об Ирме. Чтобы в этом убедиться, надо быть всего лишь чуть-чуть более внимательным ко всему, что написал первый психоаналитик и не доверять людям, которые кормятся психоанализом, представляют его respectable наукой и распоряжаются именем «Фрейд» как личной торговой маркой. Указанное решение дает ответ и на другой вопрос, который лучше сформулировать словами всё того же Ферриса. Он пишет:

«Случай Паппенгейм можно назвать очень необычным, у него нет аналогов. Ни у одного человека ни до этого, ни после не наблюдалось подобных симптомов... Этот случай явно уникален во всей литературе по истерии. Почему-то очень не многие задумываются о том, что эта исключительность сводит на нет его полезность для теории».

«Необычность» или «исключительность» заболеванию Берты сообщил Фрейд. Не Брейер описывал случай Анны О., помещенный в книге «Исследование истерии» (1895), а Фрейд, который многие вещи просто придумал. Он же вводил Берте морфин, который исказил картину классической истерии, если таковая вообще была. Фрейдовская неопытность, фантазии и преднамеренная ложь превратили болезнь Берты в совершенно нетипичный случай. Джонс пишет: *«Этот случай настолько отличается от всего его [Брейера] опыта, что произвел на Фрейда глубокое впечатление, и он имел обыкновение снова и снова детально обсуждать его с Брейером».* У нас будет возможность узнать истинную суть их разговоров, которая, наверное, очень удивила бы Джонса.

В 1996 г. Миккель Борк-Якобсен однозначно установил, что у больной была сильная лицевая невралгия. Для снятия боли Берту пичкали большими дозами морфия и хлоралгидрата. Не предполагая, что рядом с больной находился Фрейд и Флейшль, Борк-Якобсен решил, что во всем виноват Брейер, что это он вводил в избыточном количестве наркотик для снятия боли и нервно-психических беспокойств. Морфин вызывал у чувствительной девушки галлюцинации, но не снял у нее длительную депрессию и нервное напряжение. Вероятно, Брейер и Флейшль (они оба были хорошими гипнологами) прибегали к гипнозу, пытаясь внушить Берте, что никакого опасного заболевания нет, что, в общем, она здорова. Так поступали многие тогдашние врачи, но гипноз положительного эффекта не дал. В 1881 г. Берте сделали небольшую операцию, аккуратно перерезав одно из нервных окончаний, но невралгическая боль не прекратилась, ей по-прежнему вводили морфин. Она лишилась сна, что окончательно расшатало ее нервную систему; тогда понадобилась помощь психиатра. Брейер не считал себя специалистом в этой области, поэтому настоял на том, чтобы ее поместили в психиатрическую лечебницу.

Это та информация, которую сейчас удалось восстановить, а что сочинил о Брейере сексуально озабоченный снотолкователь? Фрейд сделал Брейера возлюбленным Берты, заставив ее сказать фразу, означающую, что девушка от любви к врачу и желания зачать от него ребенка, тронулась рассудком. Так как ее доктором в течение длительного времени был сам Фрейд он, быть может, и заставил ее с помощью морфина сказать нечто в этом духе. Как бы там ни было, Берту, далекую от мысли о сексе, которая впоследствии будет помогать сиротам и бездомным, вступит в борьбу за женские права и решительно выступит против проституции, откажется от своей семейной жизни, он изобразил легкомысленной девицей, мечтающей о половой связи с врачом.

В сновидении об Ирме мы увидим изнаночную сторону доморощенного психотерапевта. Нас удивит тот огромный потенциал ненависти, который накопился в душе Фрейда, прежде всего, к Флейшлю, потом к Берте и Брейеру. Патологическое сознание студента-неудачника, разочаровавшегося в медицинской профессии, жило химерами и периодически мутнело от приступов гнева, ревности и жажды мести. К кульминационной сцене, когда Берта-соблазнительница в полусознательном состоянии намекает врачу об интимной услуге, писатель-фантаст придумал такую же сюрреалистическую развязку. Он заставил Брейера перепугаться до смерти

от сексуального напора Берты и сбежать от сумасшедшей в Венецию, прихватив с собой несчастную жену, Матильду. Из ревности к Берте жена чуть было не покончила с собой, но потом одумалась и зачала от мужа ребенка, прелестную малышку по имени Дора.

Эта откровенная ложь о Брейере была разоблачена, но вся правда об отношении Фрейда с Флейшлем, Бертой и Брейером никогда сказана не была. В отсутствие прямых улик, трудности изобличения состоят еще и в том, что врач-кудесник говорил полуправду, разворачивая события под нужным ему углом. В частности, Брейер и его жена действительно отдыхали в Венеции, после трагических событий, случившихся в доме Паппенхейм, но дочку Дору они зачали в Вене. Брейер, наверняка, пользовался гипнозом, что-то пытался внушить больной, но Фрейд мог обычную в этих случаях беседу возвести в ранг особого психотерапевтического метода. Он же придумал всю сексуально-истерическую драматургию, которую невозможно проверить. Борк-Якобсен полагает, что эта фантазия была навеяна артистическими сеансами гипноза актера Карла Гансена, который в то время гастролировал в Вене. Что ж, очень может быть, Фрейд не мог не присутствовать на выступлении мага-гипнолога, поскольку его всегда интересовал месмеризм в самых дешевых его формах.

Всё, что мы знаем о Фрейде, нам сообщил либо сам Фрейд, либо его ученики, которых он информировал, как он считал нужным. Независимые источники, рассказывающие о его жизни отсутствуют. И это при том, что выявлена масса случаев, когда он откровенно обманывал или искажал факты. Он говорил, например, что Флейшль начал вводить себе морфин из-за беспокоящей его раны на руке. И мы вынуждены верить этому, поскольку другой информации нет. Однако сообщенные им факты часто приходят в противоречие. Так, например, в официальных биографиях говорится, что нервно-психическое расстройство Берты началось, когда она ухаживала за больным отцом. *«С 11 декабря 1880 г. по 1 апреля 1881 г., – пишет Феррис, – она лежала в постели с головными болями, нарушениями зрения, параличом и странными периодами изменения сознания, когда она не могла выражаться грамматически правильно и объяснялась на смеси из нескольких языков».* Это описание сделано биографом, но в точном соответствии с тем, что об этом писал Фрейд. Хотя понятно, что в таком состоянии она не могла адекватно среагировать на смерть своего отца, наступившую 5 апреля. В конце 1880 г. отец чувствовал себя еще бодро, во всяком случае, речь не шла о его скорой смерти. Следовательно, тяжелый бред и галлюцинации возникли у Берты не из-за опасений за его жизнь, а по какой-то иной причине, мало связанной с его болезнью, а тем более смертью.

Нужно не знать живого, очень активного и вместе с тем своенравного характера 20-летней девушки, чтобы усадить ее на целые месяцы возле кровати больного отца. Берта была одаренным ребенком, непоседой, крайне независимым человеком. Отец был иудеем-ортодоксом, пытался держать ее в строгости, но мать разрешила ей ездить верхом на лошади – любимое ее времяпрепровождение, – ходить в театр и предаваться веселым развлечениям. Когда Фрейд сочинял сказку об ухаживании кроткой дочери за любящим и тяжело больным отцом, он сделал одну из своих типичных психологических ошибок. Берте Паппенхейм эта роль не подходит, зато подобная картина исполнена в духе писателя-фантаста Фрейда: он любил наносить трагические краски там, где они были менее всего уместны.

Таким образом, если следовать здравой логике и не пренебрегать очевидными психологическими противоречиями, имеющимися в официальной биографии отца-основателя психоанализа, то необходимо ответить на две группы ключевых вопросов, связанных с Бертой Паппенхейм и Йозефом Брейером.

1) Что заставило Фрейда уничтожить свои дневники и письма перед женитьбой на Марте Бернайс? Какие сведения не должна была знать его жена? Зачем нужно было потомкам Фрейда скрывать немалую часть эпистолярного наследия Марты? Как могло получиться, что он не был знаком с лучшей подругой и родственницей своей жены, Бертой? Почему он не ходил с Мартой, когда она навещала больную подругу? Что помешало ему непосредственно от Берты узнать о революционном методе ее лечения?

2) Почему Йозеф Брейер, лучший в городе специалист по внутренним болезням самого общего характера, в течение полутора лет занимается исключительно лечением одной истерички, между тем как истерию он считал некоторой разновидностью симуляции? Если даже предположить, что материалиста Брейера увлекла проблема истерии и этот приверженец Гельмгольца более или менее успешно провел лечение Берты, то почему он не продолжил использование найденной методики к другим пациентам? На какие средства он существовал, когда в течение длительного времени занимался исключительно Бертой?

Нам откроется совершенно иная картина, как только мы примем во внимание, что все разговоры о лечении Берты Брейером с помощью метода разговоров исходят от Фрейда, намеренно искажавшего информацию о себе и засекретившего сведения, которые могли бы прояснить ситуацию, включая письма своей жены и Брейера. Все пока пользуются фрейдовской версией событий, которая, в частности, в жизнеописании Ферриса выглядит так:

«Брейер явно был увлечен процессом лечения Берты. Позднее Фрейд в частных беседах говорил, что Брейер был не равнодушен к своей пациентке. Его жена начала ревновать, и Брейер решил завершить лечение. ... Несомненно, Брейер нравился Паппенхейм. Фрейд писал Марте в октябре 1883 г., что это угрожает браку Брейера, а Марта испугалась, что такое же может случиться с ней и Зигмундом. Он успокоил ее, отвечая: «Для того чтобы такое случилось, нужно быть Брейером»».

Если кто-то здесь и любил Берту, то это Фрейд. Много, что он сочинил о ней и Брейере, объясняется его ревностью и чудовищной мстительностью. Подобно тому, как он сочинил «историю болезни Анны О.», точно также он придумал «сон об Ирме».

4. Знакомьтесь, Фрейд

При чтении литературы по сновидениям Фрейд наткнулся на высказывания Маасе об отношении сна к бодрствованию. Тот утверждал, что *«чаще всего мы видим в сновидении то, на что направлены наши самые горячие и страстные желания»*. Будущего пионера психоанализа до того поразила эта эффектная, но в общем случае неверная мысль, что всю оставшуюся жизнь он посвятил обоснованию чужой идеи. После долгих лет раздумий Фрейд подарил человечеству «теорию» сновидений, согласно которой любой сон есть удовлетворение пусть маленькой, но мечты. Теперь, что бы ни снилось ему, он всякий раз убеждался, что именно это и является его сокровенным желанием. Приведу из книги «Толкование сновидений» сон, приснившийся однажды Фрейду, и его интерпретацию сновидцем. Данный сон, взятый из подраздела 6Ж, прекрасно показывает, кем в действительности был основоположник современной психиатрии, что его беспокоило и о чем он мечтал долгие годы.

Этому большому ученому снилось следующее:

«Возвышение; на нем нечто вроде отхожего места; длинная скамья, на одном конце большое отверстие. Весь задний край покрыт испражнениями различной величины и свежести. Позади скамейки кустарник. Я мочусь на скамейку; длинная струя мочи смывает всю грязь. Засохшие экскременты отделяются и падают в отверстие. Но на конце остается все-таки что-то еще».

Странно, задает себе вопрос большой ученый: *«Почему я не испытал никакого отвращения при этом сновидении? Как показывает анализ, только потому, что образованию этого сновидения способствовали самые приятные мысли»*. Он вспомнил о своем искреннем желании однажды откуда-нибудь сверху пописать на всё человечество.

Накануне, перед тем как лечь спать Фрейд перелистывал иллюстрации Гарнье к роману Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», где среди прочих был рисунок, изображающий, как обиженный на парижан Гаргантюа с высоты Нотр-Дам мочится на ничего не подозревающих прохожих. Не это ли «доказательство того, что я сверхчеловек»? – спрашивает себя автор. *«Площадка на Нотр-Дам, – пишет он, – была для меня излюбленным местом пребывания летом в Париже; каждый день я прогуливался там между причудливыми и страшными химерами»*. *«Только потому, что образованию этого сновидения способствовали самые приятные мысли»*, психоаналитик не испытывал отвращения.

«При анализе мне тотчас же приходят в голову, – *пишет Фрейд*, – авгиевы конюшни, очищенные Геркулесом. Этот Геркулес – я. Возвышение и кустарник относятся к местности в Аусее... Скамейка, исключая, конечно, отверстие, в точности напоминает собою мебель, подаренную мне одной благодарной пациенткой. Она свидетельствует о том, что пациенты ценят меня. Далее собрание человеческих экскрементов допускает самое невинное толкование. Как это ни странно, но это лишь воспоминание о прекрасной Италии; там, в маленьких городках ватерклозеты, как известно, устроены чрезвычайно примитивно. Струя мочи, все смывающая вокруг, несомненное указание на манию величия. Точно таким же способом Гулливер тушит пожар у лилипутов, этим, правда, он навлекает на себя немилость маленькой королевы».

По поводу своего учителя Джонс откровенно замечает:

«Его едва ли можно назвать утонченным, он также не особенно ценил тактичность, за исключением тех случаев, когда возникала необходимость щадить чувства других людей. Меня не удивляло, что незнакомый с ним человек мог временами находить его манеры даже несколько грубыми».

Биограф пытался найти этому оправдание или, по крайней мере, объяснение:

«Фрейд воспитывался в очень бедной среде, – пишет он, – где возможность приобретения соответствующего социального обучения и опыта была ограничена. В ранних письмах будущей жене он несколько раз сознавался в чувстве неполноценности по поводу того, что не приобрел должных манер поведения в обществе и не обучен искусству галантности. Однако в более зрелые годы он явно преодолел эти затруднения, и, хотя его вряд ли можно назвать светским человеком, он был способен на самые изысканные поступки, например, сделать кому-либо подарок из своей драгоценной коллекции с неподдельным изяществом, и его манеры при этом были безукоризненными. Возможно, исключение здесь может составлять лишь его привычка отхаркиваться и сплевывать, вызванная хроническим катаром и чрезмерным курением. Пациенты из западных стран, знакомые с такими манерами, могли ощущать беспокойство по этому поводу, тогда как Фрейд бранил их за подобную щепетильность».

Сам автор «Толкования сновидений» ничуть не смущаясь, вспоминал:

«Когда я утром прихожу в этот дом, у меня обычно на лестнице начинается кашель и отхаркивание; мокроту я отхаркиваю обычно на лестницу. На последней нет ни одной плевательницы, и я придерживаюсь той точки зрения, что чистота лестницы может соблюдаться не за мой счет, что и побудит домовладельца скорее приобрести плевательницу. Привратница, тоже старая, ворчливая женщина, обладающая, однако, преувеличенным стремлением к опрятности, придерживается в этом отношении другой точки зрения. Она сторожит, не позволю ли я себе снова указанной вольности, когда она уличает меня на месте преступления, я явственно слышу, как она ворчит. Обычно она несколько дней после этого со мною не здороваются, когда мы встречаемся. Накануне сновидения привратница получила подкрепление в лице горничной. Я, как всегда, торопился закончить свой визит и собирался уже уходить, когда в передней меня остановила горничная и сказала: «Доктор, вы бы вытирали ноги, прежде чем входить в комнаты. Красный ковер опять в грязи от ваших сапог». Вот несомненная причина к появлению в моем сновидении лестницы и горничной. Между моим перепрыгиванием через ступени и отхаркиванием на лестнице имеется тесная связь. Катар горла и сердечная болезнь представляются в одинаковой степени наказанием за порок курения, относительно которого я слышу аналогичные упреки от моей супруги; в одном доме со мной так же мало любезны, как и в другом; сновидение сгустило их в один образ».

Не могу себе представить, чтобы культурный и воспитанный человек мог найти хоть какие-то оправдания для этой своей «галантности». Удивляет даже не безобразная привычка, а как среагировал на замечание горничной Фрейд. Мне кажется, естественным забота любого благовоспитанного человека о чистоте обуви, а значит и пола, по которому ходишь. Высказанная Фрейдом позиция, кажется мне, совершенно нелепой и указывает не только на его неуважение к хозяевам конкретного дома, но и на его неуважение к людям вообще, на отсутствие в его характере самых элементарных зачатков интеллигентности. Между тем это – та самая черта, которая лучше всего характеризует отношение основоположника психоанализа к людям вообще. Его привычка отхаркивать и сплевывать стоит в одном ряду с его желанием помочиться на всё человечество.

Перед тем, как углубиться в чтение некоторых фрейдовских сочинений, читателю полезно держать в голове образ автора, беззастенчиво плюющего и писающего на него, только в этом случае ему будут понятны некоторые на первый взгляд странные места. Часто Фрейд откровенно издевается над теми, кто его читает; люди, неискушенные в тонкостях практической психологии, принимают его глумливые выступления за духовные откровения; видят в авторе чуть ли не родного отца и мудрого учителя. В глазах многих он выглядит, что называется, застегнутым на все пуговицы, – солидно и пристойно. Но когда начинаешь знакомиться с фрейдовскими произведениями, поражаешься откровенному бесстыдству. Создается впечатление, что автор стоит перед вами, в чем мать родила, и рассказывает о том, о чем рассказывать просто неприлично (я испытал неловкость перед родными и близкими, когда им случайно на глаза

попался текст о пятилетнем малыше Гансе). Всё это говорится для того, чтобы подготовить нашего читателя к неожиданностям, которые встретятся ему при дальнейшем чтении книги.

«Я зол на человечество» – эта фрейдовская фраза вынесена на обложку книги Пола Ферриса «Зигмунд Фрейд». Почему зол? Что плохого сделало ему человечество? Да, кто он такой, этот Фрейд? Его изображают гениальным естествоиспытателем, а почитайте-ка, что он сам о себе написал в «Толковании сновидений» (6Ж).

«Будучи молодым врачом, я долгое время работал в химическом институте, не достигнув, однако, почти никакого успеха; теперь я стараюсь никогда не вспоминать об этом неблагодарном и, в сущности, постыдном периоде моей деятельности. Между тем мне неоднократно снилось, что я работаю в лаборатории, произвожу анализы, переживаю различные эпизоды и пр. Сновидения эти большей частью неприятны, подобно сновидениям об экзаменах, и всегда очень туманны. При толковании одного из них я обратил внимание на слово «анализ», которое и дало мне ключ к пониманию. Я стал ведь теперь «аналитиком», произвожу вполне успешные «анализы», правда, не химические, а «психоанализы».

Я понял следующее: если я в действительной жизни горжусь этими анализами и хочу даже похвастаться перед самим собой, каких я достиг успехов, то ночью сновидение рисует передо мною другие неудачные анализы, гордиться которыми у меня нет решительно никакого основания... В туманном вступлении к одному из моих сновидений о работе в лаборатории я увидел себя как раз в том возрасте, к которому относится тот безрадостный и неудачный период моей медицинской карьеры; у меня не было еще должности и я не знал еще, как устроить свою жизнь; неожиданно, однако, я понял, что должен выбрать одну из двух [Берта Паппенхейм и Марта Бернайс] невест, которых мне сватают. Таким образом, я был снова молод, а главное, была молода снова она [Берта], женщина, разделившая со мною долгие годы тяжелой жизненной борьбы».

Перед этими словами Фрейд процитировал две страницы рассказа Розеггера «Чужой». В нем говорится о несчастном портном, который выполнял скучную и нелюбимую им работу подмастерья. Он злился на себя за испытываемые мучения, оскорбительные выговоры, бесполезную трату времени. Портной с содроганием думал, что *«в этом жутком однообразии проходили год за годом»*. Но вот в один прекрасный день он проснулся после кошмарного сновидения, в котором его хозяин укоризненно говорит: *«У тебя нет способности к портновскому делу. Можешь идти»*. И тут портной почувствовал какое-то облегчение. Он понял, что хозяин, в сущности, прав: портной из него никудышный. Он подошел к книжному шкафу, где стояли томики Гомера, Данте, Шекспира, Гёте и догадался, к чему у него в действительности лежит душа. Так неудачник-портной превратился в удачливого писателя.

Для Фрейда химия, физиология, гистология, практическая медицина и прочие, так называемые, рациональные науки были ненавистным портняжным делом. После женитьбы он, наконец, понял, чем ему следует заняться, – не химанализом, а психоанализом. В химическую лабораторию института он больше никогда не заглядывал. Фрейд всецело посвятил себя толкованию сновидений, в котором уже не было ни грана от ненавистной ему рациональной науки. В книге «Толкование сновидений» в разделе, посвященном абсурдным сновидениям (6E,VI), есть длинные рассуждения относительно числа 5 – разница между 1851 г., когда отец Фрейда, Якоб, женился на его матери, Амалии, и 1856 г., когда родился Зигмунд. Среди рассуждений автора попадаются и такие строки: *«Пяти лет, предназначенных для прохождения курса медицинского факультета, для меня оказалось недостаточно [Фрейд проучился вместо положенных пяти почти в два раза дольше]. Я продолжал заниматься, хотя мои знакомые и считали меня бездельником, сомневаясь, что из меня что-нибудь выйдет. Тогда я решил поскорее сдать экзамены и добился своего»*. Для более полного понимания обстановки, в которой жил и работал юный Фрейд, нужно представлять тот статус, который он занимал в институте Брюкке.

Почти во всех высших учебных заведениях существует ничтожная прослойка студентов, которых называют «вечными студентами». За счет неплохого знания жизни и самостоятельности принятия решений они где-то на старших курсах с целью подзаработать немного денег устраиваются на работу там, где учатся. Затем происходит следующая вещь. Поскольку они хорошо знают преподавателей, выполняя для них какую-то малоквалифицированную работу, им позволяется пропускать практические занятия и лекции, делаются поблажки при сдаче экзаменов, в общем, по началу их жизнь кажется райской. Но со временем они расхолаживаются и запускают учебу настолько, что отстают от общего потока однокурсников.

Именно это случилось с Фрейдом, который вместо положенных пяти учился (я не уверен, что это слово уместно здесь) восемь с лишним лет. Ему откладывали экзамены, за бездельни-

чанье не выгоняли из университета,⁷ но и диплом врача по блату не давали. Когда же он его, в конце концов, получил и надо было двигаться дальше по служебной лестнице, те же самые знакомые преподаватели не особенно спешили с присвоением ему ученых степеней. Таким образом, муки бывшего вечного студента распространились и на карьерный рост. Фрейду долго не присваивали профессорского звания; на этот счет он сильно переживал, что запечатлено и в его «Книге снов» (о задержке присвоения ему профессорского звания рассказывается в сновидении, которое является центральным для четвертой главы «Толкования сновидений»). Он злился на своих коллег, завидовал тем, кто это звание получил, участвовал в каких-то интригах, ему, естественно, мстили, оттесняли или отвечали недоверием. В итоге, звание доцента он получил в 1885 г., а профессора – в 1902 г., причем из-за этого в 1897 г. он испытал большие унижения.

Логично задать вопрос: если он учился, мягко говоря, без энтузиазма, не занимался наукой и работал спустя рукава, то чем была занята его голова в период с 1878 по 1882 г., т.е. в те самые пять лет, которые ему снились в абсурдном сне? Что думал, о чем мечтал в это время Фрейд? Это нам и предстоит выяснить в скором будущем. Далее я хочу эскизно набросать портрет Фрейда, выполненный, однако, в реалистической манере. Разумеется, квалифицированные специалисты по жизни и творчеству пионера психоанализа прекрасно знают, с кем или с чем им приходится иметь дело, но неопытные преподаватели истории психологии до сих пор рисуют иконы и поют дифирамбы этому псевдоученому. О многом рассказывалось в книге «Психология познания. Удод»; здесь я дополню его психологический портрет несколькими яркими мазками.

5. Реалистичный портрет

Джонс, согласившийся в начале главы «Характер и личность» с мнением Анны, дочери Фрейда, что ее отец был бесхитростным и простым человеком, в другом месте написал ровно противоположное. Он указал, что в поведении Фрейда

«наблюдались такие черты... для которых вполне оправданно можно было бы вместо слова «личные» поставить слово «секретные». Ибо они проявлялись и тогда, когда не было каких-либо видимых причин для уединения или сокрытия; но и тогда их сила была поистине удивительна. В целом Фрейд не был замкнутым человеком, он свободно говорил на любые темы и никогда не скрывал своего мнения. Но ему тем или иным образом удавалось создать впечатление, что допустимой темой для разговора является лишь та, которую он сам удаивал сказать относительно своей личности, и что он возмутится по поводу любого интимного вопроса. Он никогда не рассказывал своим детям о своей юности и ранних годах жизни; большую часть сведений об этом времени они почерпнули из этой книги».

О закрытости писал и Феррис:

«Даже там, где Фрейд кажется совершенно откровенным, на самом деле он скрывает или изменяет информацию о себе. Кажущаяся открытость удачно маскирует его закрытость».

В справедливости этого положения мы еще не единожды убедимся.⁸

Простота, указанная Анной, которую Фрейд, наверное, проявлял к ней, проистекала из его периодического расслабления. Непрерывное напряжение в отношении к внешнему окружению неизбежно должно было сменяться отдыхом, когда он находился в кругу семьи или близких ему комитетчиков.

---

⁷ В.Э.: Вообще «выгонять за бездельничанье» можно только в том случае, если обучение проводится за счет государства; если же обучение полностью оплачивает сам студент, то он может (при наличии денег) оплатить (раз за разом) хоть 40 семестров и учиться 20 лет – кому какое дело?! Типичные «вечные студенты» – это как раз сынки богачей, оплачивающие семестр за семестром, только пьянствующие и развлекающиеся, а экзамены, как правило, не сдающие.

⁸ В.Э.: Разговоры о «скрытности» или «открытости» Фрейда вообще неуместны и свидетельствуют о том, что авторы цитируемых сочинений плохо ориентируются в психологии. Фрейд – явная и очевидная истерическая личность (истероид-меланхолик). Как все истерические личности, он не «открыт» (каким был бы сангвиник-маниакоид) и не «скрытен» (каким бывает шизоид-флегматик), а занимается конструированием целиком всего своего «имиджа».

«Со своими близкими, – пишет Джонс, – Фрейд, естественно, расслаблялся и вел себя очень свободно. Он не был по-настоящему остроумным человеком, но обладал острым чутьем на забавные аспекты жизни, и его комментарии на любые сообщения очень часто принимали форму некой забавной мудрости, пословицы или чаще всего еврейского анекдота. Но всегда чувствовалось, что такое отношение находится под его контролем. Любезность и доступность Фрейд проявлял, когда считал это необходимым. Однако за всем этим ощущалась невидимая черта, которую неуместно было переступать, да никто и никогда этого не делал».

В общении с людьми Фрейд, как правило, не расслаблялся, держался отстраненно и сдержанно, вел свою заинтересованную игру. Иногда он как бы «слетал с катушек»: предпочитал рубить гордые узлы, чем развязывать его; шел напролом, нарушая правовые нормы и неписанные правила морали. Относя себя к избранным и держась высокомерно, он был часто несправедлив, признавал свободу только для себя, угнетая и эксплуатируя других. *«Законопослушные люди могли интерпретировать такое отношение Фрейда как чистейший произвол»*, – пишет Джонс. Морально-правовые законы существовали для кого угодно, только не для него. Он вел себя в обществе сообразно своим внутренним представлениям, мало считаясь с общепринятыми правилами общежития, и его не беспокоило то, что подумают о нем люди.⁹ Казалось, он привык, что его поведение вызывает недоумение, а речи ставят людей в тупик. Напротив, он даже стремился к определенному эпатажу, парадоксальности и необычности поведения.¹⁰ Пока окружающие находились в замешательстве, он, сохраняя полное самообладание, склонял их принять свои правила игры. Фрейд умел добиваться своего, избирательно действуя на людей, от которых действительно что-то зависело; ему всегда удавалось произвести на них хорошее впечатление при первом знакомстве. С людьми, которые были ему не нужны – ни сейчас, ни в ближайшей перспективе, – он обращался довольно бесцеремонно.

Вряд ли он до конца понимал нравственные аспекты таких негативных поступков, как подлость, лицемерие и предательство. Он вел себя, не считаясь с нравственными условностями, максимально выгодно для себя и часто наперекор объективно сложившимся обстоятельствам. В письме к Оскару Пфистеру от 9 октября 1918 г. он писал:

«... Этика мне чужда... Я не слишком ломаю себе голову насчет добра и зла, хотя в среднем нахожу в людях очень мало «добра». Большинство, согласно моему опыту, – это сволочь, исповедуют ли они вслух то или иное этическое учение или вообще никакого».

Фрейд судил о людях по самому себе. То, что его поступки не вписываются в чьи-то этические представления, его волновало мало. Он был типичным представителем шизотимиков,¹¹ поведение которых превосходно описал немецкий психолог Эрнст Кречмер.

Поступки Фрейда можно понять, если принять во внимание его мотивацию, которая никогда не касалась абстрактного блага вроде истины, красоты и добра.¹² Он всегда исходил из утилитарных мотивов, чаще всего из своих тщеславных и денежных интересов. Если та или иная его меркантильная установка приносила успех и деньги, она и была для него воплощением высшего блага. Создав вокруг себя своеобразный буфер из преданных ему людей, жизнь которых целиком зависела от него, он беззастенчиво их эксплуатировал и манипулировал ими. Поскольку

⁹ В.Э.: Беспокоило, беспокоило – и как еще беспокоило! (Оттого и хотел «пописать на всё человечество»), что оно «думало о нем не то», что Фрейд хотел, чтобы о нем думали). Но истероиды всегда выбирают какую-нибудь определенную роль своего поведения в этом обществе. По одним и тем же мотивам (беспокойство о том, что о нем будет думать общество) может быть принята роль утонченного эстета (падающего в обморок, когда кто-то харкнет и плюнет на пол или заговорит об испражнениях) – и может быть принята роль грубияна, презирающего все «условности» и нормы морали (плюющего на пол и цинично рассуждающего об испражнениях при дамах). Фрейд просто выбрал вторую роль – хотя в принципе мог бы избрать и первую, если бы в начале карьеры она посулила бы ему больший успех.

¹⁰ В.Э.: Классическая истероидная черта.

¹¹ В.Э.: У Кречмера было только два типа: ось «шизо–цикло». При таком «двухполюсном» делении часть истероидов попадают в шизотимики, а часть – в циклотимики (Фрейд действительно в шизотимики). Но лучше пользоваться более развернутой схемой с 4-мя квадрантами (четыре темперамента Гиппократы, четыре типа Павлова, Двесская типология и др.). Тогда для Фрейда есть свой квадрант: истерический, – отличный от шизоидного.

¹² В.Э.: Для настоящих шизоидов как раз абстрактные идеалы и играют главную роль. А для истерических личностей общеизвестен их крайний эгоизм и беспринципность – см. любой учебник психиатрии.

главным богатством всякого ученого являются научные знания, на почве нарушений авторского права у Фрейда с его окружением часто возникали открытые конфликты и скрытая обида. Джонс пишет:

«Ранк однажды шутливо заметил, что Фрейд делает ссылки на труды других аналитиков точно так же, как император раздает награды, – в зависимости от настроения и прихоти в данный момент. Более того, Фрейд перераспределял их. Я помню, – *вспоминает биограф*, – как он приписывал одно мое важное заключение в книге, которую он прочел, рецензенту этой книги; но в тот момент я был в немилости, а рецензент пользовался его благосклонностью».

Ум Фрейда был крайне непродуктивен: новизна его «ученых трудов» проистекала из деструкции, искажения или даже извращения кем-то высказанных идей. Большинство же его теорий является откровенным вымыслом, в основе которого лежали фантазии. Серьезные эмпирические наблюдения он не проводил, поскольку не знал, что это такое. Его взаимоотношение с пациентом походило на отношение кошки с мышкой: если больной не соглашался играть роль жертвы, врач-хищник не соглашался его анализировать. В его произведениях есть такие места, где он выставляет себя в крайне негативном свете. Это своеобразный стриптиз души психоаналитики представляют как демонстрацию им некоего субстанционального Оно, присутствующего якобы в душе всякого, но которое тщательно скрывается человеком за внешней оболочкой его Супер-Я. Введенная в «Психологии познания. Удод» категория яйности, в противоположность человеческой самости, лучше всего характеризует поступки основателя психоанализа. Всё, что от него исходит, нельзя принимать за нечто истинное и позитивное, поскольку оно предназначено для удовлетворения самых отрицательных свойств его натуры; игра, обман и обогащение носителя яйности – вот цели, в которых шизотимик не признается даже самому себе. Внешне он демонстрировал личную незаинтересованность, нарочитую объективность, жертвенность и самоотдачу. Но все его поступки были продиктованы одним – жаждой славы и материальной выгоды.

В ближайшее окружение Фрейда входило немало женщин, которые восхищались его показной решительностью, прямоотой и хладнокровием. На них производил сильное впечатление взгляд его сверлящих пронизательных глаз, способных, как им казалось, увидеть тайны человеческой души. Подружка Мелани Кляйн, Джоан Ривьер, писала:

«Наполовину всматривающийся, наполовину пронзающий насквозь взгляд из-под густых бровей указывает на его способность видеть то, что скрывается в глубине и что лежит вне границ обычных восприятий. Но в них также выражалась способность к терпеливому, внимательному изучению и к взвешенному суждению, настолько редкому, что оно было не понято многими; его хладнокровный скептицизм часто... принимали за цинизм или пессимизм. В нем присутствовал сплав охотника, идущего по нескончаемому следу, и упорного неподвижного наблюдателя, который проверяет и перерабатывает; именно из такого соединения проистекала его способность обнаружения и понимания источников чувств и поведения мужчин и женщин».

На самом же деле Фрейд очень плохо понимал людей, был крайне субъективен в суждениях; за живописным портретом, нарисованным Джоан Ривьер, зияла пустота.

Бесхитрость, о которой говорила его младшая дочка, плохо сочетается также с той щепетильностью, с которой Фрейд относился к собственной персоне. Он не выносил фамильярности, людей чуждых его духу, физических неудобств, бытовой неустроенности – всего, что усложняло и беспокоило его личную жизнь. О его благополучии заботилась масса «слуг» (в их число входила и его жена), ежедневно обеспечивая ему сытую и комфортную жизнь. Людей вообще он либо любил и ценил, либо презирал и ненавидел – других полутонов для него не существовало, поскольку он делил их на две простых категории – хорошие и плохие.

С незнакомыми людьми он держался заносчиво и неприветливо, особенно, когда находился в плохом расположении духа, а это случалось часто. Оказавшись в компании известных ему людей, он старался занять в ней центральное положение; если ему не удавалось привлечь к себе внимания, то он покидал компанию. Однако он не был масовиком-затейником или весельчаком, развлекающим праздную публику. Он мало улыбался, никогда не смеялся даже в ответ на остроумные еврейские анекдоты, которые он любил слушать и рассказывать. Его доминирующее присутствие хорошо чувствовалось в его манере говорить. Когда он начинал что-либо рассказывать своим негромким, но отчетливо слышимым голосом, все присутствующие умолкали и обращали взоры к нему. Если кто-то, увлекшись или по незнанию, продолжал говорить, он

выдерживал многозначительную паузу; неприятное напряжение заставляло умолкнуть любого болтуна.

Эту манеру держаться Фрейд приобрел с возрастом, став лидером массового движения, но по молодости он нередко проявлял раболепие, подобострастие и угодничество. Заискивающие черты особенно заметно проступали у него в отношениях с Йозефом Брейером и Вильгельмом Флиссом, а также в общении с Эрнстом Брюкке, профессорами университета, старшими по должности и всеми теми, от кого зависело его благополучие и карьера. С ними он никогда не дерзил, был внимателен и вежлив.

Для кого-то покажется неожиданным, говорит Джонс, но «Фрейд являлся плохим знатоком людей». Биограф также заметил: «Относительно одного он всегда был уверен: что у него небольшие интеллектуальные способности». Это, пожалуй, самая впечатляющая черта фрейдовской натуры, о которой редко кто сейчас вспоминает; между тем она многое объясняет в его учении. Фрейд хорошо писал, правильно говорил, знал несколько языков, был начитанным человеком (хотя его эрудицию биографы склонны преувеличивать), но его ум не был приспособлен к последовательному мышлению, а тем более к научному теоретизированию. Если быть до конца честным, то необходимо сказать: основоположник психоанализа был неумным человеком и как все беспокойные, но инициативные люди был в состоянии выдвинуть множество глобальных теорий самого нелепейшего содержания. По молодости, зная о невысоких способностях своего ума, он не проявлял большой самостоятельности в суждениях и большую часть идей заимствовал у других, но с возрастом приобрел самоуверенность, и тогда абсурдные теории посыпались как из рога изобилия.

Поразительно, что Джонс не только говорил о фрейдовской глупости, но и прямо указывал на неумное поведение венского врача-психоаналитика; это было сложно сделать, поскольку биограф сам не блистал пронизательностью ума.

«Я много раз наталкивался на то, — пишет он, — что Фрейд верил заявлениям пациента, которые, как я знал, были явно неверными, а также время от времени отказывался верить вещам, которые столь же явно были справедливыми».

Характерный пример:

«В 90-х годах он в течение нескольких лет выпитывал в себя поразительные нумерологические фантазии Флисса, и я совсем не уверен в том, что он когда-либо полностью освободился от веры в них... О доверчивом принятии им на веру рассказов пациентов о родительском совращении свидетельствуют факты, приведенные им в ранних публикациях по психопатологии... Фрейд воспринимал их рассказы серьезно, вначале верил в них буквально и лишь после долгих раздумий сделал открытие, что эти рассказы представляют собой фантазии».

Что может быть более обидным для ученого, как признание отсутствия у него способностей к теоретическому мышлению? Когда кто-то причисляет Фрейда к оригинальным и рационально мыслящим ученым, я начинаю размышлять о достоинстве ума тех, кто об этом говорит. Верно, что венский психоаналитик не был мистиком и не верил в Бога, однако это еще не повод причислять его к рационально мыслящим ученым. «Рационализм» Фрейда присущ всем расчетливым плутам, которые вознамерились погреть руки на человеческом простодушии. Как всякий мошенник, Фрейд интуитивно чувствовал реакцию людей в ответ на те или иные поступки, но разве это качество делает его глубоким психологом? Отнюдь нет, поэтому Джонс совершенно справедливо говорит о его незнании людей как объектов психологии. Фрейд знал о существовании педалей, при нажатии на которые человек становится сговорчивым. Не особенно стеснясь в выборе средств для достижения своих целей, он, не задумываясь, давил на них, когда ему было нужно. Между тем большой ум непременно сочетается со скромностью, мудрость — с великодушием, Фрейд же был хвастлив, тщеславен и ужасно мелочен. Что самое печальное, он не осознавал своего несовершенства.

Прочитую письмо Фрейда к Патнему, написанное в 1915 г.; в нем говорится:

«Я считаю, что в чувстве справедливости и внимательности к другим, в отвращении к делам, заставляющим других страдать или использующим других людей в своих целях, я могу сравнивать себя с лучшими из людей, которых я когда-либо знал. Я никогда не сделал ничего дурного или злобного и не могу обнаружить у себя какого-либо побуждения делать такие вещи, так что я ничуть не горжусь этим. ...Когда я спрашиваю себя, почему я всегда с достоинством вел себя, был готов

шадить других и быть добрым, когда только возможно, и почему я не прекратил так поступать, когда заметил, что таким образом наносишь себе вред и становишься наковальной, по которой бьют, так как другие люди грубы и не заслуживают доверия, тогда, действительно, у меня нет ответа. Так как это явно не было разумным.

В годы юности я никогда не ощущал каких-либо особых этических устремлений, а также не ощущал какого-либо заметного удовлетворения от заключения, что я лучше, нежели большинство других людей. Вы, вероятно, являетесь первым человеком, которому я признаюсь в этом. Так что мой случай можно приводить как подтверждающий Вашу точку зрения, что побуждение к идеалу составляет существенную часть наших задатков. Если бы только столь ценные задатки почаще наблюдались и в других людях!.. Почему мне, а также моим шестерым взрослым детям приходится быть абсолютно порядочными людьми, всегда оставалось для меня совершенно непостижимым».

Большого бахвальства, чем проявил автор письма, мне кажется, трудно отыскать во всем эпистолярном архиве, оставленном нам знаменитостями. Кто еще так беззастенчиво выставлял себя эталоном нравственности и непогрешимой совести? Мы еще не раз убедимся в ошибочности написанных Фрейдом слов.¹³ Прочитанное письмо может написать только абсолютно бессовестный человек, способный ради денег и славы предать кого и что угодно. Фрейдский нрав характеризуется грубыми и аморальными чертами, хотя в отношениях с некоторыми людьми, особенно женского пола, он мог притвориться участливым и благовоспитанным. Вместе с тем как раз женщин он больше всего презирал. Он позволял себе сексуальную распушенность, причем это выражалось не только на словах. В том же письме к Патнему Фрейд признается:

«Сексуальная мораль, как ее определяет общество, доводит до крайности Америка, кажется мне весьма жалкой. Я стою за несравнимо более свободную сексуальную жизнь».

Не эта ли истинная сущность фрейдовской морали, которая позволяла ему отбивать жен у своих близких друзей и коллег, в частности, Лоу Канн – у Эрнста Джонса?

Я уже говорил о том, что у него с Минной, по свидетельству Юнга, были сексуальные отношения. Лучано Мекаччи в книге «Случай Мэрилин М. и другие провалы психоанализа» упоминает даже о беременности свояченицы от Фрейда и последующем аборте. «Злые языки» напомнили планировку дома: «*в венской квартире в спальню Минны можно было попасть только через спальню Зигмунда и его жены Марты*». Приятель Фрейда врач-педиатр, Оскар Рие, говорил, что Фрейд не бросил Марту только из-за детей.

«Доступ к переписке Фрейда с Минной ограничен, – пишет Феррис. – Историк-фрейдист Питер Гэй, который одним из первых увидел их в архивах Фрейда в 1988 г., обнаружил отсутствие некоторых номеров между 94-м и 161-м в семнадцатилетний период с апреля 1893 по июль 1910 г. В тех письмах, что сохранились, ничего особенного не содержалось. Однако сексуальная связь могла бы происходить именно на те годы, в которые не хватает некоторых писем».

Известный историк психоанализа Пол Розен передал фразу Фрейда, сказанную одной из его пациенток: «*Так значит, вы верите в эту нашу мезальяжную интрижку между мной и Минной*». Еще он заметил: «*Наверное, у Йозефа Брейера, одного из первых соратников Фрейда, были действительно интересные сведения о нем, раз они останутся опечатанными до 2102 г.*» (относительно «интересных сведений» Брейера подробнее ниже).

Из этих косвенных данных трудно сделать определенные выводы, но высказанное Фрейдом презрение к общественному мнению в отношении секса является весьма показательным. Циничные психоаналитики обычно причисляют это качество к определенным достоинствам, хотя объективно родоначальника психоанализа всё равно не назовешь высококонрастным человеком. Я молчу уже о других его личных качествах; вне эротической сферы у Фрейда найдется

---

¹³ В.Э.: Ну, тут есть тонкости и нюансы... Вообще истероидные личности (каковой несомненно является Фрейд) обычно чувствуют глубинный «комплекс неполноценности» и «комплекс вины», т.е. считают себя вообще-то порочными, однако наружу эти «комплексы», как правило, проецируются компенсаторным гипертрофированным (преувеличенным) их отрицанием и утверждениями противоположного. Данные слова Фрейда больше всего похожи на такое компенсаторное поведение. Но, может быть, в данном случае он преследует еще и какие-то другие, не-психологические (скажем, денежные и т.п.) цели (я не знаю контекста письма). И, во-вторых, люди вообще, всегда склонны искренне считать свое поведение честным (оправданным) – даже тогда, когда другие находят это поведение вопиюще нечестным и несправедливым.

такое число пороков, что их с лихвой хватит на добрую дюжину плутов. Возьмите, например, его чрезмерное тщеславие, больше присущее авантюристам; или искажение и сокрытие фактов биографии – характерная черта аферистов; а также многое другое, что никак не сочетается с благородством и честностью по-настоящему нравственного человека.

6. Загадки рождения Фрейда

Читатель сочинений Зигмунда Фрейда ничего не поймет в них, если не будет знать главного факта его биографии, оказавшего колоссальное воздействие на всё его творчество, в частности, на теорию так называемого эдипова комплекса. Этот факт состоит в том, что мать Зигмунда, Амалия Натансон, родила дочь или сестру Зигмунда, Анну, не от отца, Якоба Фрейда, а от сына отца по первому браку, т.е. сводного брата Зигмунда, Филиппа Фрейда. Анна появилась на свет 31 декабря 1858 г.; в это время Зигмунду было 2,5 года, его отцу, Якобу, – 44, матери, Амалии, – 23, а сводному брату, Филиппу, – 24. Мягкий и слабохарактерный Якоб Фрейд не мог в полной мере вылить свой гнев на жену и сына, так как сам спал с няней, Моникой, жившей в доме Фрейдов, как потом написал Зигмунд, *«моей наставницей в вопросах секса»* (няня фигурирует также под именами фрау Зажик и Рези; возможно, существовало несколько бонн?) Всё это, может быть, так и оставалось семейной тайной, если бы Моника не шантажировала чету Фрейдов и не вела себя вызывающе. Она украла деньги у своих хозяев; Филипп добился суда над ней и заключения в тюрьму.

Джонс пишет:

«Вскоре после рождения сестры [Анны] неожиданно исчезла няня Зигмунда. Он узнал позднее, что она была уличена в воровстве, но не знал, что его сводный брат Филипп настоял на том, чтобы ее арестовали и посадили в тюрьму, где она провела десять месяцев».

Можно предположить, что из мщения Фрейдам няня, знавшая о связи Филиппа с Амалией, разнесла компрометирующую информацию о кровосмешении по всему городу. Фрайберг, где жила в то время семья, представлял собой небольшой населенный пункт, где проживало около пяти тысяч жителей, преимущественно чехов; евреи составляли примерно 2% от общего числа.¹⁴ Переезд семьи биографы объясняли экономическими соображениями (в крохотном городке отец не мог эффективно торговать) или желанием приобщиться к общественно-культурной жизни большого города (этот фактор тоже мог играть какую-то роль), но всё же основным толчком к отъезду Фрейдов послужил, конечно, скандал с инцестом,¹⁵ о котором быстро узнали жители городка.

От позора Фрейды бежали сначала в Лейпциг, потом в Вену. В столице Австрии когда-то жила Амалия, но в нем Фрейдов никто особенно не ждал. Они поселились на квартире человека, ранее им неизвестного, но почему-то носившего фамилию Freud. Странное совпадение, особенно если учесть, что эта фамилия встречается довольно редко, но Феррис пишет, что хозяином дома был просто однофамилец.

Еще одна семейная загадка связана с вопросом: сколько раз был женат Якоб? Одни говорят, что Амалия была его второй женой, другие – третьей. На часто публикуемой семейной фотографии 1878 г., где запечатлены 13 человек различного возраста, четыре персоны – неустановленные историками личности. Молодого человека бравого вида, стоящего в военной униформе с правого края фотографии, иногда почему-то «отрезают» от общей группы.

Отец Зигмунда, Якоб Фрейд, одновременно был дедом для детей его сына от первого брака, Эммануила, у которого было двое детей – Джон и Полина. Таким образом, первой логической задачей на сообразительность у Зигмунда была задача о родственных отношениях, которую он не мог решить в течение длительного времени. Всё сводилось к вопросу: кем Зигмунду приходилась Анна – сестрой или племянницей¹⁶? На этот неудобный для всех вопрос

¹⁴ В.Э.: Община примерно в 100 человек.

¹⁵ В.Э.: Вообще, строго говоря, инцеста не было: Амалия и Филипп не были родственниками (или были родственниками не более, чем Амалия и ее муж Якоб). Было нарушение заповедей Моисея: Седьмой («не прелюбодействуй») и Десятой («не желай жены ближнего твоего») – [Исх:20,14](#).

¹⁶ В.Э.: Одновременно и [полу]сестрой, и племянницей. Однако в этом деле есть странности: 1) Откуда всё-таки известно, что отцом Анны был Филипп, а не Якоб? Ведь анализ ДНК на отцовство не

пытливый мальчик не находил ответа до тех пор, пока ему, наконец, не объяснили, что на него лучше не отвечать.

О семейном скандале и рождении сестры Анны от любовной связи Амалии с Филиппом, маленький Зиги ничего помнить не мог. Его многочисленные рассуждения на этот счет, очевидно, основываются на рассказах близких родственников, в том числе, быть может, и самих виновников скандала; затем он что-то домысливал и искажал по методике свободных ассоциаций Людвига Бёрне. Из-за недостатка информации приверженцы фрейдовского учения эпизод, связанный с рождением Анны, относят на счет богатого воображения Фрейда. К такому типу психоаналитиков относился и Джонс, который в отношении Фрейда писал:

«Он видел себя стоящим со слезами на глазах перед сундуком, дверцу которого Филипп держал открытой. Затем его мать, красивая и стройная, т.е. не беременная, входит в комнату, по всей вероятности, возвращаясь с улицы... Дальнейший анализ показал, что сундук является символом материнской утробы и что его тревожная просьба к брату касалась не только данного конкретного отсутствия матери, но и более важного вопроса: не был ли посажен внутрь этой суперважной области еще один нежеланный брат. Филипп являлся тем, кто имел отношение к сажанию людей в «сундуки», и мальчик составил свою собственную фантазию о том, что мать и сводный брат, бывшие одного возраста, вместе сотрудничали в произведении на свет нежеланной Анны. Данное переживание имело, по всей видимости, продолжительный эффект, так как Фрейд никогда не любил эту сестру [*это как посмотреть*]. Но он явно смирился с подобными событиями, и следующие две сестры вызвали у него нежные чувства: Роза вместе с Адольфиной (Дольфи) стали его любимыми сестрами».

Под «нежеланным братом» здесь имеется в виду Юлиус, родившийся в октябре 1857 г. и умерший летом 1858 г., т.е. незадолго до рождения Анны. Причастен ли Филипп к рождению второго сына, неизвестно, как неизвестна и причина его смерти, хотя хорошо известно, что Юлиуса Зигмунд не любил, поскольку ревновал его к матери. В связи с изложением идеи эдипова комплекса и без нее Фрейд рассказывал о своей нелюбви к умершему брату, своем желании видеть его мертвым в гробу, о комплексе вины, который якобы его преследовал, и т.д. Однако не надо забывать, что Фрейду тогда исполнилось всего лишь год и семь месяцев, поэтому, если даже Зигмунд инстинктивно испытывал неприязнь к Юлиусу, взрослый Фрейд не мог помнить о переживаниях, о которых так красочно рассказывал в «Толковании сновидений» и других работах.

Что же касается смутного образа Филиппа, биограф поверил фрейдовскому маневру, именуемому механизмом вытеснения или покрывающего воспоминания, которое явилось ему в качестве невинной «фантазии». Любопытный мальчик, а тем более взрослый Фрейд, конечно, не мог не знать, что произошло в их доме. Но в 1899 г. для своей дальнейшей научной карьеры нужна была некая теория, и он решил использовать семейный скандал в качестве конкретного источника для своей концепции.

В «Толковании сновидений» в пятой главе, при раскрытии темы «Инфантильное как источник сновидений», Фрейд в «закодированном» виде рассказывает об этом эпизоде, который якобы приснился одному из его коллег. Однако достоверно известно, что в то время в окружении Фрейда не было «коллег», которые могли бы рассказывать ему сновидения на подобные темы. Почерк кодирования информации легко узнаваем; он однозначно принадлежит автору. Вот его рассказ:

«Один из моих коллег [в действительности сам Зигмунд Фрейд], который хвастался тем, что его сновидения редко подвергаются искажениям, сообщил мне, что ему недавно приснилось, будто управляющий его отца [не «управляющий», а сам отец, Якоб Фрейд] находится в постели его бонны [няни Фрейда], жившей у них в доме, пока ему исполнилось 11 лет [возраст изменен]. Место, где произошла эта сцена, пришла ему в голову еще в сновидении. Живо заинтересовавшись этим

проводился (а в данном случае даже и такой анализ мог не дать ничего, поскольку сравнивались бы гены отца и сына). Чтобы утверждать, что Амалия забеременела от пасынка, а не от мужа, она должна была длительное время (месяц, два, три...) не иметь половых связей с мужем и иметь только с пасынком. Ведь муж был сравнительно молодым – всего 44 года; он был в отъезде? или тяжело болен? Если такого длительного периода воздержания мужа не было, то строго констатировать можно было только измену Амалии с Филиппом, но не отцовство Анны. 2) Даже если беременность была от Филиппа, почему об этом знали другие дети, в частности – Зигмунд? Ведь нормально от него это просто скрыли бы. Они что – всё это за ужином обсуждали?

сновидением, он сообщил его своему старшему брату [Филиппу], который, смеясь [характерная черта Филиппа], подтвердил ему реальность этого события сновидения. Он вспоминает, что ему в то время было шесть лет [возраст изменен]. Любовники [няня и отец Якоб Фрейд] обычно напаивали его, старшего мальчика [Филиппа], пивом [шестилетнего ребенка?], когда обстоятельства складывались благоприятно для того, чтобы они могли провести вместе ночь. С младшим же мальчиком [Зигмундом], в то время трехлетним ребенком [возраст соответствует] – нашим сновидцем, – спавшим в комнате бонны, любовники не считались».

Скорее всего сам Филипп рассказал обо всех постельных сценах подростку Зиги, который живо представил, как всё это могло происходить. Много позже Фрейд описал эти свои фантазии в «Толковании сновидений», констатируя, *«что сновидения содержат в себе элементы детства, – именно в том случае, когда сновидение носит повторяющийся характер, когда то, что снилось человеку в детстве, снится ему время от времени и впоследствии»*. Эта многократная повторяемость сна убедила Фрейда, спавшего в комнате бонны, что он лично видел, как приходил отец к его няне, Филипп же лишь подтвердил якобы увиденное им во сне. Аналитик считал, что «элементы детства» сновидец может не помнить, но при правильном анализе сновидений их можно обнаружить. Он пишет:

«Если же от ясного содержания сновидения обратиться к мыслям сновидения, предстающим перед нами лишь после анализа, то мы с удивлением констатируем наличность детских переживаний и в таких сновидениях, содержание которых отнюдь не указывает на это». Он установил: «Чем глубже мы проникаем в анализ сновидений детства, тем чаще мы нападаем на следы переживаний детства, которые в скрытом содержании сновидений играют роль источников последних».

Таким образом, из неопределенной массы детских впечатлений о скандальной истории, произошедшей в семье, Фрейд создал некую теорию сновидений, которая впоследствии легла краеугольным камнем в фундамент психоанализа.

Психоаналитики со времени Фрейда придерживаются ошибочного тезиса, будто человек способен удерживать в памяти события далекого детства. В связи с этим необходимо напомнить некоторые точно установленные научные факты. Поскольку речь идет о событиях жизни ребенка до пяти лет, то большинство их он, разумеется, помнить не мог в силу несформировавшегося мозга. До пяти лет идет интенсивный рост объема мозга, увеличивается длина аксонов, возрастает степень связанности нейронов, образуется кластерная структура интеллектуальных центров, которые отсутствуют у новорожденного. Поэтому, в частности, теория Ранка, изложенная в книге «Травма рождения», и теория Грофа, изложенная в книге «За пределами мозга», противоречат биологии и физиологии мозга. То же самое касается и Фрейда: не мог он помнить в вагоне поезда обнаженную мать, когда ему было 2–2,5 года, как он написал об этом Флиссу. Правда, Фрейд в свойственной ему манере, искажил факты: из Лейпцига в Вену он ехал в вагоне поезда, когда ему исполнилось 4 года, но и этот возраст маловат, чтобы запомнить событие, ничего не значащее для детей такого возраста. Вероятнее всего, психоаналитик этот «факт» биографии просто придумал; нагую мать он видеть мог, но это произошло не раньше 5 лет.¹⁷

Вообще, источником воспоминаний его далекого детства являлась, по-видимому, мать. Каждое воскресенье он являлся к ней на обед или вечерний чай с букетом цветов. Они садились за карточную игру, которую оба любили, и мать рассказывала о детстве «маленького мавра» или «золотого Зиги», как она его называла. Эти материнские воспоминания о его детстве он впоследствии вставлял во множество своих произведений, не указывая истинного источника

¹⁷ В.Э.: Примерно с пятилетнего возраста начинается сплошная цепь воспоминаний, лежащая в основе того, что называется «личностью», «Я». Но отдельные изолированные воспоминания несомненно имеются и с более раннего возраста. У меня довольно много воспоминаний с 4-летнего и 3-летнего возраста, а самое раннее как раз может быть отнесено к возрасту 2–2,5 года. В моем случае возраст легко установить по месту события: я родился в 1946 году, вскоре после войны, во время которой дом предков сожгли; его заново отстроили и мы туда переселились, когда мне было 6 лет, а до этого семья ютилась в разных местах – везде недолго, не больше года, и по окружающей обстановке можно установить, где – и, значит, когда – это было. Самое раннее воспоминание (то, которому я дал бы возраст 2–2,5 года), это когда мы жили в школе, я сидел на горшке, вертелся на нем и, видимо, умудрился сделать лужу мимо него, за что меня (очевидно, очень уставшая) мама отшлепала так, что это стало первым эмоциональным потрясением, запомнившимся на всю жизнь. С более позднего возраста (но раньше 5 лет) помню пожар в доме (небольшой: горело одеяло), другой раз костер во дворе, себя в коляске и как меня возили по улицам...

информации. Возможно, мать делилась с ним впечатлением и о том, как он рассматривал ее, когда она переодевалась. Затем ее рассказ, за счет воображения самого Фрейда, превратился в живой образ, который он принял за свой личный опыт. Как бы там ни было, нужно весьма осторожно подходить ко всем сообщениям психоаналитиков о детских впечатлениях и переживаниях. Прежде чем обсуждать с ними теоретические моменты, необходимо удостовериться в непогрешимости источника эмпирических данных.

7. Правдоподобная версия

С психологической точки зрения ситуация, сложившаяся в семье Фрейдов, кажется на первый взгляд предельно понятной. До появления в доме Амалии Якоб Фрейд долгое время после расставания с первой женой, о которой ничего не известно, сожительствовал с няней. До рождения Зигмунда «няня» была обыкновенной домработницей, которая готовила, стирала и убирала за отцом и его двумя взрослыми сыновьями. Очевидно, Филипп, не один раз видевший отца в постели домработницы, сообразил, чем они занимаются. Чтобы сын не мешал амурным делам, отец давал ему пива в надежде, что тот уснет и ничего не услышит. Однако скрыть интимные отношения между отцом и домработницей не удалось не только от Филиппа, но и от соседей, поэтому отец был вынужден выдавать домработницу за свою вторую жену. Когда Якоб действительно вторично женился, то годами сложившиеся в доме отношения прекратились не сразу. Отец мог время от времени продолжать спать с домработницей, особенно, когда Амалия по тем или иным причинам отсутствовала. Филипп ненавидел домработницу, но ему понравилась Амалия; далее последовали события, о которых мы знаем.

Эта версия, однако, не объясняет три важных факта. Во-первых, если Якоб жил и удовлетворял свою сексуальную потребность с «няней», значащейся второй женой, то откуда взялась Амалия? Непонятно, как мог застенчивый, малоразговорчивый и безынициативный Якоб, озабоченный плохим ходом своего бизнеса, на шее которого висели два сына и домашнее хозяйство, умудриться познакомиться с хорошенькой двадцатилетней девушкой и уговорить ее выйти замуж за него. Во-вторых, почему у Якоба не родились дети от его молодой жены сразу же после женитьбы? Зачем любящим друг друга здоровым супругам нужно было ждать целых пять лет? И, наконец, в-третьих, откуда взялся устойчивый слух, будто Якоб был женат не два, а три раза?

На эти вопросы ни один биограф не отвечает, но Фрейд дает некоторый намек своим сновидением IV из подраздела 6Е «Абсурдные сновидения. Интеллектуальная деятельность в сновидении». Сон связан с пятью годами, с которыми соединены важнейшие события его жизни.

«Я получаю извещение, – *пересказывает Фрейд свое сновидение*, – от [еврейского] общинного совета моего родного города [Фрайберга] с требованием внести плату за содержание в госпитале в 1851 г. Я смеюсь над этим, так как, во-первых, в 1851 г. меня не было еще в живых, а во-вторых, мой отец, к которому это могло относиться, уже умер. Однако я иду в соседнюю комнату, где он лежит в постели, и рассказываю ему это. К моему изумлению, он припоминает, что в 1851 г. он был сильно пьян и его куда-то отвезли. Это было, когда он работал для Т. «Так ты, значит, и пил? – спрашиваю я. – И вскоре после этого женился» – Я высчитываю, что я родился в 1856 г.; это представляется мне непосредственно следующими друг за другом событиями [т.е. между женитьбой Якоба на Амалии и рождением Зигмунда не прошло пяти лет]».

Далее Фрейд анализирует это сновидение, которое является «покрывающим воспоминание», т.е. заслоняет другое событие его биографии; оно, в свою очередь, покрывается новым воспоминанием и т.д., в частности, за образом отца всплывает Мейнерт, который любил выпить. Но здесь следует важная оговорка Фрейда:

«То, однако, что я в этой части сновидения замещаю Мейнерта своим отцом, объясняется не аналогией, проводимой мною между ними, а тем лаконическим, но вполне достаточным описанием условного предложения в мыслях, скрывающихся за сновидением, которое в более пространной форме гласит: «Да, если бы я был сыном профессора или гофрата, я бы, наверное, скорее пошел вперед». В своем сновидении я и делаю отца профессором и гофратом. Наиболее яркая и странная абсурдность сновидения заключается здесь опять-таки в том, что мне 1856 г. представляется равнозначным с 1851 г., как будто разница в пять лет не имеет никакого значения. Но именно эта часть мыслей, скрывающихся за сновидением, и должна найти себе выражение».

Здесь нас выручает любовь Фрейда к нумерологии: он верил в магию чисел и, в частности, опасался числа 5. Психолог стеснялся пяти лет, прошедших с 1851 по 1856 г.; он многое бы отдал, чтобы этого разрыва в годах не существовало. Муж Амалии – только Якоб, он гнал от себя мысль, что его мать целых пять лет была невестой Филиппа. «Сводный брат не планировался стать моим отцом», – снова и снова повторяет про себя Фрейд. Его голова была устроена таким образом, что сказанное им слово тут же превращалось в реальное событие, а придуманный образ – в факт биографии. Он, как малое дитя, успокаивал себя занижением реального временного отрезка. «Подумаешь, пять лет!» – говорил себе психолог. Свое презрение к этому ничтожному периоду он выражает пренебрежением к пятилетнему сроку обучения в университете. Над ним смеялись, что вместо пяти лет он проучился более восьми. «Ну, и что с того?» – задает он вопрос своим обидчикам.

Фрейд говорит о вселивии сна над сновидцем:

«Мы констатируем тот факт, что в этом сновидении полемика ведется открыто и что отец является тем лицом, которое служит мишенью иронии». «Абсурдный характер этого сновидения отчасти вызывается тем, что в нем сопоставлены без посредствующих переходов отрывки из различных мыслей, лежащих в его основе. Так, фраза «Я иду к нему, в соседнюю комнату и т.д.» оставляет тему, связанную с предыдущей частью сновидения, и в точности воспроизводит ситуацию, при которой я сообщил отцу о своей помолвке. Цель этой фразы – убедить меня в благородстве, которое проявил отец в той ситуации, в противоположность отношению ко мне других лиц. Я замечаю, что сновидение потому вполне иронизировать над отцом, что в мыслях, лежащих в его основе, он ставится в пример другим. Всякой цензуре присуще то, что о запретных вещах можно скорее говорить неправду, нежели правду».

Главная мысль этого абзаца: над отцом Зигмунда, Якобом Фрейдом, «иронизировали», но он проявил «благородство». Два этих термина подсказывают выход из запутанной ситуации, которая сложилась накануне рождения Зигмунда. Реальное положение дел, видимо, было таким. Амалия Натансон появилась в доме Якоба все-таки благодаря Филиппу, который был с ней обвенчан в течение пяти лет – с 1851 по 1856 г. Фрейд в связи с этим пятилетним сроком вспоминает себя: «в течение этого же времени я был женихом своей невесты», т.е. Марты. В 1856 г. Якоб переспал с Амалией, которая зачала Зигмунда. Как это произошло, мы не знаем; возможно, их связь произошла под воздействием алкоголя, возможно, нет, да это сейчас и неважно. Филипп, естественно, отказался жениться на ней, но отец по настоянию еврейского общинного совета Фрайберга, проявив «благородство», женился на невесте своего сына, чтобы не позорить ее, хотя и оказался в довольно щекотливом (точнее, «ироническом») положении. В течение некоторого времени в доме Фрейдов, очевидно, происходили беспорядочные половые контакты: отец продолжал спать с «няней», а Филипп – со своей прежней невестой, Амалией.

Можно предположить, что Юлиус тоже стал плодом сексуальных связей между Амалией и Филиппом, а возможно, и жертвой: легко недоглядеть за ребенком, когда он нежеланный. Как бы там ни было, следующий факт является достоверным: в конце 1858 г. родился еще один ребенок, Анна, отцом которой был всё тот же Филипп. Ситуация стала нетерпимой, еврейская община города возмутилась. Филипп обвинил «няню», «безобразную чешку» и «вторую жену» Якоба, в краже денег, чтобы избавиться от нее отца и сделать Амалию его третьей женой.

Поскольку «няня» жила в доме Фрейдов много лет, маловероятно, чтобы именно на момент скандала она решилась совершить свою первую кражу. Если она готовила на всю семью и вела хозяйство, т.е. выполняла функции экономки, то, наверняка, она постоянно имела дело с деньгами Якоба, близкого ей человека. Скорее всего, кража послужила Филиппу – человеку низких моральных качеств – лишь поводом или даже оговором, чтобы избавиться от ненавистной ему домработницы и его фактической мачехи.

Такой ход событий позволяет ответить на все три вопроса, поставленных ранее, а также объяснить гиперсексуальность Зигмунда Фрейда, передавшуюся ему по наследству от гиперсексуальных родителей. Фактическая же сторона дела выглядит следующим образом: первая жена Якоба, мать Филиппа, умерла (о ней ничего неизвестно); «вторая жена» выполняла функции домработницы и няни (Якоб находился с ней, как сейчас говорят, в гражданском браке); а третья

жена – Амалия, мать Зигмунда; она же – бывшая невеста Филиппа, который и привел ее в дом.¹⁸ Семья Фрейдов предпочитала называть Амалию второй женой Якоба, чтобы «воровку» няню вычеркнуть из своей памяти, а вместе с ней и неприятные воспоминания о скандале во Фрайберге.

После скандала Якоб обоих своих сыновей, Филиппа и Эммануила, отправил в центр текстильной промышленности город Манчестер, где у него, по линии торгового бизнеса текстилем были какие-то связи. Но еще до отъезда в Англию Филипп дал «первичное сексуальное образование» Зигмунду, о чем тот рассказал в «Покрывающих воспоминаниях», вышедших незадолго до выхода «Толкования сновидений». Первую работу о себе автор хотел скрыть от общественности, так как в ней он туманно намекает, как в юные годы он влюбился и мастурбировал. Вторую работу Фрейд по методу свободных ассоциаций Людвиг Бёрне зашифровал более надежно – это необходимо было сделать, так как в ней рассказывалось о самых интимных и темных сторонах его несправедливой жизни. Удивительно, что «Толкование сновидений» во всем мире пользуется огромной популярностью и расходуется миллионными тиражами, ведь первое и самое главное сновидение Фрейда о пациентке Ирме, никто из читателей совершенно не понимает. Автор бесконечно дорожил и гордился этой книгой, поскольку в ней находится ключ от секретной шкатулки, в которой хранится рецепт, как стать великим психиатром, не обладая соответствующими способностями.

Филипп был исключительно испорченным молодым человеком. Через десять лет после первого скандала, связанного с рождением Анны, разразился второй семейный скандал, связанный на сей раз с выпуском фальшивых русских рублей. В Лондоне ему удалось наладить выпуск 150-рублевых купюр и переправлять их за границу, в Австрию. Филипп сплавлял напечатанные им деньги через брата Якоба, Иосифа Фрейда, переехавшего в Вену вскоре по прибытию туда отца Зигмунда Фрейда. Иосифа арестовали в июне 1865 г. при попытке сбыть 18 тысяч фальшивых рублей; суд состоялся в Вене в феврале 1866 г.; Иосиф получил 10 лет тюрьмы. И хотя следы его преступления явно вели в Англию, всю вину он взял на себя, чтобы не ставить под удар Филиппа и других родственников. Исследователям биографии Фрейда удалось выяснить, что на деньги, которые получал Якоб от своего бизнеса текстилем, невозможно было обеспечить безбедное существование большой семьи в малознакомом столичном городе. Вероятнее всего, что его семья какое-то время жила на криминальные деньги, а торговля текстилем осуществлялась для отвода глаз, выступала в качестве прикрытия.

Первый вопрос, который здесь возникает: почему печатались именно русские деньги? Их изготовление предполагает наличие определенной связи с Россией, так как технология, бумага и краски для печати фальшивых купюр в кустарных условиях должны иметь всё же российское происхождение. Ведь не могли же Филипп и Иосиф взяться за дело без соответствующей предварительной работы; им явно кто-то из россиян передал технологию и материалы. Тогда, кто из Фрейдов был связан с Россией теснее всего? Ответ однозначен – Амалия Натансон, бывшая невеста Филиппа. Ее детство прошло в Одессе, два ее брата остались в этом городе. Известно также, что много лет спустя после всех скандалов, в 1883 г. Якоб Фрейд ездил в Одессу к родственникам Амалии в поисках денежной поддержки для своей семьи. Таким образом, весьма вероятно, что мать Зигмунда Фрейда причастна и ко второму скандалу.

Филипп – страшный человек. Якоб Фрейд об Иосифе говорил: он не дурной, но дурак; о Филиппе можно сказать противоположное: он дурной, но не дурак. В работе «Покрывающие воспоминания» Фрейд присвоил имя Филиппа мальчику, который рассказывал трехлетнему Зигмунду (возраст явно занижен), как и откуда берутся дети. Себя автор изобразил в виде «человека с университетским образованием». Однако, говорит Феррис, Зигфриду Бернфельду, последователю Фрейда, удалось доказать, что под «образованным человеком» скрывается сам основоположник психоанализа. Тут и доказывать нечего, а вот текст книги «Толкование сновидений» автор закодировал на совесть. Фрейд не захотел, чтобы его аморальные желания и поступки стали известны широкой общественности. Вообще, я бы сравнил печатание всех «научных» сочинений Фрейда с печатанием фальшивых денег, осуществленным Иосифом и Филиппом. Для обывателя они выглядят привлекательно, но реально никакой научной ценности

---

¹⁸ В.Э.: Здесь всё-таки непонятно одно: если Амалия была женой Филиппа, то почему у нее не было детей от него, а если не была женой, то почему жила в доме Филиппа (странно, что жених и невеста – давно в половом отношении созревшие – живут 5 лет в одном доме – в котором-то почти что всего одна комната! – и не имеют никаких отношений!).

не представляют. Это же надо суметь, свою индивидуальную напасть (я о сексе) выдать за философскую основу всего человечества.

8. Берта, Полина и Гизела

Осенью 1865 г., вскоре после ареста Иосифа, Зигмунд Фрейд поступил в гимназию Леопольдштадта. Феррис поясняет географию тогдашней Вены: первое жилье Фрейдов

«находилось на другом берегу Дунайского канала, напротив Леопольдштадта, еврейского квартала к северо-востоку от центра Вены. Они жили у Фрейда-однофамильца, винокура. Вскоре они переехали на противоположный берег, в сам Леопольдштадт, и стали жить между каналом и рекой. В этом районе, от которого рукой подать до центра города, были красивые дома, а на одном его конце, за железнодорожной станцией и сортировочной, находился Пратер, венский парк».

В главе 9 «Лечение разговором», посвященной пациентке Анне О., Феррис напоминает:

«Берта родилась в Леопольдштадте в феврале 1859 г., т.е. приблизительно в то время, когда Фрейды приехали туда вместе с трехлетним Зигмундом [неточность: четырехлетний Зигмунд приехал в Вену летом 1860 г.]. Правда, Фрейды снимали квартиру, а Паппенхеймы жили в особняке. Позднее Паппенхеймы переехали на другую сторону канала, в Девятый округ [Фрейды жили во Втором]. Что знал Фрейд об их прошлом, нам неизвестно».

И не удивительно, добавлю я, поскольку Фрейд намеренно уничтожил все следы, которые хотя бы косвенно связывали его с очаровательной девочкой по имени Берта.

Еврейский квартал Леопольдштадт – небольшой по площади, все друг друга более или менее знали или, во всяком случае, видели. Трудно сомневаться в том, что Фрейд до знакомства с Брейером никогда не видел Берту Паппенхейм.¹⁹ Он скорее не обратил бы внимания на свалившийся с неба астероид, чем на симпатичное существо женского пола. Берта выделялась среди детей и красотой, и умом. Феррис пишет:

«Ее светское образование, которое, скорее всего, продолжалось до 16 лет, включало современные языки, потому что кроме немецкого она знала английский, французский и итальянский. Она ездила верхом на лошади, посещала концерты и театры и в общем вела светский образ жизни, про который впоследствии говорила, что он состоял из скучных пустяков, служащих для того, чтобы «убить время»».

Я предполагаю (далее постараюсь обосновать), что Фрейд с юных лет превосходно знал ее, любил пламенной любовью, «анализировал», когда еще никто из психотерапевтов не называл обыкновенную беседу с пациентом термином «психоанализ», а потом на протяжении многих и многих лет следил за ней, злился и мстил.

Хочу обратить внимание на общность интересов Берты и Зигмунда в языковой сфере. Они оба владели несколькими иностранными языками, чтобы наслаждаться чтением французских романов, книг эпохи Возрождения и Просвещения, богатой английской поэзией. Ведь в то время переводной литературы существовало немного. Чтобы читать Золя и Мопассана, надо было знать французский; чтобы наслаждаться поэзией Байрона, требовалось выучить английский; и вообще, чтобы свободно чувствовать себя в высшем обществе, нужно было освоить несколько европейских языков. Берта, Марта и Фрейд прекрасно с этим справились. Иностранные языки диктовали общие интересы, единообразный стиль поведения, сориентированный на пребывание в высшем свете. Некоторое исключение составляла, быть может, Марта. Иностранных языков (по крайней мере, в таком объеме, как остальные) она не знала, светских развлечений немного тяготилась, предпочитая тихую домашнюю обстановку, где можно спокойно посидеть за чтением томика стихов Байрона, Бёрнса, Скотта или Мильтона (она предпочитала английскую поэзию); сама немного сочиняла стихи и присылала их из Гамбурга в Вену Зигмунду.

Фрейд превратил сексуальность в некую абстрактную категорию психологии. Но чтобы представить его чувства, которые он мог испытывать к Берте, нам необходимо понять, как он относился к практической сексуальности. В связи с этим уместен вопрос: какое самое первое и

¹⁹ В.Э.: «Трудно согласиться, что не видел» или «Трудно сомневаться, что видел»...

важное событие в сексуальном плане случилось в жизни Фрейда? Официальные биографы, отвечая на него, указывают на Марту. Но это неверный ответ; с самого начала в указанном смысле он к ней относился довольно прохладно, а после рождения Анны сексуальные отношения с Мартой и вовсе прекратились. Уже в августе 1893 г. они спали порознь. Первым и наиболее важным событием в его жизни в указанном смысле является потеря целомудрия, когда он из мальчика превратился в мужчину. По сути, Зигмунд при непонятном участии Джона изнасиловал свою племянницу Полину.

В связи с этим Джонс пишет:

«Любовная [правильнее сказать, сексуальная] привязанность к ней проявляется в одном из его покрывающих воспоминаний, вытеснившим бессознательную фантазию о том, что они вдвоем с Джоном ее насиловали. Фрейд сам рассказывал, как вместе с племянником подвергал жестокому обращению эту девочку, и можно предположить, что такое обращение включало в себя некий явно либо неявно выраженный эротический компонент. «Охота вдвоем» служит первым признаком того, что сексуальная конституция Фрейда была, в конце концов, не исключительно мужской; «охотиться парами» – значит делить собственное удовольствие с кем-либо другим того же пола».

Действительно, из биографии Фрейда мы узнаем, что он испытывал гомосексуальные чувства к Флиссу, который отвечал ему взаимностью. Возможно, Джонс на себе почувствовал гомосексуальную склонность своего патрона, поскольку биограф, как Юнг, Ранк и другие приближенные к Фрейду, причислялся к «приемным сыновьям», а патерналистские чувства в большой «семье» Фрейда, где чтили культ царя Эдипа, имели сексуальный оттенок. А вот что касается Джона, я сомневаюсь, чтобы он выступал на стороне Зигмунда из-за ссоры с ним.

Свое изменившееся отношение к Джону Зигмунд выразил в «Толковании сновидений»:

«Как это ни странно, но я действительно однажды играл роль Брута. Вместе с моим племянником, мальчиком всего на год моложе меня, я в возрасте 14 лет разыграл сцену между Брутом и Цезарем. Племянник этот приехал к нам в то время из Англии. Он воскресил в моей памяти игры нашего раннего детства. До трех лет мы были с ним неразлучны, любили друг друга, и эта дружба оказала свое несомненное влияние, как мне пришлось уже раз упоминать, на все мои позднейшие отношения к сверстникам. Мой племянник Джон претерпел с тех пор много перевоплощений, которые воскрешали то одну, то другую сторону его существа, неизгладимо запечатлевшегося в моей бессознательной памяти. По всей вероятности, он нередко злоупотреблял нашей дружбой, а я со своей стороны тоже отваживался восставать против своего тирана, так как мне часто потом рассказывали, что на вопрос отца – его деда: «Почему ты поколотил Джона?», – я ответил: «Я поколотил его, потому что он меня поколотил».

Автор «Покрывающих воспоминаний» не называет имена детей – участников происшествия, но Феррис твердо заявляет: «Мы знаем, что этими детьми были сам Фрейд и его племянник Джон, девочка – это сестра Джона, Полина, а происходило всё это во Фрайберге». Действительно, после переезда в Вену в своем родном городе Фрейд побывал дважды – в 1871 и 1872 гг., когда ему исполнилось 15 и 16 лет (таким образом, возраст 14 лет указан неточно). Возраст от 7 до 14 лет считается возрастом детства, или *пуритатным* (*pueritia*); возраст от 14 лет и выше, когда юноша достигает половой зрелости, называется *пубертатным* (*pubertas*). Такова принятая юридическая градация, но психоаналитики ввели свою шкалу, в которой разделительная черта половой зрелости опускалась до отметки в 10 лет. Причем Фрейд в письме к Флиссу от 8 октября 1895 г. сообщал, что ребенок и до пубертации может иметь сексуальные сношения, но при этом половые акты являются «обязательной причиной» истерии.

Как бы там ни было, летом 1871 г. между Зигмундом и Полиной, вероятно, имел место самый настоящий половой акт. Такое заключение можно сделать после тщательного анализа нескольких мест в «Толковании сновидений» и «Покрывающих воспоминаниях», где так или иначе говорится об этом памятном для Фрейда событии. Оно не связано с нежным поцелуем или обниманием; это было именно сексуальное насилие, которое никак не назовешь дерзкой игрой или хулиганством. В любом случае, если любовная игра проходит с применением *vi aut clam* (*грубой силы или обманным путем*), то в уголовном праве оно квалифицируется как *crimen raptus* (*изнасилование*). Возможно, психика Фрейда находилась в состоянии *delirium*, при котором лицо, совершающее преступление, не воспринимает его адекватным образом, но в данном виде преступления такое состояние, как и алкогольная или наркотическая интоксикация, не является смягчающим обстоятельством.

Добавление, сделанное 9 июня 2012 года

Один из моих посетителей²⁰ написал: «Относительно Фрейда у меня вопросов к Вам нет; его учение представляет собой очевидные глупости, хотя в отношении личности самого Фрейда, будь я присяжным заседателем в жюри, я по некоторым Вашим обвинениям (таким, например, как изнасилование племянницы) вынес бы вердикт 'not guilty', что означает не то, чтобы он этого не делал, а что нет всё-таки достаточных доказательств, что он это делал».

Сегодня вспомнил, «чтобы понять психологию типичного фальсификатора», я сам однажды написал в подобном ключе: «Вероятно, для вынесения обвинительного приговора фальсификатору судья почитает его [т.е. мой вывод] не достаточно доказанным. Однако для покупателя, рискующего своими кровно заработанными деньгами, он окажется вполне убедительным» (речь шла [о подлинности портретов Нефертити](#)). Таким образом, в подобных обстоятельствах, когда важная информация намеренно была искажена, нужно делать акцент не на юридической или даже математической строгости доказательства, а на едва уловимом чувстве морально-психологического характера, когда мы доверяем или не доверяем человеку. Судье или нашему оппоненту это внутреннее убеждение не передашь.

Венский врач-авантюрист чрезвычайно успешно шифровался, о чём я не раз и не два писал. На первый взгляд, изложенные Фрейдом сновидения выглядят очень ненадежными источниками его биографии. Но в действительности сновидения не были настоящими. Они служили литературным приемом, с помощью которого он доносил читателю сокровенную информацию о себе. Чтобы через них почувствовать, что мы имеем дело всё-таки с реальными событиями, нужно как следует вжиться в образ автора. Это не всегда удается сделать при первом чтении даже прекрасно написанной книги, не такой скверной, как моя.

Помимо сказанного, существует набор фактических данных, не связанных со «сновидениями» или так называемыми свободными ассоциациями Фрейда, который делает событие на одуванчиковой поляне в высшей степени достоверным. В частности, известно, что «летом 1875 года его [Зигмунда] отец, выполняя данное двумя годами ранее обещание, отправил Фрейда в Манчестер, в дом его сводного брата. Этот визит задумывался как своего рода западня. Родители Фрейда питали надежду, что их юный сын влюбится в Паулину, дочь Филиппа, и таким образом сын останется в семейном ткацком деле, в мастерской, принадлежащей сводному брату. Но ловушка не сработала...» (Касафонта Х.Р. «Зигмунд Фрейд», 2006, с. 33–34).

Напомню, что отец Фрейда впервые женился в 17 лет на Салли Коннер, о которой ничего не известно (В. Лейбин «Зигмунд Фрейд: психоаналитический портрет» М: МПСИ, 2006, с. 14). Подозреваю, что с отцом поступили так же безнравственно, как потом он поступил в отношении своего сына. Через насилие родители женили своих детей до того, как они осознали, что и почему с ними произошло. Видимо, имущественные и денежные интересы старших членов рода Фрейдов ставились выше личных предпочтений детей. С их чувствами не считались, детей использовали в качестве решения жизненных коллизий и они, конечно, не были свободны в своем выборе.

На странице 26 Лейбин говорит о таинственной Ребекке, второй жене Якоба Фрейда (на момент женитьбы в 1852 году ей было 32). Амалия Натансон – его третья жена. Весьма вероятно, что первоначально она была невестой Филиппа, но позже еврейская община из каких-то своих меркантильных интересов решила выдать эту молодую девушку за пожилого отца Филиппа.

---

²⁰ В.Э.: Это я; см. {[POTI-6](#)}. В своем Добавлении (т.е. в ответе мне) автор напирает на то, имел ли место описанный половой акт между 14-летним Фрейдом и его племянницей. В этом-то, пожалуй, можно не сомневаться (во всяком случае я не сомневался, когда писал свое 'not guilty'). Но вопрос состоит в том, имело ли место событие, которое нужно квалифицировать как изнасилование (т.е., действие, попадающее под статью Уголовного кодекса и, в принципе, должное повлечь за собой наказание в виде тюремного заключения). Воспринимала ли племянница всё это именно как изнасилование (подобно, например, Кате Афониной в фильме «Ворошиловский стрелок» – привожу именно этот пример потому, что на днях снова пересмотрел это чудесное творение Станислава Говорухина). Считала ли племянница, что ее изнасиловали, что она ненавидит насильников и что готова писать заявление в полицию и посадить их в тюрьму, – если бы только знала, как это сделать? (А если этого не было, то это и не изнасилование: ну, туда-сюда, с большей или меньшей грубостью неопытного 14-летнего пацана, с большим или меньшим сопротивлением девицы, в конце концов посчитавшей, что «всё нормально»... Именно здесь лежит граница между изнасилованием и «по обоюдному согласию»). Вот, не доказано, что произошло именно изнасилование, и приводимые автором доводы о том, что всё это происходило по решению семейного рода Фрейдов, отнюдь не подкрепляют версию изнасилования.

Конкретные мотивы такого шага (разумеется, гипотетического свойства) мною были высказаны, хотя существовали соображения и общего плана, заключающиеся в традициях этого семейства.

Если в данном роду были приняты браки по расчету, не выходящие за границы рода, то, весьма вероятно, что и Амалия Натансон была назначена ее родителями женой Якоба Фрейда. Теперь у них обоих была веская причина подтолкнуть сына Зигмунда к носильному сближению с племянницей Полиной (Паулиной). Испанский биограф представил данное событие пристойно: *«Родители Фрейда питали надежду, что их юный сын влюбится в Паулину»*. На самом же деле, всё выглядело отвратительно. Судя по описанию, сделанному Фрейдом, насилие происходило в виде детской шалости, на глазах у родителей и брата Полины. Во время этой сексуальной игры Зигмунд получил негативный сексуальный опыт, который довлел над ним в течение жизни. Наверняка, Фрейд описал всё, как было; приукрашивать события в момент своего катарсиса он бы не стал.

О насилии над племянницей рассказывается также на страницах:

[Призрак Берты Паппенхейм](#)

[Преобразование Берты в лошадь](#)

[Добавление к моим книгам и статьям о Фрейде](#)²¹

и в других местах. Беря во внимание всё сказанное здесь о Фрейде, надеюсь, к читателю придет уверенность того, «что он *это* делал».

* * *

Всякий, знающий психологию молодых людей типа фрейдовской, никогда не поверит, чтобы здоровый, приятной наружности, очень темпераментный молодой человек не влюбился бы в какую-нибудь обаятельную девушку. В связи с этой темой фрейдоведы обычно указывают на Гизелу Флюс – его первую романтическую любовь. О сексуальной связи с Полиной в героических жизнеописаниях родоначальника психоанализа обычно ничего не говорится, но в «Толковании сновидений» мы наталкиваемся на ее следы неоднократно; зато в официальных биографиях мы обязательно найдем описание первой любви Фрейда к Гизеле Флюс, но в «Толковании сновидений» о ней нет и намека. Почему? Попробуем разобраться.

В первый раз после отъезда в Вену Фрейд побывал во Фрайберге по настоянию своих родителей, которые отправили его туда на летние каникулы. Там, на своей малой родине, случилось еще одно знаменательное событие: он влюбился в сестру своего друга, Эмиля Флюса. Отец Эмиля, Игнац Флюс, как и отец Зигмунда, Якоб Фрейд занимался текстилем; главы двух семейств были дружны; Зигмунд во время пребывания во Фрайбурге жил в доме Флюса. О своей любви к Гизеле Флюс Зигмунд вскоре после каникул отправил своему другу Эдуарду Зильберштейну витиеватое послание, из которого следует, что сексуальных отношений между Зигмундом и Гизелой не было. В шуточной форме он писал: «зная мой характер, ваша честь совершенно справедливо может предположить, что я не приближаюсь к ней, а сдерживаюсь».

Об этой шуточной манере писать надо сказать отдельно. В письме к Марте от 7 февраля 1884 г. Фрейд писал:

«Зильберштейн сегодня снова навестил меня, он очень расположен ко мне, как и раньше. Одно время мы были закадычными друзьями. Нас объединяли ни спорт, ни взаимная выгода, а только бескорыстная потребность общаться друг с другом. Мы проводили вместе всё время, свободное от школьных занятий. Вместе изучали испанский, придумывали загадочные истории и таинственные имена, почерпнутые из книг великого Сервантеса. В нашей хрестоматии по испанской литературе мы нашли рассказ, герои которого – две собаки. Расположившись перед дверью госпиталя, они вели между собой философско-юмористический диалог. Мы решили присвоить себе их имена – так они нам понравились... Вместе мы создали научный кружок, шутливо назвав его «академия»».

Эту «академическую» манеру писать и изъясняться Фрейд никогда не оставлял. Ему нравилось вводить людей в заблуждение. Более того, он сам никогда не знал, где кончается шутка и начинается правда жизни. Об этой фрейдовской черте характера мало кто помнит, но нельзя понять его творчество, если забыть о Фрейде как актере и выдумщике, постоянно разыгрывающем своего собеседника или читателя. Тот, кто примет сказанные им слова за чистую монету, окажется с носом.

---

²¹ В.Э.: Первые две ссылки – это на главы настоящего тома ниже (20 и 21); третья – это {OJAK4}.

Много позже, в 1899 г., в «Покрывающих воспоминаниях» Фрейд в «академическом» стиле писал о Гизеле следующее:

«Это были мои первые каникулы в деревне [во Фрайберге]... Мне было семнадцать лет [на самом деле 15 лет], дочери моих хозяев – пятнадцать [13 лет], я сразу же влюбился в нее. Впервые в моем сердце поселилось столь сильное чувство, но я держал его в строжайшем секрете. Спустя некоторое время девушка уехала обратно в свой колледж, она, как и я, приезжала домой на каникулы, и эта разлука после столь короткой встречи еще больше обострила мою ностальгию по местам моего детства. Часами напролет бродил я в одиночестве по вновь обретенным мною прекрасным лесам, строя воздушные замки, но мое воображение уносило меня не в будущее, а в прошлое, представляя его в розовом свете. Если бы в моей жизни не было этого ненужного переезда [в Вену], если бы я остался жить в родном краю, если бы я рос на этой земле, если бы я стал таким же сильным, как местные парни – братья моей возлюбленной, если бы я унаследовал дело своего отца, то, в конце концов, я женился бы на этой девушке, потому что она обязательно ответила бы взаимностью на мое чувство! Естественно, я ни минуты не сомневался в том, что и в тех условиях, которые рисовало мое воображение, я столь же пылко любил бы ее, как и в действительности... Я точно помню, что в первую нашу встречу на ней было надето желтое платье, и долго еще этот цвет, случайно попав мне на глаза, заставлял учащенно биться мое сердце».

Основная мысль автора работы 1899 г. состояла в том, что неприятные события, как, например «сексуальная агрессия», в сновидениях и грезах покрываются, или маскируются, приятными фантазиями: Полина заменяется Гизелой, насилие над ней – веселой игрой; в памяти всплывает солнечный луг, устланный желтыми одуванчиками, вспоминается ароматный вкус свежее испеченного хлеба, который ему давала какая-то деревенская женщина. Впоследствии положительный образ Гизелы ассоциировался у него с цветами, Флорой, гербарием, желтым цветом, а Полина, у которой юный Зигмунд крал цветы, была воплощением «дефлорации», ее негативный образ всячески подавлялся и вытеснялся в бессознательную область. Приятные фантазии покрыли и кровосмесительную связь между Амалией и Филиппом. Вместо преступного полового акта они «сотрудничают» в деле появления сестренки Анны, беременный живот матери замещается симпатичным сундучком, дверцу которого открыл Филипп. Иногда из-под этого покрывающего образа прорываются страшные видения, например, Фрейду неожиданно являлась беременная мать, бьющая себя по животу. Но, в общем, на протяжении всей жизни действуют механизмы маскировки и подавления (репрессии) неприятных воспоминаний. Одна из основных идей книги «Толкования сновидений», которую автор пытался доказать в том числе и на примере сновидения об Ирме, заключается в том, что все сновидения так или иначе воплощают наши желания, а мечты не могут быть нам неприятны. Этой во многом надуманной схеме, порождающей произвольность и субъективность толкования событий, автор следовал всю свою жизнь. Но сейчас нас больше интересует не теоретический вопрос, а биографический.

Совершенно понятно, что Гизела, не была его «дамой сердца». «Ихтиозавр» – так ее называл Зигмунд – была его мимолетным юношеским увлечением. Когда он в 1971 г. жил в доме Флюсов, его потянуло к этой девочке-подростку, он вспылал к ней любовью. Уехав из райского «Эдема» – так он называл Фрайберг, который всегда любил больше, чем Вену, – Фрейд начал мечтать о новой с ней встрече. Через год он приехал к ней вновь, но, увы, понял, что ошибся: ее милый образ, который он рисовал в Вене, не отвечал реальной Гизеле. Во второй приезд его что-то оттолкнуло от нее, и он никогда больше к ней не приезжал. Феррис пишет, что Фрейд однажды

«говорил, как прекрасен ее орлиный нос, длинные черные волосы, четко очерченный рот и темная кожа, но это тогда, когда ее не было рядом. И даже это звучало скорее как выражение вежливости, чем страсти. Единственные слова о ней были написаны лишь три года спустя, в 1875 г., когда она уже давно была для него потеряна».

Вместе с сестрой Гизела приезжала в Вену в канун Рождества 1875 г., спустя месяц после Рождества Фрейд даже танцевал с ней.

Следует также вспомнить, что в этот год 19-летний Зигмунд ездил в Англию (очевидно, на деньги своих сводных братьев), где проживал в доме Эммануила в пригороде Манчестера, т.е. вместе с Полиной и Джоном. О чем они могли говорить, сложно представить, но в письме к Эдуарду Зильберштейну он написал, что Полина – «красавица», а Джон – *«англичанин во всех отношениях, со знанием языков и техники, значительно превосходящим обычное образование*

бизнесмена». Филипп в 1873 г. женился на *«умной и приятной женщине»*. Очевидно, неприятный инцидент с Полиной как-то урегулировался, жизнь наладилась и пошла своим чередом. Это ведь только в романах ставится точка на трагическом или счастливом моменте. Люди, особенно если они родственники, приспособляются, что бы между ними не происходило.

В «Психологии познания. Удод» уже рассказывалась история возникновения метода свободных ассоциаций. Первоначально этот метод представляет собой литературно-художественный прием, предложенный Людвигом Бёрне для написания бестселлеров. Суть метода состоит в том, чтобы записывать всё, что приходит в голову, а затем литературно обработать пришедшие случайные мысли. Книгу Бёрне Фрейд подарил в первое посещение Фрайберга, хотя и до 1871 г. он прекрасно владел методом свободных ассоциаций, когда он в роли пса Сипиона, а Зильберштейн – в роли пса Берганза вели философско-юмористическую переписку на испанском языке. Осенью 1875 г. Фрейд написал Зильберштейну на «академически-собачьем» языке письмо, в котором рассказал, как Гизела, его первая любовь, вышла замуж за некоего Розенцвейга. На самом деле ничего подобного не происходило, никакого Розенцвейга не существовало. Гизела вышла замуж только спустя пять лет за человека по фамилии Поппер. Но тот, кто не знает шутилой манеры Фрейда (Сипиона) и Зильберштейна (Берганза) мог бы принять за правду, будто из Гизелы вышла чудесная домохозяйка (*«Ловко режет она селедку»*). На самом же деле Фрейд на своем символическом языке пользуясь методом свободных ассоциаций дал понять другу, что ставит на Гизеле крест: *«Теперь я похоронил магический жезл, способствовавший ее обучению, и пусть начнется новая эра, без тайных сил, без потребности в поэзии и фантазии!»* Переписка двух школьных друзей прекрасно демонстрирует, как легко фантазировал Фрейд, подменяя реальные события вымышленными. Слова Шекспира *«жизнь – театр, а люди в ней – актеры»* были для него принципом существования. По своему желанию он сочинил пьесу под названием *«Жизнь и творчество Зигмунда Фрейда»*, которая имеет мало общего с одноименной книгой, написанной Джонсом.

В 1878 г. большая семья Флюсов вместе с Гизелой переехала в Вену на постоянное местожительство. Кажется, что романтика кончилась, началась проза. Так, во всяком случае, представляют жизнь Фрейда официальные биографы. Но мы знаем, что наукой будущий основоположник психоанализа интересовался мало. Десять дней спустя после помолвки с Мартой, т.е. 27 июня 1882 г. Фрейд ей писал: *«Моя милая невеста, я вырвал несколько листов из моей расчетной книги, чтобы написать тебе во время эксперимента, который провожу»*. Далее в шутивно-театральной форме он пишет:

«Большой науке я сделаю серьезный комплимент, если скажу: «Высокая наука, я остаюсь Вашим покорным слугой, Вы внушаете мне глубокое благоговение, но, не считите меня безнравственным, Вы никогда не смотрели на меня по-дружески, никогда не говорили мне утешительных слов. ...Я знаю другую Даму, которую ценю больше, чем Вас, и она стократно вознаграждает меня за служение ей»».

За игровой формой надо суметь увидеть и правду фрейдовской жизни, которая просвечивает сквозь многие случайно брошенные им фразы, например, такой: *«хотел еще что-то сказать, но мой изначально глупый сосед втянул меня в беседу о солях ртути. Да осудит его Бог за это»*.

Фрейд постоянно находился в состоянии влюбленности, но кого он любил между Гизелой и Мартой, т.е. в промежутке между 1878 и 1882 г.? Утверждать же, что в это время Фрейд никого не любил так же нелепо, как и сказать, что в это время он ничего не ел и не пил. Фрейдоведы о «даме его сердца» хранят полное молчание.

9. Тайна знакомства с Мартой

Когда и при каких обстоятельствах Фрейд познакомился со своей будущей супругой, ничего определенного сегодня сказать нельзя. В традиционных биографиях излагается версия, изложенная Джонсом. Чтобы добраться до истины, нам нужно знать о событиях буквально по дням. В седьмой главе «Помолвка» он пишет:

«Однажды вечером в апреле 1882 г. Марта и, очевидно, ее сестра Минна навестили семью Фрейдов. После работы Фрейд обычно торопился домой, чтобы, уединившись в своей комнате,

погрузиться в книги. Но в этот раз он задержался при виде веселой девушки, очищавшей от кожуры яблоко и весело болтавшей за семейным столом. Ко всеобщему удивлению, он направился не в свою комнату, а к столу. С первого же взгляда на девушку он влюбился. Однако в течение нескольких недель вел себя сдержанно и загадочно с ней... В последний день мая [31 мая, среда] они впервые разговаривали друг с другом наедине, бродя, держась за руки, по склонам горы Каленберг».

Как Марта со своей сестрой Минной оказалась в доме Фрейдов, объяснить можно. Марта и Минна приходились сестрами Эли Бернайса, который сдружился с сестрой Зигмунда, Анной Фрейд. Можно предположить, что на момент встречи Марты и Зигмунда отношения между Эли и Анной были вполне прочными. Сестры Бернайса, видимо, хорошо знали Анну Фрейд, иначе, зачем бы они пришли? Такое объяснение на первый взгляд кажется приемлемым.

Далее биограф пишет:

«На следующий день [1 июня], прогуливаясь с Мартой и ее матерью по Пратеру, он столь подробно расспрашивал девушку о ее жизни, что дома она рассказала об этом своей сестре Минне и спросила: «Что ты об этом думаешь?» И получила довольно язвительный ответ: «Со стороны господина доктора очень любезно уделять нам так много внимания».

8 июня Фрейд застал Марту за работой над нотным альбомом для ее двоюродного брата Макса Мейера и заключил, что опоздал со своими ухаживаниями. Но всего пару дней спустя [10 июня, суббота] она была с ним очень мила, и, гуляя в Мёдлингском саду, они нашли вдвоем миндаль... Теперь тяготение друг к другу было явно взаимным, и в первый раз у Фрейда появилась надежда. На следующий день [11 июня] она послала ему испеченный собственноручно пирог, чтобы Фрейд «препарировал его»...

Спустя еще два дня, 13 июня, она обедала с его семьей, и он завладел фотокарточкой с ее именем в качестве сувенира; поняв этот жест, она под столом коснулась его руки... На следующий день [14 июня], в среду, она снова написала ему несколько строк, которые, однако, он получил лишь в субботу [17 июня], в день их помолвки. Еще через день [15 июня] они отправились на прогулку, сопровождаемые ее братом [Эли], и она сказала Фрейду, что сорвала для него в Бадене цветущую ветку липы, которую подарит ему в субботу [17 июня]. Ободренный этими новостями, Фрейд, который уже получил разрешение писать ей в Гамбург и привилегию называть ее по имени, попытался расширить ее до интимного «Du» («ты»). Поэтому, придя домой, он написал ей первое письмо, застенчивое, робкое и тщательно продуманное, прося ее о данной привилегии.

В ответ на это письмо во время их встречи в субботу [17 июня] в его доме Марта подарила ему кольцо, которое ранее было передано ей ее матерью. Оно было для нее велико, а Фрейд носил его на своем мизинце. Вскоре он заказал для нее точно такое же кольцо, только меньшего размера, так как боялся, что в ее семье заметят пропажу. Спустя месяц он написал ей следующее письмо: *«Сейчас у меня к тебе трагически серьезный вопрос. Ответь мне честно и искренне, не любила ли ты меня меньше в 11 часов в прошлый четверг, или в тот момент ощутила ко мне раздражительность больше обычного, или, возможно, была, как поется в песне, «неверна» мне. К чему такие церемонные и вроде бы неумные вопросы? Просто появилась возможность покончить с предрассудками. В тот момент, о котором я спрашиваю тебя в письме, мое кольцо разбилось в том месте, куда вставлена жемчужина. Должен признаться, что мое сердце не испытало скорби, я не был охвачен тяжелыми предчувствиями, что наша помолвка ни к чему хорошему не приведет, а также не испытал никакого тяжелого подозрения, что в тот момент ты как раз пыталась забыть обо мне. Все это ощутил бы чувствительный человек, но моей единственной мыслью было, что следует починить кольцо и что трудно избежать подобных инцидентов».*

Это случилось, когда знакомый хирург пытался помочь Фрейду справиться с ангиной; из-за острой боли Фрейд ударил костяшками пальцев по столу. А в этот самый момент Марта занималась не чем иным, как поеданием куска пирога. Довольно достоверно известно, что во время очередной ангины это кольцо опять разбилось, и на этот раз жемчужина была потеряна. Спустя год Марта подарила ему новое кольцо, также с жемчужиной. Фрейд же смог купить ей обручальное кольцо лишь в декабре 1883 г. (это было довольно обыкновенное кольцо с гранатом)».

В 1968 г. во Франкфурте вышла книга под названием «Письма к невесте», которую подготовил сын Фрейда, Эрнст. В нее входит 35 писем из 900 написанных Фрейдом Марте с 1882 по 1886 г. Марта написала Фрейду 600 писем. В 1994 г. в Издательстве «Московский рабочий» вышел русский перевод сборника «Писем к невесте»; перевод сделала С.В. Лайне. Сборник открывается письмом Фрейда от 10 июня 1882 г., что сразу же входит в противоречие с тем, о чем рассказывал Джонс. По его версии, Фрейд написал первое письмо Марте 15 июня 1882 г. Содержание письма от 10 июня заставляет усомниться в справедливости всего, что написал

Джонс. Создается впечатление, что это письмо составлено из двух частей, написанных в разное время. В первой части читаем:

«Вена, 10 июня 1882 г. [т.е. за неделю до помолвки].

Моя дорогая, горячо любимая девочка!

...Не могу осознать глубину своих чувств. Твой нежный образ неотступно стоит предо мной. Это сладкая греза, солнечная мечта, и я боюсь отрезвления. ...И это при первой встрече пленило меня...

Если мы встретимся снова, я смогу преодолеть робость и некоторую натянутость в наших отношениях. Мы вновь окажемся одни в Вашей милой комнатке, моя девочка опустится в коричневое кресло, а я сяду у ее ног на круглую скамейку, и мы будем общаться друг с другом».

Вторая часть:

«Моя дорогая невеста! Если я не решался раньше связать твою судьбу с моей и разделить не только радость, но и суровое несчастье, если я должен тебя все-таки увезти, то позволь это сделать теперь. Постарайся забрать у твоих любимых родственников все фото, на которых ты еще ребенок. Мне думается, я смогу сохранить старые фотографии, которые принадлежат твоей матери ...

Позволь мне знать о твоих нынешних отношениях (деловых, дружеских). Это даст мне возможность легче перенести твое отсутствие. Используй пребывание в Гамбурге для укрепления своего здоровья... Твой Зигмунд. Минна передала мне сердечный привет через Шёнберга».

В первой части Фрейд говорит о «первой встрече» и «робости», обращается к Марте на «Вы». Данный стиль вполне отвечает нежным отношениям, установившимся между влюбленными после их нескольких встреч. Во второй части автор письма назвал Марту уже «невестой», причем четко дает понять, что «раньше» он колебался, но «теперь» «решился» и готов «увезти» ее от родителей. Зачем-то он просит передать ему часть семейного фото-архива с изображениями Марты.

Я предполагаю, что сын Фрейда не читал биографии Джонса и публиковал письма отца по своему усмотрению. В архиве отца первым «письмом к невесте» стояло письмо от 10 июня, оно и открыло сборник. Однако это письмо отец «отредактировал»: первая часть, вероятно, написана им позже; первоначальный текст он уничтожил; вторая часть подлинная и освещает реальные события тех дней. В частности, после того, как он решил жениться на Марте, одновременно он захотел уничтожить следы от Берты. Все фотографии, на которых Марта изображена вместе с Бертой, он собирался сжечь. Жених просил невесту сообщать ему обо всех «деловых» и «дружеских» контактах. Тот, кто знаком с психологией Фрейда, знает, что в какой бы глубокой депрессии он ни находился, он никогда не терял контроль над окружающими. Так, спустя всего десять дней после помолвки он настойчиво попросил невесту о следующем одолжении: *«Позволь мне все-таки знать, что пишет обо мне Эли»*.

Из содержания письма мы отчетливо понимаем, что оно посылалось Марте, находящейся в Гамбурге. Это в корне противоречит версии Джонса. Автор письма просит свою «невесту» позаботиться о своем здоровье. Фрейд всегда опасался за свое здоровье и здоровье близких, включая Марту. Вот характерный пример его заботы: лучший на то время друг Фрейда и жених Минны, Шёнберг, заболел туберкулезом. 6 августа 1885 г. Фрейд писал Марте, что он имеет вид *«бескровный, худой, тихий и почти бездыханный»*. *«Я считаю его обреченным»* и тут же: *«твои сини круги под глазами потрясли меня больше, чем печальное состояние бедняги Шёнберга. Когда я приеду, то зацелую тебя»*. На следующий год он умер.

Обратим внимание и на последнее предложение письма от 10 июня. Минна передает через Шёнберга, которого Фрейд знал с детства, «сердечный привет». Как могло получиться, что Фрейд никогда не видел Минну и ее сестру Марту? Ведь Минна была невестой Шёнберга. Да и Эли, брата Минны и Марты, Фрейд знал, похоже, давно. В том же письме мы читаем:

«Это письмо, любимая моя Мартхен, я написал не сразу. Эли и Шёнберг были вчера и сегодня вечером у меня; вчера кроме них было еще несколько девушек. Чтобы не возбуждать никаких подозрений, я казался обходительным, компанейским, хотя охотнее остался бы наедине с тобой. ...Помню прощанье с тобой на вокзале и твой последний привет. А сегодня услышал от Эли известие о твоем приезде, о котором страстно мечтаю...».

Таким образом, 10 июня Эли сообщает Фрейду о приезде Марты из Гамбурга. Зачем она приезжает в Вену? Чтобы обвенчаться с Фрейдом? Разумеется, нет, иначе она сообщила бы о своем приезде не только брату, но и непосредственно Фрейду. Кроме того, мать Марты, как выясняется позже, настроена к Фрейду резко отрицательно. Она запрещает Марте встречаться с ним, для чего, собственно, и увезла ее в Гамбург. Следовательно, поехать в Вену она могла по какой-то независимой от Фрейда причине. Хорошо известно также, что обмен обручальными кольцами произошел тайно от нее. На это указывает, в частности, и тот факт, что вся переписка между Мартой и Фрейдом велась по условленным адресам. Об этом рассказывает Джонс, но кое-что можно понять и из письма 27 июня 1882 г.

«Почему ты думаешь, – пишет Фрейд Марте, – что адрес, по которому ты теперь написала письмо, бросается в глаза. Здесь это наиболее удобно, или ты думаешь, что этот адрес бросается в глаза именно в Вандсбеке? Твое письмоцо пришло из Берлина... На конверте – почтовый штемпель Гамбурга. Вандсбек так близко от Гамбурга?»

Такая конспирация вполне в игровой манере Фрейда, но в данном случае она была введена из-за матери Марты, которая противилась сближению своей дочери с безалаберным молодым человеком, каким она считала Фрейда. Однако Джонс в процитированном нами отрывке утверждает, будто Фрейд вместе с Мартой и ее матерью прогуливался по городскому парку, мило беседуя о жизни, что противоречит ситуации, сложившейся на июнь 1882 г.

Итак, мы можем констатировать: Джонс изучал хронологию знакомства Фрейда с Мартой по каким-то другим источникам и не согласовал свою версию событий с летними письмами, приведенными в сборнике Эрнста Фрейда. По словам биографа, Марта всю весну находилась в Вене, но в конце июня отбывала в Гамбург. Если же верить письму от 10 июня, то получается, что весной она находилась в Гамбурге, а в июне на короткое время приезжала в Вену. Зачем она приезжала, нам и предстоит выяснить.

О фотокарточке, доставшейся Фрейду якобы 13 июня, в письме от 10 июня тоже идет речь. Но она уже висит у него над рабочим столом среди «домашних богов». Любуясь изображенной на ней Мартой, автор письма задумал недоброе, для чего попросил невесту прислать ему все ее детские фотографии, хранящиеся у матери. Из шести писем к невесте, написанных в 1882 г., которые помещены в книгу, изданной Эрнстом Фрейдом, тема обручальных колец всплывает в письме, посланном из Гамбурга. Процитированное Джонсом письмо показывает, что Фрейд был крайне суеверным человеком. Из письма от 23 июля мы узнаем, что подаренное Мартой кольцо было «драгоценным сувениром на память» о ее бабушке Исааке Бернайсе (об этом Джонс ничего не говорил).

Таким образом, письма, опубликованные сыном родоначальника психоанализа, полностью разрушают официальную версию знакомства его отца с его матерью. При чтении письма от 10 июня создается впечатление, что упомянутые в нем лица – Марта, ее сестра Минна, ее брат Эли и жених Минны, Шёнберг – хорошо известны Фрейду. Автор письма передает положение дел на тот момент, который не соответствует ситуации, описанной Джонсом. Из письма однозначно вытекает, что Фрейд раньше испытывал какие-то колебания в отношении помолвки, но вот, наконец, решился и просит у Марты то, чего никогда бы не посмел просить парень, только что познакомившийся с девушкой: он просит передать ему детские фотографии. Однако весь настрой письма, упомянутая просьба, факт нахождения Марты в Гамбурге, ее предстоящий приезд в Вену и хорошее знание упомянутых в письме лиц прекрасно согласуется с абсолютно иной версией событий, которая учитывает существование большой подруги Марты, Берты Паппенхейм.

10. Фрейд показывает когти

Джонс всегда представлял Фрейда неким бесполом существом, который думает только о науке, но из письма от 27 июня 1882 г. мы уже знаем, что «высокая наука» у него была на втором месте после любви, так как наука никогда не смотрела на него «по-дружески» и не говорила «утешительных слов». Не надо обладать большой проницательностью, чтобы заметить фрейдовскую тягу к женщинам и его агрессивность, если кто-то препятствует ему в этом. Можно уверенно сказать, что биограф Фрейда в амурных делах сильно заблуждался или намеренно вводил читателя в заблуждение. В начале седьмой главы он писал:

«...Фрейд впервые испытал любовные муки в 16-летнем возрасте. Его увлечение было чистой фантазией, так как никаких взаимоотношений с предметом его любви – Гизелой Флюс – не было. По всей видимости, Фрейд не испытывал ничего подобного до самой встречи с Мартой, т.е. около десяти лет. В одном из писем к ней он говорит, что никогда не обращал внимания на девушек, а теперь сильно платится за свое пренебрежение. Судя по всему, Фрейд не испытывал и особого физического влечения к женщинам».

Действительно, в письме от 7 февраля 1884 г. Фрейд написал: «*Раньше не было никого, теперь есть ты, единственная*». Однако подобному заявлению из уст «Дон Жуана» не следует придавать большого значения. Рассказ Джонса о соперниках Фрейда разрушают иллюзию, которую биограф сам же и создал.

«Фрейд ревновал Марту, – пишет Джонс, – к ее двоюродному брату, к которому она питала некогда привязанность. Эта ревность подпитывалась одной из его сестер, довольно злобно сообщавшей ему, какой восторженной была Марта по отношению к некоторым песням, написанным и спетым для нее Максом. Затем Макс привел Фрейда в ярость, заметив, что Марта нуждается в любви, так что без труда найдет себе мужа! ...Вскоре Макс отошел в тень из-за более опасной фигуры. Этим «соперником» являлся на сей раз не посторонний для Фрейда человек, а его близкий друг, Фриц Вале. Макс был музыкантом, а Фриц художником, что вызвало у Фрейда озабоченность. Фрейд имел свое мнение об их способности нравиться барышням, и ему действительно однажды сказали, что Фриц имел репутацию человека, способного увести любую женщину от другого мужчины».

Согласно процитированному отрывку, Фрейд ревновал Марту сначала к музыканту Максу, затем к художнику Фрицу. Но когда эти два ухажера встали на пути у Фрейда? Биограф пишет:

«Фриц был помолвлен с кузиной Марты, Элизой, но долгое время являлся близким другом Марты, появившимся с ней в свете и помогавшим разрешить различные ее проблемы. Их отношения были чистыми и дружескими, и лишь однажды она позволила ему поцеловать себя. Более того, это случилось в тот самый день, когда Фрейд и Марта, держась за руки, гуляли по склонам горы Каленберг. Этот неприятный эпизод был позднее передан Фрейду его другом Шёнбергом, которого Фрейд заставил рассказать ему всё, что он знал об отношениях Фрица и Марты».

«За работой над нотным альбомом» Фрейд застал Марту 8 июня, а гулял он с ней «по склонам горы Каленберг» 31 мая. Получается, что в первый же день встречи Фрейда с Мартой парень потребовал от девушки полной и безоговорочной преданности, запретив ей встречаться с бывшим ее другом? Подобный ход событий опять-таки плохо вяжется с предложенной Джонсом версией знакомства отца-основателя с будущей спутницей жизни. Давайте проследим детально за борьбой внутри любовного треугольника – Фрейд, Фриц и Марта.

Из жизнеописания Фрейда вдруг выясняется, что отношения между Фрицем и Мартой не были просто «чистыми и дружескими», а вполне страстными и любвеобильными. Они переписывались, и жених «*находил тон их переписки неподобающим и непонятным*». По всему видно, что он внедрился в теплые отношения между Фрицем и Мартой.

«Шёнберг, – пишет Джонс, – организовал встречу «соперников» в кофейне для прояснения всех вопросов и восстановления их дружбы. Фриц вел себя более чем странно. Он грозился сначала застрелить Фрейда, а затем себя, если Фрейд не сделает Марту счастливой. Фрейд, находясь в благодушном настроении, в ответ громко рассмеялся. Тогда Фриц нахально заявил, что если он напишет Марте письмо, советуя ей расстаться с Фрейдом, то она его послушает».

Фриц так и сделал: написал письмо, в котором фигурировали словосочетания вроде «любимая Марта» и «вечная любовь». Фрейд понял, что его шансы завоевать сердце Марты, не столь высоки, как он думал раньше. У него zakралось подозрение, ревность и, конечно же, всепоглощающая жажда мести. Он писал:

«Тот человек, который вызвал у меня слезы [а дело дошло и до них], должен очень много сделать, прежде чем я прощу его. Он больше не является моим другом, и горе ему, если он станет моим врагом. Я сделан из более прочного материала, чем он, и, если нас сравнить, ему станет ясно, что он мне не ровня. Что касается его вмешательства между мной и Мартой: «*Guai a chi la tocca*» [«Горе тому, кто тронет ее»]. Я могу быть безжалостным».

Кто здесь «вмешивается» – Фриц или Фрейд, – это еще вопрос. Но Фрейд действительно умел ненавидеть, и был смертельно опасен для своих врагов. Джонс выхватил из письма к Марте характерную для основателя психоанализа фразу, которая прекрасно передает степень тогдашнего его ожесточения и безрассудства.

«Когда мне в голову, – пишет Фрейд, – приходит воспоминание о твоём письме к Фрицу и о дне, проведенном нами на горе Каленберг, я теряю всякий контроль над собой, и, будь в моей власти уничтожить мир, включая нас с тобой, и дать ему возможность начать сначала – даже рискуя, что он не сотворит ни Марту, ни меня, – я сделал бы это не колеблясь».

Эти угрозы действительно были не шуточными. Но самое интересное, что вся эта эпопея с Фрицем происходит в июне месяце. Затем, 17 июля 1882 г., Фрейд неожиданно срывается с места и выезжает на десять дней в Гамбург. Об этом факте нам сообщает всё тот же Джонс, который добавляет некоторые странные подробности:

«Фрейд намеревался скрыть от всех свою поездку в Вандсбек. Это было довольно трудно сделать. Так он намеревался сообщить Эли, что отправляется пешком в то место, которое эвфемистически называется Саксонской Швейцарией; однако там предполагалась дождливая погода, что лишало его рассказ правдоподобия. В Вандсбеке он остановился в почтовом отеле. Он собирался здесь встретиться с Мартой, но так, чтобы ее родственники ничего не заподозрили. Прошли дни отчаяния, прежде чем Марте удалось вырваться из дома. «В таких вещах женщины намного умнее мужчин», – говорил Фрейд позднее. Их немногие встречи были очень счастливыми, и по возвращении в Вену Фрейд писал, что запасся силой на сотню лет. Вероятно, именно тогда он предложил Марте установить годичный испытательный срок для их отношений; она отвергла эту идею одним словом – «чепуха». Фрейд явно проверял ее и позднее говорил, что если бы их отношения остались холодными и рассудительными, они определенно расстались бы навсегда».

Похоже, что биограф Фрейда находился в растерянности, когда писал процитированный фрагмент. Он изложил свою версию событий, причем довольно в уверенном тоне, хотя из нее ровным счетом ничего нельзя понять. Джонс цитировал письма Фрейда, которые сегодня нам не доступны. Сын Фрейда, Эрнст, не ориентируясь на Джонса, опубликовал письмо своего отца, написанное якобы в Гамбурге 23 июля 1882 г., которое резко контрастирует с только что произошедшими событиями. Прежде чем привести из него фрагменты, необходимо сделать некоторые разъяснения.

Фрейд – игрок и обманщик, его стратегия – мутить воду и ловить в ней рыбу. Он оставил после себя около 10 тысяч писем и десятки томов путаных сочинений. Те, кто видел в нем большого ученого, находили в этом материале подтверждения своего видения ситуации. Но в действительности Фрейд был аферистом, и этому существует гораздо больше подтверждений. Джонс, не учитывая кошачьи повадки Фрейда, часто выступал в роли мышки, с которой забавлялся его учитель. Имея в руках обширный массив бумаг, он искал в нем подтверждение, что объект исследования является образцовым ученым, однако это далеко от истины. Скрывая неблагоприятные поступки, Фрейд вбрасывал в свой объемистый архив сочиненные им впоследствии тексты, замаскированные под письма. Письмо из Гамбурга как раз и было такой фальшивкой. В отличие от предыдущего раздела, ниже цитируемое письмо не опровергает напрямую предложенную Джонсом версию борьбы Фрейда со своим соперником за любовь Марты. Приводимый в нем текст предназначен только для отвлечения биографов от имевших место реальных событий. Я предполагаю, что Фрейд в то время не был в Гамбурге, поскольку Марта должна была сопровождать свою больную подругу в Крёйцлинген. Таким образом, гамбургское письмо – ложный огонь маяка, который автор зажег, чтобы корабли исследователей его биографии разбились о скалы. Оно является классической фальшивкой; таких фальшивок родоначальник психоанализа изготавливал тысячами. По образцу этого письма потом писались такие книги, как «Толкование сновидений» и «Анализ фобии пятилетнего мальчика». Приведем фрагменты гамбургского письма.

Фрейд пишет:

«...Вспоминаю первые дни нашего знакомства. Признаюсь, я сразу же влюбился в маленькую девочку и неожиданно для себя оказался в Гамбурге. Помнишь, ты прислала мне кольцо... В голову лезли мрачные мысли, казалось, никого не смогу полюбить. Меня осенила грустная мысль: не любит

ли она другого, а, может, другие без ума от нее [намек на Фрица]. Вот с таким умонастроением я приехал в Гамбург...

Моя любимая из семьи ученых – и занимается она сейчас писательством, т.е. в данное время неутомимо пишет мне письма, как и я. Естественно, ей приходится тратить небольшие деньги на почтовую бумагу. Мне тоже. И вот для моей любимой прилежной девушки я выбрал такую бумагу, на которой она может писать только мне – в этом и состоит мой деспотизм. Внутри каждого листа бумаги – по моей просьбе – гравер великодушно поставил монограммы «М» и «З» – начальные буквы твоего и моего имени. Таким образом, эту почтовую бумагу можно использовать только для общения со мной».

Несколько странноватая конструкция предложена для письма, адресованного непосредственно к «маленькой девушке», но это не главный аргумент против подлинности текста. Удивляет другое: старый (74 года) еврей-гравер по имени Натан с Адольфплац стал рассказывать Фрейду о еврейских обычаях. Естественно, возникает вопрос: зачем автор, обуреваемый чувством ревности, пишет обо всем этом своей возлюбленной? Будто предвидя этот вопрос, Фрейд спрашивает Марту: *«Но нужно ли всё это рассказывать тебе, моя любимая?»* Создается иллюзия, что мы имеем дело с подлинным письмом тех беспокойных дней. Однако в дальнейшем автор явно увлекся сюжетом придуманного им спектакля, так что обман становится очевидным. Он начал во всех подробностях пересказывать свой диалог с гравером, который касался событий, связанных с дедом Марты, Исааком Бернайсом (1792–1849). Здесь настораживает одно обстоятельство опять-таки психологического характера.

Дело в том, что Фрейд был эмоциональным человеком. Оказавшись в незнакомом городе, он страстно делился новыми впечатлениями, которые непременно появлялись у него от всего увиденного. Гамбургское письмо ничем не напоминает, что послание пишется именно из незнакомомого города, куда впервые попадает автор письма. Возможно, чтобы рассеять указанное подозрение, автор искусственно вкладывает в уста гравера фразу: *«Я охотно показал бы тебе город [Гамбург]»*, однако гравер тут же, сославшись на уважительную причину, отказывается от этой затеи, что только усиливает подозрение.

Название «Адольфплац» Фрейд мог знать заранее или, наоборот, услышать позже, когда писал «покрывающий» текст. Но и отсутствие информации, связанной с новыми впечатлениями о городе, не самый веский аргумент против подлинности письма. Удивляет отсутствие эмоционального накала, который отвечал бы возбуждению автора от причин приезда и необычного местопребывания. Пресный тон письма не согласуется с чувствами любви и ревности, испытываемыми в то время Фрейдом. На это можно дать два различных ответа: либо первоначальное письмо было переполнено эмоциями, полученными автором от пребывания в Гамбурге, и от него пришлось избавиться, либо автор в тот момент, вообще, не был в этом городе. Имея в виду проблему с Бертой Паппенхейм, я склонен отдать предпочтение второму пункту.

Несколько слов о фразе *«в этом и состоит мой деспотизм»*. Фрейд – деспот, диктатор, тиран. Марта испытала это на себе. В письме от 29 августа 1883 г. он писал ей: *«я все-таки должен сказать, что замечаю в себе такой деспотизм, что мне страшно тяжело это переносить, это угнетает меня. Ты-то хорошо его знаешь, но если, несмотря на это, все-таки любишь меня, то я счастлив»*. В девятой главе книги «Личная жизнь» Джонс тоже цитирует характерную строчку из какого-то его письма: *«Я все еще имею внутри себя нечто дикое, которое пока что не нашло какого-либо должного выражения»*. Этими словами я хотел бы освежить память читателя относительно резкого нрава родоначальника психоанализа, особенно по молодости. В данном же письме фрейдский деспотизм – действительно нечто ужасное и невыносимое – выливается в какую-то свою карикатуру; это настораживает.

Названием «Гамбург» автор надежно сбивал с толку своих биографов. Содержание «покрывающего» текста также способствовало дезориентации, которая оказалась слишком избыточной, что только привлекло внимание. Вот часть диалога, состоявшегося якобы между Фрейдом и гравером:

«Раньше в Гамбурге и Альтоне [район Гамбурга], – говорит гравер, – была одна еврейская община, позднее она разделилась. Религиозным образованием занимались раввины, уже давно осевшие в Германии. Пригласили мы известного тогда раввина Бернайса, незаурядную личность. Этот человек и занимался нашим духовным воспитанием. Был ли он уроженцем Гамбурга? Нет, он приехал из Вюрцбурга. Наполеон I в свое время послал его туда учиться. Он прибыл сюда, в Германию, совсем молодым человеком, но до тридцатилетнего возраста он жил не здесь.

– Знали ли Вы его семью? – поинтересовался я [Фрейд].

– Конечно. Я рос вместе с его сыновьями – и напомнил два имени: Михаэля Бернайса в Мюнхене и Якоба Бернайса в Бонне.

– Да, – подтвердил он, – но был еще и третий сын, который жил в Вене. Он умер там. При жизни он всё время был как бы в тени по сравнению с братьями. Я тоже знал его. Богатая натура отца удачно воплотилась в детях».

Далее Натан рассказывает более подробно об Исааке Бернайсе и трех его сыновьях. Пусть бы гравер что-то и знал о старом раввине, умершем более тридцати лет назад. Но он почему-то отследил, в каком городе живет каждый из трех сыновей, чем он занимается, и даже сообщил Фрейду о смерти отца Марты, произошедшей всего 2,5 года назад. Теоретически такое возможно, но практически маловероятно, чтобы некий гравер знал такие подробности о семье. Эта вероятность еще уменьшится, если учесть, что столь осведомленного человека Фрейд нашел не в результате многомесячного поиска, а совершенно случайно при первом же обращении к жителю Гамбурга. Сравнивая эту ничтожную вероятность с большой вероятностью того, что Фрейд любил присочинить, я отдаю предпочтение именно последнему варианту событий.

Конечно же, данное письмо сфабриковано Фрейдом много позже, и мы знаем, что у него имелась веская причина для обмана. В апрельском письме к невесте от 1885 г. (глава 2 «Психология познания. Удод»), автор выражает неудовлетворенность предшествующими годами жизни, поэтому, пишет он: *«Я уничтожил все свои дневники за последние 14 лет»* (период рабства Иосифа). Но далее в письме делается определенная оговорка, что свои прежние «представления и чувства о мире» он не просто уничтожает, а «заново переосмысливает». Особо нужно обратить внимание на следующие фразы: *«я набросал их [мыслей и чувств] великое множество»* и *«их количество чуть не накрыло меня с головой, как песок Сфинкса, и вскоре лишь мой нос виднелся из-под кипы бумаги»*. Здесь содержится определенный намек на то, что старые бумаги он не сжег, а подменил новыми, переосмыслив их содержание. Думаю, что и это письмо было написано позже 1885 г., а именно, когда Фрейд уже стал знаменитой личностью.

Самым нелепым в гамбургском письме является то, что Фрейд рассказывает Марте, которую узнал пару месяцев назад, не историю своей семьи, что было бы более или менее оправдано, а ее собственной, причем он не спрашивает ее: верно ли гравер излагает события, не напутал ли он чего-либо с фактами. Создалось впечатление, что Фрейд решил помочь своим будущим биографам узнать сведения о родственниках своей жены. Увлечшись литературным творчеством, он временами забывался и писал о Марте совершенно отстраненно. Концовка этого «покрывающего» письма выглядит следующим образом.

«Если бы этот старый еврей, – пишет Фрейд, – с таким воодушевлением рассказывающий о благотворном влиянии своего духовного учителя, мог догадаться, что мнимый доктор Вале из Праги [Фрейд зачем-то представился граверу именем своего соперника, Фриц Вале] завтра будет целовать внучку того высокочтимого господина!

В это время пришел другой клиент, и Натан, прервав речь, мгновенно превратился в ловкого коммерсанта. Я взволнованно откланялся, но старый еврей, наверное, так и не догадался, какое отношение имею я к его учителю... Если моя Мартхен приедет в Вену и возьмет что-нибудь из семейных реликвий, напоминающих о ее благородном деде [а в Гамбурге нельзя было найти что-то подходящее?], мы зайдем на Адольфплац к тому старому еврею, ученику твоего дедушки, и ты назовешь свою фамилию – Бернайс».

Джонс, похоже, не читал эту фальшивку, но он дополнительно сообщает, что Исаак Бернайс *«был родственником Гейне, и его имя неоднократно упоминается в письмах Гейне»*. Странно, что Фрейд (или гравер) не упоминает об этом факте, хотя он любил стихи этого поэта и даже цитировал их в письмах к Марте. Джонс пишет о ссоре между сыновьями – Михаэлем (реформаторе) и Якобом (ортодоксе). Михаэль опубликовал стихи Гейне в либеральной еврейской газете, за что поэт лестно отозвался о нем в одном из писем к Карлу Марксу. Третий сын Исаака Бернайса, Берман, «был торговцем», как об этом говорил и гравер, но переезд его в Вену в 1869 г., поясняет Джонс, связан с тем, что он *«стал секретарем хорошо известного венского экономиста Лоренца фон Штейна»*. 9 декабря 1879 г. отец умер, и место секретаря занял его сын, Эли.

11. Ближайшее окружение

Фрейд мог подделать свои письма раннего периода, но он не мог подделать своей рукой письма Марты, поэтому их пришлось засекретить. Это делает невозможным восстановление полной картины лета 1882 г., поэтому мы вынуждены говорить о самых общих вещах, которые оставил после себя изготовитель фальшивых бумаг.

С формальной точки зрения, не существует принципиальной разницы между сочиненными Фрейдом текстами. По форме гамбургское письмо от 23 июля мало чем отличается от «сновидения» или «покрывающего воспоминания», исполненного по законам свободных ассоциаций. Он писал письма так же легко и непринужденно, как и свои ученые труды – без исправлений, грамотно, и они не имели никакого отношения к науке. Их основой была чистая фантазия автора, который преследовал исключительно литературно-художественные задачи. У Фрейда практически не было черновиков, всё писалось набело, ни один листочек не выбрасывался. Когда таких листочков накапливалось достаточное количество, он компоновал из них очередную книгу или небольшую статью. Рассылаемые бумаги и письма регистрировались в особой тетрадке. Правда, не известно, регистрировались ли им письма к Марте того раннего периода.

Однако не был дан ответ на главный вопрос: зачем Фрейд ездил к Марте в Гамбург, а она – в Вену? Одна из версий такая: жених еще не выбрал себе невесту, он колебался в отношении Марты и Берты. В первую очередь Фрейд проверял свои чувства, а потом уже Марты, для чего и просил о годичном испытательном сроке. Что он имел в виду, говоря эзоповым языком («эвфемистически») о Саксонской Швейцарии? Может быть, местность вблизи Констанца (Саксония) и Крэйцлингена (Швейцария)? Берта Паппенхейм с июня по октябрь 1882 г. находилась как раз там, на границе Германии и Швейцарии в санатории, принадлежащем семье Бинсвангеров. Наиболее вероятно, что во второй половине июля 1882 г. Фрейд побывал не в Гамбурге, а вместе с Мартой в Крэйцлингене у Берты. Неизвестно, где была в это время Марта. Я склоняюсь к тому, что в тот период в Гамбурге ее не было. Джонс сообщил, что она неоднократно навещала Берту; можно не сомневаться, что Марта в первые дни пребывания Берты в больнице была вместе с ней.

Действительно, было бы бесчеловечно бросить свою подругу в самые тяжелые для нее дни. Даже если Марта поехала в Гамбург, она просто обязана была заехать к больной подруге. Письмо от 10 июня рассказывает, что она вот-вот должна приехать из Гамбурга в Вену. Наиболее вероятная причина ее прибытия сюда – сопроводить свою больную подругу в клинику Бинсвангеров и какое-то время побыть с ней вместе, пока она не привыкнет к новой обстановке. Терзаемый сомнениями Фрейд мог использовать день рождения Марты как предлог, чтобы приехать в Крэйцлинген. Увязавшись за ней, он тем самым оказался в выигрышном положении по сравнению с Фрицем, который остался в Вене один на один со своими растрепанными чувствами. Однако было бы наивно полагать, что Фрейд мог совершить все перечисленные выше действия, зная Марту только с 31 мая. Несомненно, они были знакомы давно.

Ниже для сравнения приводится обыкновенное письмо, о котором хочется думать, что оно не сфальсифицировано.

«Вена, 25 сентября 1882 г.

Моя любимая Мартхен!

...Если ты не будешь поддерживать наш диалог в письмах, я, пожалуй, и вовсе прекращу переписку. Пока ведь – только мои монологи, обращенные к любимой в разлуке.

Супружество – трудная задача. Чтобы решить ее, мы должны крепко поддерживать, а в случае необходимости и исправлять ошибки друг друга. Одни лишь страстные любовные признания не помогут. В моем представлении семейная жизнь невыносима, когда один скрывает свои неприятности от другого, утаивает реальное положение вещей [о чем это он?] Жить вместе – значит помогать друг другу во всем, делить и радость и беду.

Когда в августе я был нездоров и Эли [брат Марты] навестил меня, он укоризненно спросил, почему я, тяжело больной, не лег в больницу, чтобы не обременять родных. Вот такого в наших отношениях не должно быть, моя любимая, ни при каких обстоятельствах мы не можем быть в тягость друг другу.

Скажу откровенно, однажды ты заставила меня глубоко страдать. Помнишь случай, когда ты решила пожертвовать мною ради дружбы с Фрицем, точнее, для Фрица. Я вытерпел и, в конце концов, ты осознала свой проступок. Правда, в тот момент я недооценивал твое настойчивое стремление утвердить свою самостоятельность. Ты искренне рассказала мне об этом и как бы дала мне право считать отнюдь не каждое твое решение окончательным и бесповоротным».

По всему видно, что жених опостылел невесте. Письмо выглядит подлинным, однако настораживающим в нем является отсутствие подписи Фрейда; письмо явно незакончено. Составитель «Писем к невесте» сын Фрейда, Эрнст, предположил, что его отец передал его Марте лично в руки в таком недописанном виде. Это было бы неестественно, учитывая содержание письма. Не проще ли думать, что мы имеем дело с последствиями цензуры, осуществленной либо самим Фрейдом, либо его родственниками, потомками или хранителями духовного наследия. В конце данного письма было нечто такое, что пришло в противоречие с мифологизированной биографией отца-основателя; вот и пришлось окончание письма убрать. Что доподлинно произошло в богатом на события 1882 г., нам уже никогда не узнать. Если в тех событиях участвовала Берта, то письма с ее именем Фрейд уничтожил или переписал иначе, изменив содержание до неузнаваемости, как это он сделал с гамбургским письмом от 23 июля. Кстати, странное совпадение: в ночь с 23 на 24 июля 1895 г. Фрейд утверждал, что ему приснился сон об Ирме. Нет ли здесь какой-то зацепки для расшифровки главного сна из книги «Толкование сновидений»? Позже мы увидим, что сон об Ирме напрямую касается событий 1882 г., однако к расшифровке сна об Ирме приступить пока рано.

Для восстановления картины интересующих нас событий необходимо знать круг лиц, которые окружали Фрейда. У нас нет других источников, кроме биографии Джонса. Автор в девятой главе «Личная жизнь» пишет:

«Его друзей можно разделить на две группы. К первой относились те, с кем он познакомился во время своей медицинской и научной работы; в основном это были люди несколько старше его. Вторая группа, к которой относились 15 или 20 человек, образовала так называемый *Bund* (банду). Они имели обыкновение собираться раз в неделю в кофейне Курцвейля для беседы и игр в карты и шахматы. Временами они вместе гуляли по окрестностям Вены в компании девушек. Среди товарищей по *Bund* находились Эли Бернайс, Игнац Шёнберг, три брата, Фриц, Рихард и Эмиль Вале, так же как и три брата Гизела Флюс – Рихард, Эмиль и Альфред. Дружба с последними тремя восходила к годам жизни во Фрайберге, так как они переехали в Вену в 1878 г., намного позже переезда семьи Фрейда. Первым трем названным лицам суждено было сыграть важную роль в жизни Фрейда в течение ближайших лет. В начале 80-х годов его лучшим другом был Шёнберг; с двумя другими отношения не ладились».

Не знаю почему, но Джонс не назвал «компанию девушек», с которыми они «гуляли по окрестностям Вены». Понятно, что в нее входили сестра Фрейда, Анна, две сестры Эли Бернайс, Марта и Минна, возможно, Гизела Флюс и, конечно же, неразлучная подружка Марты, Берта Паппенхейм, которая, однако, в 1880 г. заболела. У меня сложилось впечатление, что Джонс догадывался о любви Фрейда к Берте, но поклялся своему отцу-учителю или его потомкам ничего об этом не рассказывать. Лучший друг Фрейда на тот период, Шёнберг, обвенчался с Минной. Эли Бернайс женился на Анне Фрейд 14 октября 1883 г. 17 июня 1882 г. Фрейд обвенчался с Мартой, которая по велению своей матери уехала в Гамбург. Ее сестра Минна осталась жить в Вене и после смерти отца Берман Бернайс, так как собиралась выйти замуж за серьезного человека, каким был Шёнберг – крупный специалист в области санскритского языка. В мае 1884 г. по приглашению Оксфордского университета он уехал в Англию для работы над составлением Санскритского словаря. Он и Минна строили большие планы на будущее, однако им не суждено было сбыться. В Оксфорде туберкулез, которым он страдал еще в Вене, обострился; пришлось вернуться домой. После двух лет болезни Шёнберг умер.

«Вторая группа» ближайшего окружения Фрейда образована его друзьями по Институту Брюкке: Брейером, Экснером и Флейшлем. Я думаю, что интересующая нас система влюбленных друг в друга молодых людей сложилась к концу 1876 г., когда Фрейду было 20 лет, Берте – 17, Марте – 15, а Флейшлю – 30. Фрейд влюбился в Берту, видимо, вскоре после охлаждения чувств к Гизеле, примерно в 1873 г., когда они находились в возрасте Ромео и Джульетты; на 12-летнюю девочку Марту он тогда не особенно обращал внимания. В течение 3–4 лет Фрейд сходил с ума от любви к Берте. Далее на горизонте появился Флейшль, который тогда для Фрейда выступал в качестве Фрица Вале. В 1881 г. конфигурация любовных отношений вокруг Фрейда изменится радикальным образом: его внимание переключится на 20-летнюю Марту, любовь которой придется отвоевывать у Вале; 22-летняя Берта и 35-летний Флейшль окажутся тяжело больными. Таким образом, Фрейд был вершиной двух любовных треугольников: в первый треугольник помимо него входила Берта и Флейшль, во второй – Марта и Вале.

Пока Фрейд с лета 1879 по лето 1880 г. находился на военной службе, Флейшль и Берта, возможно, сблизилась окончательно. Фрейд должен был предпринять какие-то шаги по удержанию Берты возле себя. Действия его трудно предсказать, но в связи с этим можно вспомнить, как он переживал за здоровье Марты. Незадолго до его свадьбы, он вдруг решил, что она заболела. Жених находился возле невесты, давал ей то одно средство, то другое, но оказалось, что все его беспокойства возникли на пустом месте: невеста была абсолютно здорова. С Бертой он мог вести себя аналогично, причем к ней у него был особый интерес. Сделав ее «больной», он автоматически превращался в «доктора», который, не смыкая глаз, мог бы круглосуточно дежурить около ее постели, отеснив, таким образом, Флейшля. В «Книге снов» рассказывается даже, как это случилось, но остается неизвестным, действительно ли он спровоцировал болезнь, или она возникла сама собой. Ясно одно: ее лечением вначале занимался только Фрейд, поскольку Брейер, судя по его высказываниям в адрес неврастеников и истериков, явно игнорировал капризные жалобы Берты. Фрейд рассказал, что ее лечение заняло у него около пяти лет, но об этом после. Сначала посмотрим, с кем контактировал Фрейд в Физиологическом институте.

Начнем с Брюкке – директора института; многое было сказано в беседе с Удодом (см. книгу «Психология познания. Удод»), сейчас я расскажу лишь о той стороне его личности, которая ранее не затрагивалась.

Брюкке родился в семье художника и в молодости занимался классической живописью. Как большой ценитель и коллекционер картин он много путешествовал по Италии в поисках художественных шедевров эпохи Возрождения. Его квартира на Марианнengассе была сплошь увешана полотнами, принадлежащими кисти художников Рибера, Мантенью, Бассано, Луку Джордано. Среди них находился прекрасно выполненный автопортрет 26-летнего художника. В институте тоже висело немало картин из коллекции Брюкке, причем на некоторых из них были изображены обнаженные женщины в соблазнительных позах. Это связано с тем, что Брюкке считался признанным специалистом в области изображения женского тела, был знатоком передачи движения посредством цвета и формы. Он проводил математические изыскания в поисках формулы совершенной линии женского бедра, которую искали художники эпохи Возрождения, и решал извечную проблему «золотого сечения» применительно к женскому телу. Например, он знал, что у идеальной формы женского тела расстояние между сосками должно быть равно расстоянию от соска до пупка, а расстояние от линии сосков до пупка должно быть равно расстоянию от пупка до промежности. Разумеется, как все художники академической школы, он прекрасно знал анатомию и физиологию человека, эти знания, собственно, и привели его в естествознание. Но помимо естественно-научных трудов директор опубликовал немало книг и статей по теории изобразительного искусства.

Чтобы дать представление о том, чем занимался Эрнст Брюкке, и почувствовать атмосферу, которой дышал институт, приведу отрывок из второго тома фундаментального труда Иоганна Ранке «Человек». В разделе «Наружная форма человеческого тела» автор пересказывает теорию строения женской груди, разработанную Брюкке. Ранке пишет, что

«бросающаяся в глаза коническая форма груди у молодых негритянок отнюдь не может быть причислена к «низким» формам. Наоборот, как показал Эрнст Брюкке, лучшие художники древности и эпохи Возрождения изображали ее в виде особой красоты юного, девственного тела европейской женщины. Эрнст Брюкке говорит по этому поводу: грудь может быть приставлена к грудному ящику в виде конуса, который, будучи разрезан по оси, дал бы угол в 90 и более градусов. К этой форме приближаются груди знаменитой Венеры Мюнхенской глиптотеки, принимаемой некоторыми за воспроизведение Книдской Афродиты Праксителя и, в еще большей мере, груди «Нимфы» Кановы. Такая грудь никогда не встречается у рожавших женщин, хотя бы они и не кормили. От нее требуется, чтобы она не поддавалась влиянию тяжести, чтобы при лежании форма ее была почти такая же, как при вертикальном положении тела. Как временная форма, она чаще встречается у совершенно юных девушек. Иной раз конус представляет на некотором расстоянии от соска небольшой, более крутой скат и затем продолжается в направлении, параллельном прежнему. От этой конусообразной груди можно произвести вторую главную форму художественно красивой груди: полушаровидную грудь. Если представить себе, что поверхность конуса на некотором расстоянии от вершины развертывается и сосок яснее обособляется от окружающих частей, то получается форма полушария с поставленным на ней соском. Но еще раньше, чем достигается эта форма, начинает сказываться влияние тяжести. Вследствие того, нижняя часть прежней поверхности конуса становится выпуклее, сильнее округляется. Таким образом, возникает та форма груди, которую мы видим на большинстве древних изображений Венеры, например, Венеры Медицейской

и Милосской. Совершенно девственная, красиво развитая женская грудь встречается, кроме названных трех форм, на которые указывает Брюкке, в форме уплощенного полушария. Идеальная форма тонкого конуса, если исключить все отвислые формы, как не совсем девственные, составляет около 15%, полушаровидная 30%, уплощенно-шаровидная 55% у женского населения города Вены.

Этот отрывок из книги Ранка показывает, что Брюкке был большим ценителем женской красоты и проводил в своем институте антропологические измерения с эстетической точки зрения. Он считал себя в первую очередь художником, а во вторую – ученым. До самой смерти он носил непрменный атрибут одежды художника – синий шелковый берет. Мода на краниометрию и френологию уже прошла. Вряд ли Брюкке считал эти разделы естествознания, интенсивно разрабатываемые в годы его молодости, серьезными науками. Но антропологическими измерениями он с интересом занимался всю свою долгую жизнь. В полуэстетических, полуестественно-научных исследованиях директору помогали два ассистента – Эрнст Флейшль и Зигмунд Экснер.

В Институте они сидели в одной лаборатории, уставленной приборами и опытными установками. Фрейд же находился в комнате по соседству с ними, вместе с аспирантами – химиком и двумя физиологами из Германии. Стоун поясняет: «*Институт физиологии, составлявший часть клинического колледжа Венского университета, занимал помещение бывших оружейных мастерских на углу Верингерштрассе*». Институт располагался на нижнем этаже двухэтажного здания, где находился лекционный зал, большая лаборатория и кабинет директора. Джонс продолжает:

«Помимо трех больших комнат было несколько маленьких комнатушек, частью без окон, переоборудованных в химические, электрофизиологические и оптические лаборатории. Там не было водопровода, газа и, конечно, электричества. Для подогрева использовали спиртовую горелку, а воду приходилось носить из колодца. Во дворе института находился маленький сарайчик, где в ужасной тесноте располагались подопытные животные». Стоун дополняет эту картину: «На втором этаже здания, тянувшегося на целый квартал, находилась анатомичка, где первые два года обучения медицине Зигмунд исследовал трупы».

Брюкке являлся полновластным хозяином этого заведения, Экснер и Флейшль – его «верными слугами», хотя они были вполне самостоятельными профессорами, которые вели университетские курсы. Фрейд был взят в Институт в качестве помощника, сейчас бы сказали, лаборанта. Легко представить, какую неквалифицированную работу ему приходилось выполнять: подопытных животных надо было кормить, «сарайчик» чистить, воду приносить из колодца и кипятить, готовить демонстрационные и исследовательские эксперименты, которые проводили Брейер, Флейшль и Экснер, и многое другое, что никак не назовешь «научной» работой.

Каким образом Фрейд попал в Институт Брюкке, тоже понятно. В 1875 г. в Триесте открылась Зоологическая опытная станция, основанная Карлом Клаусом. Фрейда, как усердного и способного студента, посылают на побережье Адриатического моря изучать угрей. Он ездил туда дважды, а между поездками усиленно занимался зоологией. В четвертой главе, которая называется «Студент-медик», Джонс пишет:

«Он посещает 15 лекций в неделю по зоологии и лишь 11 – по другим предметам (правда, кроме того, были три еженедельные лекции Брентано, посвященные Аристотелю). При изучении физиологии он впервые соприкоснулся с ассистентами Э. Брюкке, Экснером и Флейшлем, важными для него впоследствии фигурами...».

Первые три года учебы в университете честолюбивый Фрейд очень старался показать себя с самой хорошей стороны, и эти его старания были замечены. Скорее всего, по рекомендации тех же двух ассистентов Брюкке, Экснера и Флейшля, «самостоятельный и трудолюбивый» 20-летний студент был зачислен в штат Физиологического института.

12. Друг-враг Флейшль

Теперь остановимся на фигуре Эрнста Флейшля, который нам неплохо знаком по книге «Психологию познания. Удод», точнее, по ее шестой главе «Кокаиновая авантюра». К морфию он пристрастился вскоре после 1872 г., когда поранил большой палец правой руки. Но должен

предупредить читателя о существовании одного распространенного явления. Дело в том, что почти каждый наркоман в качестве причины своего порока называет какой-нибудь «веский» повод, заставивший его прибегнуть к наркотику. Для одних это увольнение со службы или уход жены, для других, в частности, для Флейшля, – трагические последствия хирургического вмешательства, перенесение болезненных операций. Однако не всякий, у кого возникают проблемы в области душевного и физического здоровья, становится морфинистом. Понятно, что к этой беде нужно иметь социальные и наследственные предпосылки. У Флейшля, как и у остальных наркоманов, такие предпосылки были. Он вел достаточно беззаботную и рискованную жизнь; морфинизм явился ее следствием.

Флейшль происходил из богатой аристократической семьи старинного австрийского рода²² и пришел в Физиологический институт, как и его директор, из венского мира живописи, музыки и театра. Чтобы представить, как выглядел этот мир, достаточно назвать лишь одну фамилию – Штраус. Ее носили отец и сын – блистательные композиторы, исполнители и дирижеры бальных оркестров. Отец умер в 1849 г., а пик творчества сына как раз приходится на кипучую молодость Флейшля, которого Штраус-сын пережил на восемь лет. Вечерами Флейшль пропадал на балах, на которых звучала зажигательная танцевальная музыка – «Голубой Дунай», «Сказки Венского леса», «Венская кровь», «Вино, любовь и песни» и «Южные розы». Штраусы – это короли вальса, быстрого и веселого танца. Флейшль любил развлечения, балы и застолье. Не пропускал он и оперетты – «Римский карнавал», «Летучая мышь», «Косынка королевы» и многие другие. *«Флейшль был красивым мужчиной, – пишет Стоун, – с темными густыми волосами, тщательно ухоженной бородкой, высоким выпуклым лбом, скульптурным носом, чувствительным живым ртом; он мог цитировать каламбуры на шести языках и уж, конечно, был изысканно одет, когда появлялся около оперного театра в воскресенье утром».* Действительно, фотопортрет Флейшля, помещенный в книге «Письма к невесте», выглядит великолепно. По молодому профессору вздыхали все окружающие его женщины. Несомненно, красавица Берта, которая необычайно рано расцвела, приобретя соблазнительные для всякого мужчины формы, составила ему прекрасную пару.

Фрейд обожал Флейшля, тянулся к нему всей душой и, наверняка, сопровождал его, куда бы тот ни пошел. Джонс уделил какую-то злосчастную страничку, где рассказал о театральных вкусах и впечатлениях Фрейда, а надо было этой теме отвести не меньше половины первого тома, поскольку у психоаналитика эта сторона жизни была одной из главных. Биограф пишет: *«В молодости Фрейд, как истинный житель Вены, часто посещал театр. В Вене представления обычно давались в дневное время».* Что же посмотрел Фрейд? Оперы – «Кармен», «Дон Жуан» и «Волшебную флейту». Джонс называл несколько спектаклей, о которых Фрейд писал, находясь по разным поводам за границей. В Лейпциге он смотрел «Эстер» Грильпарцера и «Мнимого больного» Мольера, в Париже во время прохождения полугодовой стажировки он ходил на «Царя Эдипа» с Монетом-Салли в главной роли, «Тартюф» Мольера, «Эрнани» Гюго, слушал оперу «Фигаро».

Большое удовольствие он получил от игры Сары Бернар в театре «Порт-Сен-Мартен», игравшей главную роль в «Теодоре» Викторьена Сарду. Джонс привел содержание его письма от 7 ноября 1885 г., где Фрейд с восхищением писал:

«Как эта Сара играет! После первых же реплик, произнесенных этим проникновенным и чудным голосом, мне показалось, что я знаю ее давным-давно. Никогда еще актриса не поражала меня так сильно; я сразу же был готов поверить всему, что она говорила... Я никогда не видел более комичной фигуры, чем Сара во втором акте, когда она появляется в простом платье, и всё же скоро перестаешь смеяться, так как каждая частица ее маленькой фигурки живет и очаровывает. И потом, эта ее манера завлекать, умолять, сжимать в объятьях. Просто невероятно, какие позы она может принимать, как она прижимается к партнеру, в какой гармонии у нее играет каждый мускул, каждый сустав. Удивительное создание! Мне представляется, что в жизни она такая же, как на сцене».

Феррис сообщает любопытную деталь о внешнем виде Фрейда. Он пишет:

---

²² В.Э.: Пол Феррис пишет: *«В число его друзей входил один старший ассистент Брюкке, Эрнст Флейшль фон Марксов, молодой еврей с изысканными манерами и отличными связями, вызывавший восхищение Фрейда»* (<http://www.fb2book.com/?kniga=7401&strn=15&cht=1>, «Зигмунд Фрейд»). Страница: 12.

«Для устного экзамена, который тоже был обязательным для кандидата в приват-доценты, нужен был фрак, белые перчатки и шелковый цилиндр. Фрейте понравилась идея красивой одежды, и он не стал одалживать фрак, а пошел к дорогому портному, чего в принципе не мог себе позволить».

Не думаю, что фрак «нужен был» для сдачи экзаменов; здесь явно кто-то придумал лишнее – или автор, или Фрейте. Одно бесспорно, родоначальник психоанализа был настоящим денди, а, как известно, внешние проявления натуры являются продолжением ее внутренней сущности.

Второй ассистент Брюкке, Зигмунд Экснер, был полной противоположностью первому. Он тоже происходил из знатного венского рода, но, будучи ровесником Флейшля, не посещал балов и театров, избегал других развлекательных мероприятий. Он – до мозга костей администратор, мечтающий после ухода Брюкке занять пост директора института. Экснер, лишенный юмора, некрасивый, лысый, с неухоженной бородой, думал, говорил и вел себя как человек, для которого ничего другого на свете не существовало, кроме науки. В университете среди студентов ходила шутка: «Каждый профессор университета должен стать Экснером, и наоборот». Фрейте относился к нему с большим пиететом еще и потому, что сдавал ему экзамены. Экснер читал медицинскую физиологию и физиологию органов чувств. Флейшль преподавал математику и общую физиологию, но Фрейте не учил, что помогло ему быстро сойтись с ним.

Профессора Экснер и Флейшль были два разноименных полюса магнита, которые по отдельности существовать не могли. Они часто спорили, но редко ссорились, поскольку идеальным образом дополняли друг друга. Флейшль был категоричным человеком, спонтанно принимающим решения, часто оказывающиеся неправильными. Однако в критических ситуациях, когда бездействие становится страшнее любого, даже не совсем верного действия, его поспешность выручала. Экснер же имел совершенно иную психику. Он выжидал, всесторонне изучал сложившуюся обстановку и затем принимал оптимальное решение. Там, где нужна была быстрота принятия решения, что в деятельности врачей не такая уж редкость, он проигрывал, но если условия позволяли выждать, его решения были предпочтительнее. Личность Экснера для молодого Фрейте была малопривлекательной.

В шизотимической²³ натуре Фрейте любовь и ненависть уживались вместе. В этом смысле он был уникальным человеком, действительно злым гением человечества. Он любил Флейшля физически, восхищался его внешностью, аристократичными манерами, но вместе с тем ненавидел лютой ненавистью за его иронию и язвительный язык.²⁴ Он, наверняка, подшучивал над Фрейте, когда тот делился с ним своей теорией сексуальности, рассказывал о методе лечения разговором и других выдумках. Представляю себе, как хохотала Берта, когда он истолковывал ее сны, улыбался в усы и пожимал плечами Брейер. Какой нормальный человек будет всерьез воспринимать фрейдовские бредни? Между тем будущий отец-основатель психоанализа мнил о себе, Бог знает что, мечтал о гранитном монументе с золотой надписью, прославлявшей его имя в веках. Обиды он не прощал, злость копилась годами, пока он не наказывал обидчика так, что он умолкал навсегда.

Слово «амбивалентность», введенное в психологию швейцарским исследователем Эйгеном Блейлером, наставником Карла Юнга, больше всего подходит к Зигмунду Фрейте. Любовь и ненависть к одному и тому же человеку у него проявлялись особенно часто. К Берте он испытывал страстные чувства; к Марте – более сдержанные, несмотря на ярко выраженную ревность по отношению к Фрицу. Марту он любил тихо, а потом тихо ненавидел. В пору любви он слал ей в Вандсбек, где она жила до свадьбы, немало книг. Джонс называет книги, которые ему особенно понравились, в частности, «Дон Кихот» и «Искушение святого Антония» («Искушение» он прочитал по дороге в Гмунден, когда ехал туда на отдых в обществе Брейера). Джонс цитирует письмо к Марте, в котором Фрейте делится с ней впечатлениями от чтения «Дон Кихота»:

«Не находишь ли ты крайне трогательным читать о том, как великий человек, сам идеалист, выставляет на смех свои идеалы? Пока нам не посчастливилось понять великие истины в нашей любви, мы всё время походили на знаменитых рыцарей, живущих в призрачном мире, неверно истолковывающих самые простые вещи, превращающих банальности во что-то величественное и

²³ В.Э.: Истероидной.

²⁴ В.Э.: А в первую очередь – завидовал (классическое состояние истероидов).

редкое и поэтому представляющих собой печальный образ. Поэтому мы, мужчины, всегда с уважением читаем о том, какими однажды были и какими частично остаемся по сегодняшний день».

Я ни на секунду не сомневаюсь, что Фрейд заметил красавицу Берту еще в мальчишеские годы, полюбил ее, хотел на ней жениться, но она отдала предпочтение Флейшлю. Он присоединился к компании Берты, Марты и Фрейда, по-видимому, где-то в конце 1876 – в начале 1877 г., когда Фрейд появился в лаборатории Брюкке. Молодой профессор был на десять лет старше Фрейда, но по характеру гораздо мягче его, веселее и уступчивее. Флейшль был душой компании, Фрейд же – ее неформальным руководителем, поскольку он всегда был инициатором различных, преимущественно рискованных, мероприятий. И хотя Фрейд обожал Берту, она не могла не влюбиться во Флейшля, а он в нее. В сексуальном плане Фрейд вел себя, по меньшей мере, странно; Берту это не могло не оттолкнуть. Да и зачем ей какой-то бедный и безродный вечный студент, который отхаркивается прямо на чистую лестницу и ходит в грязных сапогах по ковру, когда рядом находится титулованный аристократ из старинного венского рода, неженатый, привлекательной наружности, безупречных манер, остроумный и добрый, богатый и образованный, профессор университета с прекрасной перспективой на будущее. Один только факт, что он знал шесть языков, заставил бы Берту целыми днями слушать его и слушать. В ближайшем окружении Фрейда больше всего ценились знания иностранных языков. Флейшль в этом смысле перещеголял всех. Поскольку близкий друг Фрейда, Игнац Шёнберг, был крупным специалистом по санскриту, Флейшль приступил к изучению и этого экзотического языка.

Посмотрите, чем занималась Берта после своего выздоровления. В конце 1880-х годов она уехала во Франкфурт, чтобы защищать права женщин. В то время существовала жесточайшая дискриминация: женщины не могли получить одинаковое с мужчинами образование и специальность. Например, за равный труд с мужчинами они получали гораздо меньшую заработную плату, женщины не могли учиться на большинстве естественно-научных отделений европейских университетов и т.д. Чтобы эффективно бороться за равные с мужчиной права, Берта изучала юриспруденцию, судебное и избирательное право. Она презирала покорных домохозяек, которые беспрекословно слушались своих мужей и не хотели участвовать в общественно-политической жизни. Психиатры пытались на свой сексуальный манер проинтерпретировать ее яростные выступления против проституции. В действительности же она считала этот вид занятия унижительной эксплуатацией женщин мужчинами. В силу своих убеждений она дала обет безбрачия, чтобы целиком посвятить себя высокой исторической миссии. В Германии Берта Паппенгейм активно включилась в движение за эмансипацию женщин и разъезжала по всему свету как феминистка. Побывала она и в России, когда в нашей стране разразился голод. Берту отличали острое чувство долга, высокие моральные качества, гуманное отношение к людям, бескомпромиссная позиция в вопросах справедливости.

И вот представьте себе, рядом с этим человеком, обладающим возвышенной душой и красивым телом, появляется самовлюбленный и настырный Фрейд. Он наблюдал за ней, как я предполагаю, почти всю сознательную жизнь, отвел ей в своем дневнике сотни страниц вдохновенного текста, которые потом уничтожил (так он, по крайней мере, сказал, но верить ему нельзя). Берта не придавала их отношениям серьезного значения. Возможно, она его полностью игнорировала, возможно, они были хорошими знакомыми, но это знакомство она умело контролировала – здесь трудно что-либо предполагать. Когда душевное расстройство Берты еще не давало о себе знать и ничто не предвещало серьезных осложнений, возле нее находился только «светило психиатрии», Фрейд. Состояние больной он не улучшил, а лишь ухудшил. Чуть раньше или чуть позже этих событий у отца Берты обнаружилось какое-то неизвестное легочное заболевание. Дом Паппенгеймов охватил страх за жизнь двоих людей. Вот тогда-то и поспешили на помощь Фрейду его друзья-колеги по Институту физиологии Брейер и два ассистента Брюкке – Флейшль и Экснер. Этот переломный момент как раз и отражен в сновидении об Ирме, т.е. о Берте.

Формально четырехзвенная система (Берта, Марта, Флейшль и Фрейд) находилась в равновесии, поскольку Фрейд автоматически переключился на Марту, к которой тоже испытывал симпатию. Но внутри него всё клекотало: он не мог смотреть, как кокетливая Берта преобразилась, расцвела, начала строить глазки профессору и всякий раз радоваться его приходу. Веселая компания ходила по венским театрам, концертам и балам, гуляла в парках, каталась на лошадях, плавала на лодках по Дунаю. Со стороны казалось, нет более дружной компании, все были счастливы, за исключением озлобившегося Фрейда; ревность измучила его. Мы знаем,

каким коварным он мог быть; в нем проснулась чудовищная мстительность и темные силы ненависти. Ему не надо было включать голову, строить хитроумные планы, поскольку в таких людях обычно начинают действовать животные инстинкты, диктующие поведение самца, у которого увели самку. Он делал всё автоматически, как запрограммированный робот. Сидя, например, в ресторане, он мог подливать вина Флейшлю больше, чем себе, чтобы его развезло, внушаемой Берте мог сказать о существовании у нее серьезного заболевания и т.д.

К сожалению, до сих пор информация о Флейшле остается скудной. Известно, что Флейшля, как и Брейера, интересовал гипноз. Брейер гипнотизировал голубей, а Феррис сообщил: *«До своей болезни Флейшль на дружеской вечеринке усыпил цыпленка и заставил краба встать на голову»*. Всё это похоже на басни, которые сочиняет подвыпившая компания для иллюстрации гипнотических способностей. Ничего нового из книги Ферриса о Флейшле, игравшего в жизни Фрейда ключевую роль, мы не узнаем.

Опережая события, скажу: произошла трагедия. Фрейд при «лечении» истерии Берты использовал морфин и сделал ее фактически морфинисткой. Думаю, и Флейшль стал морфинистом не без его помощи. Он мстил обоим за отнятую у него любовь. Флейшль погибал медленно, в течение нескольких лет. Фрейд начал дистанцироваться от него, давая понять, что он с ним близко не знаком, но что восхищается им. После того, как Берта Паппенхейм крепко сдружилась с Флейшлем (конец 1879 – начало 1880) и они полюбили друг друга, компания распалась; Фрейд отошел от своего друга. Но после своего ухода из Института Брюкке (июль 1882 г.) он приблизился к Флейшлю вновь, чтобы прикончить его кокаином, вред от которого он осознавал с самых первых дней. В жизнеописании Фрейда Джонс высказывает недоумение по поводу того, как его учитель с самого начала рекомендовал Флейшлю вводить кокаин внутривенно. Но впоследствии он не хотел признаться в этом (о кокаиновой аванюре подробно рассказывается в книге «Психология познания. Удод»).

В своей книге Джонс цитирует письмо Фрейда от 27 июня 1882 г., написанное на нескольких листках, вырванных из журнала протоколов хода экспериментов. Мы уже знаем, что в июне месяце Брейер, знавший, видимо, Бинсвангеров, решил поместить Берту в Крейцлингенскую лечебницу, расположенную на границе Германии и Швейцарии. Марта должна была, как я предполагаю, сопровождать ее, для чего и приехала из Гамбурга в Вену. В гамбургской фальшивке от 23 июля, неуклюже состряпанной Фрейдом, автор пытается ввести в заблуждение будущих своих биографов относительно его отъезда из Вены. Я говорил уже, что он не был в Гамбурге: по моим предположениям, он ездил скорее всего Крейцлинген, на что указывает и сон об Ирме, но об этом позже.

Джонс привел только часть фрагмента, касающегося Флейшля, ниже приводится полный фрагмент, который заменил первоначальный текст письма к невесте, вошедшего в сборник, составленный сыном Фрейда. Биограф не смог распознать в оставленном его учителем послании дезинформацию и написал: *«Фрейд вначале восхищался Флейшлем на расстоянии, а после ухода из Института Брюкке узнал его ближе»*. В этом утверждении нет никакой логики. Работая в лаборатории Брюкке демонстратором, Фрейд виделся с Флейшлем, который сидел в той же лаборатории, чуть ли не каждый день. Выражение *«восхищаться Флейшлем на расстоянии»* ошибочно. Фрейд был устроен таким образом, что сначала он любил человека, привязывался к нему, а потом ненавидел его и мстил ему, но никак не наоборот. Кого бы мы ни взяли – Флисса, Адлера, Юнга, – Фрейд влюблялся в них с самой первой встречи, а потом со скандалом порывал с ними. То же самое происходило и с Флейшлем, и с Брейером, и со всеми другими друзьями-врагами. Не было ни одного случая, чтобы Фрейд много лет кого-то не замечал, а потом воспылал бы к нему любовью. Надо отчетливо понимать, что высокая оценка качеств Флейшля, данная автором письма от 27 июня, вызвана мотивами переделки его биографии. За лестными словами о нем стоит разъедающая зависть и жуткая ревность, что, собственно, видно из фрейдовского послания. После цитированного нами отрывка о «высокой науке», которую Фрейд оценил ниже, чем любовь к Марте, неожиданно следует длинный пассаж, относящийся к Флейшлю.

«Вчера я был у своего друга Эрнста фон Флейшля, – пишет Фрейд, – которого я до сих пор не представлял тебе. Раньше я во всех отношениях завидовал ему. Теперь у меня есть преимущество. Он десять или двенадцать лет был помолвлен; она была его ровесницей и готова была сколь угодно ждать его, а он поссорился с ней по неизвестной мне причине».

Слова «Флейшля, которого я до сих пор не представлял тебе», пожалуй, самые главные. Фрейд хочет дезориентировать биографов, будто Марта его не знала. Два предложения «Раньше я во всех отношениях завидовал ему» и «Теперь у меня есть преимущество» повисают в воздухе. Но, зная историю двух подруг, мы понимаем, что первое предложение подразумевает Бертю, второе – Марту. Срок, в течение которого был помолвлен Флейшль с Бертой (10–12 лет), завышен примерно в два раза. Подобным приемом он пользуется постоянно в книге «Толкование сновидений», когда с помощью «снов» кодировал реальные факты жизни. Не возможно также представить, чтобы любопытный Фрейд не узнал имя невесты своего лучшего друга; конечно же, он прекрасно знал, что его невеста – Берта. В процитированном Джонсом отрывке ничего не говорится о возрасте его невесты; в сборнике писем сына Фрейда, указывается, что Флейшль и его невеста одного возраста, что тоже неправда. Типичный для Фрейда прием сокрытия невыгодной для него информации: он пишет, что не знает причины разрыва между Флейшлем и Бертой. Эта причина Фрейду хорошо известна – морфинизм. Между прочим, их общий друг, Шёнберг, когда заболел туберкулезом, демонстративно объявил о своей размолвке с Минной, дав ей возможность найти другого жениха. Благородный Флейшль мог поступить аналогичным образом. В общем, непонятно, зачем Фрейд сообщал Марте приведенные сведения, но всё встает на свои места, если учесть истинные его намерения. Это относится не только к процитированному абзацу, но и ко всему фрагменту, затрагивающему Эрнста Флейшля.

Далее Фрейд пишет:

«Эрнст – отличный человек, по натуре и воспитанию он принадлежит к числу лучших. Его физическое совершенство, развитое упражнением, сочетается с глубоким умом и многими дарованиями. Красивый и благородный, наделенный всеми талантами и прилежанием, имевший оригинальное суждение о большинстве вещей, он был моим идеалом. Когда мы стали друзьями, я искренне радовался его достоинствам.

На этот раз поделился с ним мнением об одном памфлете, а он учил меня японской игре «Гоу». Он поразил меня тем, что изучал санскрит. Я обещал держать это в тайне [почему?], но сразу же знал, что расскажу Марте эту тайну [зачем?], как и другие, более важные тайны [здесь и ниже обратите внимание на конструкцию предложений, которые не обращены непосредственно к Марте].

Я думал о друге, который превосходит меня во многих отношениях, и меня вдруг пронзила мысль, как он мог бы поступить с такой девушкой, как Марта, какое сияние он мог бы придать такому алмазу, как Марта? Ведь ты уже привела в восторг наш бедный Каленберг. И Альпы и водный путь в Венецию, и величественные соборы святого Петра в Риме меркнут по сравнению с тобой. Наверное, это прекрасно – ощущать значимость и влияние любимого, такого мужчины, как Эрнст, у которого не мало преимуществ предо мною [очень неестественно адресовать такой текст невесте; по-моему, этот плач относится к Берте; я допускаю, что часть «покрывающего» текста была взята из дневниковых записей, относящихся именно к ней, а не к Марте]. И, возможно, девять лет ее счастливой жизни резко контрастировали бы с девятью годами моего скромного бытия [не совсем понятно, почему девять лет; Джонс говорит, что это срок, который установил Фрейд от помолвки до регистрации брака с Мартой; сомнительно]. Но я умею ждать, и Бог вознаграждает меня, послав такое сокровище, как ты, Марта. Я испытал настоящее мучение, живо представив себе, как легко могла бы случиться твоя встреча с Эрнстом. Ведь он ежегодно проводит два месяца в Мюнхене, возвращается в обществе образованных людей. Его вполне могла бы увидеть Марта, например, у своего дяди [Михаэля Бернайсе]. Хотел бы я знать, какое впечатление произвела бы на него она [надо бы сказать «ты»].

Затем я отбросил прочь мрачные плоды своего воображения. Мне стало ясно, что я не уступлю свою возлюбленную, если даже она поступит неверно по отношению ко мне. Часть счастья, от которого Марта добровольно отреклась в час нашей помолвки [о чем это он?], мы еще наверстаем. Девушка должна обещать оставаться довольно долго молодой, бодрой и свежей, и даже спустя девять лет так прелестно удивляться всему новому и прекрасному, как она делает теперь [опять девять лет; нетерпеливый Фрейд никогда бы не стал уговаривать невесту ждать свадьбы девять лет]. Надеюсь, Марта все-таки не уйдет с головой в домашние заботы, ведь Марта – не Лизетта [литературная героиня].

Должен ли я в будущем иметь нечто лучшее, если заслужу? Мечтаю только об одном: Марта станет моею [Марта ли?].

Сердечный привет моей дорогой от Зигмунда».

Вот так выглядит фрейдовское послание своей невесте, написанное якобы десять дней после помолвки. Данная фальшивка составлена по тем же законам литературного жанра, что и «гамбургское письмо» или десятки «сновидений», приведенных в «Толковании сновидений». Не надо думать, что в апреле 1885 г., когда Фрейд уничтожил свои дневники и письма, произошло

какое-то важное событие в его жизни. В том письме к Марте он сообщил об обычном для него деле – о заметании следов. Да, вероятно, в тот момент он что-то сжег, но это не главное. Главное надо помнить, что Фрейд всегда был сценаристом, режиссером и актером спектакля, который разыгрывал с людьми, его окружавшими. Нужно вспомнить о его «свадебной оде», написанной по случаю выхода замуж Гизелы Флюс. Тогда в сочиненный Фрейдом миф поверил лишь один человек – получатель письма, Зильберштейн. Теперь он разыграл спектакль мирового масштаба, когда в его театрализованную постановку, не без помощи Джонса, поверили миллионы читателей.

В процитированном фрагменте сильно озадачивает число девять. Для Фрейда нумерология была священной наукой. В «Психологии познания. Удод» я приводил несколько характерных сновидений нумерологического плана. Числа, фигурирующие в его текстах часто несут важнейшую информацию о его жизни (возьмите, например, сон о пятилетнем сроке). Считать, как это сделал Джонс, что Фрейд просит Марту подождать девять лет, было бы, по крайней мере, наивно. Биограф абсолютно не учитывает каббалистско-хасидский склад ума своего героя, который, наверное, знал, что число зверя, 666, написал никакой не дьявол, а автор библейского текста, который, таким образом, зашифровал от римских властей имя ненавистного ему тирана, императора Нерона.

Имея некоторый опыт расшифровки фрейдовских текстов, я могу выдвинуть следующую гипотезу. Фрейд-озорник при написании процитированного фрагмента имел перед глазами дневниковые записи, относящиеся непосредственно к Берте, так как горький плач по якобы соблазненной Флейшлем Марте слишком уж напоминает плач по Берте. Фрейд обожал играть образами; в процессе написания фрагмента лик Марты он менял на лик Берты. Этим приемом он постоянно пользуется в «Толковании сновидений». В случае, если он сжег старые дневники, то следующие утверждения всё равно остаются в силе: фрагмент, относящийся якобы к 1882 г., был написан Фрейдом после смерти Флейшля, которая произошла в 1891 г. Разность между этими годами дает девятилетний срок. Если имя Марта поменять на имя Берта, то предпоследнее предложение фрагмента будет выглядеть так: «Мечтаю только об одном: Берта станет моею». Таким образом, автор покрывающего текста лелеет надежду, что через девять лет, когда умрет Флейшль, Берта будет принадлежать ему. Разумеется, это не нужно воспринимать буквально, просто автору письма доставляло удовольствие фантазировать на эту тему. Фактически, он всю свою жизнь занимался подобным фантазированием.

Магия символа проявляется в его повторении. Так, в письме от 15 ноября 1883 г. Фрейд пишет Марте: *«Вспоминаю подробности нашей первой встречи: это было 17, в субботу. Какое совпадение: в этом месяце 17 число тоже выпадает на субботу! Мое сватовство мне не нужно повторять, не так ли?»* Число 17 для него было священным: о нем он не раз вспоминал, обращая внимание на самые пустяковые совпадения. В «Психологии познания. Удод» я рассказывал, как Фрейд пытался определить год своей смерти. Словом, магия чисел, что на практике означает их повторяемость в жизни, – важнейший компонент нумерологического мышления венского психоаналитика. Поэтому число 9 должно ему встретиться, по крайней мере, дважды, чтобы превратиться в магическое. Предполагаю, что число 9 нужно не только прибавлять к году 1882, но и отнять от него, тогда 1873 – это год начала его серьезных отношений с Бертой. Во всяком случае, этому году нужно отдавать предпочтение перед всеми остальными.

Если влезть в шкуру автора письма, становятся понятны и многие другие предложения, например, это: *«Часть счастья, от которого Марта добровольно отрекалась в час нашей помолвки, мы еще наверстаем»*. По-видимому, Фрейд уговорил Марту отказаться от дружбы с Фрицем, а может быть, и с Бертой, которая в июне 1882 г. находилась в невменяемом состоянии. Я сказал слово «дружба», но известные мне факты дают право заключить, что между Бертой и Мартой существовали более близкие отношения, которые можно было бы назвать лесбийской любовью.

13. Вторичные половые признаки

Как режиссер, Фрейд знал себе цену, он инстинктивно чувствовал людей, хотя совершенно не разбирался в теоретической психологии. Где-то в середине 1880-х годов, встав на путь мщения и преступления, он про себя решил: никакой Берты и никакого Флейшля я больше не знаю, и попытался уговорить Марту, чтобы и она никому не писала и не говорила о них. Он ей

сказал примерно следующее: «Эти два морфиниста должны исчезнуть из нашей жизни. Хватит, погуляли, повеселились, наделали массу глупостей, теперь пора остепениться. Тебе, Марта, надо рожать и воспитывать детей; нам вместе надо создавать нормальную семью».

Но в конце 1883 г. Фрейд, похоже, меняет тактику: Берту он по-прежнему любит, но делает вид, что ее не знает, а с Флейшлем, которого он прекрасно знал с 1875 г. и который рекомендовал Брюкке взять его в Физиологический институт, неожиданно сближается. Он стал говорить и писать письма вроде того, что Флейшль замечательный человек, он им восхищается и хочет с помощью кокаина помочь избавиться от привыкания к морфину. Всё это Фрейд делал как будто бы во сне, до конца не осознавая и не формулируя задачи в явном виде. Обладая расщепленной психикой шизотимика,²⁵ ему не сложно было осуществить план убийства, который реализовывался как бы сам по себе, без его личного участия. Уже весной 1884 г. Фрейд ввел в вену Флейшля лошадиную дозу кокаина, однако всем говорил, что ничего подобного не делал. При анализе сновидения об Ирме мы увидим, эту его гипнотическую процедуру самовнушения с бесконечными повторами: «Я не виновен, я не виновен, он сам виноват, он сам виноват, она сама виновата, она сама виновата...».

Флейшль умер, а Берта выжила, дала обет безбрачия и стала бороться против наркомании, проституции и за права женщин. Известно, что Фрейд презрительно отзывался об уме, деловых и моральных качествах женщин. Он считал их инфантильными, безынициативными, невежественными, истеричными и безнравственными. Думаю, что за этим дискриминационным комплексом стоит его безответная любовь к Берте. Весь психоанализ – это, по сути дела, замечание следов преступления и мщение за неразделенную любовь к той единственной, которая его отвергла и тем самым унизила. Марта, неразлучная подруга Берты, всё прекрасно знала с самого начала. По существу, он хотел вытеснить любовь к Берте любовью к Марте; ему только казалось, что он любит Марту; перед его глазами на протяжении всей жизни светился озорной лик Берты.

После зачатия в марте 1895 г. последнего, шестого ребенка, Анны, Фрейд прекратил с Мартой все сексуальные отношения. Быть может, настоящей любви к ней никогда и не было. Любвеобильные слова, которыми он покрывал десятки страниц писем к невесте, были всего лишь его умением вдохновенно писать: он писал к Марте, а думал о Берте. При желании на всё написанное им к Марте можно посмотреть иначе. Разве не глупо, например, писать своей невесте, что она некрасива, но Зигмунд не мог ничего с собой поделать. Ему было с кем сравнивать: эталон красоты оставался за Бертой. Сейчас нам понятно, что среди писем к невесте попадаются странные послания, которые вряд ли читала Марта. Он сжег все бумаги, где было хоть полслова о Берте, хотел «вытеснить» ее светлый образ в подвалы своего темного бессознательного, но гордый профиль возлюбленной вновь и вновь являлся к нему во снах и наяву. Бессонными ночами Фрейд представлял, как она скачет на своей белой лошади вдоль берега Дунайского канала. Он видел нежную кожу ее рук, мысленно целовал ее шею и злился, поскольку знал, что она ему недоступна.

Я предполагаю (далее попытаюсь убедить читателя), что Берта, Марта и Фрейд подружились еще в раннем детстве (вероятнее всего, летом 1866 г.) в частном доме-отдыхе, расположенном на берегу озера Траун в курортном городке Гмундене. Фрейду тогда было 10 лет, Берте – 7, а Марте – 5. Возможно, впервые Марта появилась в Вене не в 1869 г., как это принято считать, а несколько раньше. Но если даже ее не было в Вене в 1866 г., в Гмундене они могли отдыхать вместе. Марта периодически бывала в Гамбурге, подобно тому, как Берта – во Франкфурте; в этих немецких городах находились родовые корни семейств Бернайсов и Паппенхеймов, которые друг друга неплохо знали. В Вене обосновались их родители и проживали отдельные члены родов, в частности, дядя Берты.

Ситуацию, возникшую непосредственно перед свадьбой Марты и Зигмунда, неплохо проясняет письмо матери Марты, Эммелины Бернайс, рассудительной женщины, написавшей Фрейду следующее:

«Не думай, что я не могу себе представить, насколько неуютна твоя теперешняя жизнь, но начинать семейную жизнь, не имея к этому средств, – значит только причинять страдания. Мне самой пришлось в течение долгих лет испытать, всё это на себе, так что я могу об этом судить. Я прошу и умоляю тебя не делать этого. Не пропускай мои слова мимо ушей и спокойно обожди до тех пор, пока ты не сможешь решить вопрос о средствах к существованию.»

²⁵ В.Э.: Истероида.

Сначала восстанови у себя хоть некоторое спокойствие и миролюбивое настроение, что в настоящее время у тебя полностью отсутствует. У тебя нет абсолютно никакой причины для дурного настроения и упадка духа, которые граничат с патологией. Брось все эти подсчеты и прежде всего стань снова разумным мужчиной. В данный момент ты похож на испорченного ребенка, который не может действовать по-своему и поэтому способен расплакаться в надежде на то, что таким образом сможет всего добиться. Не сердись на последнее предложение, но оно справедливо на самом деле. Прими к сердцу справедливые и сказанные с доброй целью слова и не думай плохо о любящей тебя матери».

Зигмунд был человеком, стремящийся пустить пыль в глаза; если жениться, то непременно с помпой. Он носился по всей Вене в поисках квартиры, мебели, посуды, белья, чтобы у них с Мартой всё было, «как у людей». Проблема упиралась в финансы, которых у него, конечно, не было. Такие вещи, как деньги и барахло, испортят любого человека, а Фрейда и портить не надо, он тут же нашел в них смысл своего существования.

Марта до свадьбы жила три года в Гамбурге, многое забылось, многое воспринималось через письма, в которых жених писал о Дон Кихоте. Ей было уже 25, это солидный возраст, если учесть, что в Вене принято было выходить замуж в 16–19 лет; она рисковала, так как Фрейд имел весьма непрочные привязанности. Кроме того, зная его подноготную, я всё же не исключал бы вариант, что Марта была не девочкой по вине жениха. По тону письма матери чувствуется, как недовольна она будущим зятем. Она имела колоссальное влияние на дочь и всё бы сделала, чтобы этот, как она выразилась, «испорченный ребенок» раз и навсегда отстал от нее. Но судя по написанной ей фразе «любящая тебя мать», выбирать ей не приходилось. Марта должна была стать его женой; к тому же она – и это, видимо, мать понимала – было существо домашнее. Единственно, о чем просила она будущего зятя подождать, пока он не встанет прочно на ноги.

Надо различать два Фрейда – *идеального*, его *Супер-Эго*, и *сексуального*, его *Оно*. Большинство молодых людей в пору большой любви склонно *идеализировать* избранницу своего сердца. В этот период сильные романтические чувства из влюбленных делают *поэтов*; они совершают глупости, но не мерзости; их душа преисполнена благородства, но не подлости. Значит, и Фрейд мог в этот период быть рыцарем печального образа, Дон Кихотом, о котором он писал Марте. Во всяком случае, если признавать наличие недостающего звена в цепи непрерывной любви, нужно учитывать и важность культурного фактора в психологическом развитии молодого Фрейда. Он мог в указанный период своей большой любви не то, чтобы недооценивать, а наоборот, переоценивать даму своего сердца. Она была для него Эльбрусом, заоблачной вершиной, относительно которой Гизела была восходящим склоном, а Марта – нисходящим. Сам же пик его любви из-за густых облаков «покрывающих фантазий» никто из биографов не сумел разглядеть.

В связи с проблемой недостающего звена, поиска настоящей дамы сердца Фрейда я хочу обратить внимание читателя на эпиграф к «Толкованию сновидений». Его, кажется, не было в первом издании книги, он появился позже, но это говорит лишь о всевозрастающем значении содержания эпиграфа, в качестве которого выступают два чудных сонета Данте о любви. Флорентийский поэт²⁶ сумел выразить сердечные чаяния Фрейда. Вчитаемся в замечательные строчки, которые передают главную идею «Книги снов».

Данте да Майяно – к стихотворцам

Не откажи, премудрый, сделай милость,
на этот сон вниманье обрати.
Узнай, что мне красавица приснилась –
та, что у сердца в пребольшей чести.
С густым венком в руках она явилась,
желая в дар венки преподнести,

²⁶ В.Э.: Вообще тут ДВА флорентийских поэта: Данте да Майяно и Данте Алигьери. Они (флорентийские поэты) тогда так игрались: один напишет стихотворение (обычно о своем любовном сновидении) и рассылает всем остальным с вопросом: «Что бы это значило?», а те отвечают ему стихами. Данте Алигьери (тот, «настоящий Данте», который «Комедию», прозванную «Божественной», позже сочинил) тоже так делал: напишет о своей «донне» и посылает другим стихотворцам; но в данном случае инициатором стихотворной переписки был другой Данте, а «наш» лишь отозвался. (Имя «Данте» – в полной форме «Дуранте» – означает «твердый» и, видимо, было тогда довольно распространено во Флоренции).

и вдруг на мне рубашка очутилась
с ее плеча – я убежден почти.
Тут я пришел в такое состояние,
что начал даму страстно обнимать,
ей в удовольствие – по всем приметам
Я целовал ее. Храню молчанье
о прочем, как поклялся ей. И мать
покойная моя была при этом

Данте Алигьери – к Данте да Майяно

Передо мной достойный ум явив,
Способны вы постичь виденье сами,
но, как могу, откликнусь на призыв,
изложенный изящными словами.
В подарке знак любви предположив
к прекраснейшей и благородной даме,
любви, чей не всегда исход счастлив,
надеюсь я – сойду с вами.
Рубашка дамы означать должна,
как я считаю, как считаем оба,
что вас в ответ возлюбит и она.
А то, что эта странная особа
с покойницей была, а не одна,
должно бы означать любовь до гроба.

(Данте Алигьери «Малые произведения»)

На какой сон нужно обратить внимание? Кто она, приснившаяся Фрейду «красавица», которая была у него «в пребольшей чести»? Автор «Толкований сновидений» словами Данте говорит, что «достойный ум» в состоянии «постичь видение». Фрейду явно импонировал символический язык стихов поэта раннего Возрождения, который использовал образы рубашки дамы и покойной матери. Их толкование означает, что «прекраснейшая и благородная дама» будет любить «до гроба» и того, кто сумеет понять и оценить сновидение автора.

Данте, как и Гёте, – поэт-живописец, любитель сочных красок и выпуклых форм. Он умеет любить и ненавидеть, ликовать и отчаиваться, может, когда надо, быть суровым и мужественным, может расчувствоваться, упасть в обморок, как нежная барышня. Во всех своих стихах он и автор, и герой в одном лице. В нем самом, как и в его произведении, кипят страсти. Его натуре свойственна мятежность и неуспокоенность, стремление к гармонии, жажда равновесия, которые, однако, для него принципиально не достижимы.

Всё это как раз в духе Фрейда, а главное, всепоглощающая любовь Данте к единственной женщине, прекрасной флорентийке Беатриче, которая стала путеводной звездой в его блужданиях по миру поэтических фантазий. Она была замужем и рано умерла – двадцати пяти лет от роду. Данте – автор бессмертной «Божественной комедии», которую он посвятил себе и Беатриче. В аду после долгой разлуки поэт встречает свою возлюбленную:

Глаза мои так на нее глядели,
Десятилетней жадной истомленны,
Что все другие чувства омертвели.
И всё иное от меня – как стены
Отгородили: лишь ее улыбки
В былые сети луч манил священный.

Беатриче тоже любит Данте. Она, «жена Блаженная», спустилась из рая в ад,²⁷ чтобы «языком сладкогласным» просить Вергилия позаботиться о нем. «Мой друг, судьбы издевавший гоненья», говорит она, «в небе я слышала о нем», что он «находится в опасности» и «может погибнуть» «в глухой степи». «Спеши к нему, чем можешь только, словом иль делом, дух в нем ободри к трудам, утешь меня и будь ему покровом». Эти слова не могли не понравиться Фрейду.

²⁷ В.Э.: Вообще она спустилась из Рая только в Чистилище, где они и встретились, а в Ад Данте ходил без нее – с Вергилием.

Рассказывают, что когда Данте шел по улицам Вероны, женщины оглядывались на него и шептали: «Смотрите, смотрите, это Данте, тот самый, что спускался в ад и приносил оттуда вести!» – «Да, у него потемнело лицо от адского пламени». Фрейд тоже спускался в ад бессознательного мира; когда он шел по улицам Вены, женщины оборачивались и говорили: «Смотрите, смотрите, это Фрейд, тот самый, что разгадал тайну Сфинкса»; на его лице тоже видели следы адского пламени.

Данте провозгласил два принципа: принцип рая – жизнь есть любовь и блаженство; и принцип ада – жизнь есть страдания и боль, которые невозможно избежать. Людей пугают адом, но Данте просит не забывать их о рае, т.е. наслаждениях. Он идет от дурного к доброму, поэтому его поэма называется «Комедией»; эпитет «Божественная» был присвоен ей поклонниками поэта, которые восхищались совершенством произведения. Данте, *«путь жизненный пройдя до половины»*, т.е. примерно в том же возрасте, что и Фрейд, оказался в дремучем лесу, сбился с дороги, но его спасла возлюбленная Беатриче. Она спустилась из Эмпирея в первый круг Ада, Лимб, и попросила Вергилия помочь заблудшему. Если иметь в виду Фрейда, то роль древнеримского поэта могли бы взять на себя Флейшль, Брейер или Флисс. Психологи любят сравнивать бессознательное с потусторонним миром и вспоминать Сфинкса. Словом, у Фрейда было множество поводов провести параллель между собой и Данте, с одной стороны, и между Бертой и Беатриче, с другой.

Кажется, что мы напали на след фрейдовской Беатриче; сонеты Данте, разумеется, появились здесь неспроста. Однако мы слишком переоценим культурный фактор в психологии Фрейда, если будем искать фрейдовскую возлюбленную, ориентируясь на Беатриче – «прекраснейшую и благородную даму», которую любил поэт. Фрейд – не Данте и его «дама сердца» не может быть Беатриче. Возможно, Фрейд и примерял свою жизнь к жизни Данте, только не нужно сравнивать культурный уровень психоаналитика, отхаркивающего на чистую лестницу, с культурным уровнем флорентийского поэта. В работе 1930 г. «Недовольство культурой» Фрейд писал, что *«большую часть вины за наши несчастья несет наша так называемая культура; мы были бы несравнимо счастливее, если бы от нее отказались и вернулись к первобытности»*. Неврозы происходят оттого, утверждает психоаналитик, что человек *«не может вынести всей массы ограничений, налагаемых на него обществом во имя своих культурных идеалов. Из этого был сделан вывод, что со снятием или значительным уменьшением этих ограничений произошел бы возврат к утраченным возможностям счастья»*. Сейчас я приведу еще несколько выдержек из этого произведения, чтобы показать, каков культурный уровень Фрейда.

«Мы приняли любовь в качестве основания культуры, мы говорили, что как сильнейшее переживание удовольствия половая (генитальная) любовь дает человеку прообраз всякого счастья. Поэтому напрашивается дальнейший поиск счастья в области половых отношений, тогда как генитальная эротика делается средоточием жизни. «Первым достижением культуры было увеличение числа людей, которые могли входить в сообщество». «Женщины представляют интересы семьи и сексуальной жизни; культурная деятельность во всё большей степени становилась мужским делом. Она ставила перед ними все более сложные задачи, принуждая их к сублимации влечений, а женщины к этому не слишком способны». «Женщина видит, как она оттесняется на второй план притязаниями культуры, и у нее начинается вражда с культурой». «Уже первая фаза культуры, фаза тотемизма, принесла с собою запрет на кровосмешение – запрет, нанесший, вероятно, самую глубокую за всё время рану любовной жизни человека». «Требование одинаковой для всех сексуальной жизни не принимает в расчет различий во врожденной или приобретенной сексуальной конституции, отнимает у людей значительную часть сексуального наслаждения и тем самым делается источником тяжкой несправедливости». «Современная культура ясно дает понять, что сексуальные отношения допустимы лишь в виде единственной и нерасторжимой связи между одним мужчиной и одной женщиной. Культура не желает знать сексуальности как самостоятельного источника удовольствия и готова терпеть ее лишь в качестве незаменимого средства размножения». «Если устранить даже это, путем полного освобождения сексуальной жизни, т.е. посредством уничтожения семьи, зародыша культуры, тогда, конечно, становятся непредвидимыми новые пути развития культуры...».

Конечно, Фрейд читал Данте, воображал себя на его месте, очень любил девушку, о которой нам многое уже известно, но его любовь невозможно сравнивать с любовью Данте к Беатриче. В «Недовольстве культурой» он пишет:

«Прекрасное и возбуждающее суть изначальные свойства сексуального объекта. Заслуживает внимания тот факт, что сами половые органы, вид которых вызывает возбуждение, почти никогда не считались красивыми; характер прекрасного связывался с известными вторичными половыми признаками».

Как бы Фрейд описывал красоту своей возлюбленной, если для него женская красота является «вторичными половыми признаками»? Мне как-то всегда не удобно говорить об известной личности в резких тонах. Однако нам откроется истинный смысл многих психоаналитических сочинений Фрейда, если у нас перед глазами будет стоять не образ великого и гениального ученого, высококультурного и образованного интеллектуала, а образ писающего и плюющего на читателя гордеца. Венскому психоаналитику больше подходит уродливый образ беспринципного и испорченного человека, сумевшего обвести вокруг пальца миллионы простаков, думающих, что они приобщились к глубинной психологии, когда прочли его бредни. Поэтому при поиске недостающего звена мы не должны ориентироваться на человека калибра дантовой Беатриче, нам нужен не столь высокий и яркий маяк.

Фрейд, как теоретик, был удивительно прямолинейным человеком: то, что он чувствовал и переживал, точно так же, полагал он, должны чувствовать и переживать все люди на земле. Выше цитировалась работа о недовольстве его современной культурой, но критических работ, где осуждалась бы культура, он написал несколько, начиная с «Нервности и неврастенического состояния» (1895) и «Патологии и терапии неврастении» (1896). Хочу обратиться к статье 1908 г. ««Культурная» сексуальная мораль и современная нервозность», в которой автор продолжает брюзжать по поводу современной культуры, которая несет одни беды.

«Современная литература, – пишет Фрейд, – занимается по преимуществу самыми рискованными проблемами, которые пробуждают все страсти, поощряют чувственность, страсть к удовольствиям и вызывают презрение ко всем этическим требованиям и идеалам. Она рисует перед читателем патологические типы, занимается сексуально-психопатическими и революционными проблемами. Наш слух возбуждается и раздражается отпущенной в большой дозе надоедливой и шумной музыкой; театр своими возбуждающими представлениями захватывает все чувства, и изобразительные искусства останавливаются с любовью на отталкивающем, отвратительном и возбуждающем, не боясь самое ужасное, что дает действительность, изобразить с отталкивающим реализмом. Уже эта общая картина указывает на ряд опасностей в нашем современном культурном развитии...».

Таково восприятие современной Фрейдом культуры.

Но я хочу обратить внимание читателя на одно место в этой статье, которое почти списано Фрейдом со своей собственной жизни. Он начинает с вопроса: «дает ли половое общение в законном браке полное вознаграждение за воздержание до брака?» Супружеские отношения, представленные в этой статье, точь-в-точь повторяют отношения, существующие между Мартой и Фрейдом. Это у них было «ограниченное половое общение в браке», которое «существовало только несколько лет». Фрейд после «трех, четырех или пяти лет брака» более не испытывал «счастья в той степени, в какой он обещал удовлетворение сексуальных потребностей». Он ненавидел презервативы и не знал, как можно эффективно предохраняться. Рождение Анны не планировалось; супруги не жили полноценной половой жизнью, начиная уже с 1893 г. Разочаровавшись в «иллюзиях», связанных с браком, Фрейд в полной мере воспользовался «предоставленной ему сексуальной свободой», оправдание которой он находил в обществе с «двойной сексуальной моралью». Он всегда думал, что Марта страдает определенной формой неврастении или даже истерии в виду отсутствия у нее достаточного количества либидо. Обо всем этом говорилось в указанной статье.

Если Фрейд-исследователь действительно всё описанное в указанной работе взял из своей личной жизни, то место для божественной Беатриче в его сердце оказалось вакантным. Но подобная пустота для него неприемлема, поскольку Фрейд-идеалист не мог бы прожить и дня без всепоглощающей любви к идеалу. Этим идеалом могла быть только Берта Паппенхейм. Лучшую кандидатуру на замещение недостающего звена не найти.

Мы уже знаем, что период учебы в университете у Фрейда затянулся; он потерял интерес к учебе после четвертого курса, разочаровавшись в гистологии, физиологии и естественных науках вообще. В 1878 г. он практически забросил учебу окончательно и, как это обычно бывает во многих странах, его забрали в армию. Однако служба в тогдашней австрийской армии, проходившая в период с лета 1879 г. по лето 1880 г., была не такой тяжелой, как в нынешней

русской. Военнослужащий ночевал дома; в течение светового дня он не маршировал на плацу, а помогал врачам-профессионалам при осмотре больных; вторую половину дня солдат был предоставлен самому себе. Но почему-то об этом периоде нигде ничего не говорится; письменные свидетельства либо засекречены, либо уничтожены. Гораздо больше мы знаем о призыве Фрейда на месячные армейские сборы в «отвратительную дыру» (Ольмюц) незадолго до своей свадьбы, чем о годичной службе, которую он проходил в Вене. Чем он занимался? Пусть какое-то время он переводил работы Дж. Ст. Милля, а что потом?

Обратимся еще раз к предшествующему и последующему звеньям цепи любви Фрейда. Гизела – «дама сердца» его *идеального Я*, Полина – *сексуального Я*, когда Фрейду было 16; после 30 лет их места заняли, соответственно, Марта и Минна. С ноября 1895 г. Минна поселилась в доме № 19 по Берггассе в комнате, расположенной рядом со спальней Марты и Зигмунда; она жила с ними постоянно вплоть до их отъезда в 1938 г. в Лондон. Я предполагаю, что сестры заключили что-то наподобие договора. Вряд ли любая другая жена равнодушно смотрела бы, как ее сестра ездит по курортам с мужем, у которого на уме крутятся сексуальные образы. Но на рассудительную Марту, после свадьбы сделавшуюся сексуально холодной, это вполне похоже. После рождения детей любовь к жене у него окончательно прошла. Я не исключаю, что между Мартой и Бертой существовала лесбийская любовь. Но если даже ее не было для *идеального фрейдовского Я* нужен был еще кто-то, кроме его жены. Минна, как и Флисс, выслушивала его теории сексуальности; этим она удовлетворяла его интеллектуальные запросы. Мы же говорим о романтической любви, которую Фрейд не испытывал к свояченице. Кроме того, Минна остается в области предположений; куда более вероятны женщины-любовницы, которых Фрейд анализировал. Прозрачнее, чем с Минной, сложилась картина, например, с Лоу Канн, о которой речь впереди.

Фрейд зверел, когда на пути его воцелений возникал соперник. Можно представить, какой ненавистью он воспылал к Флейшлю, когда тот соблазнил Берту. Бешенная ревность и неверие в любовь Марты у Фрейда выступали на фоне сомнений в отношении выбора между ней и Бертой. Во всех любовных треугольниках последнее слово остается за дамой. От верной гибели Фрица спасла Марта, сломившаяся под натиском Фрейда. Так уж получилось, что она отдала предпочтение ему, но этот выбор мог зависеть и от угроз, произнесенных Фрейдом в адрес Фрица. Джонс пишет: с осени 1882 г. «Фриц не давал больше поводов для беспокойства. Но эта рана еще долго оставалась болезненной для Фрейда. Даже три года спустя Фрейд считал эти дни «незабываемыми»». Как показывает «Анализ фобии пятилетнего мальчика», Фрейд помнил о Фрице намного дольше. Желания, которые высказывал автор «Толкования сновидений», являются не просто мечтами абстрактного сновидца, а реального человека, мечтающего о славе и величии. Можно не сомневаться, что Фрейд ради достижения своей цели готов пойти на любую хитрость, обман и подлость. Это крайне важная деталь для понимания взаимоотношений между Фрейдом и Бертой.

14. Друг-враг Брейер

Несомненно, Фрейд виделся с Брюкке, Экснером, Флейшлем и Брейером с самых первых дней пребывания в Физиологическом институте, куда его взяли помощником в 1876 г. Поскольку он выглядел старше своих лет, держался уверенно и быстро сходился с людьми, которые для него могли быть полезны, не приходится сомневаться, что через год он отлично знал всех четверых, причем к Флейшлю и Брейеру питал особую привязанность. С первым он мог развлекаться – посещать увеселительные заведения, балы и спектакли, а от второго набираться опыта, поскольку, поставив крест на карьере ученого, он уже тогда решил стать практикующим врачом, как и Брейер. Все пять упомянутых мною мужчин образовывали равновесную психологическую систему, которая находилась в устойчивом состоянии более пяти лет. Каждый из них нуждался в другом, а все вместе нуждались в каждом. И хотя с Брюкке, который старше Фрейда на 37 лет, и с Экснером, в силу увлеченности наукой и загруженности административной работой, демонстратор-лаборант общался меньше, это не означало, что он меньше опирался на них в достижении своих целей. Спаянность компании вытекала из удачной возрастной градации и четкого функционального разделения ролей. Обо всех в этой компании было сказано более или менее подробно, кроме Йозефа Брейера.

Он был прекрасным диагностиком, считал, что успех врачевания, в первую очередь, зависит от правильно поставленного диагноза. Ему приписывали ясновидение, будто он способен видеть воспаленные внутренние органы – ведь рентгеновского аппарата, зондов и прочих приспособлений, которые имеются сейчас, в распоряжении специалистов по внутренним заболеваниям тогда еще не существовало. Врач, глядя в глаза больного и делая его внешний осмотр, должен был судить о характере внутреннего заболевания. Брейер был врач, что называется, от Бога. Имея «золотые руки», он добивался поразительного успеха там, где другие терпели полный провал. Это дарование ему досталось, видимо, от деда, который был простым сельским хирургом. Отец его преподавал еврейский язык, историю и литературу, был человеком совестливым и ответственным. Мне кажется, что он лично знал Якоба Фрейда, так как вряд ли сам Йозеф, учитывая его скромность, стал бы дарить Фрейду «Историю евреев и иудаизма», написанную его отцом, Леопольдом Брейером. Зигмунд в период знакомства с Йозефом этими вещами не интересовался, а вот его отцу всегда нравилось читать подобные сочинения. Книга Леопольда Брейера находилась в доме Фрейдом вместе с Библией Филиппсона. Знаком или не знаком Леопольд Брейер с Якобом Фрейдом – это нам не известно, но хорошо известно, что от отца Йозеф Брейер унаследовал честность и порядочность, а от деда – трудолюбие и талант врача.

По натуре Брейер был непритязательным и малоразговорчивым человеком, вечно размышляющим о болячках своих больных, которых у него было видимо-невидимо. Он – ученик профессора Опольцера. На момент смерти учителя, последовавшей в 1871 г., Брейеру было 29 лет. Руководство медицинского факультета не решилось поставить ученика на место умершего учителя, объясняя это молодостью и неопытностью ученика. Брейер, зная себе цену, обиделся и ушел из университета, занявшись частной медицинской практикой. Не ведя занятия в университете, он, однако, остался работать в Институте Брюкке, где продолжал вести исследовательскую работу, связанную со слухом и вестибулярным аппаратом птиц, животных и человека, больше для удовлетворения собственного любопытства, чем получения очередных ученых званий. Его мировоззрение было исключительно материалистическим, что часто вызывало споры между ним и Фрейдом, который склонялся к виталистическим воззрениям новых схоластов.

Джонс, касаясь этого вопроса, писал: *«Институт Брюкке действительно принадлежал к выдающемуся движению в науке, больше всего известному под названием «школы Гельмгольца в медицине»». В 1874 г. Брюкке опубликовал «Лекции по физиологии». В предисловии к лекциям, которые, как написал Джонс, «пленили студента Фрейда», Брюкке писал:*

«Физиология есть учение об организмах. Организмы отличаются от неживых материальных машин, находящихся в деятельности, наличием способности к ассимиляции. Но все они – явления физического мира: системы атомов, приводимых в движение силами в соответствии с законом сохранения энергии, который был открыт Робертом Майером в 1842 г., затем в течение 20 лет не признавался и, наконец, стал всеобщим достоянием благодаря Гельмгольцу».

«Сам Брюкке, – писал биограф Фрейда, – являлся примером дисциплинированного ученого, с которого, как считал Фрейд, ему следовало брать пример. Но начнем с того, что Брюкке был немцем, а не австрийцем, и его аккуратность была прямо противоположной чертой венской небрежности, с которой Фрейд уже давно был хорошо знаком и на которую он взирал с добродушной снисходительностью, возможно, и с тайной симпатией».

Джонс, описав колоритную фигуру директора Физиологического института, далее заметил:

«Брюкке был бы, мягко говоря, изумлен, если бы ему довелось узнать, что один из его любимейших учеников [Фрейд], явно обращенный в строгую веру, позднее в своей знаменитой теории исполнения желаний снова возвратил в науку понятия «стремление», «намерение» и «цель», которые незадолго до этого были повсеместно устранены».

О спекулятивном витализме, который возродился на рубеже XIX–XX вв. не без помощи Фрейда, довольно подробно рассказывается в книге «Психология познания. Удод». При определении диагноза Брейер всегда исходил из физиологии и материальных причин возникновения болезни. Фрейд в таких случаях был склонен опираться на схоластические основания, выраженные в понятиях бессознательной психики, либидо и умозрительных схемах возникновения заболевания. Схоластический образ мысли Фрейд усвоил из философских лекций Brentano, который преподавал ему в течение трех лет метафизику и силлогистику Аристотеля. Брейер писал об истерии и гипнозе, но в отличие от него придерживался материалистических взглядов.

Фрейд же плохо чувствовал грань между витализмом и материализмом, его тянуло на схоластику. Кроме того, следовало учесть его «венскую небрежность», к которой добавлялась изрядная доля плутовства.

Брейер был старше преподавателей Экснера и Флейшля на пять лет и опытнее их в вопросах практической медицины. Являясь личным врачом Брюкке, Брейер занимал более авторитетное положение в Институте по сравнению с положением не только Фрейда, но и двух ассистентов. В лаборатории он появился чуть позже Фрейда, что послужило причиной необоснованных претензий к нему со стороны «старослужащего» помощника Брюкке (об этом ниже). Брейера призывали на суд в спорах Экснера и Флейшля, которые почти не занимались практической медициной. Большую часть дня Брейер мотался по вызовам больных, проживающих в городе и его окрестностях, а в свободное время приходил в лаборатории для проведения собственных экспериментов.

По приходу в Институт Фрейд выполнял самую грязную работу, которая ему скоро надоела. За это Брюкке его не раз отчитывал, о чем будет сказано отдельно. Никаких самостоятельных исследований он не проводил, учебой тоже стал тяготиться, с появлением же в лаборатории Брейера он быстро сообразил, каким путем нужно идти, чтобы завоевать почет и заработать немалые деньги. Помощник Брюкке теперь подрядился помогать уважаемому в городе врачу по внутренним болезням. Фрейд частенько бывал в доме Брейера и сопровождал его, когда тот выезжал на вызовы по городу и его окрестностям. Врачу нужен был расторопный и смысленный молодой человек, который бы мог сделать инъекцию пациенту, умело наложить повязку, помочь в осмотре больного, навестить уже выздоравливающего. Увы, Фрейд не блистал указанными качествами медицинского работника, но зато нуждался в деньгах, которыми щедро делился его наставник, поэтому очень старался угодить своему наставнику.

Его разрыв с Брейером обусловлен, главным образом, принципиальными расхождениями во взглядах. В определенной мере он связан также, по-видимому, со смертью Флейшля и тяжелым состоянием Берты. Кроме того, Фрейд беззастенчиво пользовался деньгами Брейера, не думая возвращать ему огромные долги. Несмотря на указанные причины, правильнее всё же считать, что не Брейер отвернулся от Фрейда, а Фрейд – от Брейера. Брейер имел доброе сердце и уж, конечно, ему не снились сны по умерщвлению Фрейда. Феррис пишет, что *«однажды после разрыва с Фрейдом он увидел того на Берггассе и бросился к нему навстречу с распростертыми объятиями, но его бывший друг перешел на другую сторону улицы. Фрейд написал о нем положительное и высокопарное посмертное примечание»*. Этот поступок весьма красноречив и типичен для отца-основателя психоанализа. Когда по прошествии нескольких лет после разрыва с Адлером кто-то спросил о нем Фрейда, отец-основатель рассеянно ответил: «Адлер? Альфред Адлер? К сожалению, такого психолога я не знаю – ни лично, ни по фамилии». Адлер же до самой своей кончины очень тепло отзывался о Фрейде. Однажды он спросил своего ученика Курта Зеельмана: «Вы уже читали Фрейда? Нет? Книги Фрейда хорошо написаны; в них много толкового. Вы обязательно должны их прочитать!»

В «Толковании сновидений» Фрейд заметил, что его любовь и ненависть к племяннику Джону в точности повторилась в любви и ненависти к его друзьям. Фрейдовское первичное сознание любило их, а скрытое, вторичное – ненавидело. Об этом уже говорилось, но эта тема настолько важна и о ней так часто забывают, что не грех к ней вернуться еще раз. Фрейд пишет:

«Все дружеские и враждебные чувства допускают сведение к моим отношениям с племянником, бывшим на год старше меня; он угнетал меня, я научился бороться с ним; в общем, мы жили мирно и любили друг друга, хотя, как свидетельствуют показания наших родителей, нередко дрались и жаловались один на другого. Все мои позднейшие друзья воплощали для меня в известном смысле этого первого друга-врага. Близкий друг и ненавистный враг были всегда необходимыми объектами моего чувства; я бессознательно старался постоянно вновь находить себе их, и детский идеал нередко осуществлялся в такой даже мере, что друг и враг сливались в одном лице, понятно, не одновременно, как то было в период моего раннего детства».

Это наблюдение точно, и им можно умело пользоваться. Если будет что-то непонятно в отношении одного из фрейдовских друзей-врагов – Джона, Флисса, Флейшля или Брейера, – можно восстановить недостающую информацию, обратившись к известным отношениям с другими его друзьями.

Далее автор переходит к описанию формальной стороны конфликта между ним и Джоном, не раскрывая ее сути, однако через форму кое-что удастся узнать и о сути. Из нижеследующего

повествования можно заключить, что между Зигмундом и Джоном было заключено что-то напоподобие пари: кто «пришел первым», тот и владеет «вещью». В качестве «вещи» выступала Полина.

«В целях толкования сновидений, – пишет Фрейд, – достаточно предположить, что перед нами всплывает или фантастически образуется воспоминание детства следующего содержания: двое детей спорят из-за какой-нибудь вещи, из-за какой, для нас сейчас безразлично, хотя воспоминание или иллюзия такового имеет в виду вещь вполне определенную; каждый утверждает, что он пришел первым, что вещь принадлежит ему; дело доходит до драки, сила торжествует над правом; по данным сновидения я сознавал, вероятно, что был неправ (я сам замечаю свою ошибку), но на сей раз победа остается на моей стороне, поле сражения за мной, побежденный спешит к деду [Якобу], жалуется на меня, и я защищаюсь словами, сообщенными мне впоследствии отцом [Якобом]: я бил его потому, что он меня бил».

После этого экскурса в детство Фрейд переходит к своим отношениям с Брейером и приводит фразу «Уйди – я займу твое место», затем он вновь возвращается в детство:

«Я нахожу поэтому вполне естественным, что противники существуют лишь до тех пор, пока их терпишь, и что их можно устранить желанием. Таким образом, за это и наказан мой друг Иосиф [Брейер]. Противники являются, однако, последовательными воплощениями друга моего детства [Джона]; я, следовательно, испытываю удовлетворение и по поводу того, что постоянно замечал его кем-нибудь и что теперь снова найду заместителя тому, кого боюсь потерять. Нет незаменимой утраты. ...Я потерял уже столько близких друзей, одни умерли [Флейшль], с другими мы разошлись [Брейером]; как хорошо все-таки, что я нашел им замену, что я приобрел друга [Флисса], который дороже мне всех других и которого я теперь в возрасте, когда дружеские отношения завязываются с большим трудом, сумею сохранить навсегда».

С Флиссом Фрейд тоже рассорился (об этом подробно рассказывается в «Психологии познания. Удод»), но он нас сейчас не интересует. А вот о дружбе и вражде к Брейеру и Флейшлю нужно сказать особо. Во всех официальных биографиях Фрейда подчеркивается только первая часть амбивалентного чувства к ним. Между тем мы ничего не сможем понять в поступках родоначальника психоанализа, если будем исходить только из его любви и дружбы к людям. Силы симпатии у него действовали на начальном этапе, затем приходило время, и он начинал ненавидеть своих друзей.

Говоря о пятилетнем сроке (6Е, IV; период 1851–1856 г.), Фрейд пишет:

«Отец становится здесь ширмой для других, и сновидение может потому так откровенно и беззастенчиво обращаться с его неприкосновенной работой, что при этом доминирующую роль играет сознание, что в действительности речь идет вовсе не о нем. Такое положение вещей вытекает из мотивов сновидения. Оно последовало вскоре после того, как я услышал, что мой старший коллега [Брейер], мнение которого считается непогрешимым, высказался с возмущением и удивлением по поводу того, что один из моих пациентов [Берта] пользуется моим психоаналитическим лечением вот уже *пятый год* подряд. Начало сновидения в весьма прозрачной форме указывает на то, что этот коллега [Брейер] одно время принял на себя обязанности, которые не мог больше исполнять отец (плата за содержание в госпитале). Когда же наша дружба стала колебаться, на мою долю выпал конфликт чувств [любви и ненависти], который в случае разногласий между сыном и отцом вызывается ролью и прежними заслугами отца. Мысли, скрывающиеся за сновидением, горячо протестуют против упрека в том, что *я не продвигаюсь вперед*. Упрек этот, относящийся вначале к лечению этого пациента [Берты], распространяется затем и на другое. Разве он знает кого-нибудь, кто мог бы это сделать быстрее? Разве неизвестно ему, что состояния такого рода обычно считаются неизлечимыми и продолжаются всю жизнь? Что значит какие-нибудь *четыре-пять лет* по сравнению с жизнью, особенно если пациенту [Берте] само лечение приносит значительное облегчение?»

Отец Фрейда выступает здесь «покрывалом», или «ширмой», для маскировки двух известных наставников – Брейера и Мейнерта. В отношении Брейера (второй наставник нас сейчас интересовать не будет) хорошо известно, что он оплачивал в течение пяти лет пребывание Фрейда в роскошном доме-гостинице Зюнхаусе по Ратхаусштассе с июля 1886 по август 1891 г. («плата за содержание в госпитале»). В этот самый престижный дом Вены Зигмунд привел свою молодую жену Марту и здесь же он принимал своих первых пациентов, которых направлял ему Брейер. Матильда, жена Брейера, помогла Фрейду составить объявление в местную газету

следующего содержания: *«Доктор Зигмунд Фрейд, приват-доцент невропатологии Венского университета, вернулся после шестимесячного пребывания в Париже и ныне проживает по адресу Ратхаусштрассе – 7»*. Лечение Берты он занимался с 1878 по 1882 г. – это наиболее вероятный отрезок времени. Но я не исключаю период с лета 1880 г. (т.е. сразу после своей армейской практики в качестве военного врача) по 1885 г., когда он уничтожил письма и дневники, с упоминаниями имени Берты и уехал на стажировку к Шарко в Париж. Принять вторую гипотезу мешают известные факты его интенсивной работы в городской больнице. Однако и в это время он мог навещать Берту и считать себя ее лечащим врачом.

Нет никаких сомнений, что под словом «мой старший коллега» в приведенном выше сновидении нужно понимать именно Брейера, а под словом «пациент» – Берту Паппенхейм. В то время у Фрейда, начинающего врача-психотерапевта, просто не было других пациентов, которых бы он лечил в течение пяти лет. Автор «Толкования сновидений» считает ее своей пациенткой и ни слова не говорит о том, что ее лечил Брейер. В этом и состоял смысл кодировки, в соответствии с которой Берта для публики была брейерской пациенткой, но фактически в течение пяти лет ее лечил один Фрейд. Указанный срок является «гвоздем» нумерологического сновидения и не мог быть выдуман. Всякий вдумчивый исследователь должен предложить кандидатуру пациентки, которая бы лечилась у Фрейда в течение столь длительного срока. Никого, кроме Берты, здесь назвать не удастся. Между прочим, пропуск в дом Паппенхеймов Фрейду выдал сам Брейер, но об этом будет рассказано ниже.

В отношении Брейера не сомневается и Джонс, который, однако, указал другие временные сроки. Биограф написал, что *«В «Толковании сновидений» Фрейда есть ссылка на друга, несомненно, на Брейера, который помогал ему в течение четырех или пяти лет. Последний раз он заплатил за Фрейда его долг в феврале 1886 г.»* Джонс назвал сумму долга, 2300 гульденов, и указал, что

«Флейшль также помогал ему. Летом 1884 г. он сказал Фрейду, что тот без какой-либо тени смущения должен брать у него займы столько, сколько ему требуется, и спросил, почему он одалживает деньги лишь у Брейера. «Внутри маленького и избранного круга мужчин, которые находятся друг с другом в согласии по наиболее важным вещам, для одного из его членов было бы столь же не правильно иметь мнение, отличное от мнения других, как и не хотеть принять любую возможную помощь». После этого Фрейд несколько раз занимал у него деньги. Провожая Фрейда в Париж, Флейшль сказал ему, чтобы тот обязательно написал, если будет нуждаться в деньгах. Флейшль умер прежде, чем Фрейд смог вернуть свой долг».

В сновидении о пятилетнем сроке (6E, IV) имеется в виду всё же период с лета 1886 по лето 1891 г., когда Фрейд проживал в доме-гостинице Зюнхаусе, который называли еще «Императорским мемориальным домом». Феррис говорит, что плата за него была не слишком высокой, поскольку за пять лет до этого на его месте стоял театр, который сгорел вместе с несколькими сотнями зрителей. Помня об этом трагическом случае, люди опасались в нем селиться. И всё же деньги за проживание в нем требовались немалые. В это время Фрейду было особенно неудобно брать их у Брейера, которого он уже успел возненавидеть. То, что он продолжал брать деньги у него, можно не сомневаться. В связи с этим Джонс пишет:

«До тех пор, пока он находился в хороших отношениях с Брейером (долгие годы их отношения оставались превосходными), долг не особенно тяготил его, но после его разрыва с Брейером в 90-х годах Фрейд весьма болезненно воспринимал свою финансовую зависимость от бывшего друга. Брейер всегда успокаивал его на этот счет. Фрейд упоминает, что, будучи еще в хороших отношениях с Брейером, неоднократно говорил ему, что теряет к себе уважение, принимая деньги. Но Брейер настаивал, чтобы Фрейд брал эти деньги, не просто потому, что он может себе позволить такую щедрость, а так как Фрейду следует осознать свою ценность в мире».

Сновидение о пятилетнем периоде (6E, IV) написано в 1897 г., когда Фрейд был озабочен получением профессорского звания (разумеется, это не сон, а тщательно разработанный ассоциативный пример, наподобие ассоциативных примеров из книги «Остроумие и его отношение к бессознательному»). Автор представляет своего отца профессором; в этом случае он бы «скорее пошел вперед». Последняя фраза коррелирует с фразой Брейера о недостаточно быстром продвижении вперед в деле излечения Берты Паппенхейм. В связи с датой 1851 г., у Фрейда возникает страх смерти; в 51 год ($51 = 23 + 28$ – числа Флисса). Короче говоря, в этом сне были сгруппированы несколько наиболее волнующих Фрейда событий, начиная от даты женитьбы его

отца на Амалии (1851) и кончая смертью отца (1896). Большая часть этих событий связана с пятилетним сроком, хотя за лечение Берты он отвечал меньшее время, где-то 4,5 года. Эта корректировка пятилетнего срока в меньшую сторону также прочитывается в анализе сновидения 6E, IV. Фрейд написал:

«Четыре, пять лет – это как раз промежуток времени, в течение которого я пользовался [денежной] поддержкой вышеупомянутого коллеги [Брейер платил за проживание молодой четы Фрейдов в Зюнхаусе с 1886 по 1891 г.]; в течение этого же времени я был женихом своей невесты [с 1882 по 1886 г.] и, наконец, в течение этого же времени я заставлял своего пациента [Берту] ожидать полного исцеления [с начала 1878 по лето 1882 г.]».

В течение 4,5 лет Фрейд «заставлял» Берту поверить в ее выздоровление; летом 1882 г. он сам, видимо, разуверился в этом и полностью переключился на Марту. О науке, учебе или работе демонстратора он в то время думал мало: все мысли у него были о Берте. Любой квалифицированный психолог догадается, что молодой человек фрейдовского темперамента в период 20–25 лет должен находиться в состоянии повышенной сексуальности, которое полностью или частично парализует его деятельность. Какая-то доля времени у него уходила, видимо, на помощь Брейеру и на других пациентов. Ведь нельзя же в течение 4,5 лет целыми днями напролет сидеть возле любимой, особенно, если иметь в виду эгоизм Фрейда.

Но указанный срок, как я уже сказал, мог начаться с лета 1880 г. и продолжаться до начала 1885 г., когда его заинтересовал карьерный рост. В первую половину этого срока Фрейд был мало загружен работой и мог заниматься лечением Берты, но с 1 мая по 1 октября 1883 г. он работал в психиатрическом отделении Теодора Мейнерта в качестве аспиранта. Тогда Марта жила еще в Вене и приходила к нему в комнату, расположенную в больнице. В конце 1883 г. она уезжает в Гамбург, а он с 1 января 1884 г. приступает к работе в отделении Франца Шольца. С 7 по 21 июня 1885 г. Фрейд работал в клинике Лейдесдорфа для душевнобольных и, возможно, лечил Берту. Однако общая загруженность работой в период с лета 1880 по начало 1885 г. такова, что делает это время маловероятным для лечения Берты. Самым же веским аргументом против этого является помещение Берты в июне 1882 г. почти на полгода в Крёйцлингенскую клинику и переключение его внимания на Марту. Весной 1885 г. он сделал всё, чтобы имя Берты было забыто.

В конце февраля 1885 г. начальник неврологического отделения Шольц, у которого он в течение 14 месяцев работал, потребовал его увольнения. Поэтому с 1 марта ему пришлось перевестись сначала в отделение офтальмологии, а потом дерматологии, что лишало его возможности, по крайней мере, формально, заниматься нервно-психическими заболеваниями. Большая часть времени 1885 г. у него ушла на получение звания приват-доцента и субсидий для поездки в Париж, так что работал он немного. В августе он уволился из больницы, в которой проработал более трех лет, и отбыл в Гамбург, где жила Марта (Вандсбек был тогда пригородом; сейчас это чуть ли не центральная часть Гамбурга). От нее в середине октября 1885 г., взяв «с собой рекомендательное письмо к Шарко, стипендию в 600 гульденов, а также запас кокаина для поддержания духа», как написал Феррис, Фрейд отбыл в Париж для трехмесячной стажировки. В газетном объявлении и других местах он часто говорил о шестимесячной стажировке в Париже; на самом же деле около трех месяцев он провел в Нанси и Берлине.

Вскоре после женитьбы он был занят переводами книг Шарко и Бернхейма, его сильно занимали вопросы истерии. В 1888 г. он написал статью, в которой упоминался метод Брейера (он тогда еще не назывался «очистительным методом», Фрейд не пользовался словом «катарсис»). Феррис цитирует ключевую строчку из этой статьи: мы «под гипнозом заставляли пациента вспоминать психическую предысторию заболевания и определить, в какой момент оно возникло». Под пациентом здесь подразумевалась Берта Паппенхейм. Однако несколько лет после получения звания приват-доцента, поездки в Париж и женитьбы Фрейд вел довольно спокойный образ жизни; немало времени он отдавал семье. Оживление и общий настрой на работу, а также окончательная ссора с Брейером могли возникнуть на почве присвоения ему в 1894 г. звания академика (точнее, ассоциированного членства в Академии). Фрейд почувствовал неудовлетворенность своим невысоким положением в ученом сообществе, а главное, его обуяла зависть к бывшему другу. Книга «Исследования истерии» явилась своеобразной реакцией на это событие. Фрейд верстал ее, конечно, один из материала, которым располагал, не советуясь с Брейером. Думать, что книга была написана совместно с Брейером, было бы заблуждением; перед выходом ее в свет друзья даже не разговаривали друг с другом.

15. Как Фрейд стал профессором

Событиям, связанным с изготовлением фальшивых русских денег, в четвертом разделе «Толкования сновидений» посвящено сновидение, анализ которого занял большую часть раздела. Содержание сновидения оказалось тесно переплетено с гораздо более поздними событиями, связанными с получением профессорского звания. В январе 1897 г. Фрейд обратил внимание на метившего в профессора коллегу, который был на шесть лет моложе его. Этот факт больно задел самолюбие Фрейда, хотя в письме Флиссу он написал, что это его «ничуть не трогает», но может ускорить «окончательный разрыв» с университетом. В февральском письме к Флиссу он сообщил, что ходил к бывшему своему шефу и преподавателю, директору городской больницы профессору Нотнагелю, чтобы прозондировать почву. Тот сообщил о возможных трудностях: антисемитизм министерских чиновников, подмоченная репутация, отсутствие влиятельных покровителей (все три причины выдвигались в гипотетическом модусе). Как бы там ни было Нотнагель вместе с Крафт-Эбингом и Франкль-Гохвартом в мае подали прошение на соискание звания экстраординарного профессора для Фрейда (в отличие от ординарного, это звание не давало прямой денежной прибавки от министерства образования, но за счет важности титула позволяло хорошо зарабатывать на клиентуре). *«Мэссон утверждает, – пишет Феррис, – что ключевой абзац [прошение] был настолько положительным, что наверняка его написал сам Фрейд. Крафт-Эбинг сделал от себя поправку, что кандидат, несмотря на свой небывалый талант, возможно, переоценивает важность своих открытий»*. Прощение отправили министру образования, и теперь Фрейду оставалась только ждать.

Прошел год: министр образования молчит. В январском письме к Флиссу Фрейд успокаивал себя: *«Вы не можете меня испугать. Я знаю, что по-прежнему буду читать лекции в университете, когда вы уже перестанете быть министром»*. Отсутствие ответа его сильно расстраивало, однако надежды он не терял, рассчитывая получить звание в конце декабря по случаю юбилея императора Франца Иосифа. Юбилей прошел, надежда не сбылась. Он пробовал подключить к делу своего тезку Зигмунда Экснера. Джонс пишет:

«Экснер вел себя по отношению к нему очень грубо, но, в конце концов, открыл Фрейду, что кто-то лично оказал давление на министра против Фрейда, и посоветовал ему найти влиятельного покровителя. Не долго думая, Фрейд назвал имя одной из своих бывших пациенток, Элизы Гомперц, жены того человека, для которого 20 лет тому назад он осуществил перевод «Эссе» Джона Стюарта Милля; Гомперц ранее вместе с фон Хертелем являлся профессором филологии; в настоящее время фон Хертель стал министром образования. Эта дама когда-то очень помогла Фрейду, но старых рекомендаций было недостаточно. Поэтому Фрейд написал Нотнагелю и Крафт-Эбингу, которые не замедлили оказать ему в этом услугу. Но из этого снова ничего не получилось.

Когда одна из пациенток Фрейда, фрау Мария фон Ферстель, жена дипломата, услышала об этом, то сразу же решила «вступить в соревнование» с фрау Гомперц. Она не успокоилась, пока лично не познакомилась с министром и не заключила с ним сделку. Он очень желал заполучить одну картину Беклина («Руины замка») для недавно открывшегося современного Музея искусств, а этой картиной обладала ее теть, фрау Эрнестина Торш. Потребовалось три месяца, чтобы заполучить эту картину от старой дамы, но в конце концов за званым обедом министр любезно объявил фрау Ферстель, что она первая из всех, кто слышит, что он послал требуемый документ на подпись императору. На следующий день она ворвалась в кабинет Фрейда с криком: «Я это сделала!».

Спустя пять лет после начала движения к профессорскому званию, 11 марта 1902 г. Фрейд написал Флиссу: «Итак, я достиг этого». Профессорское звание он получил в результате приза в соревновании двух амбициозных дам в борьбе за влияние на высокопоставленного чиновника правительства. Не о такой победе мечтал, конечно, Фрейд, но его унижения с лихвой окупилась: осенью 1902 г. он собрал вокруг себя горстку единомышленников – Вильгельма Штекеля, Альфреда Адлера, Рудольфа Райтлера и Макса Кахане, – чтобы вести заседания «Психологического общества по средам». С получением профессорского звания начался штурм цитадели мировой науки и победное шествие психоанализа по миру. Анализ «Содержания научных работ (1877–1897)» показывает, что приват-доцент Фрейд многие свои работы писал ради получения профессорского звания. После получения звания профессор Фрейд в течение нескольких лет практически ничего не писал. В 1905 г. выходят сразу несколько работ откровенно сексуальной направленности; самой скандальной из них была «Три очерка по теории сексуальности».

Размышляя о «научном» творчестве родоначальника психоанализа, я думаю, что Министерство образования Австрии совершило два преступления перед человечеством: одно связано с выдачей Фрейду диплома о высшем медицинском образовании, другое – с присвоением ему звания профессора.

В четвертом разделе «Толкования сновидений» под названием «Искажающая деятельность сновидений» рассказывается о двух инстанциях, находящихся якобы у нас в голове: первая инстанция продуцирует определенные сны, преисполненные нашими желаниями, другая инстанция – цензор, контролирующий и фильтрующий всё, что поставляет в сознание первая инстанция. За счет деятельности второй инстанции могут происходить искажения, от которых, говорит Фрейд, при анализе сновидения надо освобождаться. Так вот, это учение о двух инстанциях сформировалось у него как раз в результате сильных переживаний из-за получения профессорского звания.

В период с 1897 по 1900 г., когда писалась книга «Толкование сновидений», все претенденты на звание профессора получили его, кроме Фрейда. В список претендентов входил и Леопольд Кёнигштейн – офтальмолог, исследовавший кокаин для использования его в качестве анестезирующего средства при глазных операциях. Однако локальную анестезирующую технологию разработал не он, а его коллега, Карл Коллер. В 1880-х годах Кёнигштейн вместе с Фрейдом занимался вопросами возбуждения нервных узлов при помощи электрического тока, а в 1890-х годах и позже они вместе играли в тарок – любимую карточную игру Фрейда. Джонс замечает: *«Душой небольшой компании являлся профессор Кёнигштейн... в чьем доме регулярно и собирались игроки вплоть до смерти хозяина в 1924 г.»*. Фамилии Коллера и Кёнигштейн нередко встречаются в книге «Толкование сновидений», в основном, в связи с кокаиновой историей. В пятом разделе автор сообщает, например, следующую любопытную подробность:

«Вскоре после открытия Коллера мой отец заболел глаукомой, его друг [заметьте, Фрейд не сказал «мой друг»] офтальмолог, д-р Кёнигштейн, сделал ему операцию; д-р Кёнигштейн впрыснул ему кокаин и заметил при этом, что в этой операции принимают участие все лица, которым медицина обязана открытием анестезирующего свойства кокаина».

Добавлю, что отец Фрейда не дожил до того счастливого дня, когда его сын получил звание профессора; он умер в октябре 1896 г.

Главный сон четвертого подраздела начинается с «Предварительного сообщения»: *«Весной 1897 г. два профессора нашего университета внесли предложение о назначении меня экстраординарным профессором»*. Фамилии здесь не названы, но они нам известны – это Нотнагель и Крафт-Эбинг. Далее автор продолжает:

«Однажды вечером меня навестил один мой коллега, один из тех, участь которого заставила меня отказаться от надежд на назначение профессором. Он уже долгое время состоит кандидатом в профессора, титул которого, как известно, превращает врача в нашем обществе в полубога; он менее скромн, чем я, и время от времени навдывается в министерство, стараясь ускорить свое назначение. После одного из таких посещений он и явился ко мне. Он сообщил, что на этот раз ему удалось припереть к стене очень высокопоставленное лицо и предложить ему вопрос, правда ли, что его назначению препятствуют исключительно вероисповедные соображения. Ответ гласил, что конечно – при теперешнем настроении – его превосходительство в данное время не может и т.д. «Теперь я, по крайней мере, знаю, в чем дело», – закончил мой друг свой рассказ. В последнем для меня не было ничего нового, и он только укрепил мое убеждение. Те же самые вероисповедные соображения стояли на дороге и у меня».

Под утро после этого посещения я увидел следующее сновидение, чрезвычайно интересное также и по своей форме; оно состояло из двух мыслей и образов, так что эти мысли и образы сменяли друг друга. Я привожу здесь, однако, лишь первую половину сна, так как другая не имеет ничего общего с той целью, ради которой я сообщаю здесь это сновидение.

I. Коллега Р. – мой дядя. Я питаю к нему нежные чувства.

II. Он очень изменился. Лицо его вытянулось, мне бросается в глаза большая рыжая борода».

Менее скромный, чем Фрейд, коллега Р. – офтальмолог Кёнигштейн, который, однако, предстает в сновидении в образе Иосифа, дяди Фрейда.

«Однажды, – разъясняет автор, – теперь тому уже больше тридцати лет – он, подавшись искушению нажать крупную сумму, совершил поступок, тяжело караемый законом, и после этого понес заслуженную кару. Отец мой, посевший в то время в несколько дней от горя, говорил потом

очень часто, что дядя Иосиф не *дурной* человек, а просто *дурак*, как он выражается. Если, таким образом, коллега Р. – мой дядя Иосиф, то тем самым я хочу, наверное, сказать: Р. – дурак... я действительно думаю, что мой коллега Р. – дурак, как и мой дядя».

Родственник Фрейда, отсидевший в тюрьме десятилетний срок за изготовление фальшивых денег, ассоциировался у толкователя снов и с образом Брейера.

Двигаясь от понятия «дурак», путем сложных логических рассуждений и ассоциативной связей, Фрейд находит второе понятие – «преступник». При этом он вводит коллегу Н. (кто за ним стоит, не известно).

«Мой дядя Иосиф, – пишет Фрейд, – совмещает в своем лице двух не назначенных профессорами коллег, одного в качестве «дурака», другого в качестве «преступника». Я понимаю теперь также и то, какую цель имело это совмещение. Если в отсрочке назначения моих коллег Р. и Н. играли роль «вероисповедные» соображения, то и мое назначение подвержено большому сомнению; если же неутверждение обоих обусловлено другими причинами, не имеющими ко мне никакого отношения, то я всё же могу надеяться. Мое сновидение превращает одного из них, Р., в *дурака*, другого, Н., в *преступника*; я же ни тот, ни другой; общность наших интересов нарушена, я могу радоваться своему близкому утверждению, меня не касается ответ, полученный коллегой Р. от высокопоставленного лица. Я должен остановиться на толковании этого сновидения. Оно недостаточно еще исчерпано для моего чувства, я всё еще обеспокоен тем легкомыслием, с которым я отношусь к двум своим уважаемым коллегам, имея лишь в виду открыть себе путь к профессуре. Мое недовольство собственным поведением понизилось, однако, с тех пор как я понял, что означает это мое поведение. Я категорически отрицаю, что действительно считаю коллегу Р. дураком, и не верю в грязную подкладку обвинения, предъявленного к коллеге Н.»

Далее Фрейд подбирается к идее цензуры; вот как он это делает:

«Я вспоминаю, что сновидение содержит еще один элемент, на который толкование до сих пор не обращало внимания. В сновидении я питал нежные чувства к своему дяде. К кому относится это чувство? К своему дяде Иосифу я, конечно, нежных чувств никогда не питал. Коллега Р. мне очень дорог, но если бы я пришел к нему и выразил словами свою симпатию, которая бы приблизительно соответствовала нежному чувству в сновидении, то он, наверное, очень бы удивился. Моя нежность по отношению к нему кажется мне неискренней и преувеличенной, всё равно как мое суждение относительно его умственных способностей: но преувеличенной, конечно, в обратном смысле. Я начинаю понимать суть дела. Нежные чувства в сновидении относятся не к явному содержанию, а к мыслям, скрытым позади сновидения; они находятся в противоречии с этим содержанием; они имеют, вероятно, целью скрыть от меня истинный смысл сновидения. Я припоминаю, с каким сопротивлением приступил к толкованию этого сновидения, как я старался его откладывать и думал, что мое сновидение – чистейшая бессмыслица... Я не хотел его толковать, потому что толкование его содержало нечто для меня неприятное. Теперь же после этого толкования я знаю, что именно мне было так неприятно: утверждение, будто коллега Р. *дурак*. Нежные чувства, которые я питаю к коллеге Р., я не могу отнести к явному содержанию сновидения, а только к этому моему нежеланию. Если мое сновидение по сравнению с его скрытым содержанием производит в этом отношении искажение, то проявляющееся в сновидении неясное чувство служит именно этому искажению, или, другими словами, – *искажение* проявляется здесь умышленно, как средство *маскировки*. Мои мысли, скрытые в сновидении, содержат своего рода клевету на Р.; чтобы я не заметил этого, сновидение изображает прямую противоположность – нежные чувства к нему.

Это, безусловно, может быть общим правилом... Там, где это осуществление скрыто, замаскировано, там должна быть налицо тенденция, противоположная желанию, и вследствие этого желание могло проявиться исключительно в искаженном виде. Мне хочется сопоставить это явление с явлениями в жизни социальной. Где в социальной жизни можно найти аналогичное искажение психического акта? Лишь там, где имеется двое людей, из которых один обладает известной силой, другой же принужден считаться с последней. Это второе лицо искажает тогда свою психическую деятельность, или, как мы бы сказали в обыденной жизни, *притворяется*, наша вежливость отчасти не что иное, как результат этого *притворства*; истолковывая для читателя свои сновидения, я сам был вынужден производить такие искажения... В аналогичном положении находится и политический писатель, желающий говорить в лицо сильным мира сего горькие истины. Если он их высказывает, то власть имущий подавит его мнение: если речь идет об устном выступлении, то возмездие последует после него, если же речь идет о печатном выступлении, то мнение политического писателя будет подавлено предварительно. Писателю приходится бояться *цензуры*, он умеряет и поэтому искажает выражение своего мнения...

Поразительное совпадение феноменов цензуры и феноменов искажения в сновидении дает нам право предполагать для тех и других, одни и те же условия. Мы имеем основание, таким образом, предполагать, что в сновидении играют наиболее видную роль две психические силы (течения, системы), из которых одна образует желания, проявляющиеся в сновидении, другая же выполняет функции цензуры и, благодаря этой цензуре, способствует искажению этого желания. Спрашивается, однако, в чем же состоит полномочие этой второй силы, проявляющейся в деятельности цензуры. Если мы вспомним о том, что скрытые в сновидении мысли до анализа не сознаются человеком, между тем как истекающее из них явное содержание сновидения сознательно вспоминается, то отсюда следует предположить, что функция второй инстанции и заключается именно в допущении к сознанию. Из первой системы ничто не может достичь сознания, не пройдя предварительно через вторую инстанцию, а вторая инстанция не пропускает ничего, не осуществив своих прав и не произведя желательных ей изменений в стремящемся к сознанию материале. Мы обнаруживаем при этом совершенно особое понимание *сущности* сознания; осознание является для нас особым психическим актом, отличным и независимым от процесса воспоминания или представления, и сознание кажется нам органом чувства, воспринимающим содержание, данное ему извне. Можно показать, что психопатология не может обойтись без допущения этих основных предпосылок».

Здесь воспроизведено с небольшими сокращениями одно из многих толкований, которое иллюстрирует *шизотимический* характер сновидца-аналитика, слоистое строение его психики. Ему кажется, что внутри него сидит еще один индивидуум и играет с ним в кошки-мышки. Мы видим, как Фрейд под названием *цензура* ввел категорию, которую Пьер Жане называл *вторичной личностью, вторым Я, скрытым сознанием* или *бессознательным*. Сон, который видел Фрейд, прокручивал ему цензор; он показал только то, что было приятно сновидцу. Коллега Р. в действительности дурак, но в своем сновидении Фрейд испытывает к нему симпатию, «нежные чувства». Таким образом, его бессознательное, или вторичное сознание, хочет его обмануть, точнее, надуть первое сознание. Вторая личность управляет волей первой личности: «*Я припоминаю, с каким сопротивлением приступил к толкованию*», – пишет Фрейд. Его *второе Я* сопротивлялось, выступало против того, чтобы *первое Я* узнало правду. Все приведенные Фрейдом сновидения выступают от имени и по поручению второго сознания. В сознании Фрейда они появляются в искаженном, цензурированном виде; первое сознание должно расшифровать символы сновидений, чтобы понять, что хочет сказать второе сознание шизотимика. Циклотимик никогда не станет заниматься этим, поскольку прекрасно знает: за сновидением ничто не стоит, параллельного психического мира не существует. Образы, явившиеся нам во снах, представляют только то, что они представляют: если вам снится сундук, то это – сундук, а не живот беременной женщины; пещера есть пещера, а не влагалище, карандаш есть карандаш, а не другой предмет.

В ожидании профессорского звания Фрейд извел себя подозрениями; он не знал, чем объяснить столь долгую отсрочку. За этот период его здоровье сильно пошатнулось: он посадил сердце, окончательно расшатал нервную систему и, вообще, чуть было не отдал Богу душу. Именно в это время начинается его знаменитый самоанализ. Если кого-то и нужно поблагодарить за появление на свет книги «Толкование сновидений», то это министра образования, который тянул с присвоением профессорского звания ее автору. «Ну, почему мне, выдающемуся психиатру XIX в., не присваивают титул, которого удостоивались менее достойные люди?» – вот лейтмотив рассмотренного сна. Было подозрение на антисемитизм министерских чиновников, но другие евреи получали звания и каких-то особых задержек не испытывали. «По каким же причинам министерство не хочет присвоить мне звание профессора?» – мучил себя вопросом соискатель. Наверное, потому, объяснял себе Фрейд, что соискатель либо «дурак», либо «преступник», – это наиболее вероятные причины, по которым ему могут отказать.

Возможно, именно Экснера просили дать характеристику на соискателя; он-то знал, каким бездельником был Фрейд, как он, будучи демонстратором, опаздывал на работу и получал выговора от директора. Может быть, Фрейд боялся, что Экснер расскажет и о событиях начала 1880-х гг., связанных с Флейшлем и Бертой. У меня сложилось впечатление, что сновидец ощущал себя преступником; для этого были основания. Он опасался и Брейера, который тоже, видимо, понимал, что страдания Берты и смерть Флейшля произошли не от случайного стечения обстоятельств. Фрейд мучился сомнениями и страхами, которые расстроили его психику в конце 1890-х гг., когда было подано прошение в Министерство образования о присвоении профессорского звания. В «Книге снов» рассказывается об этом преступлении, хотя и в закодированном виде. Вообще, эта книга является исповедью. Автор не мог переполнявшие его чувства не

выплеснуть на бумагу. Однако совершенное им преступление было столь ужасным, что он не решился открыться даже своему лучшему другу (на тот период Флисс). О главном преступлении Фрейда рассказывается в сне об Ирме, к которому мы постепенно подоברались.

16. Попытки понять сон об Ирме

Хорошо информированный фрейдовед Пол Феррис, начал свою книгу «Зигмунд Фрейд» с попытки расшифровать сон об Ирме, но потерпел неудачу. В первой главе «Сказки Венского леса» он написал, что «23 июля один друг и молодой коллега Фрейда, Оскар Рие, навестил их [Зигмунда и Марту, находящихся на отдыхе в санатории «Бельвю»] и заметил, что одна из пациенток Фрейда, Ирма, не получает правильного лечения». После этого Фрейду приснился сон об Ирме, в котором

«он стоял в большом зале, таком как в «Бельвю», и принимал гостей, среди которых была пациентка, которой он дал вымышленное имя Ирма. Ее состояние беспокоило его. Он посмотрел на ее горло и увидел странные язвы. Там были другие врачи, с которыми он обсуждал этот случай. Они решили, что инфекция у Ирмы вызвана недавней инъекцией, которую, вероятно, сделал доктор Рие грязным шприцом».

Феррис решил, что под именем Ирмы скрывается Эмма Экштейн, которую неудачно прооперировал Флисс. Отсюда у Фрейда появился комплекс вины.

«На людях, – пишет Феррис, – Фрейд не хотел и слышать ни одного слова осуждения в адрес Флисса, этого коллеги-новатора, в дружбе которого он так нуждался. Но сон – совсем иное дело... Этот сон продемонстрировал ему, что может рассказать бессознательное. Возможно, он увидел его как бы «специально». У пациентов часто бывают именно такие сны, которые нужны аналитику. В течение нескольких лет после 1895 г. мозг Фрейда услужливо предоставлял ему всё новые сны, необходимые для понимания самого важного пациента – себя самого». «Спустя четыре года, в конце века, стремясь завоевать внимание читателей немедицинских профессий, Фрейд опубликовал этот сон в книге «Толкование сновидений»».

Перед нами образец неправильного, поверхностного толкования сновидения, осуществленного современным специалистом по проблемам жизни и творчества Фрейда. Феррис пошел по наезженной колее: считать Ирму Эммой стало недоброй традицией со времени выхода книги домашнего врача семьи Фрейдов, Макса Шура, под названием «Фрейд – жизнь и смерть» (1972). Автору удалось добраться до неопубликованных в то время писем Фрейда, адресованных Флиссу. Из них он впервые узнал подробности о неудачно проведенной Флиссом операции по расширению дыхательного тракта в области ее носа. Берлинский друг придерживался теории «космического детерминизма», единства циклических процессов, протекающих в человеке и окружающей его природе. В частности, он считал, что все отверстия человеческого организма связаны в единую систему, так что заболевания в одном из них автоматически приводит к заболеваниям всех прочих отверстий. У Эммы наблюдалось кровотечение из носа во время менструации, нередко были и запоры. Флисс, осмотрев пациентку, которая к тому же страдала нервно-психическим расстройством, решил, что всему виной является нос. Он жил в Берлине и для проведения операции приехал на короткое время в Вену. Вскоре выяснилось, что из-за спешки он оставил в пазухе тампон, который начал разлагаться и вызвал тяжелый воспалительный процесс. Хирургическое вмешательство чуть было не закончилось летальным исходом.

В письме к другу от 3 августа 1895 г. Фрейд рассказал о последствиях операции и долго успокаивал Флисса, чтобы тот не винил себя за случившееся. Автор письма так старался снять с друга ответственность за неудачно проведенную операцию, что Шур решил, будто это и послужило поводом для сновидения об Ирме, приснившегося Фрейду на отдыхе в «Бельвю» накануне дня рождения Марты. Придерживаясь надуманной психоаналитической схемы, Шур объяснял переживания отца-основателя следующим образом:

«в еще не подавленной части своего Я Фрейд осознавал, что теории Флисса были фантазиями. Более того, Фрейд знал, что в конечном счете ему придется признать несовместимость собственной концепции психического детерминизма с флиссовской теорией космического детерминизма человеческих поступков».

Такое объяснение совершенно не годится для Фрейда. Шур (равно как Феррис) неверно определил причину фрейдовского «комплекса вины», о котором постоянно идет речь в сновидении. Фрейду было наплевать и на Флисса, и на «Красную Эмму». Последняя послужила ему «покрывающей фантазией» для маскировки образа Берты Паппенхейм. В дальнейшем при разборе сна об Ирме события, связанные с Эммой и прочими «покрывающими» личностями, я буду опускать, чтобы не сбивать с толку читателя (случай с Эммой подробно рассказан в «Психологии познания. Удод»).

При толковании сна об Ирме нужно, прежде всего, разобраться с врачами. Дело в том, что Фрейд в отношении врачей допустил элементарную, я бы сказал, мальчишескую ошибку. Мальчишки, играя в шпионов, шифруют свои секретные тексты обыкновенной подстановкой одних букв вместо других. Внешне тайнопись выглядит надежной, но любой дешифратор в два счета дешифрует мальчишеский код. Для этого ему нужно только подсчитать частоту использования букв. Например, буква «о» в русских текстах встречается чаще всего – 11,45 %, за ней идет буква «е» с 9,15 %; замыкают ряд буквы «ф» – 0,22% и «ъ» – 0,04%. Проведя идентификацию знаков по частоте их использования в тексте, дешифратор безошибочно прочтет мальчишескую тайнопись.

Фрейд шифровал свои «сны» (тексты его «сновидений» слишком хорошо продуманы, чтобы считать их снами) именно указанным образом: одни имена заменял другими, оставляя отношения между людьми, которые носят эти имена, без изменения. Наиболее хитроумным его приемом было использование «покрывающих фантазий», но они, как правило, резко контрастируют с логикой основного действия. Нередко автор предупреждал, что дальше у него следует «покрывало». Чтобы понять тексты фрейдовских сновидений и их анализ, нужно произвести фильтрацию. Другим важным методом дешифровки является, конечно, сравнение: об одном и том же событии, особенно если оно глубоко волновало автора, рассказывалось в нескольких местах книги. По контексту, способу шифровки и конструкции предложений иногда удается понять намного больше, чем рассчитывал донести автор. И, конечно, самое главное, надо хорошо знать психологию Фрейда, чтобы заранее предвидеть, что можно от него ждать, а чего нельзя.

Шур, Феррис и другие исследователи не смогли правильно указать время действия сновидения и не установили личности врачей; без этого невозможно расшифровать сон. Они ориентировались на симптомы болезней, хотя Фрейд однозначно предупредил, что симптомы взяты от нескольких его пациентов. Так, в подразделе 6А Фрейд возвращается к сновидению об Ирме и разъясняет метаморфозы образа главной героини:

«Поскольку я нахожу при исследовании Ирмы [Берты] дифтеритные налеты, которые напоминают мне заботу о моей старшей дочери, она служит для изображения последней; за моей же дочерью скрывается связанная с нею одинаковым именем [Матильда] личность одной пациентки, погибшей вследствие интоксикации [морфина]... Благодаря сопротивлению при открывании рта та же самая Ирма [Берта] становится снова другой и, наконец, моей собственной женой [Мартой]. Болезненные изменения, замечаемые мною в горле, относятся помимо этого к целому ряду других лиц [в частности, к Эмме]».

Эти метаморфозы образа помешали Шуру, Феррису и другим узнать в Ирме Берту.

Окончательный текст сновидения об Ирме составлен в 1894 г., вскоре после того, как Фрейд закончил писать историю болезни Анны О. для книги «Исследование истерии», вышедшей в мае 1895 г., хотя, наверняка, он пользовался какими-то предварительными записями. Наиболее вероятными черновиками являются его дневники, которые он не уничтожил вопреки его заверениям. В письме к Марте от 28 апреля 1885 г. есть такие слова: «я написал много вздора», «я не смогу стать зрелым человеком и не смогу умереть, не позаботившись о тех, кто последует за мной в старые бумаги». Однако Фрейд слишком ценил всё, что выходило из-под его пера. Кое-что он мог, конечно, уничтожить, но наиболее ценный материал, связанный с Бертой, он просто кодировал. По стилю всего текста сновидения и конструкции отдельных предложений ощущается, что рассказанные автором события происходили дня три, может быть, неделю назад, не более. Поэтому сон об Ирме очень похож именно на обыкновенную дневниковую запись, когда человек пытается разобраться в своих чувствах вскоре после произошедших событий.

Фрейд жил в воображаемом мире. Вспомните, как в письме от 27 июня 1882 г. он воображал, что Флейшль обольщает Марту, за образом которой проступает Берта; в гамбургском

письме он придумывал диалоги с гравером, под которым мог выступать неизвестный нам родственник Марты (возможно, Эли), и т.д. Сон об Ирме – литературное произведение примерно такого же плана, в котором автор постоянно забавляется образами близких ему людей, последовательно инвертируя, сгущая, искажая и смешивая их между собой. Результирующая трансформация такова: Ирма (Берта) переходит в Марту, Флейшль – в Экснера, а Брейер – во Флисса, но по ходу событий добавляется множество других персонажей. При кодировке реальных событий Фрейд мог сообщить, например, что Флейшль и Экснер – подчиненные ему ассистенты, но из всего последующего текста хорошо видна истинная субординация между участниками событий, описанных в сновидении об Ирме.

Фрейд обычно не работал, будучи на отдыхе, но в санатории «Бельвю» он находился с мая месяца, так что к концу июля жена и дети ему, видимо, успели хорошо поднадоесть. Во всяком случае, у него было время обдумать план действий на ближайшее будущее. Он задумал некоторую совокупность своих ранее сделанных записей оформить в виде книги, в которой «сон» о Берте был бы центральным. На эту мысль, как не странно, его натолкнуло название санатория, где он отдыхал, и вот почему.

Рассказывая о первой встрече Фрейда с Юнгом, Феррис привел часть текста из дневника Юнга, где есть описание интересного момента, но прежде чем рассказать о нем, поясню. На их встрече в доме Фрейда присутствовали: Людвиг Бинсвангер (его отец лечил Берту), жена Юнга, Эмма, Марта и Минна Бернайс. Во время обеда Бинсвангер пролил вино на скатерть; далее цитирую дневниковую запись Юнга:

«Бедный Бинсвангер покраснел и заерзал, а Эмма, стараясь его успокоить, начала говорить о сумасшедшем доме – или клинике «Бельвю», как принято говорить в приличной компании, – на озере Констанц, которой Бинсвангеры управляли как семейным делом и которая, несомненно, скоро перейдет к молодому Б[инсвангеру]. Я был поражен, – пишет Юнг, – когда услышал от нее [Минны]: «А это не туда ли Брейер отправлял странную девушку Паппенхейм?» Некая Берта Паппенхейм была прототипом Анны О. в книге об истерии. Б[инсвангер] был тогда слишком молод, и ему было практически нечего сказать, но я нашел интересным, что госпожа [Минна] Бернайс так хорошо осведомлена о старых случаях. Она [Минна] и Фрейд обращались друг с другом с шутливой интимностью («Ой, не глупи, как это тебе не нравится цыпленок!» – сказала она как-то), за которой скрывалась взаимная приязнь. Я редко ошибаюсь в таких делах».

Подобно тому, как Минна вспомнила о Берте, услышав название санатория «Бельвю», находящегося в пригороде Констанца и Крэйцлингена – два города на границе Швейцарии и Германии, точно так же и Фрейд вспомнил о Берте, как только очутился в одноименном санатории, «Бельвю», расположенном в пригороде Вены. Феррис очень детально описал «дом для гостей» или пансионат, находящийся в живописной местности и принадлежащий семье Шлагов, под названием «*Belle Vue*» («Прекрасный вид» – типичное название для подобных заведений). Он собственными глазами рассматривал бронзовую табличку на доме, которая определила и название улицы, где стоял этот дом. Сходство названий – отличный повод для написания работы о Берте. Наверняка, суеверный Фрейд, сознание которого было постоянно занято поисками закономерностей в духе мистических традиций каббалистско-хасидского течения в иудаизме, рассматривал это совпадение как знак свыше. Когда хотят найти прототип Ирмы, название «Бельвю» должно послужить лишним аргументом в пользу Берты, а не Эммы или кого-то еще.

В приведенной дневниковой записи Юнга может смущать слово «странная», сказанное Минной в отношении Берты. Но я думаю, что он делал запись дома по памяти, спустя какое-то время. Вряд ли Минна использовала эпитет «странная» по отношению к близкой подруге ее сестры, которую она тоже хорошо знала с детства. Это для Юнга было «странно», что она помнит о Берте; возможно, лично для него Берта представлялась «странной», но ничего странного в действительности во всем происходящем не было.

«Мы жили в то лето на улице Бельвю в особняке на небольшом возвышении, – пишет Фрейд в сновидении об Ирме. – Особняк этот был когда-то предназначен для ресторана и имеет поэтому очень высокие комнаты, похожие на залы. Всё это мне снилось именно в этом особняке за несколько дней до дня рождения моей жены. Днем жена говорила мне, что в день рождения ждет много гостей, среди них и Ирму [Берту]. Мое сновидение пользуется этими словами: день рождения жены, много народу, среди них Ирма [Берта], мы принимаем гостей в большом зале особняка на Бельвю».

Марта, которая, кстати сказать, терпеть не могла гостей, к Эмме или другим пациенткам своего мужа никакого отношения не имела. Между тем Фрейд далее и на протяжении всего сновидения показывает, что Марта и Ирма – близкие подруги. Таким образом, имя Берты Паппенхейм приходит на ум сразу же, как только вы начинаете читать сновидение об Ирме. Далее нужно быть предельно последовательным и внимательно отнестись ко всем фактам, связанным с так называемой «пациенткой Брейера», Анной О. Болезнь Берты приходится на начало 1880-х годов, следовательно, рядом с Брейером могли быть только Экснер и Флейшль. Три «врача», которых прекрасно знал Фрейд, в момент кризиса находились возле Ирмы-Берты.

Вероятнее всего, дочь и отец Паппенхеймы заболели одной болезнью – туберкулезным менингитом, однако у дочери помимо этого были невралгия и серьезное нервно-психическое расстройство. Я думаю также, что больные размещались в различных зданиях. Возможно, Берта находилась какое-то время в санатории «Бельвю», расположенном на склоне горы Каленберг, покрытой превосходным «Венским лесом», где так любил гулять Фрейд со своими друзьями и подружками. Но, возможно, он виделся с Бертой в «Бельвю», расположенном вблизи Крэйцлингена в ночь 23/24 июля 1882 г. На это указывает его «гамбургское» письмо. О тех беспокойных событиях, которые были для него самыми главными в жизни, он вспомнил 23/24 июля 1895 г., когда был в «Бельвю», расположенном вблизи Вены.

В июньском письме к Флиссу, написанном в 1900 г., Фрейд указал день 24 июля 1895 г., как день «открытия тайны сновидения». Скорее всего, в предыдущую ночь он, будучи на отдыхе в «Бельвю», спал, как палено, без сновидений, но принял для себя твердое решение работать над «сновидениями». В июле 1895 г. Марта была беременна последним своим ребенком, Анной. В июле 1887 г. она была беременна первенцем, Матильдой, которая фигурирует в сне об Ирме, и я не исключаю, что Фрейд вместе с Мартой и Бертой были в «Бельвю», расположенном либо вблизи Вены, либо вблизи Крэйцлингена, именно тогда. Но если даже никакой встречи с Бертой после ее пятилетнего периода лечения у Фрейда не было, то все нижеследующие рассуждения остаются в силе.

Два санатория «Бельвю», расположенных вблизи Крэйцлингена и Вены, это единственные места, где лечилась Берта? Нет, историкам известно, что ее возили в клинику в Гросс-Инценсдорф, которая находилась недалеко от Вены, но она сбежала оттуда, так как в нее влюбился молодой врач и стал к ней приставать. О последнем эпизоде рассказал Ирвинг Стоун, написавший документальный роман «Страсти ума или Жизнь Фрейда»; ни у Джонса, ни у Ферриса, ни у других авторов я не читал об этом эпизоде с приставанием к Берте и ее побегом из больницы. Следовательно, кто-то сообщил писателю эту любопытную информацию, другим экспертам повезло меньше. Хочу привести из книги Стоуна соответствующий отрывок. Марта говорит:

« – Зиги, ты ни за что не догадаешься, где я была. Я навестила свою давнюю подругу Берту Паппенхейм. Мы встретились в булочной, и она пригласила меня к себе на кофе.

Зигмунд глубоко вздохнул. Йозеф Брейер держал его в курсе, как излечивалась методом убеждения эта девушка. С того момента, как Йозеф отказался заниматься ею после возгласа: «Выходит ребенок доктора Брейера!», у нее было два приступа. Она находилась в санатории в Гросс-Инценсдорф, но сбежала оттуда, когда тамошний молодой врач влюбился в нее. Брейер опасался за ее жизнь. Но всё это было пять лет назад.

После того, как Марта помогла ему снять промокшее пальто, поменять носки и надеть шлепанцы, она продолжила:

– Днем Берта чувствует себя хорошо, она бывает в обществе, посещает старых друзей, слушает концерты. Она много читает и изучает, как сказала мне, по немецкой периодике новое движение в защиту женских прав. Берта с матерью возвращается во Франкфурт, где она намерена работать в этой организации. Она утверждает, что никогда не выйдет замуж, что хочет сделать карьеру и служить. Она чувствует, что только это и спасет ее.

– От чего, Марти?

– От мрака. Сегодня она выглядела прекрасно, никаких признаков болезни, но по ночам она ощущает помутнение в голове. Во Франкфурте она намерена работать день и ночь и возвращаться домой, сваливаясь с ног от усталости. Она обещала рассказать мне о женской эмансипации.

– Мне ты нравишься такой, какая есть. Не очень-то прислушивайся.

– Не стану... в настоящий момент. – Она села на стул около него и прислонилась спиной к его груди...».

Несмотря на литературно-художественную форму этого произведения в нем немного фраз, сказанных просто так. Автор проделал большую исследовательскую работу, его роман отличается высокой степенью достоверности даже в мелочах. Например, поведение жены Фрейда описано точно: Марта действительно услужливо суежилась возле мужа, помогая ему надеть свежие носки и переобуться в домашние тапочки. У Стоуна была в голове иная схема событий, чем у меня, которая, тем не менее, отличалась от официально принятой версии. Принято было считать, что Берта полностью вылечилась в ходе «очистительных» бесед с Брейером; такую точку зрения насаждал Фрейд. Здесь же мы видим, что Берта еще не до конца вылечилась даже спустя пять лет, «по ночам она ощущает помутнение в голове» и свои болезненные проявления она хочет как-то нейтрализовать кипучей общественной деятельностью.

Казалось бы, встреча Берты с женой Фрейда в булочной и последующая беседа за чашкой кофе невозможна, так как Берта рассказала бы Марте и о Зигмунде. Но мы знаем, что отец-основатель психоанализа фальсифицировал события своей бурной молодости, и в традиционных биографиях совершенно неверно представлено взаимоотношение между двумя подругами. Меня поразило это описание встречи Марты с Бертой, с аналогичной встречей, которую описал сам Фрейд в «Толковании сновидений». Автор пишет:

«Эту госпожу П. [Берту Паппенгейм] встретила на днях моя жена [Марта], она ей сообщила, что чувствует себя хорошо, и осведомилась о моем здоровье [вот это – вряд ли]. Несколько лет тому назад она [Берта] у меня [Фрейда] лечилась».

В том, что этот фрагмент надо толковать указанным образом, у меня нет никаких сомнений, но как Стоун догадался, что подобная встреча состоялась, – ума не приложу. Больше того, Стоун сообщил сенсационную информацию о сексуальных домогательствах врача.

Мне кажется, это весьма вероятным, поскольку этим врачом мог быть Фрейд. Берта не меньше трех раз помещалась в клинику Инценсдорф, расположенную в пригороде Вены. Кроме этой клиники в пригороде находилось еще пять, но их можно не учитывать, так как директором клиникой Инценсдорф был Лейдесдорф – близкий друг Брейера и Флейшля (деталь, сообщенная Феррисом). Известно также, что Лейдесдорф, которого, по словам Джонса, «ненавидел» Мейнерт, помог Фрейду получить субсидию в размере 600 гульденов для поездки в Париж. В июне 1885 г. замещая Генриха Обернштейнера, ушедшего в отпуск, Фрейд две недели проработал в Инценсдорфе. Джонс по этому поводу написал: «Фрейд получил жилье, стол и 100 гульденов (8 фунтов)». В клинике «ему ежедневно приходилось носить выходной костюм», так как, пояснил биограф, среди ее 60 пациентов находились важные персоны, в частности, слабоумный сын Марии Луизы (жена Наполеона Бонапарта).

Логично предположить, что Берта находилась в клинике в момент появления в ней бывшего ее мучителя. Думаю, что Фрейд надевал свой «выходной костюм» не ради слабоумного сына Марии Луизы, а ради Берты. Некто, кто потом рассказывал Стоуну, принял Фрейда за «тамошнего молодого врача», который влюбился в несчастную «пациентку Брейера».

Прежде чем приступить к расшифровке сновидения об Ирме, необходимо сделать некоторые разъяснения. Напомню, что в «Исследовании истерии», появившемся в мае 1895 г., история болезни Анны О. подписана Брейером, хотя и написана Фрейдом. В сновидении об Ирме Фрейд говорит о написании истории болезни Анны О. и отсылке ее Брейеру. В «Исследовании истерии» случай Берты-Анны стоит на первом месте в ряду пяти других случаев. Отчасти это сделано потому, что Фрейд анализировал Берту первой, но отчасти и потому, что она была для него главным пациентом на всю жизнь. В «Толковании сновидений» сон о Берте-Ирме также стоит на первом месте и является образцовым, о чем автор объявил прямо в заглавии. Этому сновидению он посвятил всю вторую главу (первая глава посвящена обзору литературы). Затем он возвращался к нему не менее десяти раз по ходу текста книги.

Этого суперважного сна почему-то не касается Джонс; он даже не назвал имя «Ирма». Подозреваю, что биограф Фрейда знал, кто скрывается за ним, но был связан какими-то клятвенными обязательствами перед своим учителем и его дочерью Анной. После 1887 г. в систему ближайшего окружения Фрейда внедряется Флисс. Однако он жил в Берлине и не оказывал на события фрейдовского сновидения об Ирме существенного влияния, хотя несколько раз упоминается в нем.

«Сон» об Ирме, не является сновидением как таковым, поскольку содержит множество деталей и напластований, образуя сложную конструкцию, которую Фрейд, если бы даже и увидел во сне, то не удержал бы в памяти и доли секунды. В сновидениях обычно преобладают

образы, мы же имеем дело со сложной комбинацией обдуманых действий пяти человек (по ходу текста сновидения число участников увеличивается). Фрейд представил нам рассказ, который оправдывает и дополняет написанную им историю болезни Анны О. О «моем лечении», т.е. о лечении разговором, Фрейд будет говорить настолько часто, что всякому станет понятно, что весь этот фокус с «прочисткой дымовых труб» в истории болезни Анны О. понадобился ему для психологической компенсации его унижения, которое он испытал, когда над ним все хорошо посмеялись.

О Берте и Марте в сне говорится множество раз; их невозможно с кем-либо спутать, так как они не встречаются порознь. Таким образом, Берта Паппенхейм приобрела своеобразную метку – она появляется только в компании со своей подружкой, которую автор открыто называл своей женой.

«Сновидение» и его последующий «анализ» Фрейд конструировал следующим образом. Сначала он записал «анализ», затем выхватил из него отдельные предложения (они записаны курсивом) и назвал их «сновидением». Эту технику написания «сновидений» и «анализов» он использовал и в других случаях. Но была у него и диаметрально противоположный прием, когда «сновидение» представляет более или менее связанный текст, а его «анализ» – набор примечаний к нему. В общем, мы имеем дело с обычной литературно-художественной техникой: о каких-то строгих протоколах наблюдений научного плана здесь речь, конечно, не идет.

Взаимоотношения между участниками сновидения, а главное, их индивидуальные характеры однозначно указывают на людей, имена которых приведены в квадратных скобках. Действия сновидения разворачиваются раньше июня 1882 г., когда Фрейд обвенчался с Мартой, которая до этого находилась в Гамбурге. В сновидении он колеблется; эти колебания он испытывал 1880 и 1881 г. Действие могло происходить либо непосредственно в доме Паппенхеймов, либо в санатории «Бельвю» вблизи Вены. Чистовая запись сновидения была сделана, скорее всего, в 1894 г., поэтому она предполагает наличие черновой записи.

Во всех снах «Толкования сновидений» всегда узнаваем Брейер, под каким бы именем автор его не вводил. Отношение Фрейда к нему, как, впрочем, и к остальным персонажам, столь постоянно и специфично, что ошибиться здесь, практически, невозможно. Хотя, наверное, читателю разбираемой нами книги все-таки надо проникнуть в мир ее героев, хорошо представлять психологию людей, окружавших автора, тогда и появится легкость понимания на первый взгляд путаного текста. Я, признаться, когда читал книгу в первый раз, ничего не понял, поэтому не удивительно, что многие люди тоже не смогли понять сон об Ирме. В частности, в книге Роже Дадуна «Фрейд» пересказывается книга Джонса (я предпочитаю ее цитировать и считаю такой прием более правильным) и делается тщетная попытка интерпретации сновидения об Ирме. Автор думает, что все персонажи сновидения находятся в отношениях, которые определяются структурой молекулы триметиламина – «сексуального вещества», фигурирующего в сновидении. Это слишком ошибочное толкование, которое не заслуживает нашего обсуждения.

17. Начало расшифровки сна

Теперь можно начинать распутывать клубок. Поскольку цель автора – тщательно замаскировать персонажи, по поводу которых он испытывал комплекс вины и мести, а моя задача прямо противоположная, то мне удобно проигнорировать авторскую задумку, связанную с очередностью изложенных в сновидении событий. Я укажу на те слабые места его конструкции, которые по кратчайшему пути выведут нас из фрейдовского лабиринта покрывающих фантазий. В качестве отправного пункта я выберу фрагмент, где более или менее прозрачно просматривается субординация между четырьмя врачами: Фрейдом, Флейшлем, Экснером и Брейером.

Фрейд пишет:

«Я подзываю поспешно доктора М. [Брейера], который повторяет мое исследование. Это вполне естественно при той репутации [наиболее авторитетной среди остальных врачей], которой пользовался в нашем кругу доктор М. [Брейер]... Коллега Отто [Флейшль] стоит у больной [Берты], а коллега Леопольд [Экснер] исследует ее и указывает на притупление в левом легком. Коллега Леопольд [Экснер], тоже врач, родственник Отто [ровесник Флейшля]. Судьбе было угодно, что оба избрали себе одинаковую специальность и стали конкурентами. Их постоянно сравнивают друг с другом. В течение нескольких лет они состояли при мне ассистентами, когда я заведовал отделом помощи нервнобольным детям [здесь Фрейд вошел в роль Брюкке, при котором Флейшль и Экснер

состояли ассистентами; из фабулы сновидения ясно, что эти ассистенты занимают в иерархии отношений срединное положение между Фрейдом и Брейером]. Такие сцены, как та, которую я видел во сне [возникший спор], бывали очень часто. В то время как я спорил с Отто [Флейшлем] относительно диагноза какого-нибудь случая, Леопольд [Экснер] подвергал пациента новому исследованию и приводил неожиданное доказательство в пользу моего мнения [завышенная самооценка]. Между ними существовала такая же разница в характерах, как между инспектором Брезигом и его другом Карлом [т.е. диаметрально противоположная]. Один из них отличался находчивостью [Флейшль], другой был благоразумен, медлителен, но зато основателен [Экснер]. Сравнивая в сновидении Отто [Флейшля] с Леопольдом [Экснером], я хотел, очевидно, отдать предпочтение второму [Экснеру]. Это то же самое сравнение, как и вышеупомянутое: непослушная пациентка Ирма [Берта] и ее более благоразумная подруга [Марта]. ... Леопольд [Экснер] поразил меня своей осторожностью. Мне приходит, кроме того, в голову нечто вроде метастаза, но он относится скорее к пациентке, которую мне бы хотелось иметь вместо Ирмы [Берты]. Пациентка эта имитирует, насколько я мог заметить, туберкулез [здесь под «пациенткой» или «третьей подругой Ирмы» Фрейд имеет в виду отца Берты, у которого Брейер подозревал туберкулез или рак легких, а Фрейд болезнь Берты и ее отца принимал за истерию)].

Вот еще один фрагмент из сновидения, где Фрейд выражает свое отношение к двум близким подругам, Берте и Марте:

«Поза, в которой Ирма [Берта] стоит у окна, вызывает во мне неожиданно другое воспоминание. У Ирмы [Берты] есть близкая подруга [Марта], к которой я отношусь с большим уважением. Когда я однажды вечером пришел к ней, я застал ее в такой же позе у окна, и ее врач, всё тот же доктор М. [Брейер], заявил мне... [далее идет «покрывало»]. Я вспоминаю, что в последние месяцы часто думал о том, что эта подруга Ирмы [т.е. Марта] тоже истеричка. Более того: Ирма [Берта] сама мне говорила об этом... Таким образом, сновидение заменило мою пациентку [Берту] ее подругой [Мартой], далее я вспоминаю, что у меня часто появлялась мысль, что эта подруга может также обратиться ко мне с просьбой избавить ее от болезненных симптомов. Я считал, однако, это невероятным, так как у нее чрезвычайно сдержанная, скрытная натура. Она сопротивляется, это мы видим и в сновидении. Другое объяснение гласило бы, что ей это не нужно; она действительно до сих пор превосходно владеет собою без всякой посторонней помощи [Фрейд очень точно обрисовал характер Марты]. ...Почему же, спрашивается, я смешиваю ее [Берту] во сне с подругой [Мартой]? Быть может, я умышленно совершил подмену. Подруга Ирмы [т.е. Марта] вызывает во мне, быть может, более сильную симпатию или же я более высокого мнения об ее интеллекте. Дело в том, что я считаю Ирму [Берту] неблагоразумной, потому что она осталась недовольной моим лечением. Другая [Марта] была бы умнее и, наверное, согласилась бы со мной».

Поскольку вся предварительная работа для понимания сновидения об Ирме была заранее выполнена, нам остается сделать лишь небольшие примечания к фрейдовскому тексту, разместив их в квадратных скобках; пространный комментарий здесь не нужен.

Фрейд говорил, что «Толкование сновидений» было у него готово к 1896 г. Это можно признать правдой в той части, которая касается сновидений о Берте (их несколько). Сон об Ирме – главный, и он написан, как я уже сказал, сразу же за написанием истории болезни Анны О., что, безусловно, правда. Такая последовательность событий диктуется шизотимической психикой Фрейда. В образе Анны он искажает реальное положение дел, наблюдавшееся в отношении Берты, а в образе Ирмы он доносит правду, но в закодированном виде. Автор лишь в одном месте намекает, что Анна и Ирма одно и то же лицо, а в двух других местах четко говорит, что написание текста об Ирме последовало за написанием текста об Анне.

Прочитую одно из них:

«Сообщение Отто [Флейшля] относительно здоровья Ирмы [Берты], историю болезни которой [т.е. Анны О.] я писал до позднего вечера, занимало мою душевную деятельность и во время сна. Тем не менее, никто, ознакомившись с предварительным сообщением и с содержанием сновидения, не может всё же предполагать, что означает мое сновидение [ошибается]. Я и сам этого не знаю. Я удивляюсь болезненным симптомам, на которые указывает мне Ирма [Берта] в сновидении, так как они совсем не похожи на те, какие я у нее лечил [еще одно предупреждение Фрейда о том, чтобы читатель не ориентировался на болезненные симптомы Берты; они описаны в истории болезни Анны О.]. Я улыбаюсь бессмысленной идее об инъекции пропиленовой кислоты [в действительности, Берте Фрейд ввел морфин] и утешению доктора М. [Брейер молился, чтобы всё обошлось]. Сновидение в конце своем кажется мне более туманным и непонятным, чем в начале [Фрейд постарался концовку сна закодировать понадежнее, но то, что именно Фрейд, а не Флейшль

ввел морфин несчастной Берте, понять удается]. Чтобы истолковать всё это, я произвожу подробный анализ».

Фрейд всегда забавлял процесс расшифровки или толкования вещей и событий, но столь же страстно его увлекало обратное действие – процесс шифровки. Это, собственно, две стороны одной и той же медали. Все свои сновидения он расшифровывал так же нелепо, как и шифровал реальные события, которые можно распознать, если внимательно проанализировать всю совокупность фактов, описанных в сновидении. В 1894 г. перед ним стояла задача оправдаться перед самим собой за свои ошибочные действия, совершенные в 1880–1882 гг., но сделать это таким образом, чтобы другие не узнали имена реальных участников событий. Его шизотимическая натура всегда испытывала острую потребность выразить свои переживания на бумаге. Он не мог прожить и дня, чтобы не исписать хотя бы страничку (об этом свойстве его натуры мы говорили с Удодом в вышедшей ранее книге «Психология познания»). Теперь приведем фрагмент, в котором автор фактически открытым текстом указал, что Ирма и Анна одно и то же лицо.

«В тот вечер, – пишет Фрейд, – когда я писал историю болезни [Анны О.], моя жена [Марта] раскрыла бутылку ликера, на этикетке которой стояло название «Ананас». Слово «Ananas» очень странным образом напоминает имя моей пациентки Ирмы [Anna]».

Перед нами типичная для Фрейда словесная игра. С Удодом мы уже разбирали «Психологию обыденной жизни», где Фрейд манипулировал словами и их частями: *Her – Her-r, Signor-elli – Bo-ttic-elli – Bol-traffio – Trafoi*. В его книге «Остроумие и его отношение к бессознательному» подобных примеров ассоциативных цепей еще больше. Так, фразу *Антично? О, нет* автор связал с именем *Антигона* по следующей схеме: *Antik? Oh, nee – Antigone*; фразу *О нет, никогда* – со словом *онанизм*: *О na, nia – Onanie* и т.д. Эти характерные ассоциации он находил остроумными. Таким образом, слово *Ananas* Фрейду напомнило имя его сестры *Анны*, которым он называл Берту. Сама эта затея с названием ликера была, мне кажется, задумана только для того, чтобы обозначить имя *Ирмы* как *Анна*. Азарт кодировщика отступил на второй план, и автор сообщил читателю то, что прежде хотел скрыть.

В «Предварительном сообщении» (цитируется ниже) Фрейд указал, что написанную им историю болезни он отослал Брейеру. Известно, что Брейер сам написал историю болезни пациентки *Анны О.* и отослал в Швейцарию врачам Крэйцлингенской клиники, в которой продолжала лечиться Берта. Эту историю болезни Борк-Якобсен отыскал, сравнил с историей болезни, помещенной в «Исследовании истерии», и обвинил Брейера в намеренном искажении событий: мол, врач для своих коллег написал одну историю болезни, а для читателей книги «Исследовании истерии» – совершенно другую. В действительности же, в книге 1895 г. искаженное видение событий привел Фрейд, подписав его именем «Брейер».

Брейер – врач-профессионал и никогда бы не стал без разрешения пациента публиковать его сведения. У него нет работ, подобных фрейдовским, он никогда не пользовался вымышленными именами вроде «Анна О.» и т.п. Невозможно представить, чтобы Брейер написал историю болезни Берты в стиле, в котором писал Фрейд. Первый случай истерии, представленный в работе «Исследование истерии», по стилистике текста и художественному оформлению ничем особенным не отличается от последующих четырех случаев, написанных, несомненно, Фрейдом. В общем, отец-основатель психоанализа – своеобразная личность, и его поведение всегда узнаваемо. С этим согласится всякий, кто снимет розовые очки, через которые он раньше смотрел на отца-основателя.

В разных частях книги «Толкование сновидений» автор, ссылаясь на свой сон об Ирме, говорил «сон об *инъекции Ирме*», т.е. главным в этом сновидении было то, что Флейшль ввел в вену Берты морфин – так представляет дело Фрейд. Но поскольку со шприцом во сне ходит Фрейд и комплекс вины за инъекцию испытывает он, нет и тени сомнений, что именно Фрейд ввел морфин Берте. Такой вывод следует также из обычной логики вещей: выполнение подобной процедуры больше подходит помощнику Брейера и «вечному студенту» Фрейду, нежели аристократу голубых кровей, профессору Флейшлю. Однако на протяжении всего сновидения автор винит за инъекцию своего друга, так что у читателя складывается ложное впечатление. И только в конце сновидения довольно в открытой форме Фрейд признается, что перекладывание своей вины за инъекцию на плечи друга он делает из мщения за сделанный им упрек и отнятую любовь Берты. Приведу несколько мест из второй главы, где автор касается этого важнейшего момента.

Фрейд пишет:

«Такую инъекцию нельзя производить легкомысленно. Упрек в легкомыслии я делаю непосредственно коллеге Отто [понятно, что в легкомыслии Флейшль обвинил Фрейда (это следует из следующих предложений); но Фрейд мстит Флейшлю, вешая на него свои грехи]. Мне представляется, что нечто подобное я подумал в тот день, когда Отто [Флейшль] словами и взглядом выразил свое несогласие со мной. Мысль [Флейшля] была, по всей вероятности, такова: как легко он [Фрейд] поддается влиянию, как он [Фрейд] скороспел в своих суждениях [здесь Фрейд, по сути, описал, как Флейшль упрекал его в легкомыслии]. Кроме того [далее идет «покрывало», но специфическое: Фрейд покрывает Отто, т.е. Флейшля, самим же Флейшлем; этим приемом он пользовался несколько раз], упрек в легкомыслии вызывает во мне снова воспоминания о покойном друге [Флейшле], сделавшем себе [он ли сам, или кто помог?] кокаиновую инъекцию.

Давая ему [Флейшлю] это средство [кокаин], я, как уже упоминал выше, не имел в виду инъекции [это ложь; с помощью кокаиновых инъекций Фрейд решил окончательно расправиться с Флейшлем, заверяя того, что кокаин спасет от морфинизма]. Упреки, делаемые мною коллеге Отто [Флейшлю] в легкомысленном обращении с опасным химическим веществом [морфином], свидетельствуют о том, что я снова вспомнил историю той несчастной Матильды [пациентка, погибшая от инъекции морфина], которая могла бы мне сделать аналогичный упрек [похоже, Фрейд причастен к ее смерти]. Я собираюсь здесь, по-видимому, доказать свою добросовестность, но вместе с тем доказываю обратное [анализ, проведенный Фрейдом, однозначно доказывает, что именно он сделал инъекцию Берте; и Фрейд указал причины, почему он это сделал; Флейшль же инъекцию не делал].

По всей вероятности, шприц не был чистым. Новый упрек коллеге Отто [Флейшлю], имевший, однако, другое основание [далее идет «покрывало»]... Я тотчас же подумал, что, может быть, в этом повинно загрязнение шприца. Я горжусь тем, что в течение двух лет мои впрыскивания приносили только пользу [если предположить, что Фрейд начал помогать Брейеру в 1878 г., то, прибавив два года, получим 1880 – год, когда происходили все описанные здесь события]. Я постоянно забочусь о чистоте шприца [инверсия сознания; неаккуратного и торопливого Фрейда упрекали в обратном]».

Психика Фрейда «вытесняла» допущенные им ошибки из собственного сознания и ставила их в вину другим людям. Этой процедурой он избавлялся от тяжелого чувства вины. Именно с таким фактом мы сталкиваемся здесь. В конце шестой главы «История с кокаином» Джонс пишет:

«Когда Флейшлю был предложен кокаин, он немедленно стал вводить его себе в форме подкожных инъекций. Годы спустя Фрейд утверждал, что никогда не имел в виду этого, а прописал данное средство лишь для внутреннего употребления. Однако нет никаких свидетельств того, что он протестовал против «неправильного» употребления этого средства Флейшлем, но есть доказательства, что сам он выступал в поддержку подкожных инъекций кокаина для случаев, подобных случаю Флейшля, то есть при отвыкании от морфия, и, по-видимому, также их делал. Как раз его руководитель, профессор Шольц, незадолго до этих событий усовершенствовал технику ввода иглы для подкожных инъекций, и Фрейд прекрасно овладел ею. Он много раз применял ее в последующие десять лет для различных целей, и в одном из своих трудов с гордостью упоминает о том, что никогда не занес никому никакой инфекции. С другой стороны, в его сновидениях тема инъекций неоднократно встречается в связи с темой вины. В статье, написанной им в свою защиту в 1887 г., содержится намек на то, что при применении кокаина шприц для подкожных инъекций является источником опасности. В ссылках на свои предыдущие работы Фрейд опускает любое упоминание о статье 1885 г., в которой горячо выступал в защиту инъекций. Эта последняя статья также не включена в список его трудов, который в 1897 г. Фрейду пришлось подготовить для присвоения ему профессорского звания. В его архиве также нет ни одного экземпляра этой статьи. Видимо, знание о ней было полностью вытеснено».

«Вытеснению» подлежали также все письменные документы, свидетельствующие об инъекции морфина Берте. Напомню, что у мудрого стрика Франца Шольца Фрейд начал работать с 1 января 1884 г. В июле начальник отделения уехал на два месяца в отпуск, оба оставшихся на «хозяйстве» врача срочно отбыли на границу Австрии и Черногории, в которой вспыхнула эпидемия холеры. Таким образом, в течение полутора месяцев Фрейд отвечал за сотню с лишним больных и командовал десятью санитарками. Джонс пишет: *«Когда Марта попросила его объяснить значение этой должности, он кратко ответил: «Это значит, что начальник больницы разрешает тебе сидеть в его присутствии»».* Если это даже и шутка, то весьма показательная.

Фрейд действительно больше ценил некий внешний антураж, чем существо дела. *«Хотя Фрейд и ворчал: «Руководить так трудно», ему нравилось занимать столь ответственную должность, – пишет Джонс, – ...По возвращению Шольц упрекнул Фрейда за расточительность...».*

В отделении Фрейд что-то «экспериментировал» и занимался своими делами; *«у него были возможности, хотя и не столь большие, как ему бы этого хотелось, изучать органические нервные заболевания».* В письме к Марте он сообщает: *«Я постоянно говорю о себе своему шефу как о невропатологе в надежде на то, что это улучшит мои перспективы».* В связи с этим Фрейд в это время задумывается о получении звания приват-доцента, свои обычные обязанности врача он выполнял плохо. Шефу, которого Фрейд называл «дряхлым и слабоумным» стариком, всё это надоело и он попросил руководство больницей избавиться от отделения для нервных больных от амбициозного бездельника и верхогляда. У Шольца Фрейд проработал год с лишним; в трех других отделениях (детском, кожном и глазном) он не задерживался и более трех месяцев.

Сейчас я говорил о работе Фрейда в государственной больнице, куда он был вынужден пойти, лишившись частной практики. После событий, связанных с Бертой, Брейер перестал ему доверять и уже не посылал к нему больных на лечение. В 1880 г. Фрейд был еще более безалаберным врачом, чем когда он работал в отделении Шольца, который научил его делать инъекции так, чтобы не внести инфекцию. Фрейд, как помощник Брейера, на котором лежала обязанность производить физиопроцедуры, имел при себе саквояж с необходимыми принадлежностями (шприц, иголки, спирт, бинты, скальпель, вата, лекарства и пр.). Брейер мог и не проверить своего помощника, прокипятив он шприцы или нет. Я придерживаюсь того мнения, что все инъекции делал именно Фрейд, в том числе и отцу Берты, которого он, видимо, заразил какой-то легочной инфекцией. Такой вывод приходит сам собой, если учиываешь шизотимическую натуру Фрейда, его способность почти автоматически инвертировать события с минуса на плюс. Сон об Ирме – это сон-желание, сон-мщение, в нем реальная вина Фрейда перекладывается на тех, кто его обвинял в ошибочных действиях, на Флейшля, Брейера и Берту. Больше всего Фрейд ненавидел Флейшля, он и понес максимальное наказание от Фрейда.

Вот как автор в середине анализа (я цитировал концовку) настаивает, что именно Флейшль сделал инъекцию, а не он. Фрейд пишет:

«Коллега Отто [Флейшль] сделал ей [Берте] инъекцию, когда она чувствовала себя плохо [данное утверждение относится к самому Фрейду]. Отто [Флейшль] действительно рассказывал, что во время пребывания в семье Ирмы [Берты] его неожиданно позвали к соседям, и он сделал там инъекцию одной даме [я подозреваю, что под «дамой» кодируется мать Берты, которую Фрейд ненавидел], почувствовавшей себя внезапно дурно. Инъекция напомнила мне моего злосчастного друга [Флейшля], отравившегося кокаином. Я прописал ему это средство лишь для внутреннего употребления [через пищевод], он же сделал себе впрыскивание».

Здесь Фрейд объясняет, при каких обстоятельствах он ввел морфин Берте. Если бы Флейшль ввел морфин и объяснил, почему он так сделал, то рассказ Фрейда выглядел бы совершенно иначе. Автор привел бы какие-то слова Флейшля о том, что Берта почувствовала себя плохо, и он просто вынужден был ввести ей морфин. Вместо этого мы читаем, как Флейшль рассказывает Фрейду историю, как он из жалости сделал инъекцию какой-то даме. Данное воспоминание неуместно и нелогично. Таким образом, конструкция самого текста сновидения уличает автора во лжи.

В принципе, пожилой даме можно вводить морфин для обезболивания, поскольку у нее небольшой риск привыкания от нескольких инъекций. Молоденькой девушке Берте, морфин вводить уже не рекомендуется, поскольку у молодых риск привыкания к нему намного выше, чем у пожилых. Брейер мог просить Фрейда делать инъекции пожилым людям для облегчения их страданий. Но Фрейд распространил эту практику и на Берту, которая впадала в неконтрольное состояние, выгодное ему. Он, разумеется, облегчал ее страдания, но его также забавляло и то, как его любимая девушка становится беззащитной и целиком зависимой от него. У Берты возникали зрительные и слуховые галлюцинации, страхи и фобии, которыми интересовался «доктор», видя в них некий материал для своих будущих исследований. В общем, морфин в руках молодого, неопытного и абсолютно безответственного человека сделался мощным орудием управления и контроля над Бертой. Помимо этого она была для него и неким полигоном для экспериментирования над сознанием человека. Брейер поначалу не знал об этих испытаниях, а когда спохватился, было уже поздно: нервная система Берты была совершенно расстроена. Ему ничего не оставалось, как поместить ее в психиатрическую клинику.

Фрейд был человеком импульсивным, нетерпеливым, упрямым, самонадеянным, реальное положение вещей улавливал плохо, выдвигал самые нелепые теории и потом настаивал на них, даже когда всё вокруг говорило против него, постоянно провоцировал ненужные споры, не считаясь с опытом, авторитетом и возрастом своих оппонентов. Он являлся источником всех бед, которые происходили на месте его пребывания. Дом Паппенхеймов не стал исключением. Стараниями Брейера он был определен в этот дом как врач семьи (на этот счет существует отдельное «сновидение»), так что Фрейд чувствовал себя хозяином положения. Он ввязался в извечный для него спор с Брейером, что первично – психика или физика? Спор задел всех, включая Берту, но особенно Брейера, поскольку он чувствовал себя ответственным за всё, происходившее в доме Паппенхеймов. Брейер и Берта выдвигали материалистические причины, Фрейд же объяснял ее болезнь одним словом – «истерия», которую связывал только с психикой. Наиболее отчетливо это прозвучало в отношении отца Берты, у которого Брейер подозревал туберкулез (в сне отец Берты называется третьей подругой Ирмы).

Фрейд пишет:

«Да, наверное, я хочу посмеяться над доктором М. [Брейером] ... Не подлежит сомнению, что в этой части сновидения содержится насмешка над коллегой, ничего не понимающим в истерии. Словно в подтверждение этого возникает мысль: а знает ли доктор М. [Брейер], что явления, наблюдающиеся у его пациентки, подруги Ирмы [т.е. отца Берты], заставляющие опасаться наличие туберкулеза, следует отнести также на счет истерии? Распознал ли он [Брейер] эту истерию или проглядел ее? Какие же мотивы могут быть у меня для такого дурного отношения к коллеге [Брейеру]? Да очень просто: доктор М. [Брейер] столь же мало согласен с моим «решением» в психоанализе Ирмы [Берты], как и сама Ирма [Берта]. Я, таким образом, отомстил в этом сновидении уже двум лицам, Ирме [Берте], словами: «Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата ты сама» – и доктору М. [Брейеру], вложив ему в уста столь абсурдное утешение».

В другом месте Фрейд в отношении симптома болезни отца Берты привел в скобках любопытную уточняющую деталь: его симптом *«был отнесен врачами на счет туберкулеза (по всей вероятности, симулированного на истерической почве)»*.

По поводу фразы *«Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата ты сама»* Фрейд в другом месте продолжает рассуждать следующим образом:

«Я мог бы сказать ей [Берте] это и наяву, может быть, даже и говорил. Тогда я придерживался того взгляда (впоследствии я в нем разуверился), что моя задача ограничивается сообщением больному скрытого содержания его симптомов: принимают ли они мое «решение» или нет, от которого затем зависит весь успех лечения, за это я уже не ответственен. Я благодарен этому теперь устраненному заблуждению за то, что оно в течение некоторого времени облегчило мое существование, так как я при всем своем неизбежном невежестве должен был добиться терапевтического успеха. По фразе, которую я сказал Ирме [Берте], я замечая, что, прежде всего не хочу быть виноватым в тех болях, которые она еще чувствует. Если в них виновата сама Ирма [Берта], то не могу быть виноватым я. Не следует ли в этом направлении искать смысл сна?»

В самом деле, не была ли для Фрейда вся затея со сновидением и его анализом придумана в оправдание продолжения болезни Берты? Он мучился и переживал за нее, но никак не хотел брать на себя ответственность за ее болезнь. Вообще, самый большой порок Фрейда состоит в том, что он всегда считал себя правым и редко испытывал угрызения совести. Из анализа сна видно, что на самоуверенного Фрейда невозможно было влиять какими-то разумными аргументами. Он выступал дирижером в любых ситуациях, а уж у Паппенхеймов, где он чувствовал себя как дома, тем более. Брейер и при желании не смог бы изолировать его от Берты.

Слово «дирижер» я подобрал не совсем точно: дирижер несет какую-то гармонию, Фрейд же действовал разрушительно, как торнадо. Для него важнее всего не выполнение какого-то дела, а то, что это дело выполняется так, как он сказал. Если же дело шло по другому сценарию, Фрейд обижался, злился и старался расстроить выполнение этого дела, даже если оно угрожало жизни дорогого ему человека. Никакой вины он при этом не испытывал, совесть его высвобождалась циничной процедурой «вытеснения». Однако жалобы на боли любимой девушки заставили его всё же усомниться в выборе своего «решения». Это чувствуется из нижеследующего.

«Я пугаюсь при мысли, что мог не заметить у нее органического заболевания. Это вполне естественный, постоянный страх специалиста, который повсюду видит почти исключительно невротиков и привыкает относить на счет истерии почти все явления, которые кажутся другим

врачам органическими. С другой стороны, мною овладевает – я и сам не знаю откуда – легкое сомнение в том, что мой испуг не совсем искренен. Если боли у Ирмы [Берты] имеют органическую основу, то опять-таки я не обязан лечить их. Мое лечение устраняет только истерические боли. Мне чуть ли не кажется, будто я хочу такой ошибки в диагнозе; тем самым был бы устранен упрек в неудачном лечении».

Очень характерный для Фрейда ход мысли, при котором он всегда оказывается прав, даже если не прав: пациент соглашается с ним – это хорошо, если сопротивляется – тоже хорошо, поскольку это говорит о серьезности его душевного заболевания.

Тема сомнения в выборе между органическим и истерическим лишней раз убеждает нас в том, что мы правильно трактуем сон об Ирме-Берте, поскольку данный спор имел место между идеалистом Фрейдом и материалистом Брейером в 1880-х годах. В сновидении этот спор проходит на фоне мщения, как осуществленного желания сновидца. Вообще, мстительность – визитная карточка Фрейда, которую он дарил всем, независимо от того, как поведет себя человек. Если человек вел себя недружелюбно, он был наказан Фрейдом по справедливости; если же человек вел себя лояльно к нему, он был наказан еще больше, поскольку всякое проявление доброты напоминало о низких моральных качествах Фрейда; такое унижение должно быть наказано вдвойне. Таково фактическое положение дел, но с точки зрения Фрейда, для мстительности находились основания в форме сопротивления его «решениям». Фрейдовская формула отношений с людьми выглядела так: «Ты не согласен с моим решением? Значит, ты будешь наказан!» Чтобы подтвердить это, процитирую нижеследующий отрывок из сновидения.

Из-за болезни Берты и смерти ее отца Брейер был вымотан физически и морально, а тут еще на его голову свалился этот самоуверенный дилетант, который очень некстати спровоцировал философский спор о первичных и вторичных причинах душевного заболевания. Фрейд не понимал, отчего это Брейер бледен и выглядит уставшим (переживания и мучительное чувство ответственности ему не знакомы) и вот он пишет:

«Доктор М. [Брейер] бледен, без бороды, он хромает. Действительно вид доктора М. [Брейера] в последнее время беспокоил его друзей [Флейшля и Экснера]. Две другие черты следует отнести к другому лицу [отсюда следует, что доктор М. имеет бороду; лишней аргумент в пользу Брейера; Фрейд не понимал, что из подобных деталей, которых в книге немало, складывается очень точный портрет скрываемых им персонажей]. Мне вспоминается мой старший брат, живущий за границей [сводный брат Фрейда, Филипп]: он тоже не носит бороды и очень напоминает доктора М. [Брейер примерно одного возраста с Филиппом] в том виде, в каком я его видел во сне. От него несколько дней тому назад пришло письмо, в котором он сообщал, что у него заболела нога, он хромает. Смешение обоих лиц в сновидении должно, однако, иметь особую причину. Я вспоминаю действительно, что сердит на обоих по одному и тому же поводу. Оба недавно отклонили предложение, с которым я к ним обратился».

Джонс говорил, что Фрейд терпел инакомыслие. Ничего подобного! Человек, сказавший поперек него слово, становился его врагом. Фрейд патологически упрям: с ним все должны непременно соглашаться, какую бы глупость он не сказал. Здесь мы находим этому подтверждение. За то, что Брейер и Филипп отклонили его предложение, сновидец в своем «сне» делает их хромыми. Поскольку никакого сна ему не снилось, то этим высказыванием Фрейд просто демонстрирует свою мстительную натуру. Помимо мстительности он также показывает невежество, совершенно не совместимое с образом мысли настоящего ученого. Фрейд всерьез думает, что Брейер бледен и имеет уставший вид потому, что он его не послушался. Такое же дремучее невежество он показал и в отношении Берты: «Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата ты сама», поскольку проигнорировала мое «решение»; аналогично с Дорой: она не послушалась его, и тут же была наказана невралгией и т.д. Как маг или колдун, Фрейд воображал, будто способен привести в действие потусторонние силы зла, наказывающие ослушников. Этим примитивным мистицизмом пронизан весь психоанализ, потому он и привлек к себе такое количество невежд, мечтающих о бессознательном средстве контроля над психикой человека.

18. Мстительность Фрейда

Пока мы не видим, чтобы Фрейд проявлял большую любовь к Берте, о которой столько говорилось в связи с поисками «дамы сердца» или «недостающего звена» в цепи его непрерыв-

ной любви. Однако я предупреждал читателя, что от Фрейда не следует ждать красивой любви, какую испытывал Данте к Беатриче. Вместо любви и нежных чувств у него проявляется зоологическая мстительность. В самом конце сновидения мы узнаем, что среди мотивов мщения Флейшлю присутствует также составляющая ревности. То, что это проговаривается в самом конце и в сильно завуалированном виде, свидетельствует как раз о первостепенной важности этого мотива. Но о любви и ревности пока говорить еще рано; прежде выясним, какое вещество было введено Берте. Об этом Фрейд тоже рассказывает в конце сновидения, которое у него вышло наиболее «туманным и непонятным».

Тем не менее, мой вердикт таков: Берте введен именно морфин. Борк-Якобсен установил, что она получала множество доз морфина; в сновидении говорится об инъекции самой большой дозы, после которой у Брейера не было уже надежд на ее спасение. Возможно, термин «инъекция Ирме» Фрейд использовал для самой первой инъекции морфина. Но как бы там ни было, речь идет о трагическом событии, в результате которого Фрейду запретили бывать в доме Паппенгеймов и встречаться с Бертой; Флейшль осудил его методику лечения, а Брейер перестал посылать ему больных. Лишившись клиентуры, он вынужден был сдать экзамены, получить диплом врача и уйти в городскую больницу. Самостоятельную врачебную практику, приносящую ему доход, он возобновил в 1886 г., хотя и после ее возобновления Брейер снабжал его деньгами.

В сне дорожка к морфину проходит через ликер, который назывался «Ананас». Фрейд пишет:

«Ликер этот подарил нам коллега Отто [Флейшль]; у него была привычка делать подарки по всякому поводу. Вероятно, он будет от этого отучен когда-нибудь женой. В этом отношении сновидение не оказалось пророческим [намек на смерть Флейшля, который собирался жениться на Берте]».

Далее Фрейд проводит длинную ассоциативную цепь: ликер – сивуха – амиловый спирт – амил – пропилен – метил – триметиламин. В связи с последним термином, он вспомнил о Флиссе, который проводил

«исследования в области сексуальной химии и, между прочим, сказал, что находит в триметилаmine один из продуктов сексуального обмена веществ. Это вещество приводит меня к сексуальности, к тому моменту, которому я придаю наибольшее значение в возникновении нервных болезней. Моя пациентка Ирма [Берта] – молодая вдова [лишенная триметиламина, ответственного, как считал Фрейд и Флисс, за потенцию]; если я постараюсь оправдать неуспех моего лечения [лечение разговором], то мне целесообразнее всего сослаться на то обстоятельство, которое так бы хотели изменить ее ближайшие друзья [Флейшль, Марта и Брейер осудили инъекцию]... Другая пациентка, которую мне бы хотелось в сновидении иметь вместо Ирмы, тоже молодая вдова [у своей жены Фрейд находил недостаток либидо]».

Ниже я процитирую еще одно место, а затем прокомментирую оба абзаца вместе.

«В болезни Ирмы [Берты], – пишет Фрейд уже в который раз, – я не повинен: она сама виновата в ней, не приняв моего «решения». Ее болезнь меня не касается, она органического происхождения и не поддается излечению психотерапией. Страдания ее вполне объясняются ее вдовством (триметиламин), которого я, понятно, изменить не могу [т.е. Фрейд не может изменить потенцию Берты]. Они [страдания] вызваны неосторожной инъекцией [морфином]; Отто [Флейшль, но на самом деле Фрейд] впрыснул вещество, которым я никогда не пользовался [если бы Фрейд не пользовался морфином, то не пользовался бы и кокаином]. В болезни Ирмы [Берты] виновата инъекция грязным шприцем [под грязью здесь опять понимается морфин], всё равно как в воспалении вен у моей пожилой пациентки [возможно, мать Берты]. Я замечаю, однако, что эти объяснения болезни Ирмы [Берты], оправдывающие меня, не совпадают между собою, а скорее исключают друг друга».

Слово «морфин» (или «морфий») в анализе сновидения употребляется явно только в одном случае; вот это место:

«Вчера я случайно встретил сына одной 82-летней дамы, которой я ежедневно делаю два впрыскивания морфия. Она живет на даче, и я слышал, что она заболела воспалением вен. Я тотчас же подумал, что, может быть, в этом повинно загрязнение шприца. Я горжусь тем, что в течение

двух лет мои впрыскивания приносили только пользу; я постоянно забочусь о чистоте шприца [повторами автор добивается эффекта сомнамбулизма]».

Таким образом, слово «морфий» произнесено в связи с «грязным» шприцем. Фрейд посчитал, что этого намека достаточно: внимательный читатель теперь уже сумеет понять автора, когда тот говорит словосочетание «инъекция Ирме», хотя в другом месте он пытается сбить его с толку, кодируя морфин препаратом пропила. Однако о морфине Фрейд говорит косвенно несколько раз в связи с умершими Матильдой и Флейшлем, так что по тексту не сложно догадаться, что речь идет об инъекции именно морфина.

Морфин был пущен в ход, как обезболивающее средство сильного и быстрого действия, о чем автор «Толкования сновидений» заявил сам. Этот наркотик помогал, но вместе с тем вредил здоровью. Такая его двойственная природа как нельзя лучше соответствовала шизотимической натуре Фрейда: он вроде хотел помочь Берте, но одновременно губил ее. В отношении морфина у Фрейда существовала некая теория. В сновидении есть пространные рассуждения о скрытой в морфине сексуальной силе, которая ассоциировалась с некой виталистической энергией, несущей бодрость. В связи с этим хочется напомнить нашему читателю, что события сновидения происходили в 1880 г., самое позднее в 1882 г., а результаты, проведенных Флиссом «исследований в области сексуальной химии», были сообщены Фрейду не раньше 1887 г. Окончательный текст сновидения был написан в 1894 г., но объяснения, которые мы находим в сновидении, не могли быть известны автору во время лечения Берты. Таким образом, мы имеем определенную коллизию.

Она рассеется, если помнить следующее: в голове у Фрейда постоянно крутились какие-то сумасбродные идеи по поводу сексуальности. Я не исключаю и того, что в химических лабораториях Физиологического института, сориентированного на сексуальную тематику благодаря эстетическим пристрастиям Брюкке, велись исследования в области химии триметиламина и алкалоидов (морфин, кофеин, никотин, эфедрин; позднее к этому ряду Фрейд присовокупил кокаин). Во всяком случае, Фрейд, Флейшль и даже Брейер могли в то время придерживаться той точки зрения, что морфин связан с сексуальностью, а ее Фрейд ставил в прямую зависимость с истерией. О связи химии с либидо он говорит, например, в «Трех очерках по теории сексуальности».

Там он пишет:

«Каким образом возникает сексуальное возбуждение благодаря раздражению эрогенных зон, при прежнем зарядении центральных аппаратов, и какая смесь чисто токсических и физиологических раздражений получается при этих сексуальных процессах – в настоящее время об этом несвоевременно строить даже гипотезы. Для нас достаточно придерживаться как существенного в этом взгляде на сексуальные процессы предположения, что существуют особые вещества, обязанные своим происхождением сексуальному обмену веществ. Ибо эта кажущаяся произвольной гипотеза подкрепляется взглядом, на который мало обращали внимания, но который очень его заслуживает. Неврозы, которые можно объяснить только нарушениями сексуальной жизни, показывают самое большое клиническое сходство с феноменами интоксикации и абстиненции, которые возникают при первичном употреблении доставляющих наслаждение ядов (алкалоидов).

С этими предположениями о химической основе сексуального возбуждения прекрасно согласовываются наши представления и наше понимание психических проявлений сексуальной жизни. Мы выработали себе понятие о либидо как о меняющейся количественно силе, которой можно измерять все процессы и превращения в области сексуального возбуждения. Это либидо мы отличаем от энергии, которую следует положить вообще в основу душевных процессов, в отношении ее особого происхождения, и этим приписываем ей также особый качественный характер. Отделением либидозной психической энергии от другой мы выражаем наше предположение, что сексуальные процессы организма отличаются от процессов питания организма особым химизмом. Анализ перверзий и психоневрозов убедил нас в том, что сексуальное возбуждение возникает не только из так называемых половых, но из всех органов тела. У нас, таким образом, возникает представление об определенном количестве психически представленного либидо, как мы его называем, Я-либидо, продукция которого, уменьшение или увеличение, должна дать нам возможность объяснить наблюдаемые психосексуальные феномены. Но аналитическое исследование этого Я-либидо становится доступным только тогда, когда это либидо нашло психическое применение, чтобы привязаться к сексуальным объектам, т.е. превратиться в объект-либидо».

Эта виталистическая теория, быть может, более сырая, чем она здесь представлена, лежала в основе выработки решения консилиума врачей, заседавшего в доме Паппенхеймов, после

неудачного лечения Фрейдом. Не исключен также вариант обычной эмоциональной флюктуации со стороны врача, сделавшего инъекцию из чувства сострадания. Этот мотив, вероятно, присутствовал, но при доминировании чувства мести, которое отчетливо проступает в высказываниях Фрейда, и чувства ревности, которая упомянута в конце сновидения, виден злой умысел. Он приговорил Берту к тяжелым страданиям только за то, что она не согласилась с его «решением». Тогда, по меркам Фрейда, ее любовь к Флейшлю заслуживает наказания в виде смерти. О смерти он говорил постоянно; эдипов комплекс – это лишь часть его огромного шизотимического комплекса смерти. Если даже его Я молчало о смерти, то его Оно бессознательно влекло к ней; в данном случае, к смерти Берты. Часть шизотимической психики Фрейда, которая любила Берту, с помощью морфина доставляла ей облегчение, а ненавидящая, ревнующая и мстительная часть этим же наркотиком умерщвляла ее.

Во сне он отомстил всем – Флейшлю, Берте и Брейеру, но особую ненависть он испытывал к первому из них. В выводе это отчетливо прозвучало, но прежде чем его приводить, вернусь к началу второго раздела, где в «Предварительном сообщении» автор называет еще одну причину, вызвавшую сновидение. Напомню, ранее говорилось о написании Фрейдом истории болезни Анны О. Вторая причина состоит в том, что Флейшль, который поддерживал постоянный контакт с Бертой, сообщил Фрейду, что она продолжает болеть, намекнув тем самым, что лечение разговором не помогло (словосочетание «лечение разговором» не могло быть использовано, так как оно выдало бы автора).

Сном об инъекции Ирме Фрейд хотел сказать: «А кто, собственно, виноват в продолжение ее болезни! Я же предложил вам свое «решение», вы не послушались меня – ни Берта, ни Брейер, ни ты, Флейшль, – а теперь ты, Флейшль, пришел упрекать меня. Так знайте же, вы все будете мною жестоко отомщены». Но только ли в сновидении они будут наказаны – вот, в чем вопрос. Ведь все, так или иначе, пострадали реально.

Теперь приведу обещанное вступление к сновидению:

«Летом 1895 г. [на самом деле в 1880 г.] мне пришлось подвергнуть психоанализу одну молодую даму [Берту], которая находилась в тесной дружбе со мной и моей семьей [Эмма и другие пациентки не находились в дружеских отношениях с Фрейдами, но Фрейды, Бернайсы и Паппенхеймы знали друг друга]. Вполне понятно, что такое смешение отношений может стать источником всякого рода неприятных явлений для врача, особенно же для психотерапевта. Личный интерес врача значительнее, его авторитет меньше. Неудача угрожает подорвать дружбу с близкими пациентами [это еще один мотив, которым руководствовался Фрейд, чтобы история с лечением Берты держать в тайне]. Мое лечение закончилось частичным успехом [хотя Фрейд постоянно говорил, что Берта вылечилась полностью], пациентка избавилась от истерического страха, но не от всех своих соматических симптомов [это никак не похоже на Эмму, но совпадает с историей болезни Берты]. Я был в то время не вполне еще убежден в критериях, которые определяют полное окончание истерии, и предложил пациентке «решение», которое показалось ей неприемлемым [вот почему Фрейд подчеркивал обратное, а именно, что Берта предложила лечение разговором]. Расходясь с нею во мнениях, мы посреди лета временно прекратили лечение [после инъекции морфина Фрейд летом 1881 г. был «временно» отстранен от ее лечения, но потом возобновил его].

В один прекрасный день меня посетил мой молодой коллега, один из моих близких друзей [Флейшль], бывший недавно в гостях у моей пациентки Ирмы [Берты] и у ее семьи [какой еще коллега мог быть в гостях у пациентки? Конечно же, только Флейшль мог навещать семью Паппенхеймов]. Я спросил его, как он ее нашел, и услышал в ответ: ей лучше, но не совсем еще хорошо. Я помню, что эти слова моего друга Отто [Флейшля] или, вернее, их тон меня рассердил. Мне показалось, что в этих словах прозвучал упрек, нечто вроде того, будто я обещал пациентке чересчур много. Я объяснил мнимое пристрастие Отто [Флейшля] по отношению ко мне влиянием родных пациентки [особенно, матери], которым уже давно, как мне казалось, не нравилось мое лечение. Впрочем, неприятное чувство было у меня смутное, и я ничем не проявил его. В тот же вечер я записал довольно подробно историю болезни Ирмы [Берты], чтобы вручить ее в свое оправдание доктору М. [Брейеру], нашему общему другу и чрезвычайно популярному врачу. В эту же ночь (вернее к утру) я увидел нижеследующее сновидение, записанное мною тотчас же по пробуждению».

Флейшля не было уже давно в живых, когда готовилась книга «Исследование истерии». Таким образом, это вступление указывает на то, что Фрейд намного раньше 1894 г. написал историю болезни Анны О. и «сон» об Ирме. Запись эта была сделана в его дневнике – не мог же автор на протяжении многих лет удерживать в голове множество деталей, которые он использовал при подготовке рукописи двух книг. Много лет назад Брейер написал «материалисти-

ческий» вариант истории болезни Берты и отправил его в Крёйцлингенскую клинику, в которой та лечилась у Бинсвангера. По-видимому, где-то в то же время, т.е. примерно летом 1882 г., и Фрейд составил свою «истерическую» версию болезни, которую, однако, Брейер отверг. Фрейд не мог не написать историю болезни своей первой пациентки, поскольку являлся лечащим домашним врачом Берты (как он им стал, об этом позже).

Приведенное вступление также однозначно указывает, что в сновидении об инъекции Ирме речь идет именно о Брейере и Берте. В сновидении о пятилетнем сроке (6E,IV) Брейер, как и Флейшль, тоже выражает возмущение по поводу неэффективности метода лечения Фрейда. Мы уже знаем, что отец-основатель психоанализа не выносил никакой критики в свой адрес; она вызывала в нем приступ бешенства. Спустя почти полтора десятка лет Фрейд решил отомстить своему учителю, который к тому же содержал его и материально. Он опубликовал свой «истерический» вариант истории болезни Анны О., поставив под ним фамилию Брейера. Лже-лекарь стал уверять, будто метод разговоров принадлежит вовсе не ему, а Брейеру и самой пациентке. Этим «вечный студент» наказывал друга и одновременно доказывал, что тот спекулятивный способ увещевания, которым он пытался вылечить свою первую пациентку, имеет право на существование и даже представляет собой новое слово в психиатрии. Брейер мог простить Фрейду любой его промах, глупость и даже подлость; здесь же он не выдержал: 1894 г. – год окончательного разрыва между ними.

Из «Предварительного сообщения» следует также, что вход в дом Паппенгеймов Фрейду был навсегда закрыт, Флейшль же продолжал общаться с Бертой и ее семейством. Это означает, что мать Берты во всем обвиняла не Флейшля, в котором она, может быть, видела своего будущего зятя, а Фрейда, который колол морфин и надоедал своими неуместными вопросами (наш читатель знает какими). Сейчас настал черед выслушать заключительные слова, в которых раскрывается главная интрига сновидения – тайна любви Фрейда к Берте и его ревность к Флейшлю.

«Сновидение осуществляет несколько желаний, – начал он, – проявившихся во мне благодаря событиям последнего вечера (сообщение Отто [Флейшля] и составление истории болезни [Анны О.]). Результат сновидения: я неповинен в продолжающейся болезни Ирмы [Берты], виноват в этом Отто [Флейшль]. Отто рассердил меня своим замечанием относительно недостаточного лечения Ирмы [Берты], сновидение отомстило ему за меня, обратив на него тот же упрек. Сон освободил меня от ответственности за самочувствие Ирмы [Берты], сведя последнее к другим моментам (сразу целый ряд обоснований). Оно создало именно ту ситуацию, какую мне хотелось; *его содержание является, таким образом, осуществлением желания, его мотив – желание*. Это – несомненно.

Но с точки зрения осуществления желания мне непонятны некоторые детали сновидения. Я мщу Отто [Флейшлю] не только за его скороспелое суждение о моем лечении, приписывая ему неосторожность (инъекцию), но мщу ему также и за скверный ликер с сивушным запахом [намек на триметиламин – сексуальное вещество, т.е. либидо или семя Флейшля]. В сновидении оба упрека соединяются в одно: в инъекцию пропила, пропилена [морфина]. Я, однако, еще не вполне удовлетворен и продолжаю свою месть, противопоставляя ему [Флейшлю] более способного конкурента [в борьбе за любовь Берты]. Этим я хочу, по-видимому, сказать: он [конкурент, т.е. сам Фрейд] мне симпатичнее, чем ты [Флейшль].

Однако не один только Отто [Флейшль] испытывает тяжесть моей досады и мести. Я мщу и своей непослушной пациентке [Берте], заменяя ее более благоразумной и послушной [Мартой]. Я не прощаю упрека и доктору М. [Брейеру], а в довольно прозрачной форме высказываю ему свое мнение, что он в этих делах довольно невежествен («будет дизентерия» [«дизентерия» кодовое слово для истерии] и т.д.). Мне кажется даже, что я апеллирую к более знающему (моему другу, сообщившему мне о триметилаmine [В 1887 г. Фрейд оставляет Флейшля и обращает свои симпатии в сторону нового друга, Флисса]), это всё равно как от Ирмы [Берты] я обращаюсь к ее подруге [Марте] и от Отто [Флейшля] к Леопольду [Экснеру]. Уберите от меня этих лиц [Берту, Брейера и Флейшля, допекающих Фрейда своими упреками], замените их тремя другими по моему выбору [Мартой, Флиссом и Экснером], тогда я отделаюсь от упреков, совершенно мною незаслуженных. Неосновательность этих упреков обнаруживается очень ярко в сновидении».

Данная концовка делает сновидение об инъекции Ирме совершенно прозрачным: иная расшифровка указанных в последнем абзаце лиц просто невозможна. В окружении Фрейда не было мужчин и женщин, которые давали бы похожую комбинацию отношений. Это, пожалуй, одно из самых важных мест сновидения об Ирме, доказывающее правильность расшифровки.

Однако для нас это уже пройденный этап, нам нужно сейчас доказать, что Флейшль был соперником Фрейда за обладание Бертой. И это доказательство содержится в предпоследнем

абзаце. Автор «Толкования сновидений» не мог сдержать эмоции. В «результатах сновидения» он впервые говорит о сопернике Флейшля, которому он, Фрейд, симпатизирует. Но в сновидении никаких конкурентов нет, все персонажи идентифицированы, их роли четко определены, следовательно, под конкурентом Флейшля Фрейд имел в виду только себя. Тогда в каком смысле использовано им слово «конкурент»? В борьбе за что конкурент? Я вижу только один ответ: конкурент в борьбе за любовь Берты. Это подтверждает и самая главная фраза о мщении Флейшлю – возмездие за его «скверный ликер с сивушным запахом», т.е. семья Флейшля. Для данного сновидения она является ключевой, хотя недвусмысленное подтверждение этому мы обнаружим в другом сновидении Фрейда (об этом ниже).

Таким образом, дедуктивным путем, т.е. со всей математической строгостью, было доказано, что Флейшль любил Берту, и Фрейд мстил ему, как своему сопернику. В том, что именно Фрейд убил Флейшля, можно не сомневаться, поскольку это преступление мучило автора «Толкования сновидений» всю оставшуюся жизнь; он вспоминал о нем без конца. Очевидно, ближайшие друзья Флейшля лишили его шприца и наркотических препаратов, когда он попал в наркотическую зависимость. Фрейд вызвался его вылечить от морфинизма и приходил к нему домой, чтобы ввести в вену кокаин. Эта мера была явно ошибочной; когда Брейер указал ему на это, он стал отказываться от своих действий. Однако правда состоит в том, что он желал смерти своему другу. В сновидении, которое Фрейду приснилось после открытия памятника Флейшлю, есть слова: *«Эрнст Флейшль был лишь видением; мне кажется вполне возможным, что такое лицо существует лишь до тех пор, пока этого хочешь; и что оно может быть устранено произвольным желанием другого»*. Если Фрейд испытывал чувство ненависти к конкретным людям, можно не сомневаться, он сделает всё от него зависящее, чтобы стереть их с лица земли. Я не знаю, кто мог бы по своей коварной мстительности сравниться с Фрейдом.

Портрет Флейшля висел в кабинете Фрейда как символ любви и ненависти. Говорят, что он там до сих пор висит, только музейные работники знают половину правды о нем. Они думают, что хозяин кабинета повесил его из-за большой любви к Флейшлю; на самом же деле он висит там, как скальп поверженного врага. А еще он повесил его из страха: если бы кто-нибудь смог расшифровать сон об инъекции Ирме и обвинил его в преднамеренных действиях, то он бы возразил ему: зачем же мне убивать Флейшля, когда я так его люблю; вот на стене и его портрет висит.

Нельзя не заметить, как тщательно скрываются следы преступления. Для этого в сне об инъекции Ирме Фрейд изменил год смерти Флейшля с 1891 на 1895, а год начала экспериментов над кокаином – с 1884 на 1885. Джонс сообщил, что первую инъекцию кокаина Фрейд сделал Флейшлю 1 мая 1884 г., однако в «Толковании сновидений» мы читаем: *«Исследование кокаина, произведенное мной в 1885 г., навлекло на меня тяжелые упреки. Близкий друг, умерший в 1895 г., благодаря злоупотреблению этим средством ускорил свою смерть»*. Очевидно, что письмо от 27 июня 1882 г., где Фрейд рассказывал Марте, какой замечательный у него есть друг, тоже сфальсифицировано для сокрытия мотива преступления. Чтобы никто из биографов не заподозрил, будто у автора письма был мотив убить своего «близкого друга», он называет Флейшля «красивым и благородным», «отличным человеком», «принадлежащим к числу лучших» и т.д. Однако, подменяя Берту Мартой, он всё же не сумел скрыть свое мучительное чувство ревности (см. раздел 13).

19. Сон о трех памятниках

Об инциденте, произошедшем между Фрейдом, Флейшлем и Брейером, рассказывается еще в одном из сновидений, занесенном в «Толковании сновидений» в разряд снов, в которых важную роль играет счет и речь (6Е). Содержание сновидения вращается вокруг двух латинских выражений: *non vivit* и *non vixit* (*не живет и не жил*), которые являются здесь ключевыми. Данное сновидение касалось события, о котором Фрейд поначалу не хотел рассказывать, поэтому сам сон и его анализ он зашифровал. Но в следующем издании книги в подразделе (6Ж), посвященном аффектам (в основном, страху), автор раскрывает карты и делает шифровку, произведенную в подразделе 6Е, бессмысленной. В подразделе 6Ж читатель узнает, что под другом Ф. скрывается Флисс, который, однако, принимал и облик Флейшля; под другом П. прятался Брейер, он же фигурирует под именем Иосиф (Йозеф); имя Иосиф носил также император Австро-Венгрии.

Смерть Флейшля мучила Фрейда, призрак друга приходил к нему во снах вместе с призраком еще живого Брейера, которого он тоже, однако, мечтал увидеть мертвым. То, что творилось у него в душе, и рассказано в сновидении.

«Я отправляюсь ночью в лабораторию профессора Брюкке, – пишет Фрейд, – в ответ на легкий стук открываю дверь покойному профессору Флейшлю, который входит с несколькими незнакомыми мне людьми и, сказав что-то, садится за свой стол».

Далее автор прерывает повествование этого сновидения и перескакивает на другое, которое, однако, является продолжением первого, но уже в более закодированном виде. На самом деле никаких двух сновидений Фрейд не видел, он представил читателю одно более чем реальное желание, разбитое на две части; первая часть является ключом ко второй. Сновидение, т.е. желание автора (во снах исполняется только желанное), вызвано созерцанием трех памятников: Флейшлю и Брюкке, установленных в университетском парке, и императору Иосифу, установленному в Гобургере (сон навеян открытием памятника Флейшлю). Желание сновидца формулируется так: вот установлены два памятника моим бывшим друзьям, Флейшлю и Брюкке; я хочу, чтобы и третьему моему другу, Йозефу Брейеру, который еще жив, тоже установили *посмертный* памятник, как императору Иосифу.

Содержание сна состоит из нескольких сюжетных линий; мы проследим лишь одну из них. О ней в подразделе 6Е Фрейд пишет:

«В молодости, будучи близок с двумя неразлучными друзьями, я проговорился одному из них о том, что сказал про него другой. Я не забыл упреков, которые мне пришлось тогда услышать. Одним из друзей, между которыми я посеял тогда семя раздора, был профессор Флейшль, другого звали Иосиф, так зовут и появляющегося в сновидении моего друга П. Об упреке в том, что я не умею хранить чужих тайн, свидетельствует в сновидении вопрос Ф. [Флейшля], *что я, собственно, рассказал о нем П. [Брейеру]*. Включение этого воспоминания переносит упрек в опоздании [об этом укоризненном разговоре с Брюкке говорится ниже] из настоящего в то время, когда я работал в лаборатории Брюкке; замещая второе лицо в сцене «уничтожения» Иосифом, я заставляю эту сцену изобразить не только упрек в опоздании [Фрейд, как помощник Брюкке и демонстратор, не раз опаздывал к занятиям, так что лаборатория была не готова к проведению лекций или практических занятий], но и другой, более подвергшийся смещению, в том, что я не умею хранить чужие тайны. Процессы сгущения и смещения в сновидении, а также и мотивы их бросаются здесь сразу в глаза».

Брейер пришел в лабораторию Брюкке позже Фрейда, но оказался ближе к директору, что, с точки зрения Фрейда, является верхом несправедливости. В анализе сновидения он «бессознательно пожелал», чтобы

«высокоодаренный и всей душой преданный науке друг П. [Брейер] благодаря своей преждевременной кончине [во сне он предстает в образе «преждевременно» ушедшего Флейшля] утратил право на такой же памятник. Такой памятник я воздвиг ему в сновидении».

О памятнике самому себе Фрейд мечтал постоянно, но он хотел, чтобы памятник за его выдающиеся заслуги перед наукой поставили ему при жизни (эта тема затрагивалась в беседе с Удодом). Фрейд говорит: «*За то, что он [Брейер] оказал услуги науке, я воздвигаю ему памятник, но за то, что он возымел злое желание, выраженное в конце сновидения, я уничтожаю его*».

В сновидении идет речь не только о ненависти сновидца к Брейеру, но и к самому Брюкке. Автор «Толкования сновидений» припомнил ему выговор, который тот сделал в связи с опозданием и вообще с плохим исполнением обязанностей.

«Я был демонстратором в Физиологическом институте, – разъясняет Фрейд, – и должен был являться туда рано утром к началу занятий. Узнав, что я несколько раз опоздал в лабораторию, Брюкке явился туда пунктуально и подождал меня. Когда я явился, он холодно и строго прочел мне нотацию. Дело не в словах, а в том взгляде, с которым были обращены на меня его страшные синие глаза и пред которым я «стушевался» – исчез, как в сновидении господин П. [Брейер], с которым я поменялся ролями. Кто помнит изумительные глаза великого ученого [Брюкке], силу которых он сохранил до глубокой старости, и кто видел его когда-нибудь раздраженным, тот легко поймет чувство, охватившее меня, молодого человека». «...В ответ на упрек Брюкке я стал оправдываться, что мне очень далеко приходится ходить с улицы императора Иосифа [так называется улица, на

которой жил Фрейд, одновременно имя Иосиф указывает на Йозефа Брейера] на Верингерштрассе [где располагался институт Брюкке]».

Фрейд пытался оправдаться тем, что в глазах директора оправданием не являлось.

У Стоуна сцена выговора Брюкке своих претензий Фрейду описана очень реалистично.

«Профессор Брюкке сидел за рабочим столом, – пишет он, – разглядывая Зигмунда голубыми холодными глазами. Как утверждали иные студенты, один его взгляд способен заморозить любую рыбу, выловленную в Дунае. Голову профессора прикрывал неизменный шелковый берет, ноги были укрыты шотландским пледом, а в углу стоял огромный прусский зон, с которым он не расставался даже в самые ясные летние дни...».

Автор романа «Страсти ума или Жизнь Фрейда» передает изумительно точно, например, такую деталь:

«Однажды, когда он [Фрейд] вошел в лабораторию, опоздав на одну минуту [одну ли?], Брюкке заметил: «Опоздать к началу работы – значит не подходить для своей работы». Зигмунд сгорел от стыда».

Через такие детали раскрывается образ Фрейда-бездельника, который в период с 1876 по 1882 г. и не мечтал стать ученым, вопреки тому, как это рассказывается в «героических» биографиях.

Фрейд был редким лентяем – это отмечал и Джонс. Он писал:

«Присвоение Фрейду [31 марта 1881 г.] степени доктора медицины [точнее, аттестата врача, который дается всем закончившим медицинский факультет] не стало поворотным пунктом его жизни и даже не явилось для него большим событием. Оно принадлежало к разряду тех вещей, которые необходимо когда-нибудь сделать [напомню, диплом он должен был получить три года назад], – к тому же Фрейду надоело ходить в «бездельниках» и выслушивать насмешки по этому поводу [имеется и другая причина: Фрейд «наломал дров» в доме Паппенхеймов и боялся ответственности, поэтому поспешил приобрести диплом]. Он продолжил работу в Институте Брюкке, следуя по пути, который, возможно, когда-нибудь привел бы его на кафедру физиологии. Однако оптимистические мечты о будущем подобного рода скоро (буквально через год) развеялись [он стал обыкновенным врачом городской больницы]».

В подразделе 6Ж «Толкования сновидений» автор со своей субъективной позиции разъясняет суть конфликта, который разворачивается в сновидении о трех памятниках его друзьям:

«В таком высказывании, как «уйди – я займу твое место» я, по всей вероятности, упрекал в свое время своего друга Иосифа [Брейера]. Он поступил в лабораторию Брюкке после меня, но продвигаться вперед по службе там было очень трудно. Ассистенты [Экснер и Флейшль] сидели на местах крепко, и молодежь [по сравнению с Брюкке Брейера можно причислить к молодежи] пришла в нетерпение, мой друг [Брейер] не постеснялся и вслух выразил свое нетерпение. Так как ассистент, на место которого он рассчитывал [Флейшль] был человеком больным [морфинистом], то желание, чтобы он уступил свое место, было довольно двусмысленно [мол, Флейшль всё равно не жилец, так чего тянуть]. Вполне понятно, что и я несколько лет до того испытывал такое же желание [не только желание; были предприняты конкретные шаги]; всюду, где имеется иерархия, открыт путь для желаний, нуждающихся в подавлении».

Здесь Фрейд искажил подлинную картину событий. Брейер не мог просить Брюкке занять место Флейшля из моральных соображений; да это, собственно, ему и не нужно было, так как он зарабатывал неплохо, а особых карьерных амбиций у него не было. Что же касается Фрейда, то доподлинно известно, что он после получения диплома врача обращался к директору с подобной просьбой. Феррис сообщает, что Брюкке даже порекомендовал Фрейда «на пост ассистента в провинции, описав его как «очень бедного еврея, которому придется жить на зарплату, но это он сможет делать с легкостью, потому что живет просто и прилично»». Джонс сообщает:

«Ходили слухи о том, что между Фрейдом и Брюкке произошел разрыв, но Фрейд опровергал их, утверждая, что покинул лабораторию по совету Брюкке. Брюкке действительно сохранял дружеский интерес к дальнейшей карьере Фрейда. Он был главным ходатаем за присуждение тому

звания приват-доцента и именно покровительство Брюкке в противовес сильной оппозиции обеспечило Фрейду субсидию для научной поездки в Париж».

В статье «Фрейд и его время», помещенной в первом томе «Энциклопедии глубинной психологии», Юрген фон Шайдт пишет:

«Вместе с тем Флейшль был весьма несчастным человеком, вследствие тяжелой болезни пристрастившимся к морфию. Фрейд попытался избавить его от этой зависимости с помощью кокаина – но достиг только обратного результата. Десять лет спустя Фрейду приснился полный чувства вины сон о своем друге, которого он приучил к кокаину, что, по-видимому, стало причиной его преждевременной смерти. Не говоря уже о дружбе, Флейшль, несомненно, был для Фрейда образцом ученого; вместе с тем Флейшль стоял на пути Фрейда к должности ассистента у Брюкке, и это стало одной из причин, почему Фрейд отказался от научной карьеры физиолога и вместо этого занялся практической медициной».

Шайдт правильно представляет отношения Флейшля и Фрейда: первый «стоял на пути» второго, однако отказаться от карьеры ученого Фрейда заставила корысть. Он видел, какие огромные деньги зарабатывает Брейер, и каким авторитетом тот пользуется в городе, являясь обыкновенным врачом. В связи с этим будущий родоначальник психоанализа встал на стезю медицинского работника широкого профиля. Но профессию врача он не любил, облегчать страдания людей он не хотел, прибавьте к этому те же лень и безалаберность; в итоге никаких лавров на медицинском поприще Фрейд не стяжал. Ему пришлось вернуться в величественный Храм Науки, но войти в него уже с черного хода.

Фрейд обратился к Брюкке назначить его ассистентом еще до помолвки с Мартой. Стоун передает вполне правдоподобный диалог, который мог бы состояться между директором и демонстратором (Фрейд вообразил о себе Бог знает что, когда, наконец, получил диплом высшего образования).

«Господин советник, – *обратился Фрейд к Брюкке*, – убежден, Вы не сочтете меня льстецом, если я скажу, что полностью удовлетворен Вашей лабораторией и людьми, которых я уважаю, – Вами, господин профессор, докторами Флейшлем и Экснером... Чтобы объявить о помолвке и серьезно подготовиться к женитьбе, я должен иметь положение и получить уверенность, что продвинулся в университете, на что дает надежду моя работа. Не могли бы Вы рекомендовать меня на пост Вашего помощника на медицинском факультете? Я знаю, что начинать надо скромно, но на этом посту мне представится шанс сделать вклад достойный того, чему Вы учили меня, и оправдать Ваше доверие ко мне».

Эта льстивая речь произнесена вполне в духе Фрейда. Об этом можно судить хотя бы по письму к Марте от 5 октября 1882 г., в котором автор передает содержание своего разговора с Германом Нотнагелем, директором городской больницы. Фрейд вел себя так, будто он пуп земли, между тем должность демонстратора, которую он занимал в Физиологическом институте с мая 1881 по июль 1882 г., была самой низкооплачиваемой, так что он в основном проматывал денежки Брейера и Флейшля.

Из сновидения ясно, что Фрейд сообщил Флейшлю, будто не он, а Брейер хочет занять место ассистента; получалось так, будто Брейер желает смерти Флейшля. На самом же деле именно Фрейд подспудно мечтал о смерти Флейшля и не только потому, что хотел занять его место: была ведь еще Берта. Во время совместной беседы Флейшля и Брейера в лаборатории института ложь открылась; при их разговоре присутствовал Фрейд. Когда Брейер узнал, что о нем наговорил Фрейд, он взглянул на своего друга тем холодным пронзительным взглядом, который когда-то появлялся в глазах Брюкке. Сюжет сна сильно запутан, Фрейд никогда не выставлял себя виноватым, но сделанный вывод о его виновности имеет высокую степень достоверности. Во всяком случае, ясно, что Фрейд рассказал друзьям такое, чего они сами никогда бы друг другу не сказали.

В сновидении, приснившимся Фрейду после открытия памятника Флейшлю, больше всего поражает комментарий, данный автором спустя много лет. Зачем Фрейду понадобилось сваливать на Брейера свои мысли и поступки? (Имеется в виду его слова из раздела 6Ж, написанные отнюдь не по тексту сновидения). Конечно, у Брейера и в мыслях не было занимать место Флейшля. И потом, эти ужасные строки: *не живет, следовательно, и не жил*. Они сказаны не только о Брейере, но и о его несчастном друге Флейшле. В конце сновидения Фрейд написал:

«Я, охваченный каким-то странным аффектом, хочу сказать Ф. [Флейшлю], что П. [Брейер] не может знать ничего, потому что его уже нет в живых [он «не живет»], но вместо этого говорю, сам замечая свою ошибку: «не жил». Я смотрю при этом пристально на П. [Брейера]; он бледнее, глаза становятся болезненно синими, наконец, он исчезает. Я бесконечно рад этому и понимаю, что и Эрнст Флейшль был лишь видением [т.е. «не жил»]».

Далее идут слова, процитированные в предыдущем разделе, которыми Фрейд говорит, что Флейшль перестал жить по воле того, кто этого захотел.

20. Призрак Берты Паппенхейм

В рассказанной истории немало предположений, но она намного правдивее того, что можно прочитать о Фрейте в нынешних учебниках по истории психологии. Расшифрованные и правильно понятые тексты сновидений помогают декодировать множество мелких высказываний, которые тяжело цитировать и комментировать, но которые дают автору «Толкования сновидений» более полное, «голографическое» изображение. Конечно, они не столь информативны, как сновидение об инъекции Ирме, но они придают имеющимся сведениям недостающую глубину и четкость, что тоже немаловажно для акварельного портрета Фрейда, который сейчас вырисовывается.

И всё же, почему отец-основатель психоанализа не стал делиться всеми тайнами своей жизни?

Существует некий дисбаланс между тем многообещающим эпиграфом, которым открывается «Книга снов», и содержанием основного текста. Почему Фрейд не пошел путем Данте и не рассказал нам о своей большой любви к Берте; где ее живой и яркий образ? Силуэты Полины едва угадываются, а Гизела, которую он «отлюбил» до Берты, вообще отсутствует. «Горячо любимая девочка», «дорогая маленькая принцесса», «моя любимая Мартхен» выглядит в «Толковании сновидений» абсолютной пустышкой, которую он обозначал блеклыми словосочетаниями: «подруга Ирмы» или «моя жена». (Имя *Мартхен*, которым Фрейд часто пользовался в письмах к невесте, нужно переводить, как *Марточка*; Гёте героиню поэмы «Фауст», *Грету*, тоже называет ласково – *Гретхен*).²⁸ Перед нашим взором проплывают жалкие фигуры бледно-серого цвета, аморфный вид которых заставляет забыть о том, что Фрейд владеет гётевским языком. Прежде чем ответить на череду поставленных вопросов, я хотел бы немного порассуждать отвлеченно.

Читатель, наверное, слышал выражение о неблагодарности зажженной свечи, которая не хочет освещать красивый подсвечник, поддерживающий ее. Как известно, горящая свеча не освещает область вблизи себя. В связи с этим физическим явлением мне на ум приходит другая аналогия. Если луч света пропустить через крохотное отверстие, то область напротив отверстия окажется темной. Это явление в оптике называется дифракцией. Вот представьте себе маленького человечка, сидящего в закрытом ящике, на которого прямо сверху направляют солнечный луч, пропущенный через крохотное отверстие. Этот человечек видит вокруг себя хорошо освещенное пространство – дифракционные кольца. Он поднимает голову вверх, чтобы узнать, откуда же взялся этот свет, но отверстие и сам солнечный луч он не видит. За счет дифракции луч света отклоняется от вертикальной линии обзора и наблюдатель, смотрящий снизу вверх, ничего не обнаружит сверху. Человечек, сидящий в ящике, может причислить обычную дифракцию к мистическим явлениям; например, он будет говорить, что свет пришел через четвертое измерение параллельного мира.

Нечто похожее имеет место и в психологии восприятия жизненных событий. Если человек попадает в стрессовую ситуацию, он не запоминает явление, вызвавшее стресс, но долго будет помнить незначительные события, сопровождающие главное стрессовое явление. Приведу пример. Маленького мальчика родители спрашивают, помнит ли он похороны своей любимой бабушки. Мальчик отвечает вроде того: «Как же, как же, я всё очень хорошо запомнил. Я помню, как дул сильный ветер и шел проливной дождь; помню толстого трубача из похоронного оркестра; помню кошку, сидящую на подоконнике и смотрящую на похоронную процессию». Родители прерывают мальчика и говорят ему, что на похороны бабушки они не приглашали

²⁸ В.Э.: «-хен» – это стандартное немецкое уменьшительное окончание.

никакого оркестра; оркестр играл на похоронах его бабушки. То есть у мальчика выпало из памяти самое главное – образы его любимой бабушки и бабушки, но хорошо сохранились второстепенные вещи, которые он и рассказал родителям.

Это явление всем психологам хорошо известно, но Фрейд о нем, по-видимому, не знал. Из этого факта он раздул теорию смещения, сгущения, инверсии образов, разработал некую психотерапевтическую технику лечения неврозов, которые не стоят и выведенного яйца. Его теории «покрывающих воспоминаний», «толкования сновидений», да, в общем-то, вся концепция психоанализа вращается вокруг дифракционного явления психики. Автор не перестает удивляться, как значительные события его жизни или жизни тех, кого он анализировал, ускользают из памяти и замещаются какими-то фоновыми явлениями, возникающими по многочисленным ассоциативным цепочкам. Он пишет:

«Психологический процесс, посредством которого, по нашему мнению, безразличное впечатление связывается с психически ценным и, как бы *покрывает* его, должен казаться нам всё же довольно странным и непонятным. Впоследствии мы постараемся разъяснить особенности этой, по-видимому, *нелогичной операции*».

«Впоследствии» автор действительно попытался теоретизировать на эту тему, но дальше демонстративных примеров у него дело не пошло.

Фрейд совершенно не помнит, как он довольно в зрелом возрасте надругался над племянницей, но хорошо запомнил ярко желтые одуванчики, растущие на лесной поляне, где происходило это важное для него действие. Казалось бы, он должен был запомнить их борьбу, свои уговоры и ее крики в ответ. Но он этого не запомнил и никогда не мог воспроизвести в своих психоаналитических работах; в его памяти осталось лишь неприятное чувство (об этом он писал). Воспоминания о Полине у него возникают всякий раз, когда он сталкивался с цветами или ярко желтым цветом. С образом племянницы у него связан также образ его племянника Джона (из-за Полины они подрались). Что же произошло точно, установить трудно – то ли брат мстил за сестру, то ли, как говорил Джонс, они вдвоем устроили на нее охоту, и только потом рассорились. Впрочем, это и не так важно; важно другое: вся книга «Толкование сновидений», за редким исключением, заполнена в основном малозначительными событиями из жизни Фрейда, основные же события его биографии за счет дифракции психики оказались в тени. Вот почему он почти не рассказывает о своей огромной любви к Берте. Имеется всего два или три места, где автор сообщает о ней что-то конкретное. Одно из этих мест связано как раз с цветами, которые он так любил дарить женщинам, в частности, своей матери и жене; вот это место.

«Цикламен – любимый цветок моей жены [Марты]. Я упрекаю себя, что очень редко дарю ей цветы, которые она так любит. При мысли «дарить цветы» я вспоминаю об этом эпизоде, рассказанном мною недавно в кругу друзей в виде доказательства моего утверждения, что забывание очень часто является осуществлением бессознательного намерения и, во всяком случае, дает возможность предполагать о скрытом намерении забывающего [идея ложная,²⁹ но дело не в ней]. Одна молодая женщина [Берта], которая привыкла, чтобы в день ее рождения муж [Фрейд] воображал себя ее мужем] дарил ей цветы, в этом году не нашла их на столе и расплакалась. Пришел ее муж и не смог понять причины ее слез, пока она ему не сказала: «Сегодня день моего рождения». Он ударяет себя по лбу и восклицает: «Прости, я совершенно забыл», – и хочет пойти купить ей цветы, но она не утешается этим, потому что в забывчивости мужа [Фрейда] она видит доказательство того, что в его мыслях она [Берта] не играет уже такой роли, как прежде. – Эту госпожу П. [Берту] встретила на днях моя жена... [далее идут слова, процитированные в разделе 16]».

Из этого отрывка мы видим, что Берта была довольно капризной девушкой, которой Фрейд в добрые для него времена дарил ко дню рождения букет оранжерейных цветов (оранжерейных потому, что день рождения Берты приходится на зиму). Данное событие имело место до дружбы Берты с Флейшлем, когда ее сердце принадлежало Фрейду, хотя он явно обольщался в отноше-

²⁹ В.Э.: Ну, она вообще-то не такая уж и ложная. У истероидов, обладающих чрезвычайно гибкой психикой, частично так и есть, как Фрейд говорит. Истероиды способны отключить боль и сунуть в огонь руку, как Гай Муций, способны отключить рефлекс рвоты и проглотить ложку, как описанный Леонгардом заключенный, способны ослепнуть потому, что не хотят видеть и способны забыть, потому что не хотят помнить. Фрейд сам был истероидом и рисовал мир истероидов, приписывая истерические черты всему человечеству.

нии нее. В том, что под госпожой П. здесь кроется Берта Паппенхейм, сомневаться не приходится, так как этот эпизод включен в ассоциативную цепочку, связанную с кокаиновой авантюрой периода 1884–1887 гг., т.е. в то время, когда Берта была больна и Фрейда в ее дом не пускали. Но Марта случайно встретила свою подругу в булочной, как рассказывал Стоун, и они поговорили о планах Берты на будущее (об этом рассказывалось в разделе 16). Ассоциативная цепочка выглядит так: цветок цикламен, неподаренный к рождеству Берты букет, растение кока, химик Коллер, офтальмолог Кёнингштейн, цветущего вида профессор Гертнер (эта фамилия переводится как «садовник»), сестра Фрейда Анна (известный эпизод, когда они вместе с пятилетним Фрейдом рвут книгу), цветущая супруга Гертнера Флора и снова Анна. В этой цепи, длящейся на протяжении почти десяти страниц, госпожа П., т.е. Берта, всплывает три раза, причем один раз перед словами Гамлета «Не стоит призрак вставать из гроба».

У меня создалось впечатление, что когда Фрейд писал это место, «призрак» Берты стоял рядом с его письменным столом. Он призывал его три раза, чтобы сказать: «Видишь Берта, как у меня всё здорово получается, а ты говорила, что я дурак и несую околесицу».

Длинная ассоциативная цепь воспоминаний стоит в начале главы V «Материал и источники сновидений» и вызвана «сновидением о монографии». *«Я написал монографию об одном растении, – пишет автор. – Книга лежит передо мною, я рассматриваю содержащиеся в ней таблицы в красках. К книге приложены засушенные экземпляры растений, как в гербарии».* Затем этот же самый сон Фрейд целиком воспроизводит через 130 страниц в главе VI «Работа сновидения», а его анализ сжимает примерно в четыре раза, т.е. до двух с половиной страниц. Здесь мы встречаемся с теми же персонажами, в том числе с Бертой, которая проходит по тому же самому «делу» «о забытых цветах». Если в пятой главе автор хотел детально проследить за процессом образования ветвящегося дерева ассоциаций, для чего пытался указать «материал и источники сновидений», то в шестой главе он сосредотачивается на идее целостности: *«Какое бы сновидение я ни подверг такому расчленению, я всегда найду в нем подтверждение тех принципов, что элементы сновидения образуются из всей массы мыслей и что каждый из них различным образом детерминируется в общем комплексе мыслей».* Действительно, Берта – единственное лицо, которое он не хотел раскрывать, оказалась на фоне абсолютно узнаваемых персонажей. Фрейдовское дублирование содержания выглядит какой-то недоработкой текста, которую надо было устранить в последующих изданиях книги, но Фрейд и его помощник Ранк почему-то оставили ее.

В связи с той же идеей целостности, о которой говорится в главе VI, в главе V Фрейд рассказывает любопытный случай, связанный с Бертой, который частью является сновидением, а частью – нет, но из соображения секретности, автор весь рассказ по-мальчишески зашифровал. Он пишет:

«Если мы в течение дня испытали два или больше переживаний, способных вызвать сновидение, то последнее объединяет их в одно целое. Оно повинуется при этом какой-то *необходимости создать из них одно целое*, например: однажды вечером я сел в купе, в котором встретил двух знакомых [Брейера и дядю Берты], друг друга, однако, не знающих. Один из них был мой влиятельный коллега [Брейер], другой же [дядя Берты] – член видной семьи, в которой я состоял домашним врачом [здесь очевидная оговорка: Фрейд не был еще врачом, но намеревался им стать]. Я [Фрейд-пассажир] познакомил их друг с другом, но разговор всё время вращался через меня [далее Фрейд пользуется своим излюбленным приемом раздвоения: он одновременно является пассажиром купе и – «юным другом»].

Своего коллегу [Брейера] я [Фрейд-пассажир] попросил оказать содействие одному нашему общему знакомому, только что начавшему практиковать [здесь Фрейд в роли юного друга]. Мой коллега [Брейер] ответил, что хотя он и убежден в знаниях моего юного друга [Фрейда], но при его невзрачной внешности ему будет трудно попасть в хорошие дома. Я возразил [следующие слова тоже принадлежали Брейеру]: «Именно поэтому-то он [Фрейд] и нуждается в вашем [дяди Берты] содействии». У другого своего спутника [дяди Берты] я [Фрейд-пассажир] осведомился о здоровье его тетки – матери одной из моих пациенток [матери Берты], – которая в то время была тяжело больна. Ночью в том же купе мне приснилось, что мой юный друг [Фрейд], для которого я просил о содействии [на самом деле хлопотал, конечно, Брейер], находится в элегантном салоне и посреди избранного общества произносит речь в память (в сновидении уже умершей) старухи – тетки второго моего спутника [т.е. матери Берты]. (Я признаюсь откровенно, что я был с этой дамой [матерью Берты] в плохих отношениях.) Сновидение же нашло, таким образом, связь между обоими впечатлениями дня и объединило их в одно целое».

Фрейд рассказал ранее неизвестный эпизод своей биографии, как Брейер хлопотал перед дядей Берты, чтобы юного Фрейда взяли в дом Паппенхеймов в качестве домашнего врача. Я сомневаюсь, чтобы столь щекотливый разговор происходил случайным образом в купе поезда, но суть дела понятна. Брейер и дядя Берты вели переговоры о трудоустройстве Фрейда в качестве домашнего врача. Фрейд, естественно, присутствовал при этом, переживал и хорошо запомнил реплики, которыми обменивались договаривающиеся стороны. В то время мать Берты болела и, очевидно, Фрейд решил на ней отточить свое мастерство врача. Мать Берты он ненавидел (об этом сообщается в других местах книги), и это было взаимно. Обе матери – и Берты, и Марты – нутром чувствовали опасность, исходящую от Фрейда. Снилось ли ему умершая старуха, мы не знаем, но о смерти матери Берты он мечтал.

Можно не сомневаться, что следующие слова, стоящие третьим пунктом в списке причин, вызвавших сновидения, относятся к Берте и ее матери: *«Я вижу на улице двух женщин, мать и дочь, из которых последняя у меня лечится. Источник: одна моя пациентка накануне вечером сообщила мне, что ее мать противится продолжению ее лечения у меня»*. Подобную ситуацию Фрейд воспроизводил множество раз, пользуясь различной конструкцией предложений. Но термины «моя пациентка» или «пациентка, которая у меня лечится» относились только к Берте. Молодой Фрейд был так счастлив почувствовать себя врачом, а Берту – пациенткой, что эти, казалось бы, обычные слова связывались у него именно с ней.

К сказанному добавлю вот еще что. В сновидении об инъекции Ирме есть эпизод, когда Отто «неожиданно позвали к соседям, и он сделал там инъекцию даме, почувствовавшей себя внезапно дурно»; это напомнило Фрейду инъекцию Флейшля, от которой он умер. Я допускаю, что позвали Фрейда, чтобы он ввел морфин (ассоциация с Флейшлем означает только морфин) матери Берты. Таким образом, в доме Паппенхеймов, возможно, было не два тяжело больных, а три. Прием на работу в дом Паппенхеймов, состоялся в 1878 г. или годом позже, когда он мог за счет этого не служить в армии.

Фрейд мыслил примитивно и однотипно вроде: «Свеча – предмет, способный раздражать женские половые органы; если она сломана и не держится хорошо, то это означает импотенцию мужа». Такие идеи могут восприниматься лишь очень ограниченными людьми. Почти все его мечты связаны с чувством мести, унижения и издевательства. Образы, которые он воспроизводит на страницах своих книг, порядочные люди никогда не станут держать в голове. Какая нормальная мать будет хранить в памяти следующую гадость:

«Малютка – половые органы; раздавливание – символ коитуса. [Сновидение пациентки:] «...Она идет с матерью по железной дороге и видит, как ее дочка идет прямо на рельсы под поезд. Она слышит хруст костей (при этом ее одолевает неприятное чувство, но не ужас). Она смотрит из окна вагона: не видно ли сзади частей тела, и упрекает мать, что она оставила малютку одну»».

Этим мусором переполнены страницы научных трудов Фрейда. Можно было бы просто отмахнуться от них, а все его книги выбросить, но нам с вами, уважаемый читатель, нужно понять, почему автора этих книг считают великим ученым и издают миллионными тиражами. Для этого необходимо внимательно изучить всё, что он написал, и попытаться восстановить его искаженную биографию.

В «Психологии познания. Удод» мы видели, какие нетактичные вопросы он задавал 18-летней Доре (Иде Бауэр). Уверен, другую пациентку он спрашивал о том же, что беспокоило его самого – ночное мочеиспускание в детстве и мастурбация. Мы знаем, какую логику поступков он ищет в поведении людей, значит, существует большая вероятность того, что действия очередного пациента им тоже будут извращены.

Например, он решил, что если Дора «истерически» кашляет, то это верный знак того, что ее отец занимается со своей любовницей оральным сексом. Если любовница польстилась на деньги отца, «мужчину со средствами», то в действительности ее отец – «мужчина без средств», т.е. импотент. Изобретателя такой логики нужно проверять и перепроверять. В первую очередь необходимо установить личность подозреваемого: кто таков и с какими намерениями пожаловал в священный Храм Науки?

Люди реагируют на сходные ситуации удивительно однотипным образом. Первое правило криминалиста: если имеется ряд убийств, где все жертвы погибли от ножевых ранений, то, скорее всего, мы имеем дело с одним серийным убийцей. Если у одной группы трупов имеются огнестрельные ранения, а у другой группы видны следы удушения, то перед нами два разных

преступника, один из которых умел обращаться с огнестрельным оружием, другой предпочитал обходиться без него. Таким образом, если мы видим, как вел себя Фрейд с одним больным, то очень высока вероятность того, что с другими он будет вести себя точно так же.

Уже было выяснено, что именно Фрейд проводил «лечение разговором» и довел Берту до умопомрачения. Независимо от того, какие отношения сложились у дочери с отцом, его болезнь и последующая смерть, разумеется, не могли способствовать выздоровлению девушки. Но Фрейд спекулировал на фактах болезни и смерти отца, гипнотических сеансах Брейера, делая на них неоправданно сильный акцент. Из найденной истории болезни следует, что Берта, по-видимому, страдала туберкулезным менингитом, ее постоянно мучила лицевая невралгия – болезнь знаменитых пациенток Фрейда: Цецилии и Доры; похожим заболеванием нервных волокон страдал Флейшль, болезнь которого он тоже, я думаю, сильно преувеличил, чтобы оправдать морфинизм, которому он, возможно, проложил дорогу. Фрейд всегда считал, что в основе невралгии лежит истерия – некая психическая травма. Брейер же придерживался противоположного мнения; он был уверен, что болезнь вызвана физической причиной. Между ними возник спор, Фрейд начал упрямяться, в итоге, как мы знаем, всё закончилось трагедией.

У Фрейда на тот момент не было диплома врача; всю полноту ответственности за жизнь отца и дочери Паппенхейм нес Брейер. Когда Фрейд наломал дров, Брейер вынужден был покрывать ошибки Фрейда. Я думаю, что сдача двух недостающих экзаменов, с которыми Фрейд до этого тянул три года, и получение весной 1881 г. диплома врача, напрямую связано с событиями, разыгравшимися в доме Паппенхеймов.

Можно предположить, что Фрейд не на шутку испугался. Его упорное нежелание говорить о том, что он прекрасно знал Берту и принимал самое деятельное участие в ее лечении, связано с его преступными действиями, повлекшими ужасные последствия, о которых мы далеко не всё знаем. Когда умер отец Берты и она сама была близка к смерти, Фрейда выгнали из дома Паппенхейм, возможно, пригрозив судебным разбирательством на тот случай, если он еще раз сунется туда. Обстановка в доме была накалена до предела. Паппенхеймы могли поставить в вину Фрейду и смерть отца. Следы фрейдовского преступления до сих пор не найдены. Но, опираясь на рассказы о лечении Анны О., несложно установить, что именно он беседовал с Бертой. Брейер никогда бы не стал, да и просто не смог так живописно пересказать ее галлюцинации.

Таким образом, мы имеем дело со злоумышленником, совершившим преступление, которое он впоследствии выдавал за научное открытие. Все дальнейшие разговоры о большом прорыве в психиатрической науке, связанным с приходом Фрейда – это сказки, рассчитанные на непосвященных. Имеется множество свидетельств того, что пионер психоанализа не был ученым, хотя и выдавал себя за него, фактически же он был сексуальным маньяком.

Просмотрите анализ «Истории болезни Доры». Обратите внимание, какие вопросы задавал Фрейд 18-летней девушке (Иде Бауэр). Он, нисколько не смущаясь, бесцеремонно спрашивал ее о недержании мочи в детстве, мастурбирует ли она, ощущала ли она «эрегированный член господина К.» и т.д. Я уверен, что Фрейд задавал 21-летней Берте такие же неделикатные вопросы, которые он потом задавал 18-летней Доре. Однако одинаковые по своей бестактности вопросы повлекли различную реакцию со стороны впечатлительной Берты и менее восприимчивой Иды: первая не смогла отделаться несколькими визитами Зигмунда, как это сумела вторая.

Возможно, после этой сексуальной атаки Берта дала обет безбрачия и посвятила жизнь борьбе за права женщин. Ведь человек выбирает свою стезю в результате какого-то запоминающегося события в своей жизни. Вот и определили события начала 1880-х гг. ее дальнейшую судьбу. Фрейд же, как человек крайне мстительный и коварный, способный на самые низкие поступки, сначала с опаской, потом всё более и более нагло разыгрывал карту своей чертовой дамы, пациентки Анны О. Из своего преступления он решил выжать максимальную для себя пользу.

Фрейд считал Берту немного истеричной; он принимался лечить, собственно, здоровых людей, испытывающих временную ипохондрию, чем только усугублял их положение. «Лечение» Берты началось, видимо, с игры или даже баловства в истерическую больную и врача-психотерапевта. «Решение» врача заключалось в том, чтобы путем собеседования по известной методике «вопрос – ответ» устранить у больной истерические симптомы. Использование термина «психоанализ» по отношению к «лечению» Ирмы, говорит о том, что автор «Толкования сновидений», по существу, занимался с ней тем, чем впоследствии занимался со всеми больными. Он спрашивал Берту, согласна ли она с его диагнозом, т.е. «решением», или нет. Она

отвергла его глупости, и тогда игра превратилась в ссору. Позднее несогласие больного с его «решением» он назовет «сопротивлением» и будет считать это обычным явлением психоанализа. Но Берта была его первой пациенткой, он не простил ей сопротивления лечению и жестоко отомстил.

21. Превращение Берты в лошадь

Меня привлек обширный цикл психоаналитических исследований Фрейда, связанный с образом лошади. Создается впечатление, что эту работу он проделал в связи с тем, что Берта Паппенхейм любила ездить верхом на лошади. Изучая «лошадиную» тематику, мы узнаем много интересного о Берте. Начнем с принадлежащего «одной молодой даме» сновидения, связанного с «комплексом детских воспоминаний» этой дамы. «*Она идет за покупками, – пересказывает автор «Толкования сновидений» ее сон, – и страшно спешит. На Грабене она вдруг падает на колени, как подкошенная. Вокруг нее собирается толпа; но никто ей не помогает. Она делает попытку встать, но напрасно*» (концовка сна отброшена).

Фрейд растолковывает:

«Первая половина сновидения, по всей вероятности, объясняется видом упавшей лошади, равно как и элемент сновидения «подкошенный» указывает на скачки. В юности она *ездила верхом*, в детстве она, вероятно, воображала себя тоже *лошадью*. С падением имеет связь ее первое воспоминание о 17-летнем сыне швейцара, который, упав на улице в эпилептических судорогах, был привезен домой в карете. Об этом она, конечно, только слышала, но представление об эпилептических судорогах, о *падении* овладело ее фантазией и оказало впоследствии влияние на форму ее собственных истерических припадков. Когда женщине снится падение, то это почти всегда имеет сексуальный смысл, она становится «падшей»; для нашего сновидения это толкование не вызывает никаких сомнений, так как она падает на Грабене, известном в Вене как сборище проституток... Сюда же относятся и дальнейшие воспоминания детства: *о кухарке, которую уволили за то, что она крала*; эта кухарка тоже упала на колени и просила прощения».

Нам не важно, придумал ли это сновидение сам Фрейд, или сон действительно приснился некой даме, главное, что из него мы узнаем, как автор трактует символ лошади. Можно подозревать, что при написании этого текста он держал в голове образ Берты, которая «вероятно, воображала себя тоже лошадью», но это, в принципе, недоказуемая вещь. Познакомившись с образом мысли Фрейда, я склонен думать именно так: Берта, которая, видимо, однажды упала с лошади, и он был свидетелем, не выходила из его головы, когда он писал процитированные строки. В его сознании доминировало небольшое число центров притяжения, Берта являлась центром Вселенной его внутреннего мира, вокруг которого вращались все прочие воспоминания. Впечатление от падения лошади, о котором мы ничего не знаем, потянуло за собой воспоминание о падающей на колени женщине, которая в действительности является не какая-то кухарка, а та конкретная «няня», кравшая из дома Фрейдов деньги (об этом рассказывалось выше). Но, повторяю, здесь нет особых фактов из жизни Берты, есть лишь субъективное представление автора «Толкования сновидений», но вот следующее «лошадиное» сновидение содержит важнейшие сведения о наших героях.

В нем Фрейд и Флейшль едут на лошадях. Под Фрейдом лошадь серой масти – это Марта, под Флейшлем лошадь белой масти – это Берта (Флейшля Фрейд называл «коллегой П.»). Образ лошади, как мы знаем, Фрейд нередко ассоциировал с женщиной, особенно часто в «Анализе фобии пятилетнего мальчика», к которому я еще вернусь. Рассказ о сновидении начинается словами:

«Я еду верхом на серой лошади [Фрейд «оседлал» Марту], вначале робко и нерешительно, как будто сажу неудобно. Я встречаю коллегу П. [Флейшля]. Он сидит на лошади молодцом в шерстяной одежде и напоминает мне о чем-то (вероятно, о том, что я сажу очень неловко [амурные дела у Берты с Флейшлем ладятся, а у Фрейда с Мартой – нет]). Я стараюсь устроиться на моей *умной* лошади поудобнее, усаживаюсь получше и вдруг замечаю, что *чувствую себя как дома*. Вместо седла у меня нечто вроде матраца; он заполняет собою весь промежуток между шеей лошади и крупом» (концовку этого сна я тоже отбросил).

Несколько слов об интерпретации. Фрейд придавал колоссальное значение языку. Если речь идет о нем лично, о его неврозе и совершенных им преступлениях, он становится чрезвычайно осторожным и скрытным. Чем ближе подбираешься к центральным событиям его жизни, тем более он запутывал следы. Но если большая часть его голографического изображения уже прочитана, то самые темные места, как это не покажется странным, интерпретируются легко, поскольку вы заранее знаете, что он собирался скрыть. Первый десяток важнейших событий мне удобно перечислить по ключевым фигурам: Моника (няня), Амалия, Анна, Иосиф (с рыжей бородой), Полина, Джон, Берта, Флейшль, Брейер и Флисс. Эти личности являются своеобразными центрами притяжения, действующими на протяжении всего повествования. Некоторые персонажи не были для Фрейда секретными, например его жена Марта и Флисс, и проговариваются открыто. Все прочие персонажи – пациенты и коллеги из позднего периода или даже близкие Фрейду люди, как например три Матильды (его дочь, жена Брейера и девочка, умершая от инъекции морфина) – всегда выступают «покрывалами» для перечисленных выше героев. Столкнувшись с загадочным текстом, нужно примерить к нему названных десять имен и выбрать самую подходящую кандидатуру. К ребусу Фрейд подбрасывал ключ, но так как он писал по методу Людвиг Бёрне, т.е. фрагментарно, урывками, многократно перетасовывая куски, то ключ к разгадке мог находиться довольно далеко от самого ребуса.

При интерпретации сюжета сновидения, содержание которого состоит в неспешной прогулке верхом на лошадях Фрейда и Флейшля, на фоне витиеватых рассуждений автора по поводу фурункула величиной с яблоко, вскочившего у него на мошонке, мы вдруг натываемся на предложение: *«Я вообще не езжу верхом, верховая езда никогда не снится мне; я всего один раз сидел на лошади и то на неоседланной; верховая езда мне не понравилась».*

На первый взгляд автор сказал то, что сказал и не более того, если бы не противоречие, которое вызвало это предложение. Фрейд сказал слова «верховая езда никогда не снится мне» применительно к сновидению, в котором он как раз едет верхом на лошади». Следовательно, автор хочет сказать читателю нечто другое, а именно: «Не будьте так наивны, я здесь со своим другом вовсе не катаюсь на лошадях; лошадь – символ». И все-таки приведенное предложение сконструировано подозрительно просто, автор явно над ним поработал, чтобы что-то в нем спрятать. Идею о символическом значении лошади он проговорил открытым текстом: «лошадь служит символическим выражением моей пациентки», в данном случае, Берты. Значит, приведенная выше фраза является не только ключом к сновидению, но и сама является ребусом. Кто та неоседланная лошадь? Хорошо бы найти ключ и к этому ребусу.

Прочитывая дальше текст анализа сновидения, мы вновь натываемся на предложение, которое отсылает нас совсем к другому времени.

«При дальнейшем анализе, – пишет Фрейд, – я замечаю, что сновидению удалось от желания избавиться от болезни, осуществленного в верховой езде, перейти к эпизоду моего детства: ссоре, произошедшей между мной и одним моим племянником, который на год старше меня и живет в настоящее время в Англии».

Теперь всё встает на свои места; ключ найден, это – Джон. Фраза из исходного предложения *«я всего один раз сидел на лошади и то на неоседланной»* указывает на Полину, поскольку речь идет о верховой езде, которую Фрейд ассоциирует с половым актом, а седло – с постелью. Таким образом, из мимолетной мысли, которая пронеслась в голове Фрейда, когда он приступил к интерпретации сюжета сна, мы узнали важную информацию. По крайней мере, до 1895 г. Фрейд не имел половых связей на стороне, если не считать эпизода на одуванчиковом лугу, от которого он получил мало удовольствия (*«верховая езда мне не понравилась»*). Эта трактовка согласуется с темой всего сновидения.

Подобных мимолетных ассоциаций в книге «Толкование сновидений» немало; они многократно дублируются, вновь и вновь подтверждая правильность интерпретации всей биографии Фрейда. Автор думал о кодировании небольшого фрагмента своей книги, но не предполагал, что голографическое сканирование всего текста высветит четкое изображение главных действующих лиц и, прежде всего Полину, Берту и Флейшля, которых он намеревался наиболее надежно закодировать.

Однако последуем за мыслями автора дальше и проследим, каким образом он интерпретирует сюжет приведенного выше сна о двух «наездниках», Фрейде и Флейшле. Ситуация, описанная в этом сновидении, возможно, приходится на второе полугодие 1883 г., когда Берта частично выздоровела и жила с Флейшлем, а Фрейд обвенчался с Мартой и жил в комнате

городской больницы, где она нередко навещала его. В конце указанного года Марта по настоянию матери перебралась в Гамбург и приехала в Вену уже в 1886 г. Возможно, в разбираемом нами сновидении речь идет о коротком периоде до отбытия Берты во Франкфурт и смерти Флейшля. Это время, однако, судя по реплике Брейера, кажется мне, менее подходящим. Содержание «сна», естественно, тщательно продумывалось в бодрствующем состоянии. Предварительная запись его была, очевидно, сделана в дневнике вскоре после разговора с Флейшлем (это чувствуется по свежести восприятия), а затем, при подготовке книги «Толкование сновидений» запись была обработана.

«Коллега П. [Флейшль], – пишет Фрейд, – немного задирает передо мною нос [«задирать нос» всё равно, что «сидеть молодцом»], особенно с тех пор как он занял место у одной пациентки [у Берты], с которой я проделывал всевозможные кунштюки [Фрейд намекает, что у него с Бертой были какие-то любовные игры, но, я думаю, он заблуждался в отношении кокетки Берты]. В сновидении я сижу вначале на лошади в странной позе, точно клоун в цирке, т.е. делаю кунштюки; пациентка эта, однако, подобно лошади в анекдоте о неопытном всаднике, делала со мной что хотела [Берта несравнимо больше Марты крутила хвостом и понукала Фрейдом]. Таким образом, лошадь служит символическим выражением моей пациентки [Берта – белая лошадь; этот образ окажется центральным для Фрейда в «Анализе фобии пятилетнего мальчика»] (она в сновидении очень умна [термином «умная» Фрейд делает обычную для него рокировку – меняет Марту и Берту местами]). Я чувствую себя как дома [фраза из сновидения, связанная с матрацем]. Это соответствует моему положению в доме, в котором меня заменил коллега П. [Флейшль]. «Я думал, вы сидите прочно в седле», – сказал мне недавно по этому поводу известный венский врач, один из моих немногих доброжелателей [этот доброжелатель – Брейер и он думал, что Фрейд останется в доме Паппенхеймов навсегда, женившись на Берте; но в их дом зачастил Флейшль, у которого с Бертой наладились самые близкие отношения]».

В этом же анализе Фрейд рассказывает также о событиях, случившихся с ним во время путешествия по Италии исключительно сексуальной направленности. В этой связи он замечает:

«Более глубокий анализ приводит меня к мысли сексуального характера; я вспоминаю, что обозначал намек на прекрасную страну в сновидении одной пациентки (*gen Italien – genitalien*) [обычная для Фрейда игра словами; он вспомнил одно из своих толкований сновидений Берты, в котором он сказал ей что-то о гениталиях]; это стоит в то же время в связи с домом [Паппенхеймов], в котором я был [домашним] врачом прежде, чем коллега П. [Флейшль] занял мое место, и о местоположении моего фурункула [намек на любовь к Берте; напомню, фурункул у Фрейда вскочил на мошонке]».

Это сновидение дополняет общую картину, выявленную в толковании сновидения об инъекции Ирме. Теперь более понятна обида Фрейда на Флейшля. Представьте себе Фрейда, у которого завязались прекрасные отношения с «дамой сердца», Бертой. Между ними возникли интимные отношения с элементами сексуальности, которые он охарактеризовал термином «кунштюк» (фурункул на мошонки символ большого сексуального возбуждения). По его истолкованию: *gen Italien – genitalien* видно также, что Фрейд всегда оставался Фрейдом даже в пору своей самой светлой любви: сновидения Берты он трактовал обычным для себя образом. Какой нормальной девушке может понравиться сексуально озабоченный «Иосиф-снотолкователь»? Берта, естественно, предпочла Флейшля, а дальше последовала трагедия, которая нам известна.

«Лошадиная» тема была продолжена Фрейдом в «Анализе фобии пятилетнего мальчика». В этой работе, написанной через тридцать лет после злосчастных событий, произошедших в доме Паппенхеймов, и двадцать лет после отъезда Берты в Германию, Фрейд потерял бдительность и Берту ввел под ее же собственным именем, а Марту – под именем матери Ганса, Ольги, которую он анализировал и прекрасно знал. О ней ничего практически неизвестно, но, видимо, она чем-то напоминала Фрейду Марту. Может быть, существовала еще какая-нибудь Ольга, хотя это мало вероятно: думаю, в Вене немного женщин с типично русским именем.

Образы двух подружек, Берты и Ольги-Марты, выведены Фрейдом в полном соответствии с тем, что он когда-то наблюдал в детстве. Его отношение к ним тоже прежнее: Берта – «дама его сердца», озорная и любопытная, а Ольга-Марта – ее приложение. Как и в «Толковании сновидений», Марта ничем особенным себя не проявила. Она не участвует в диалогах Фрейда-врача с Фрейдом-мальчиком по имени Ганс; ее назначение – оттенять живой образ Берты. Фрейд не рассказал ни одного сновидения Марты или какого-нибудь интересного с психоаналитической

точки зрения случая, связанного с ней. Видимо, эта благоразумная и скрытная женщина считала занятия мужа полнейшей чепухой и терпела наукообразный бизнес только потому, что он приносил деньги. Вовремя сваренный обед Марту интересовал больше, чем мировая слава ее мужа.

В «Анализе фобии» Фрейд ассоциировал себя сразу в трех ипостасях: профессор-психоаналитик, пятилетний Ганс и отец Ганса – всё это различные срезы одного и того же человека – Фрейда. Он отметил у Ганса, т.е. у себя, «гомосексуальные склонности»:

«Его любимец – Фриц, которого он часто обнимает и уверяет в своей любви. Однажды на вопрос, какая из девочек ему больше всего нравится, он ответил: «Фриц». В то же время он по отношению к девочкам очень агрессивен, держится мужчиной, завоевателем, обнимает и целует их, что Берте, например, очень нравится. Вечером, когда Берта выходит из комнаты, Ганс обнимает ее и самым нежным тоном говорит: «Берта, какая же ты милая!»»

Фриц, как и Берта, персонаж с собственным именем: Фриц Вале был соперником Фрейда в борьбе за любовь Марты и одновременно он являлся одним из лучших его друзей. Таким образом, в данной работе Фрейд пользуется излюбленным своим приемом: соединение сходных элементов, взятых, однако, из различных временных слоев. Мы знаем, что Фрейд был вершиной двух любовных треугольников: первый треугольник образован совместно с Бертой и Флейшлем, второй – с Мартой и Вале. Нет никаких сомнений, что имена Берта и Фриц были взяты Фрейдом не случайно. Думаю, что он всю жизнь вздрагивал, когда слышал их имена.

Пионер психоанализа был до мозга костей символист и никогда не давал своим героям произвольные имена; другой вопрос, что эти имена не всегда легко идентифицировать с реальными людьми, но в данном случае нам повезло: Берта – это реальная девочка, которой он в детстве любовался. Для демонстрации несвойственных ей инфантильных реакций он прибегал к другим девочкам, например, к Анне, которая была ему сестрой, а отнюдь не вымышленным персонажем. Девочке Берте он отвел именно ту роль, которую маленькая Берта Паппенхейм играла в его детской жизни. Что-то он, наверняка, придумал, выдал желаемое за действительное, но что-то показал абсолютно объективно, как это происходило на самом деле.

Про Фрейда говорят, что он выдумщик; это правильно, хотя бы потому, как он изобразил Ганса. Критики автора только и заняты собиранием фактов, которые подтверждали бы несоответствие подлинных событий и тех, что описаны в его книге. Но на самом деле Фрейд не так уж и много фантазировал: всё, что он сочинял, было калькой с его личной жизни. Ганс – это он, маленький Зиги, Ольга – это Марта, Фриц – это Фриц, которого одно время любила Марта, а Берта – это Берта, неразлучная подружка Марты.

Ганс-Зиги познакомился и наблюдал за этими подружками в курортном местечке Гмундене, расположенном на берегу озера Траун. Там располагался небольшой дом отдыха для детей; их мамы где-то были поблизости. Ежегодный отдых могла организовать и оплачивать еврейская община города Вены. Здесь нет ничего необычного; известно, что эта же община помогала студенту Фрейду деньгами, когда он учился в университете. Таким образом, все дети еврейского квартала Леопольдштадта прекрасно друг друга знали; после ежегодных летних каникул они могли ходить друг к другу в гости, даже если их дома находились на далеком расстоянии друг от друга. В общем, всё происходило так, как происходит в реальной жизни с другими детьми: если нам не известны факты, то их несложно смоделировать, и эта модель будет не многим отличаться от действительности.

В «Покрывающих воспоминаниях» Фрейд использовал «покрывающий прием», с помощью которого в образе мальчика и «человека с университетским образованием» он пытался скрыть себя самого, каким он был в детстве и в зрелые годы, когда стал врачом-психотерапевтом. Точно таким же приемом он воспользовался еще раз спустя десять лет. В работе «Анализ фобии пятилетнего мальчика», фигурирует очаровательный малыш по имени Ганс, отец которого вел наблюдения за развитием сына и советовался с опытным врачом, каким он считал Фрейда. В воспитании малыша участвовала мать Ганса, которая по ходу действия рождает дочку Анну, сестру Ганса.

Эксперты по жизни Фрейда утверждают: да, действительно существовал Ганс (настоящее имя – Герберт), которого анализировал собственный отец, Макс Граф, а он, в свою очередь, советовался с Фрейдом. Мать Ганса, Ольга Хёнинг, еще до рождения сына, в 1900 г. ходила на психоаналитические беседы к Фрейду. Муж Ольги, увлекшись психоанализом, бывал даже на первых заседаниях Венского психоаналитического общества. Во введении к «Аналізу» Фрейд

говорит, что работа написана по заметкам отца Ганса, однако по стилю и содержанию текста можно догадаться, что Фрейд под Гансом, его сестрой и матерью подразумевал, соответственно, себя, свою сестру Анну и свою мать Амалию. После разрыва Фрейда с Адлером Граф ушел в кружок Адлера. В своих мемуарах, опубликованных после смерти Фрейда, Граф вспомнил, что его патрон на трехлетие Ганса подарил лошадку-качалку, что, однако, не зафиксировано в работе Фрейда. И вообще, в мемуарах Графа нет подтверждения подлинности протоколов бесед с Гансом.

22. Анализ «Анализа»

Автор «Анализа фобии пятилетнего мальчика» ставил множество целей. Разработка психотерапевтической модели – это лишь одна из нескольких задач, которую решал Фрейд. Мы рассмотрим ее с критической точки зрения и сравним с бихевиористской моделью чуть позже, а сейчас попытаемся погрузиться в тот конкретный материал книги, который автор во многом черпал из своей собственной жизни. Лошадь Ганса-Зиги была заместительницей матери, отца и его собственной «пипки», которую нельзя трогать руками. Но фактически за лошадью маячил образ Берты. Чтобы избавиться от тревожного чувства, вызванного инфантильной сексуальностью, которая вылилась в страх перед лошадью, решено было назвать фобию – «глупостью».

Ганса спрашивают:

«В Гмундене ты играл с детьми в лошадки?» – «Да! (Задумывается.) Мне кажется, что я там приобрел мою глупость (фобию)». – «Кто был лошадкой?» – «Я, а Берта была кучером». – «Не упал ли ты, когда был лошадкой?» – «Нет! Когда Берта погоняла меня – но! – я быстро бегал, почти вскачь». ... – «Вы часто играли в лошадки?» – «Очень часто. Фриц... был однажды лошадкой, а Франц кучером, и Фриц так скоро бежал, что вдруг споткнулся о камень, и у него пошла кровь» – «Может быть, он упал?» – «Нет, он опустил ногу в воду, а потом обернул ее платком».

Фрейд хочет сказать, что Фриц перебинтовал не ушибленную ногу, из которой течет кровь, а здоровую ногу, которую он только намочил в воде. Это – вытеснение неприятного события, в котором автор неповинен. Далее диалог продолжается с элементами повтора; Фрейд-отец спрашивает Фрейда-сына:

«Ты часто бывал лошадью?» – «О, да». – «И ты там приобрел глупость?» ... «Может быть, Берта говорила о том, что лошадь...» [Ганс не дает договорить и выпаливает] – «Делает пипи? Нет!»

На следующий день Фрейд пытается выяснить причины фобии Ганса, в результате чего мы сейчас имеем возможность читать текст, рассказывающий о реальных событиях из жизни маленького Зиги. При этом фобия лошади отошла на второй план, никакого страха мальчик не испытывал, а даже напротив, Фрейд с большим воодушевлением описывает свои детские взаимоотношения с Бертой. Игру в лошадки, возможно, Фрейд искусственно сконструировал, а вот последующие события, начиная от картонного меча и далее, вероятно, действительно происходили в жизни маленького Зиги, если не с Бертой, то уж точно с какой-то маленькой девочкой. Я приведу текст целиком, так как уверен, что перед нами события подлинной биографии «венского сказочника».

Ганса спрашивают: «С Бертой ты охотно играл?» Он отвечает: «Да, очень охотно, а с Ольгой – нет; знаешь, что сделала Ольга? Как-то раз Грета подарила мне картонный меч, а Ольга его разорвала на куски. Берта бы мне никогда его не разорвала. С Бертой я очень охотно играл». – «Ты видел, как выглядит пипка Берты?» – «Нет, я видел пипку лошади, потому что я бывал в стойле». – «И тут тебе стало интересно знать, как выглядит пипка у Берты и у мамы?» – «Да... Берта тоже всегда часто смотрела (без обиды и с большим удовольствием). В маленьком саду, там, где посажена редиска, я делал пипи, а она стояла у ворот и смотрела». – «А когда она делала пипи, ты смотрел?» – «Она ходила в клозет». – «А тебе было интересно?» – «Ведь я был внутри, в клозете, когда она там была». (Это соответствует действительности: хозяева нам это раз рассказали, и я припоминаю, что мы запретили Гансу делать это.) – «Ты ей говорил, что хочешь войти?» – «Я входил сам и потому, что Берта мне это разрешила. Это ведь не стыдно». – «И тебе было бы приятно увидеть пипку?» – «Да, но я ее не видел»... – «Почему тебе хотелось, чтобы Берта помогла тебе делать пипи?» – «Я не знаю. Потому что она смотрела». – «Ты думал о том, чтобы она положила руку на пипку?» – «Да»... – «А когда ты в Гмундене ложился в постель, ты трогал рукой пипку?» – «Нет, еще нет. В Гмундене

я так хорошо спал, что об этом еще не думал. Только на прежней квартире и теперь я это делал». – «А Берта никогда не трогала руками твою пипку?» – «Она этого никогда не делала, потому что я ей об этом никогда не говорил». – «А когда тебе этого хотелось?» – «Кажется, однажды в Гмундене». – «Только один раз?» – «Чаще». – «Всегда ли, когда ты делал пипи, она подглядывала, – может, ей было любопытно видеть, как ты делаешь пипи?» – «Может быть, ей было любопытно видеть, как выглядит моя пипка?» – «Но и тебе это было любопытно, только по отношению к Берте?» – «К Берте и к Ольге». – «К кому еще?» – «Больше ни к кому». – «Ведь это неправда. Ведь и по отношению к маме?» – «Ну, к маме, конечно». – «Но теперь тебе больше уже не любопытно. Ведь ты знаешь, как выглядит пипка у Анны?» – «Но она ведь будет расти, не правда ли?» – «Да, конечно... Но когда она вырастет, она все-таки не будет походить на твою пипку». – «Это я знаю. Она будет такой, как теперь, только больше».

Не думаю, что Фрейд, что-то здесь присочинил; он рассказал всё так, как это было на самом деле; в диалоге с самим собой он нарисовал подлинные события своего детства. Берту он описывает 5-летней девочкой, себя – 4,5-летним мальчиком; реальное соотношение в возрасте было иным. Можно предположить, что действие происходило летом 1866 г., когда Зигмунду было 10 лет, а Берте – 7 лет, они вместе попали в лагерь отдыха для детей. Указанный год подсказан самим Фрейдом. Рассказывая об игре Ганса с Бертой и Ольгой в фантики, он меняет соотношение возрастов девочек. Когда Гансу было 4,5 года, он на лето приехал в Гмунден; в доме хозяина, где он поселился, жили дети хозяина:

«Франц (12 лет), Фриц (8 лет), Ольга (7 лет) и Берта (5 лет) и, кроме того, дети соседей: Анна (10 лет) и еще две девочки 9 и 7 лет, имен которых я не знаю». После того, как автор привел эти сведения, буквально через страницу он сообщает: «Ганс играл с детьми домохозяина, своими подружками Бертой (7 лет) и Ольгой (5 лет)».

Эту перемену в возрасте девочек я объясняю следующим образом: автор забыл свое первое намерение и случайно проговорился, что Берта действительно была на два года старше Ольги-Марты.

Далее автор поясняет суть игры в фантики, которая заканчивается тем, что проигравшая девочка (Берта или Ольга) должна выполнить желание Ганса. Но ночью – и вот здесь Фрейд фантазирует – Гансу приснился сон, в котором он просил девочек помочь ему сделать пипи, «что, по-видимому, Гансу было приятно», – добавляет автор. Следующий за этим эпизод Фрейд также, по-видимому, искусственно сконструировал для своей психоаналитической теории, но он интересен в плане пристрастия Фрейда к эксгибиционизму, что, по-видимому, соответствовало действительности.

Прошло какое-то время; аналитик фиксирует произошедшие в психике Ганса метаморфозы:

«Вчера, когда я его отвел в сторонку пописать, он впервые попросил меня отвести к задней стороне дома, чтобы никто не мог видеть, и заметил: «В прошлом году, когда я делал пипи, Берта и Ольга смотрели на меня». Это, по моему мнению, – пишет Фрейд, – должно означать, что в прошлом году это любопытство девочек было для него приятно, а теперь – нет. Эксгибиционистское удовольствие (от обнажения половых органов) теперь подвергается вытеснению. Вытеснение желания, чтобы Берта или Ольга смотрели, как он делает пипи (или заставляли его делать пипи), объясняет появление этого желания во сне, которому он придал красивую форму игры в фантики. С этого времени я несколько раз наблюдал, что он хочет делать пипи незаметно для всех».

Эпизод, связанный с вытеснением, как это часто бывало, у автора получился вымученным.

В комментариях к «Аналізу фобии пятилетнего мальчика» автор дает самому себе оценку:

«Ганс – невротик, отягощенный наследственностью дегенерат и ненормальный ребенок по сравнению с другими детьми. Мне уже заранее досадно думать, как сторонники существования «нормального человека» будут третировать нашего бедного маленького Ганса после того, как узнают, что у него действительно можно отметить наследственное отягощение».

Это абсолютно объективная оценка, данная 53-летним Фредом 5-летнему Зиги. По прошествию стольких лет он не мог не заметить свое патологическое любопытство в вопросах секса. Однако – и это тоже характерная черта фрейдовской натуры – он всегда пытался

скомпенсировать неприятные мысли, поэтому за негативной характеристикой у него следует положительная самооценка, которая с лихвой перекрывает негативную оценку.

Он пишет:

«Но я позволю себе лишь с большой робостью привести кое-что и в его защиту. Прежде всего, Ганс совсем не то, что после строгого наблюдения можно было бы назвать дегенеративным, наследственно обреченным на нервозность ребенком. Наоборот, это скорее физически хорошо развитый, веселый, любезный, с живым умом мальчишка, который может вызвать радость не только у отца. Конечно, не подлежит сомнению его раннее половое развитие, но для правильного суждения у нас нет достаточного сравнительного материала. Так, например, из одного массового исследования, произведенного в Америке, я мог видеть, что подобные же ранний выбор объекта и любовные ощущения у мальчиков вовсе не так редки; а так как то же известно и из истории детства «великих» людей, то я склонен был думать, что раннее сексуальное развитие является редко отсутствующим коррелятом интеллектуального развития, и поэтому оно встречается чаще у одаренных детей, чем это можно было ожидать».

Во Фрейде сочетались противоположные качества: любовь и ненависть, желание рассказать о себе и скрыть свою ужасную биографию, прямоту ученого и фантазирование писателя. В только что процитированном отрывке он предстает перед нами честным исследователем, который хотел бы разобраться в самом себе, но как писатель-выдумщик он правдивую информацию о себе приписал Гансу. Однако голографическое изображение Фрейда одновременно и подтверждает, что Ганс – это Зиги, и само обогащается приводимой здесь информацией. Патологическая сексуальность Фрейда действительно колоссально повлияла на его поведение и образ мыслей. Эту свою особенность он распространил на всех людей, чего, конечно, не надо было делать. В детстве и юношестве он мог видеть сверстников, заметно отличающихся от него.

Обладая поразительной способностью «вытеснять в бессознательное неприятные эмоции», ему удалось из всего этого негатива извлечь себе выгоду в виде психоаналитического учения. Он сочинил чудесную историю болезни Анны О., в которой некая неизвестная ему пациентка избавилась от истерических фобий и соматических нарушений путем обыкновенного разговора с врачом. Первоначально эта история служила «покрывающей фантазией» для маскировки его преступления. Он сконструировал ее по принципу дополнения к реально существующим событиям своей биографии, что привело к инверсии многих рассказанных им эпизодов. В частности, он говорил, что лечение разговором предложила Анна-Берта, хотя на самом деле реальная Берта от души посмеялась над этим его психотерапевтическим приемом. В «Анализе фобии пятилетнего мальчика» мы видим, как травмирующий факт его жизни (уход Берты к Флейшлю) превратил его в параноика, который боится теперь образа Берты-лошади. В результате не маленькому Гансу, а взрослому Фрейду при сильной депрессии являлась в спальню большая белая лошадь, чтобы откусить ему «пипку», за всё «хорошее», что он сделал Берте.

С точки зрения серьезной науки, работы Фрейда представляют собой определенную ценность, поскольку являются медицинским документом, который на протяжении многих лет писал историю своего психического заболевания. При описании своего невроза автор был честен и нигде не погрешил против объективной истины, насколько это позволяла ему его болезнь. Не его вина, что психиатры не сумели отличить паранойю от науки. Он не хотел выставлять себя на обозрение – это понять можно, – но разве по неврозу Ганса не виден характер заболевания Фрейда? Как известно, шизофренические обострения обычно происходят на почве любви. Фрейду в качестве провоцирующего фактора послужила Берта и белая лошадь, на которой она любила ездить верхом. В сновидении об инъекции Ирме, а в действительности, в дневниковой записи о лечении Берты, автор занимался самовнушением. Эту банальную методику катарсиса он взял на вооружение в качестве основного психотерапевтического приема, к которому прилепил множество литературных украшений в основном в виде квазинаучных терминов.

По поводу того, как объект любви превращается в объект страха, Фрейд пишет:

«Лошадь для нашего мальчика всегда была образцом для удовольствия от движения... но так как удовольствие от движения заключает в себе импульс коитуса, то это удовольствие невроз ограничивает, а лошадь возводится в символ ужаса».

Большинство маленьких детей боится крупных животных наподобие лошади или коровы. У реального мальчика Ганса страх перед лошадью возник и заметно закрепился, очевидно, под воздействием однажды увиденной им картины падения лошади (этот эпизод есть в книге).

Абсурдно говорить, что к этому страху причастны какие-то сексуальные переживания. Но Фрейд упорно держался того мнения, что фобия на лошадь возникла на основе инфантильного эротизма. Раз так, мы в праве заподозрить, что автор привнес в содержание книги свои фобии, полученные им на протяжении собственной жизни.

И вообще, не следует переоценивать, как это делает Фрейд, психические факторы или педагогические упущения: здесь многое зависит от наследственности и низших подсистем нервной системы. Не думаю, чтобы некая психическая энергия (либидо), природа которой абсолютно не понятна, могла контролировать (сдерживать или отпускать) мощную энергию «враждебно-ревнивых чувств к отцу и садистские влечения к матери, соответствующие предчувствию коитуса». Здесь все-таки больше физики, чем психики, т.е. чего-то такого, что можно наблюдать на уровне одноклеточных организмов, когда они оплодотворяются и размножаются. Фрейд же взлетел в заоблачные сферы психологии, совершенно не учитывая элементарных механизмов физиологии и генетической наследственности. Поэтому, с точки зрения чистой науки, предложенный им психотерапевтический способ не имеет никакой ценности. Впрочем, пока что у нас на повестке дня не стоит проблема эффективности терапии; наша цель – раскрыть внутренний мир человека, который хотел всячески скрыть его от посторонних глаз, выдать его за внутренний мир другого человека.

Теперь бросим свой аналитический взгляд на фигуру Фрица. Разумеется, он – не Флейшль в детстве (последний не проходит по возрасту), а именно Фриц, которого, вероятнее всего, не было в летнем доме-отдыхе, но которого Фрейд ввел, чтобы не разрушать привычную для него схему двух друзей и двух подружек: Берта, Марта, Фрейд и Флейшль (Фриц). Когда они все вместе играют в лошади, автор наказывает Фрица, как в свое время Флейшля. По Фрейду, езда верхом на лошади означает половой акт; в случае детей Берта выступает в роли кучера, а не наездницы, т.е. в этой игре сексуальные мотивы приглушены. В игре в лошади Фрейд соединяет Фрица с Францем. Это имя носил начальник психиатрического отделения больницы, Франц Шольц, которого Фрейд ненавидел, поэтому он делает Франца кучером, погоняющим Фрица (Франц – самый старший из детей; ему – 12 лет, Фрицу – только 8). Автор, наверное, подумал: «Этот вредный старикан погонял меня; пусть он теперь поиздевается над моим соперником».

Но ход мыслей Фрейда мог быть иным: под именем Франц по технологии многократного дублирования своей собственной персоны он мог закодировать себя самого. Если это так, то становится понятно, что кучер виновен в происшествии с падением Фрица-лошади. При падении лошадь ранит ногу, из которого идет кровь. Однако в комментарии Фрейд смотрит на падение Фрица-лошади сочувственно. На Ганса-Зиги произвело впечатление падение настоящей лошади, Фриц же был провоцирующим малым событием, вызвавшим в памяти мальчика большой резонанс. Таким образом, с психоаналитической точки зрения, которой Фрейд уделил здесь большое значение, Фриц не включен в ситуацию, напоминающую ситуации с Флейшлем, хотя внешнее сходство имеется: они оба были соперниками Фрейда и, несомненно, представляли собой однотипные вершины любовных треугольников.

В «Толковании сновидений» Фрейд мстит Отто (Флейшлю) путем перекладывания ответственности за инъекцию с себя на него. При этом он не особенно вдается в детали механизма перекладывания ответственности. Ситуацию с Гансом Фрейд существенно усложнил за счет отца и фобии лошади; не он причиняет Фрицу вред, поэтому у него возникает совершенно иной психоаналитический комплекс. Фрейд пишет, что

«намеки на страх наблюдались у Ганса задолго до того, как он присутствовал на улице при падении лошади. Во всяком случае невроз непосредственно опирается на это случайное переживание и сохраняет следы его, возводя лошадь в объект страха. Само по себе это впечатление не имеет «травматической силы». И только прежнее значение лошади, как предмета особой любви и интереса, и ассоциация с более подходящим для травматической роли переживанием в Гмундене, когда во время игры в лошади упал Фриц, а затем уже легкий путь ассоциации от Фрица к отцу придали этому случайно наблюдавшемуся несчастному случаю столь большую действительную силу».

Таким образом, с точки зрения психоаналитической теории Фриц оказывается в иной ситуации, чем Флейшль, что объясняется фактической победой Фрейда над Фрицем Вале в борьбе за любовь Марты. Падение Фрица-лошади напомнило автору его застарелую травму, связанную с падением Берты, которая была для него тем «предметом особой любви и интереса». Для Фрейда событие, обладающее колоссальной «травматической силой», – это уход Берты к Флейшлю, ее предательство, что равносильно ее самому низкому «падению». Берта, в образе

белой лошади, превратилась в фобию – в постоянно действующий страх, который вызывался малейшей ассоциацией, в частности, падением Фрица-лошади.

В комментарии к «Аналізу» автор рассуждает следующим образом:

«Совершенно неожиданно и уже, наверно, без участия отца Ганс начинает занимать «комплекс кака», и он обнаруживает отвращение к предметам, которые напоминают ему продукты кишечника. Отец [т.е. Фрейд], который здесь идет за Гансом [маленьким Зиги] довольно неохотно, проводит, между прочим, свой анализ в желательном для него направлении и напоминает Гансу одно переживание в Гмундене, впечатление от которого скрывается за падающей лошастью. Его *любимый приятель* и, быть может, *конкурент его подруги* [Берты] Фриц [Флейшль] во время игры в лошадки споткнулся о камень, упал, а из раненой ноги у него пошла кровь. Переживание, связанное с упавшей лошастью в омнибусе, вызвало воспоминание об этом несчастном случае.

Любопытно, что Ганс [Зиги], который в это время был занят другими вещами, сначала отрицает падение Фрица [Флейшля]... и признает его только в более поздней стадии анализа [Фрейд хочет этим сказать, что у Зиги произошло вытеснение неприятного для него эпизода]. Но для нас очень интересно отметить, каким образом превращение либидо в страх проецируется на главный объект фобии – лошадь [Берту]. Лошади [видимо, женщины вообще] были для Ганса [Зиги] самыми интересными большими животными, игра в лошадки – самой любимой игрой с его подружками. Предположение, что сначала отец изображал для него лошадь [в процессе невроза образ лошади сначала проступал для Ганса в виде отца; на лошадиной морде были видны усы и очки], подтверждается отцом, и, таким образом, при несчастном случае в Гмундене Фриц [Флейшль] мог быть замещен отцом [т.е. самим Фрейдом]. После наступления волны вытеснения [т.е. после падения Берты и превращения ее в лошадь] он должен был уже испытывать страх перед лошадьми, с которыми до этого у него было связано столько удовольствий».

Берта, вызывая в душе Фрейда чувства любви и ненависти, была спроецирована на лошадь, образ которой у него вызывал сначала положительную эмоцию, потом отрицательную. В книге маленькая девочка Берта становится то лошадкой, то кучером, но в воображении Фрейда существует большая белая лошадь в виде устрашающего образа для маленького Ганса-Зиги. Таким образом, фобия лошади стала существовать отдельно от вызвавшего ее объекта. Откуда взялась эта лошадь-фобия? Я думаю, что автор действительно испытывал страх из-за того преступления, которое он совершил по отношению к Берте. Свое деяние он сильно переживал, но потом всё же смог вытеснить его в подсознание, что обернулось, однако, страхом перед лошадьми. Во всяком случае лошади напоминали Фрейду о Берте, которая отвернулась от него, и это вызывало у него самое тягостное чувство. Его стремление уйти от этих тяжелых воспоминаний тождественно его стремлению избегать ситуаций, связанных с лошадьми. Таков психологический механизм, возникший в голове Фрейда благодаря анализу событий, произошедших в его личной жизни.

23. Ганс – это маленький Зиги

Необходимо самым серьезным образом отнестись к следующим словам Джонса:

«В ранние годы у Фрейда имелись сильнейшие мотивы для сокрытия какой-то важной фазы собственного развития – возможно, даже от самого себя. Решусь предположить, что это глубокая любовь к своей матери».

Я бы слово «глубокая» заменил словом «сексуальная», с чем согласился бы, по-видимому, и Фрейд, если иметь в виду его учение об эдиповом комплексе. Нужно всегда помнить, что существовало два Фрейда – в виде Супер-Эго и в виде Оно. Фрейдовское Супер-Эго ходило во фраке, белых перчатках и шелковом цилиндре, цитировало Данте, Гёте и Шекспира. Именно этого «Дон Кихота» знает широкая публика, но она не хочет знать его ужасного Оно. Подобная шизотимия должна нас научить правильно читать сочинения Фрейда. Например, мы должны отдавать себе отчет в том, что в диалогах маленького Ганса с отцом (Максом Графом) и матерью (Ольгой Хёнинг), а также их врачом, описываются сцены из детства самого Фрейда, рассказанные его матерью, Амалией Натансон.

Мы не поймем большинства сочинений Фрейда, если не будем самым непосредственным образом проецировать его личные отношения к матери и сестре Анне на тексты сочинений. У венского психоаналитика в действительности не было никакой сексуальной теории, но были

сексуальные переживания, которые он упаковал в разноцветные обертки покрывающих образов. Надо не забывать, что Фрейд был эгоистом, лишенным романтических чувств, в нем не было эмоциональной теплоты и счастливого наслаждения жизнью. Он никогда не смеялся, но никогда и не плакал (известен один-единственный случай, когда он по-стариковски всплакнул; это произошло на похоронах его любимого внука Гейнеля). Некоторые биографы принимали уникальную фрейдовскую черствость за суровый рационализм. Такое качество предполагает ум, а Фрейд не был умным человеком. Поэтому его привязанность к женщинам и лицам мужского пола надо рассматривать только в сексуальном аспекте. Любовь, считал он, – инфантильное чувство, испытываемое глупенькими девочками; мужчинам нужен прозаический секс, который бы удовлетворял естественную физиологическую потребность. Эта нужда может быть удовлетворена и с близкими родственниками.

Большинство людей верит заверениям основателя психоанализа, будто он способен помнить события, когда ему было менее трех лет. Фрейд свято верил, что мозг человека способен удерживать события, происходящие с грудными младенцами. Как я уже сказал, эта его вера противоречит естественнонаучным фактам, относящимся к морфологии и развитию мозга. Между тем большая часть выводов, вытекающих из теории психоанализа, в частности, теория детской сексуальности, опирается как раз на эти ложные предпосылки. Часто Фрейд поступал следующим образом: скупые факты своего раннего периода жизни, переданные матерью или родственниками, он заполнял событиями более позднего периода жизни. Впрочем, по тексту работы «Покрывающие воспоминания» видно, что ускользающие образы принадлежат именно Фрейду, а не его матери. Кое-что, конечно, забывалось, но многое автор сам не захотел раскрывать, в частности, сцену с племянницей.

«Мне неприятно сознавать, – писал Фрейд в «Толковании сновидений», – что некоторые положения, которые я кладу в основу своего психологического понимания психоневрозов, могут вызвать при их опубликовании недоверие и смех. Так, например, я утверждаю, что уже впечатления второго года жизни, а иногда даже и первого, оставляют прочный след в душе впоследствии болеющих и, хотя чрезмерно преувеличиваются и искажаются памятью, всё же могут дать первую и наиболее глубокую основу истерических симптомов. Пациенты, которым я это в нужный момент разъясняю, стараются пародировать мое положение, выискивая воспоминания о том времени, когда *их еще не было в живых*. То же самое могло произойти, по моему мнению, и с раскрытием неожиданной роли, которую у больных женщин в их ранних сексуальных побуждениях играет отец. И то, и другое, по моему глубокому убеждению, вполне справедливо».

Первой сексуальной любовью Фрейда была, по-видимому, мать, с которой он не расстался до последних ее дней (она умерла 12 сентября 1930 г. на 95-м году жизни). Амалия – красивая женщина, у которой на уме были наряды, ювелирные украшения и карты. Будучи уже старухой, она продолжала ходить по дамским салонам. Зайдя как-то в магазин головных уборов, она отказалась покупать очередную шляпку, посчитав, что эта шляпка ее старит. На 90-летие сыновья купили ей дорогое кольцо с огромным сапфиром и бриллиантами. За картами Амалия могла просиживать до поздней ночи, когда в доме все уже спали. Ее самой характерной чертой была властность. Фрейд находил в ней «сентиментальность» и считал, что эта черта передалась ему (деспотичные люди часто бывают сентиментальны).

В «Лекциях по введению в психоанализ» он писал:

«Мы называем мать первым объектом любви. Мы говорим именно о любви, когда выдвигаем на первый план душевную сторону сексуальных стремлений и отодвигаем назад или хотим на какой-то момент забыть лежащие в основе физические, или «чувственные», требования влечений. К тому времени, когда мать становится объектом любви, у ребенка уже началась также психическая работа вытеснения, которая лишает его знания какой-то части своих сексуальных целей. К этому выбору матери объектом любви присоединяется всё то, что под названием эдипова комплекса приобрело такое большое значение в психоаналитическом объяснении неврозов и, может быть, сыграло не меньшую роль в сопротивлении психоанализу».

Фрейд плохо знал психологию детей до пяти лет; он вложил в уста Ганса утверждения, которые мог сказать только взрослый человек. Так, четырехлетний Ганс у него говорит: «*Да, это так, но «хотеть» не значит делать, а «делать» – это не «хотеть»*». Сказано прямо-таки по Гегелю: «*Всё действительное – разумно, а разумное – не всегда действительно*». Подобные абстрактные суждения не свойственны детям.

Возьмем другой характерный пример. Фрейд утверждает, что в 3,5 года Ганс «обратил внимание на беременность матери, закончившуюся рождением сестренки, и он сконструировал для себя... истинное положение вещей». Уже в этом возрасте ребенок понял, «откуда пришло дитя и где оно раньше находилось». Он сердился на отца, когда тот лгал ему, что детей приносит аист. В ответ на отцовскую ложь сын тоже начинал лгать. «Как будто он хотел сказать, – пишет Фрейд, – если ты мог меня считать столь глупым, чтобы я поверил в аиста, который принес Анну, тогда я могу и от тебя требовать, чтобы ты мои выдумки принял за истину». По этому предложению мы снова чувствуем, что имеем дело не с мальчиком 3,5 лет, а с мстительным взрослым человеком. По Фрейду, вместе с появлением агрессии, направленной на отца, у малыша просыпается осмысленная ненависть к матери: ему «весьма приятно бить маму». Аналитик продолжает:

«Другая фантазия, в которой мальчик дает кондуктору 50 000 гульденов, чтобы тот позволил ему ехать на дрезине, звучит почти как план откупить мать у отца, сила которого отчасти в его богатстве. Затем он признается в желании устранить отца и соглашается с обоснованием этого желания (потому что отец мешал его отношениям с матерью) с такой откровенностью, до какой он до сих пор еще не доходил».

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что по крайней мере какая-то часть этого сочинения придумана самим автором.

Наши подозрения усилятся, если мы сравним тексты «Толкования сновидений» и «Анализа фобии пятилетнего мальчика». Наиболее курьезным моментом этого сравнения, я думаю, окажется поразительное совпадение двух событий, случившихся и с Гансом, и с племянником Фрейда. В «Толковании сновидений» автор пишет:

«Над своими собственными детьми, появлявшимися на свет вскоре один после другого, я упустил случай сделать такого рода наблюдения; я спешу наверстать их теперь над моим маленьким племянником, единовластие которого нарушилось через пятнадцать месяцев появлением юной соперницы; хотя я и слышу, что мальчик относится по-рыцарски к своей сестренке, целует ей руку и гладит ее, я замечаю, что он, не достигнув еще двух лет, пользуется своим даром речи для того, чтобы критиковать соперницу, совершенно, на его взгляд, излишнюю. Как только разговор заходит о ней, он тотчас же вмешивается и говорит недовольным тоном: «Она такая маленькая, такая маленькая». В последнее время, когда девочка, прекрасно развившись, перестала уже заслуживать этот пренебрежительный возглас, мальчик обосновывает свое желание отклонить внимание взрослых от сестры другим путем. При каждом удобном и неудобном случае он говорит: «А у нее зато нет зубов»».

Фрейд забыл, что в «Анализе фобии пятилетнего мальчика» точно такую же фразу у него говорит Ганс (Герберт Граф) – такой же реальный ребенок, как и племянник Фрейда.

«Все его [Ганса] замечания показывают, – пишет Фрейд, – что он связывает необычное в окружающей обстановке с приходом аиста. На всё он смотрит с усиленным вниманием и с гримасой недоверия. Без сомнения, в нем прочно засело первое недоверие по отношению к аисту. Ганс относится весьма ревниво к новому пришельцу [сестричке Анне], и, когда последнего хвалят, находят красивым и т.д., он тут же презрительно замечает: «А у нее зато нет зубов».

Дело в том, – поясняет автор, – что, когда Ганс впервые увидел ее, он был поражен, что она не говорит, и объяснил это тем, что у нее нет зубов. Само собой разумеется, что в первые дни на него меньше обращали внимания, и он заболел ангиной. В лихорадочном бреде он говорил: «А я не хочу никакой сестрички!» Приблизительно через полгода ревность его прошла и он стал нежным, но уверенным в своем превосходстве братом».

Спохватившись, в следующем издании «Толкования сновидений» к последней фразе автор дает примечание: «Таковыми словами трехлетний Ганс выразил уничтожающую критику своей сестры. Он предполагает, что она не умеет говорить потому, что у нее нет зубов». Однако эта ссылка не исправляет казус, поскольку маловероятно, чтобы Ганс и племянник произносили одну и ту же фразу довольно специфического содержания.

Фрейд и многие аналитики (особенно, Гроддек) считали, что органические заболевания такие, как ангина, могут возникнуть на почве психических переживаний. В 1882 г. Фрейд сильно заболел ангиной; причину заболевания он усматривал в душевных переживаниях (несчастливая любовь и ревность), которые он испытывал в связи с известными нам событиями. Разумеется,

невозможно заболеть ангиной, если на тебя не обращают внимания, но дело даже не в этом. При внимательном разборе «Анализа фобии пятилетнего мальчика», мы убеждаемся, что эта работа в существенной своей части рассказывает о событиях, происходивших с самим Фрейдом, причем не только в детстве, но и в более поздний период его развития. Первое, что обращает на себя внимание, это рождение сестры.

Фрейд пишет: *«Большое событие в жизни Ганса – рождение его маленькой сестры Анны – имело место, когда Гансу было как раз 3,5 года (апрель 1903 г. – октябрь 1906 г.)»*. Анна Фрейд родилась, когда Зигмунду было 2,5 года (май 1856 г. – декабрь 1858 г.). Эта схожая разность в возрасте позволила Фрейду спроецировать свои действия по отношению к своей сестре на действия Ганса по отношению к его сестре. Совпадающим событием меньшего масштаба является съемная ванна, в которой мать купала детей. Во время купания Ганса приходит человек («слесарь»), чтобы забрать ванну из дома. Известно, однако, что в доме Фрейдов тоже не было ванны, ее приносил слесарь на один или два дня, чтобы мать могла искупать детей; затем, получив за предоставление ванны деньги, слесарь забирал ее обратно. Образ няни, сказавшей матери Ганса: «А у него славная «птичка»», автор тоже скорее всего списал с образа собственной няни.

Я не считаю преступлением, если Фрейд в работе «Анализ фобии пятилетнего мальчика» использовал какие-то сцены из своей жизни. Пускай он забылся и использовал в двух различных сочинениях одну и ту же ситуацию. Главное – научные выводы, а то, что при изложении жизненных условий, в которые попадал Ганс, автор использовал факты из своей личной жизни, не так уж и важно. Однако для нас формальное сходство личной жизни Ганса и Зигмунда является только поводом, чтобы повнимательней присмотреться к внутренней жизни этих двух детей. Не будут ли они одинаковы по своему психическому «устройству», как они сходны по формальным деталям. Чтобы продемонстрировать более глубокое сходство, я снова обращаюсь к «Толкованию сновидений».

В этом произведении есть сцены из детства Зиги, которые, после небольшого скандала с работой «Покрывающие воспоминания», были существенно искажены автором по технологии сгущения событий, их инверсии и совмещения в одном лице двух или нескольких лиц, причем мальчиков и девочек, детей и взрослых. Но при этом Фрейд делает одну и ту же логическую ошибку: он интерпретирует скупые предложения сновидца собственными ассоциациями. Таким образом, он активизирует *свою собственную* память, извлекая на свет *свои собственные* впечатления, полученные им, возможно, когда-то в детстве, так что в сновидении неизвестного человека мы узнаем о содержимом фрейдовского сознания или, если кому-то нравится, его подсознания. Например, он интерпретирует сновидение некоего мужчины следующего содержания:

«Это – жена поденщика, она стоит к сновидцу спиной. Наконец, она поворачивается к нему и смотрит на него ужасным взглядом, так что он в испуге убегает отсюда. Видно, как выступает красное мясо из нижних век на ее глазах».

Интерпретация Фрейда:

«Так как женщина стоит в сновидении в такой позе, какая обычно бывает при мочеиспускании, то речь идет о женщине, которая мочится, и к этому следует отнести ужасный «вид», выступание красного мяса, которое может относиться только к зиянию половых органов при сидении на корточках. Картина эта, виденная в детстве, опять выступает в позднейшем воспоминании как «дикое мясо», как «рана». Сновидение объединяет два повода, при которых маленький мальчик может видеть половые органы маленькой девочки: при опрокидывании на землю и при мочеиспускании, и, как явствует из другой связи, он сохраняет воспоминание о наказании или об угрозе отца вследствие проявленного в обоих этих случаях мальчиком сексуального любопытства».

Кому не понятно, что здесь речь идет о патологическом воображении именно Фрейда, а не какого-то безвестного мужчины. Это у автора с детства и на всю жизнь засел образ женских гениталий. Он мог их видеть у девочек в Гмундене «при мочеиспускании» или «при опрокидывании на землю» Полины. Ведь ясно, что сновидец, если только он не сам Фрейд, ничего такого не воображал.

Автор пользуется словосочетанием «дикое мясо». Этим термином обозначается заболевание, которым страдал Флейшль. Мы уже знаем, что он поранил большой палец правой руки, в

ранку попала инфекция и образовалась гранулированная ткань, или «дикое мясо», которое приходилось многократно удалять хирургическим путем. «Рана» плохо заживала, слегка затягивалась тонкой пленкой, затем пленка рвалась и рана кровоточила снова. Кроме того, «мясо» по-немецки пишется Fleisch, а фамилия друга – Fleischl. Таким образом, методика свободных ассоциаций Людвиг Бёрне в сознании Фрейда моментально связала мясо с образом Флейшля, у которого из раны на большом пальце выступало «дикое мясо». Возможно, у него когда-то и «выступало красное мясо из нижних век», ведь друг Фрейда был морфинистом.

Теперь я спрашиваю: причем здесь сновидение какого-то мужчины, если все образы толкования сновидения принадлежат Фрейду? Сновидец рассказал лишь о «красном мясе» на нижних веках глаз женщины, да и то я не уверен, что он мог донести до врача подобные картинки. Психоаналитик же присовокупил к его рассказу «половые органы маленькой девочки». Автор рассказал сновидцу, откуда он мог это видеть, но фактически он поделился своим жизненным опытом. В «Анализе фобии пятилетнего мальчика» Ганс только и говорит о гениталиях. Рассказывая о нем, Фрейд, конечно, рассказывал о себе, когда он в детстве наблюдал, как мама и его сестра Анна делают «пипи» и «кака». Приведу выдержки, в которых Ганс-Зиги ведет разговоры со своим отцом, или, что практически одно и то же, профессором Фрейдом (далее я не буду их различать), о неприличном подглядывании.

Ганса спрашивают: «В Гмундене тебе было любопытно видеть, как мама раздевается?» – «Да, и у Анны, когда ее купали, я видел маленькую пипку». – «И у мамы?» – «Нет!» – «Тебе было противно видеть мамины панталоны?» – «Только черные, когда она их купила, и я их увидел и плюнул. А когда она их надевала и снимала, я тогда не плевал. Я тогда плевал потому, что черные панталоны черны, как кака, а желтые, – как пипи, и когда я смотрю на них, мне кажется, что нужно делать пипи. Когда мама носит панталоны, я их не вижу, потому что сверху она носит платье». – «А когда она раздевается?» – «Тогда я не плюю. Но когда панталоны новые, они выглядят как кака. А когда они старые, краска сходит с них, и они становятся грязными. Когда их покупают, они новые, а когда их не покупают, они старые». – «Значит, старые панталоны не вызывают в тебе отвращение?» – «Когда они старые, они ведь немного чернее, чем кака, не правда ли? Немножечко чернее». – «Ты часто бывал с мамой в клозете?» – «Очень часто». – «Тебе там было противно?» – «Да... Нет!» – «Ты охотно присутствуешь при том, когда мама делает пипи или кака?» – «Очень охотно». – «Почему охотно?» – «Я этого не знаю». – «Может быть, ты думаешь, что увидишь мамину пипку?» – «Да, я именно так думаю».

Подобный диалог занимает добрую сотню страниц. Чувствуйте, что автор при написании его испытывал отнюдь не научный интерес, и уж совсем был далек от воспитательных задач. Он явно получал некое сексуальное наслаждение, прокручивая в памяти эротические сцены своего далекого детства.

В «Анализе фобии пятилетнего мальчика» Фрейд демонстрирует, как формируется мировоззрение маленького Ганса, которого интересуют объекты почему-то только сексуальной направленности. Он пишет:

«Я прохожу с Гансом мимо лошади, которая писает. Он замечает: «У лошади пипка внизу, как и у меня». Он смотрит, как купается его 3-месячная сестра [Анна], и с сожалением говорит: «У нее совсем маленькая пипка». Он раздевает куклу, которую ему подарили, внимательно осматривает ее и говорит: «А у этой совсем-совсем маленькая пипка». Мы уже знаем, что благодаря этой формуле ему удастся поддержать правильность своего открытия», – подытоживает Фрейд.

В другом месте он пишет:

«В 3 года 9 месяцев он [Ганс-Зиги] видит на вокзале, как из локомотива выпускается вода. «Локомотив делает пипи. А где же его пипка?» Через минутку он глубокомысленно прибавляет: «У собаки, у лошади есть пипка, а у стола и стула – нет». Таким образом, он установил существенный признак для различия одушевленного и неодушевленного. Любопытность и сексуальное любопытство, по-видимому, тесно связаны между собой. Любопытство Ганса направлено преимущественно на родителей.

Ганс (3 года 9 месяцев): «Папа, и у тебя есть пипка?»

Отец: «Да, конечно».

Ганс: «Но я ее никогда не видел, когда ты раздевался». В другой раз он напряженно смотрит на мать, когда та раздевается на ночь.

Она спрашивает: «Чего ты так смотришь?»

Ганс: «Я смотрю только, есть ли у тебя пипка?»

Мать: «Конечно. Разве ты этого не знал?»

Ганс: «Нет, я думал, что поскольку ты большая, то и пипка у тебя как у лошади»».

«Сегодня утром, – пишет Фрейд, – мать, как и каждый день, купает Ганса и после купанья вытирает его и припудривает. Когда мать очень осторожно припудривает пенис, чтобы его не коснуться, Ганс говорит: «Почему ты здесь не трогаешь пальцем?»

Мать: «Потому что это некрасиво».

Ганс: «Что это значит некрасиво? Почему?»

Мать: «Потому что это неприлично».

Ганс (смеясь): «Но это так приятно»».

За всеми вопросами и ответами мы узнаем одно и то же лицо – несчастного Фрейда, которого одолевает патологический интерес к половым органам. Если даже предположить, что это любопытство проявил реальный мальчик, то нормальный доктор не стал бы вести с ним беседы в подобном ключе. Он обязан был объяснить мальчику, что в его возрасте лучше интересоваться игрушками, книжками с картинками, предметами окружающего мира, но никак не пипками мамы и папы. Он постарался бы отвлечь малыша от несвоевременного любопытства; вместо этого взрослый дядя, по сути дела, занялся растлением ребенка.

К счастью, никакого диалога в действительности не было, так как написанный Фрейдом текст выглядит вымученным, как-то неестественно. Видно, что автор всё придумал; бесед с детьми на подобные темы он никогда не вел. Разумеется, автор обманывал читателя, будто запись этого диалога предоставил ему отец Ганса.

В своем сочинении автор заставляет маленького Ганса проделывать ту же самую психоаналитическую работу, которую много лет проделывал сам. Четырьмя годами ранее Фрейд написал большую книгу под названием «Остроумие и его отношение к бессознательному», где разобрал десятки анекдотов и лингвистических примеров из собственной «обыденной жизни», демонстрирующих «остроумные» (так он считает) сочетания отдельных букв, слов и высказываний сексуальной направленности. Делал он это во вполне сознательном состоянии. Теперь в «Анализе фобии пятилетнего мальчика» он заставляет Ганса заняться тем же самым, но уже в бессознательном состоянии. Вот один из таких примеров.

«Ганс, – пишет Фрейд, – сегодня всё время играет в багажные ящики, нагружает их и разгружает, хочет иметь игрушечный воз с такими ящиками. Во дворе таможи его больше всего интересовали погрузка и разгрузка возов. Он и пугался больше всего в тот момент, когда нагруженный воз должен был отъехать. «Лошади упадут (*fallen*)». Двери таможи он называл «дырами» (*Loch*) (первая, вторая, третья... дыра). Теперь он говорит *Podlloch (anus)*».

Anus – задний проход, слово *fallen* (*падение*) всегда ассоциировалось у Фрейда со словом *fallos*, а образ лошади он проецировал на женщин. Если женщина *падала*, для Фрейда это был верный знак того, что она является *падшей женщиной*, так как она *падала на фаллос*. То же самое, когда пациентки рассказывали ему о сновидениях с падающими лошадьми; трактовка их была однозначной. Этими глупостями он покрывал десятки страниц своих сочинений. И вот теперь в голове пятилетнего мальчика мелькают образы лошадиных *фаллосов*, которые проходят сквозь *дырки* дверных проемов таможи, как в *анальные отверстия*. Для доктора Фрейда это означает полное выздоровление малыша от навязчивого невроза – страха перед белой лошадью.

24. Большой Ганс против маленького Ганса

«Анализ фобии пятилетнего мальчика» неоднократно подвергался критике со стороны бихевиористов. Это направление в психологии берет свое начало от русской школы физиологов, основанной Иваном Петровичем Павловым (1849–1936). Он жил в одно время с Фрейдом, но открытого противостояния между ними никогда не было. Зато после второй мировой войны последователи поведенческой психологии по схеме *стимул-реакция* во главе с Джоном Уотсоном (1878–1958) сильно попортили кровь всем приверженцам фрейдизма. Особенно отличился в этом отношении Ганс Айзенк, который, опираясь на эмпирические работы Джозефа Вольпе и его сотрудников, камня на камне не оставил от учения Фрейда.

Главная претензия бихевиористов к фрейдистам очень проста и, конечно, неоригинальна: психоаналитик, говорят они, не владеет научными методами работы и в своей практике лечения

душевнобольных пользуется шаманскими, а иногда осознанно шарлатанскими приемами. В качестве доказательства Вольпе вместе с Рэчменом подробно проанализировали фрейдовское лечение маленького Ганса от фобии на лошадей, противопоставив его лечению маленького Альберта от фобии на крысы. Если Вольпе и Рэчман рассуждали с позиции практикующих психотерапевтов, то Айзенк, уже как ученый-теоретик, сделал выводы больше эпистемологического характера. Он излагал свою критику психоанализа во множестве своих работ и, в частности, в книгах «Психология: польза и вред», «Психология: смысл и бессмыслица» и «Психология: факты и вымысел», вышедших в 2003 г. в Минском издательстве «Харвест» под одной обложкой.

Успех психоанализа Айзенка объясняет эффектом *самопроизвольной ремиссии*, которая иллюстрируется следующими среднестатистическими показателями, относящимися к пациентам, страдающим широкой группой всевозможных нервно-психических расстройств. Цифры, приведенные автором в разделе «Эффекты психотерапии» первой книги (1953), проверявшиеся затем в течение нескольких десятилетий, неумолимо свидетельствуют: примерно 45 процентов больных выздоравливают через год, 72 процента – спустя два года без какого-либо вмешательства психиатров, оставшиеся 10, 5 и 4 процента выздоровели через 3, 4 и 5 лет, соответственно. Таким образом, через пять лет в среднем выздоравливают 90 процентов пациентов без помощи каких-либо психотерапевтов.

Наряду с эффектом спонтанной ремиссии действует *эффект плацебо* – выздоровление пациента, наступающее из-за самовнушения, когда абсолютно нейтральные действия врача или препарата воспринимаются им как оздоровительные. Этот эффект сильно варьирует от пациента к пациенту, и его трудно учесть количественно. Так же трудно поддается учету бесконечное множество внешних факторов, связанных с влиянием на больного личности врача, окружающих его людей и среды обитания в целом. Личностный фактор психоаналитика оказывается особенно чувствительным к результату назначенного им курса лечения: во многих случаях психоаналитическая терапия приводит не к улучшению, а к ухудшению здоровья пациента. Психоаналитики не берутся за лечение тяжелобольных, страдающих сложным комплексом нервно-психических расстройств.

Как бы там ни было, количественная оценка выздоровления пациентов, пользовавшихся психоаналитической методикой, оказалась ниже самопроизвольного выздоровления больных, т.е. *психоаналитик не лечит, а калечит своих несчастных больных*.

Терапевты, придерживающиеся поведенческой школы Павлова и Уотсона, имеют показатели выздоровления намного превышающие спонтанную ремиссию. Причем часто бывает так, что больной приходит к терапевту, использующему когнитивно-поведенческую технику, уже после того, как он побывал на лечении у психоаналитика.

«И Вольпе, и Лазарус, – пишет Айзенк в третьей главе последней книги (1965), – упоминают в своих отчетах о большом количестве пациентов с серьезными случаями нервных расстройств, которые проходили курс поведенческой терапии, как принято теперь называть этот вид лечения. Вольпе заявляет, что после тридцати сеансов у 90 процентов больных наступает полное либо заметное улучшение состояния. Так как для проведения тридцати сеансов требуется примерно три-четыре месяца, если не меньше, то становится очевидно, что скорость выздоровления в данном случае гораздо выше скорости самопроизвольной ремиссии, и намного выше скорости лечения с помощью психоанализа. Другие психологи и психиатры, обученные методам поведенческой терапии, приводят примерно такие же цифры, и, в целом, не остается сомнений в том, что методы, предложенные Вольпе, являются более эффективными, чем другие, существующие сегодня».

В статье «Сорок лет спустя: новый взгляд на проблемы эффективности в психотерапии» (Психологический журнал, т. 14, 1994, № 4), Айзенк, опираясь на исследования коллег-практиков (Рэчмана, Вилсона и др.), вынужден признать, что выводы, сделанные им в начале 1950-х годов, остались справедливыми. В статье говорится:

«Если учесть факт широкого распространения спонтанных ремиссий, который уже трудно отвергнуть, то заявления о том, что определенные формы психотерапии обладают специфическими исцеляющими свойствами, начинает казаться преувеличением. Вызывает удивление слабость аргументации в широко распространяемых утверждениях терапевтов-психоаналитиков. Многословно описанные отдельные случаи эффективного улучшения состояния значительно перекрываются по количеству случаями, когда больные подвергаются психоанализу до конца жизни. Более важным, однако, является то, что для оценки эффективности психоанализа используются какие-то

устаревшие методы. Мы не знаем какого-либо методического исследования, оценивающего эффективность психоанализа, в котором бы адекватно учитывались спонтанные изменения или, что еще более важно, неспецифические терапевтические влияния (такие, как плацебо-эффекты, надежда и т.д.). Из-за амбициозности, размаха и влиятельности психоанализа можно было бы порекомендовать своим научным коллегам сохранять к этой терапии толерантное отношение, если бы не тот факт, что психоаналитики до сих пор плохо осознают необходимость строгого научного контроля и установления критериев эффективности, которые лишь частично являются удовлетворительными. Однако, есть подозрения, что потребители окажутся значительно менее терпеливыми, когда они, наконец, проведут проверку оснований, на которых покоятся утверждения об эффективности психоанализа».

Айзенк недвусмысленно предупреждает:

«Если врачующий – а им может быть учитель, друг, священник, психоаналитик или знахарь – придерживается в отношении страдающего таких стратегий, как успокаивание, совет, помощь, сердечный отклик, активации саморегуляции, это может привести к положительному результату. Но если придерживаться других и противоположных стратегий (как в классическом психоанализе), то больному может быть нанесен вред».

Автор указывает, что

«психоанализ и все «динамические» терапии могут действительно привести к бедственным результатам и значительно ухудшить состояние невротических больных... Любопытно, что эти факты если и упоминаются в периодических изданиях по психиатрии и клинической психологии, то очень редко. В целом можно сказать, что ни в одном учебном руководстве эта проблема подробно не рассматривается. Ховарт провел обзор десяти последних книг по психотерапии и обнаружил, что «в них отсутствуют какие-либо намеки на опровержение или утверждение эффективности психотерапии. Я тщательно, но напрасно... искал какие-нибудь термины, относящиеся к оценке, лечению, эффективности, смертности, которые бы указывали на заинтересованность в эффекте психотерапевтического воздействия на клиентов... Эти книги – создают ужасное впечатление. Но это не является чем-то экстраординарным, т.к. примерно 90 процентов книг по психотерапии, книг с советами и по социальным проблемам, которые сейчас продаются в любом хорошем книжном магазине, заслуживают такой же характеристики»».

Таким образом, психоаналитики вот уже более века варятся в собственном соку, не обращая внимания на вредность или низкую эффективность своей деятельности. Они «стегают мертвую лошадь» в надежде, что она вывезет их на показатели, которые будут хотя бы не ниже показателей от спонтанной ремиссии и плацебо-эффекта. Однако все их усилия до сих пор оказываются тщетными. Фрейд и его последователи не раз и не два заявляли, что их лечение не является стопроцентным, возможны рецидивы, и это несмотря на то, что у них немало усилий уходит на выявление всех обстоятельств возникновения и формирования нервно-психического расстройства, без этиологии болезни они вообще не могут вылечить пациента. Айзенк пишет, что

«психоанализ представляет собой теоретическую систему, которая изначально является крайне противоречивой и имеет мало общего с объективной реальностью. С помощью психоанализа практически невозможно сделать точный прогноз, причем это доказано как экспериментальной, так и клинической практикой».

Всё не так в бихевиоризме: когнитивно-поведенческая терапия предсказуема, ее результаты воспроизводимы и строго контролируемы, что и делает ее настоящей наукой. Терапевт-бихевиорист не особенно интересуется генезисом заболевания, он немедленно приступает к эффективному лечению, будь то фобии на лошадь, крысу, воду, темное помещение или запущенные формы энуреза, алкоголизм, наркомания и т.д. Его план действий рассчитан не на длительное собеседование, а на физиологические реакции пациента и закрепление условленных рефлексов посредством механизма научения животных. Современные методы поведенческой терапии включают множество когнитивных элементов, улучшающих эффективность лечения, с которыми не были знакомы родоначальники бихевиоризма – Павлов и Уотсон.

Психоанализ же, его многочисленные модификации практически не сдвинулись с места, так что борьба различных терапий со времен Фрейда, Адлера и Юнга во многом остается битвой тщеславных людей за свое влияние на умы обывателей. Отцы-основатели очередной терапевтической школы больше озабочены экспансией, чем эффективностью своего учения. Побеждают,

естественно, те, кто прибегает к более безответственным обещаниям и броской рекламе своих мошеннических технологий. Поэтому в сегодняшней России на первом месте стоят откровенно эзотерические методики. Вслед за ними идут психоаналитические и суггестивные приемы, включая гипнотические, эффективность которых не выше шарлатанских. О действительно научных методах терапии, основанных на когнитивно-поведенческой технике, нынешний россиянин знает мало.

Но вернемся к книге Айзенка «Психология: факты и вымысел», в которой приводится критический разбор фрейдовского «Анализа фобии пятилетнего мальчика». Автор обращает внимание, что у психоаналитиков не существует надежных свидетельств того, что неврозы взрослые получают в раннем детстве. Он пишет, что в психоанализе

«мы имеем дело с теориями, гипотезами, интуитивными предположениями, догадками, точками зрения, убеждениями, часто выражаемыми с упорством и большой энергией, но тем не менее не основанными на неопровержимых доказательствах. В фильмах, романах, пьесах и других произведениях массовой культуры представлена совершенно ошибочная картина в отношении этой концепции, в которой утверждается, что некоторые теории о причинах невроза были фактически проверены научными экспериментами, и что некоторые методы лечения оказались эффективными».

Айзенк говорит о невероятной путанице в вопросах диагноза: что принимать за тревожность, истерию, фобию или психопатию. «*Даже различия между неврозами и психозами не выявлены с полной ясностью*», – пишет критик. Практикующие врачи без всякого на то основания начинают называть то или иное нервно-психическое расстройство одним термином, а их коллеги из соседней клиники то же самое расстройство именуют другим термином. Фобия или тревожность обычно сопровождается депрессией, но ее вызывает также различного вида obsessions или compulsions, при которых пациент имеет потребность мыть руки пятьдесят раз в день или множество раз повторять выполнение одной и той же работы из-за опасения совершить ошибку. Депрессия бывает реактивной или эндогенной, obsessions часто сопровождается фобией и тревожностью.

Таким образом, неврозы и психозы смешиваются и становятся неразличимы между собой: непонятно, какое из расстройств является причиной, а какое – следствием. Расстройство может быть вызвано реальной проблемой или мнимой, но психотерапевту порой очень непросто определить его статус, когда речь заходит о любви и измене. Категорические и безответственные рекомендации врача по этим животрепещущим проблемам могут нанести непоправимый вред пациенту. В состоянии тревожности и страха обычно возникает разрушительная обратная связь, при которой меньшая тревога вызывает большую; в этом случае, обжегшись на молоке, начинают дуть на воду.

Подобно тому, как у человека рождается беспричинный страх, тревога или тоска, точно так же беспричинно у него появляется желание обманывать, воровать или заниматься вредительством. Искать причины этих расстройств практически бессмысленно, хотя бы потому, что невозможно сказать, являются ли они отклонением или нормой для каждого конкретного человека, ведь невозможно провести линию, отделяющую больных от здоровых. Между тем Фрейд и его последователи с необъяснимой уверенностью и неуместным упорством указывают на один-единственный источник всех нервно-психических феноменов – это их вездесущее *либидо*. Понятно, что так могут вести себя скорее религиозные фанатики, чем серьезные исследователи, ищущие научную истину.

Если раньше «парадоксальное поведение невротика» объясняли посредством дьявола и демонов, то сейчас оперируют комплексами Эдипа и Электры. Психоаналитики, конечно, существенно больше опираются на факты текущей жизни, чем это делали церковнослужители, но из-за невозможности проверки результатов психоанализ мало отличается от шаманского колдовства. Айзенк пишет:

«При рассмотрении доказательств, на которых основываются теории Фрейда, можно обнаружить, что это не тот тип доказательств, который можно порекомендовать ученому. Вместо экспериментально проверенных выводов из четко сформулированных гипотез мы обнаруживаем всего лишь анекдотичные свидетельства, собранные довольно случайным образом из индивидуальных историй болезней. Этот недостаток достоверных доказательств часто скрывается от читателя превосходными писательскими способностями Фрейда, за что в Германии ему заслуженно была присуждена премия Гёте за достижения в области литературы. Однако в науке убеждение не должно подменять

доказательство, и нам следует более тщательно исследовать доказательные попытки Фрейда, прежде чем сделать выводы о достоверности его гипотез».

Чтобы продемонстрировать ненаучный подход Фрейда, автор и выбрал наиболее известную его работу: «Анализ фобии пятилетнего мальчика». На эту работу английский психоаналитик Гловер дал следующий отзыв:

«Для своего времени анализирование маленького Ганса явилось замечательным достижением, а описание его анализирования составляет одну из ценнейших страниц в архивах психоанализа. Наши концепции о формировании фобии, позитивном эдиповом комплексе, амбивалентности, страхе перед кастрацией, вытеснении воспоминаний из сознания и других явлениях были подкреплены и усилены в результате этого анализа».

Выбор маленького Ганса удобен еще и потому, пишет Айзенк, что английский бихевиорист Уотсон

«разработал теорию, альтернативную взглядам Фрейда. Он также представил ее в виде истории маленького мальчика на этот раз Альберта. Трудно представить себе лучший способ определить различия между психоанализом и современной психологией, чем контрастное сравнение историй маленького Ганса и маленького Альберта, а также сделать выводы из этого сравнения. И, наконец, у нас есть большое преимущество в том, что история маленького Ганса была тщательно изучена двумя современными психологами Джозефом Вольпе и Стенли Рэчменом в работе, которая стала классической».

Далее Айзенк знакомит читателя с критическим разбором «Анализа фобии пятилетнего мальчика», проведенным Вольпе и Рэчменом, при этом он щедро цитирует фрейдовские диалоги с участием Ганса и приводит длинные выдержки из работы Вольпе и Рэчмена. Вот как два критика Фрейда формулируют свою задачу:

«Мы покажем, *что*, хотя и имеются проявления сексуального поведения со стороны Ганса, никаких научно приемлемых доказательств связи его поведения со страхом перед лошадьми у мальчика не представлено; *что* утверждение о наличии такой связи является простым предположением; *что* скрупулезные дискуссии, следовавшие за появлением этой книги, были простыми роженищами; и *что* эта история не представляет никакой фактической поддержки какой-либо из концепций, перечисленных выше Гловером. Наше исследование этой болезни детально выявляет модели мышления и отношения к доказательствам, которые почти универсальны среди психоаналитиков. Такой подход предполагает необходимость более тщательного рассмотрения основ психоаналитических «открытий», чем это было до сих пор. И мы надеемся, что он подтолкнет психологов к проведению такого же критического изучения фундаментальных трудов по психоанализу».

Тщательно проведенный анализ текста показывает, что в нем нет никаких свидетельств, которые бы говорили в пользу желания Ганса совокупляться со своей матерью. Упоминается лишь о некоем «инстинктивном предчувствии», однако доказательства его существования у мальчика автор не привел. Следовательно, у Фрейда не было никакого основания говорить о наличии эдипова комплекса как мотива для стремления Ганса убить своего отца и занять его место подле матери. В тексте также отсутствуют какие-либо намеки, указывающие на страх Ганса перед отцом. Мальчик отшвырнул игрушечную лошадь, что было истолковано автором как «симптоматический акт» агрессии, направленный против отца. Однако отсюда вовсе не следует, что лошадка символизирует отца и что Ганс хочет с ним расправиться. Больше того, в тексте приводятся ответы мальчика, когда он определенно отрицает наличие связи между отцом и этой игрушкой. Таким образом, предположения Фрейда, будто Ганс руководствовался какими-то подсознательными мотивами, повисают в воздухе. Делать же из этого вывод о желании мальчика умертвить своего отца, является верхом непоследовательности.

Такие же ошибочные рассуждения проведены и в отношении матери. Фрейд не представил доказательств в пользу того, что сексуальное возбуждение Ганса, направленное якобы на мать, трансформировалось у него в фобию лошади. Имеются лишь голословные утверждения о любви мальчика к лошадям и о символической связи движения лошади с половым актом. Но в подтверждении этих слов опять же не приводится никаких фактов. Нет даже оснований, которые бы заставили читателя поверить в существование у мальчика сексуального влечения к матери. Автор привел лишь диалоги, подтверждающие инстинктивное влечение Ганса к женским

«пипкам». Но одного этого любопытства недостаточно для формирования эдипова комплекса. Удивительно, почему отношения сына к матери не претерпели каких-либо изменений при возникновении фобии на лошадей. В работе отсутствуют доказательства того сомнительного утверждения, что объект страха до этого непременно должен быть объектом любви и удовольствия. Символ лошади у Фрейда не определен: выводы о связи его с матерью или отцом просто декларируются, но не доказываются. Непонятно, почему мальчик, гуляя с матерью на улице, боится лошадей.

В общем, Фрейд построил все свои выводы на собственных же домыслах. Из текста неясно, как сформировалась фобия и как она исцелилась, в чем суть психоаналитической терапии и на какую патологию она направлена. «Представленные факты этой истории, – пишет Айзенк, – показывают лишь случайные совпадения между интерпретациями и изменениями в фобических реакциях ребенка. Например, «спокойный период» последовал сразу же после заявления отца о том, что боязнь лошадей была «глупостью» и что на самом деле Ганс хотел забраться в постель к матери. Но вскоре после этого, когда Ганс заболел, его фобия усилилась как никогда раньше. Позже, проведя несколько безрезультатных бесед, отец отмечает, что 13 марта Ганс, подтвердив, что всё еще хочет играть со своей пипкой, уже намного меньше боялся лошадей. Однако 15 марта он испугался лошадей после того, как ему сказали, что у женщин нет «пипки» (хотя перед этим мать говорила ему обратное). Фрейд считает, что Ганс противился этой информации, поскольку она вызывала у него страх кастрации, и поэтому никакого терапевтического эффекта не наблюдалось. «Первое реальное улучшение» 2 апреля приписывается «разъяснению об усах» 30 марта (что позднее оказалось ошибочным), когда мальчику сказали, что он «боялся своего отца именно из-за того, что он так сильно любил свою мать». Несмотря на стабильное улучшение состояния Ганса, Фрейд 7 апреля дал оценку, что ситуация «совершенно неясная» и «анализ идет с небольшим прогрессом» (по признанию Фрейда, состояние Ганса улучшалось, несмотря на отсутствие прогресса в анализе)».

Эта непоследовательность в суждениях и фактических событиях является характерной чертой не только данной работы, но и подавляющего числа сочинений родоначальника психоанализа. У Айзенка сложилось впечатление, что «Фрейд полностью основывает свои заключения на выводах из своей теории», т.е. сначала он создавал концепцию, а затем под нее подгонял эмпирию, причем эта подгонка проводится крайне небрежно.

«В целом же, – констатирует критик, – Фрейд определяет взаимосвязи в манере, совершенно не имеющей отношения к научным методам: если разъяснения или интерпретации, которые преподносятся Гансу, приводят к улучшению его поведенческого состояния, то они автоматически считаются действенными. Если после них улучшения не наблюдается, нам говорят, что пациент не воспринял их, а не то, что они не действительны. Размышляя о неудаче с первыми разъяснениями, Фрейд говорит, что в любом случае терапевтический успех не является первичной целью анализа. Но в другом месте он заявляет, что психоанализ является терапевтическим средством, а не научным исследованием! Таким образом, обходя стороной главный вопрос, он утверждает, что улучшение произошло благодаря одной из интерпретаций, даже когда она была ошибочной, например, в случае с интерпретацией усов».

«Становится очевидным, – пишет Айзенк, – что, несмотря на стремление выглядеть ученым, Фрейд был удивительно наивен в отношении требований к научным доказательствам. Инфантильные комплексы не были обнаружены (проявлены) в фобии Ганса – их просто представили в качестве предположений».

Образ мыслей отца-основателя психоанализа исключительно субъективен. Ограниченность этого мышления Айзенк продемонстрировал на примере ложного открытия Блондло так называемых N-лучей, которые существовали только в его воображении.

«Естественно, – пишет Айзенк, – в истории известно много примеров, которые показывают, что такие предвзятые мнения могут направлять по ложному пути даже опытных и знаменитых ученых. Одним из таких примеров является процесс развития френологии, науки о зависимости способностей человека от формы и размера его мозга. На протяжении многих лет самые известные хирурги по головному мозгу и врачи в Европе верили в точность и достоверность прогнозирования на основе этой системы, разработанной Галлом и Спурцхаймом, хотя сейчас мы знаем, что ни один из таких прогнозов не имеет никакого отношения к реальности».

После критики фрейдовского «Анализа фобии пятилетнего мальчика» Айзенк рассказал об эксперименте, проведенном основателем школы бихевиоризма, Дж. Б. Уотсоном, над годовалым мальчиком по имени Альберт. Американский ученый поставил перед собой цель выработать у этого ребенка устойчивую фобию на морскую свинку (изначально он очень любил с ней играть), а затем, руководствуясь учением И.П. Павлова об условных рефлексах, попытаться устранить ее. Страх перед свинкой он выработал следующим образом: когда Альберт протягивал руку к зверьку, исследователь ударял в гонг, издающий громкий и неприятный звук. Мальчик в испуге отдергивал руку и отползал в сторону. После многократного повторения этой процедуры ребенок начал испытывать устойчивую фобию не только на морских свинок, но и на предметы, напоминающих этих зверьков, например, клубок белой шерсти. Далее стояла задача по устранению выработанной фобии. Теперь при появлении морской свинки Альберту давали шоколад. После нескольких упражнений *«страх исчез навсегда, и ребенка больше не надо было кормить шоколадом»*.

Другим экспериментаторам удавалось избавить пациентов от фобий на кошку, змею, воду и т.д. Айзенк рассказал не только об успешном избавлении от фобий, но и от более сложных нервно-психических расстройств. Им описан случай с женщиной, склонной к чрезмерному повиновению, случай с бухгалтером, страдающим импотенцией, и случай с агрессивным человеком, испытывающим потребность постоянно мыть руки. В результате проведения такого рода терапии удалось выработать когнитивно-поведенческую методику лечения больных, основанную на строго научном подходе.

В добросовестно поставленном эксперименте всегда фигурируют две группы людей – группа, подвергшаяся исцелению, и контрольная группа, участники которой не подвергались такому испытанию; при этом предпринимаются меры по исключению плацебо-эффекта и прочих нежелательных влияний, искажающих объективную картину эксперимента. Для обработки результатов применяются статистические методы обработки данных, в частности, опытные величины даются в соответствующих доверительных интервалах с указанием дисперсионного разброса. Человеку, далекому от науки, нелегко усвоить необходимость всех этих вещей, однако другого пути к истине не существует.

25. Прямой обман населения

Вольпе и Рэчмен, а за ними и Айзенк, пытались объяснить возникновение и исчезновение у Ганса фобии на лошадь через поведенческие механизмы, которые включались в аналогичных условиях и у Альберта при виде морских свинок. Ганс был свидетелем падения лошадей, впряженных в омнибус, что и послужило истинным источником появления страха. Указанные авторы нашли в диалогах отца и сына те немногие слова и действия, которые помогли избавиться мальчику от его фобии. Айзенк и его товарищи попытались убедить читателя, что все рассуждения Фрейда о кастрационном и эдиповом комплексах здесь не при чем.

Действительно, аргументы критиков в адрес психоаналитической теории звучат убедительно. Однако они не учли одного обстоятельства: Фрейд намеренно вводил своего читателя в заблуждение: он прекрасно понимал, что занимается обманом населения и научного сообщества. Такой взгляд на вещи позволяет увидеть в работах родоначальника психоанализа гораздо больше, чем в случае непреднамеренного заблуждения. Фрейд – аферист и авантюрист, к нему нельзя подходить с меркой, с которой подходят к честным ученым. Между ошибкой и обманом существует большая разница и, если мы хотим до конца понять содержание его работ, нам надо учитывать истинные мотивы их написания.

Тема обмана больших групп населения требует для своего всестороннего освещения отдельной книги. Социально-психологические корни фрейдизма как обширного культурного явления затрагивают комплекс проблем, который мы сейчас не сможем раскрыть. Фрейдизм, подобно христианской религии, распространялся через организационные структуры с ярко выраженными экспансивными целями, имеющими мало общего с научно-исследовательскими задачами. Психологический профиль ученого-шарлатана также требует специфического подхода, который не имеет ничего общего с подходом к честному искателю истины, ошибающемуся в процессе своего поиска. Есть немало книг, раскрывающих психологию как отдельных аферистов и обманщиков, так и мошеннических организаций, имеющих дело с огромными массами населения. Нужно попытаться провести параллель между фрейдизмом и известными в психоло-

гии фактами. Фрейд использовал классические схемы манипулирования сознанием, к которым прибегают «профессиональные» астрологи, гадалки и прочие лица с отчетливо выраженными чертами лживого поведения. Однако решение этой задачи в полном объеме пока не ставится; нам необходимо указать на конкретные случаи обмана, к которым прибегал Фрейд в своих сочинениях.

Поведение Фрейда частично оправдывается тем духом времени, в котором он жил. Чтобы почувствовать сумасшедшую атмосферу конца XIX – начала XX вв., можно обратиться к лекциям французского ученого Поля Реньяра о «социальных недугах», прочитанным им в Сорбонне перед Французской научной ассоциацией. Затем эти лекции были изданы в 1886 г. в виде книги под названием «Умственные эпидемии» (русский перевод вышел в 1889 г. в издательстве Ф. Павленкова, а в 2004 г. издательство *Emergency Exit* выпустило его дубликат). Свое повествование Реньяр начинает с описания *демонизма* и колдовства, свирепствовавших в Европе в XV–XVII вв.; подробно останавливается на XVIII–XIX вв., когда буйствовали эпидемии *гипнотизма, истерии, морфинизма* и *мании величия*, а заканчивает прогнозами на XX в., в котором эпидемический бред, окончательно освободившись от религиозных предрассудков, приобрел социал-дарвинистские черты извращенного либерализма: «Я убил, убейте и вы меня».

Реньяр предвидел падение нравов, распад семьи и приход так называемой *массовой культуры* с ее «жаждой приобретения». Он вполне предсказал приход двух новых эпидемий, *фрейдизма* и *марксизма*, перевернувших мир с ног на голову. Умственные эпидемии, говорит автор, действуют за счет *подражательного эффекта*. Подражание в обществе возникает внезапно и охватывает большие группы населения, что приводит к войнам и революциям, если дело касается политики, религии, социологии или экономики. Но заразные идеи возникают в искусстве и науке, или в интеллектуальных областях, которые претендуют так называться. В самом деле, массовое увлечение наркотиками (морфином, кокаином или ЛСД) ничем особенным не отличается от чрезмерного интереса населения к живописи или теории относительности.

Эпидемия всегда приводит к негативным последствиям, даже если это касается исключительно научной сферы. Дело в том, что интеллектуальная болезнь в первую очередь поражает мозги экзальтированных людей, неспособных к спокойному осмыслению новых идей. В связи с этим в общество вбрасывается громадный объем низкопробной литературы, который дезориентирует или парализует нормальную работу научных и образовательных учреждений. Одним из характерных признаков тяжелой формы общественной болезни является возникновение кумира. Новоявленный *пророк* окружает себя *апостолами*, которые затем строят *церковь*, т.е. институциональное тело пророка, остающееся после его ухода.

Основная причина, которая подвигла Фрейда к написанию «Анализа фобии пятилетнего мальчика», состояла в том, что в теоретическом арсенале Фрейда отсутствовали реальные наблюдения над детьми. Быть может, его упрекали, что вся теория психоанализа построена на песке; вот и пришлось основоположнику современной психиатрии встать на тропу фальсификаций. Он провел «мысленный эксперимент» с мифическим мальчиком, куда втиснул «эмпирическое подтверждение» для всех своих теоретических выводов, о которых писал в других работах. В дальнейшем он ссылался на «Анализ», как на добротную основу опытных наблюдений. Например, в диалоге с Гансом имеется обмен вопросами и ответами, подтверждающий его фантастическое заблуждение, будто братья из ревности к родителям желают смерти сестрам, и наоборот.

Фрейд спрашивает Ганса:

«А когда ты присутствовал при купании Анны, тебе не хотелось, чтобы мама отняла руки и уронила Анну в воду?» Он отвечает: «Да». Фрейд комментирует: «Тема, касающаяся Анны, всё еще на первом плане. Мы можем вспомнить из прежних записей, что он почувствовал антипатию к новорожденной, отнявшей у него часть родительской любви; эта антипатия и теперь еще не исчезла и только отчасти компенсируется преувеличенной нежностью. Он уже часто поговаривал, чтобы аист больше не приносил детей, чтобы мы дали аисту денег, чтобы тот не приносил детей из большого ящика, в котором находятся дети. Анна так кричит, это ему тяжело».

В подтверждение этих слов Фрейд приводит диалог; он спрашивает:

«Ты любишь Анну?» Ганс отвечает: «Да, очень». – «Было бы тебе приятнее, если бы Анны не было, или ты рад, что она есть?» – «Мне было бы приятнее, если бы она не появилась на свет». – «Почему?» – «По крайней мере она не кричала бы так, а я не могу переносить крика».

Между прочим, Фрейд не переносил детского крика и вообще громкого шума. Когда мать решила выучить Анну игре на фортепиано, он воспротивился, поскольку не хотел, чтобы в доме звучала музыка, в противном случае, он пригрозил уйти из дома; в итоге мать отказалась от своей затеи. Это совпадение также свидетельствует о том, что Гансу Фрейд сообщил свои собственные черты.

Но для нас важно не это совпадение, которое могло быть и случайным, а суть состоявшегося диалога. В «Толковании сновидений» Фрейд пишет:

«Таким образом, многие, кто любит в данное время своих братьев и сестер, для которых смерть их была бы очень тяжела, бессознательно носят в себе злые желания, способные проявляться в сновидениях. Чрезвычайно интересно наблюдать за отношением маленьких детей до трех лет и даже меньше к их младшим братьям и сестрам. Ребенок до появления на свет последних был в семье единственным; теперь же ему говорят, что аист принес ему братца или сестрицу. Ребенок смотрит на пришельца и говорит категорическим тоном: «Пусть аист унесет его обратно»».

В последующих изданиях книги «Толкование сновидений», вышедших после 1909 г., появилось примечание:

«Трехлетний Ганс, фобия которого послужила объектом для анализа в вышеупомянутой работе, крикнул в лихорадочном состоянии незадолго до рождения своей сестры: «Мне не нужно никакой сестрицы». Заболев через полтора года неврозом, он признается в желании, чтобы мать уронила малютку в ванну и чтобы та умерла. При всем том Ганс чрезвычайно добрый и ласковый ребенок; через несколько лет он искренне привязался к сестре и относился к ней покровительственно».

Так Фрейд подтвердил теоретические положения, изложенные в «Книге снов», конкретными «фактами» из жизни пациента по имени Ганс.

В «Анализе» в длинных диалогах мальчика с взрослыми фигурируют два животных – лошадь и жираф. В «Толковании сновидений» Фрейд вспоминает «единственного в классе аристократа, прозванного вследствие своего высокого роста «жирафом»». Автор всегда обращал внимание на созвучие и написание слов: *жираф* – *giraffe*, а *лошадь* – *affri*. В образах, названиях и поведении этих животных он усматривал некое единство и противоположность: аристократичного и независимого жирафа он ассоциировал с мужчиной, а лошадь, как более послушное животное, – с женщиной. Самым решающим аргументом в этом противопоставлении были длинная шея жирафа, напоминающая Фрейду эрегированный орган мужчины, и большой живот лошади, напоминающий ему живот, беременной женщины. Теперь слушаем Ганса, он говорит:

«Ночью в комнате был один большой и другой измятый жираф, и большой поднял шум, потому что я отнял у него измятого. Потом он перестал кричать, а потом я сел на измятого жирафа». Далее разворачивается диалог между Фрейдом-отцом и Фрейдом-сыном, т.е. Гансом; отец спрашивает: «Тебе снились жирафы?». Ганс отвечает: «Нет, не снились; я себе это думал, все это я себе думал, проснулся я уже раньше». – «Что это должно значить: измятый жираф? Ведь ты знаешь, что жирафов нельзя смять, как кусок бумаги». – «Это я не знаю. Я себе так думал. Этого даже не бывает на свете. Измятый жираф совсем лежал на полу, а я его взял себе, взял руками».

По логике Фрейда мятый и не мятый жираф – это, соответственно, мать и отец мальчика. То, что отец ассоциируется с жирафом, поясняет автор, ничего удивительного в этом нет «вследствие бессознательного сравнения, связанного с высокой и неподвижной шеей жирафа». С точки зрения пипки, пишет психоаналитик, жираф «интересное животное, которое могло бы сделаться конкурентом лошади в ее устрашающей роли; а то, что отец и мать выведены в виде жирафов, дает нам пока еще не использованное указание на значение вызывающих страх лошадей». Таким образом, по Фрейду, мать должна была бы предстать лошадью, но мальчик боится образа лошади, поэтому она появляется в виде смятого жирафа.

Здесь также видно, как Фрейд реализует заранее продуманный план лечения малыша от его навязчивой фобии, выраженной в страхе, что в комнату зайдет большая белая лошадь и откусит палец (палец – символ пипки малыша). Автор строит диалоги с позиции своего ненормального жизненного опыта, изменив лишь конструкцию предложений для Ганса, чтобы читатель принял его за пятилетнего ребенка. Но фактически в голове малыша происходят все те неестественные

метаморфозы, которые Фрейд рассказывал в своих книгах по психоанализу. Он и сам об этом говорит:

«В своих отношениях к отцу и матери Ганс самым ярким образом подтверждает всё то, что я в своих работах «Толкование сновидений» и «Три очерка по теории сексуальности» говорил о сексуальных отношениях детей и родителей. Он действительно маленький Эдип, который хотел бы «устранить» отца, чтобы остаться самому с красивой матерью, спать с ней».

Читатель может сам увидеть белые нитки, которыми сшито лоскутное одеяло фрейдовского «Анализа» и меня удивляет наивность современных психиатров, которые принимают данное сочинение за эмпирический факт, подтверждающий психоаналитическую теорию.

Фрейд разработал «теорию дефекации», но у него не было эмпирических данных, подтверждающих ее. В 1909 г. такие данные появились. Теперь все психоаналитики мира могли сослаться на диалоги Ганса с мудрым доктором, где показано, что маленький мальчик действительно воспринял кал за новорожденного, а сам процесс дефекации – за его роды. Фрейд спрашивает Ганса:

«Когда ты сидел на горшке и выходила кака, ты думал про себя, что у тебя появляется ребенок?» Ганс (смеясь): «Да, на улице и здесь». В другом месте Ганс говорит: «Перед обедом я со всеми своими детьми был в клозете. Сначала я делал кака и пипи, а они смотрели. Потом я их посадил, и уже они делали кака и пипи, а я им вытирал попы бумажкой. Знаешь, почему? Потому что мне очень хотелось бы иметь детей; я бы делал с ними всё, что делают с маленькими детьми: водил бы их в клозет, обмывал и подтирал их попы, – в общем, всё, что обычно делают с детьми». «После признания в этом желании, – комментирует автор, – вряд ли можно еще сомневаться в удовольствии, которое у Ганса связано с выделением экскрементов». Мальчик думал, «что маленькая Анна – «кака», все дети – «каки» и рождаются наподобие дефекации».

Самым поразительным моментом в теории дефекации является то, что к ней пришел не Фрейд-ученый, а ее создают сами дети по достижению возраста, когда они начинают только-только говорить. Фрейд уверяет, что «первая проблема, разрешение которой начинает пробуждать духовные силы ребенка» как раз и является «большая загадка, откуда появляются дети». Для Ганса рождение Анны послужило толчком к его мыслительной деятельности. Малыш оказался на удивление зрелым мужчиной; его мозг работал изобретательно, не по-детски критически и абстрактно, в частности, он смог провести параллель между рождением Анны матерью и «собственными ощущениями удовольствия при акте дефекации». Вот как об этом пишет сам Фрейд:

«Предложенное Гансу объяснение, что аист принес Анну, он отклонил. Все-таки он заметил, что у матери за несколько месяцев до рождения девочки сделался большой живот, что она потом лежала в постели, во время рождения девочки стонала, а затем встала похудевшей. Таким образом, он пришел к заключению, что Анна находилась в животе матери и затем вылезла из него как кал. Этот процесс в его представлении был связан с удовольствием, так как он опирался на прежние собственные ощущения удовольствия при акте дефекации, и поэтому с удвоенной мотивировкой мог желать иметь детей, чтобы их с удовольствием рожать, а потом... ухаживать за ними».

Психоаналитик вкладывает в голову малыша свои весьма узнаваемые мысли, которые, возможно, сначала появлялись у маленького Зиги, затем они переосмысливались взрослым Фрейдом в «Трех очерках по теории сексуальности», и, наконец, эти же мысли появляются в голове выдуманного персонажа по имени Ганс. Одна из задач, стоящих перед Гансом, – подтвердить справедливость существования эдипова комплекса. Кто б сомневался, что этот случайно выбранный из миллиона детей мальчуган только и жаждал отправить на тот свет своего родного папочку, чтобы жениться на мамочке. Мальчик высказывает «желание быть женатым на матери и иметь с ней много детей», однако своего папочку он не лишает жизни. Автор пишет: «чтобы умертвить отца, он делает его безвредным женитьбой на бабушке. С этой фантазией вполне справедливо заканчиваются болезнь и анализ». Таким образом, фрейдовская сказка, как и все сказки, имеет счастливый конец; одновременно она подтвердила самым убедительным путем главную идею психоанализа о наличии у детей комплекса Эдипа.

Эдипов комплекс – это исключительно сексуальный комплекс Фрейда; он наиболее адекватно отражает существо его натуры – сочетание жестокой ненависти и сексуальной любви.

Приведу отрывок из «Лекций по введению в психоанализ» разъяснения смысла эдипова комплекса, который, как сказал автор, обнаруживается «*при непосредственном наблюдении за ребенком в период выбора объекта до наступления латентного периода*», т.е. до пяти лет. Напомню, что эдипов комплекс, согласно теории детской сексуальности, сопровождается «самоэротизм» детей, проходящий четыре фазы развития: *оральную, анальную, фаллическую и нарцисстическую*.

Фрейд пишет:

«Легко заметить, что маленький мужчина один хочет обладать матерью, воспринимает присутствие отца как помеху, возмущается, когда тот позволяет нежности по отношению к матери, выражает свое удовольствие, если отец уезжает или отсутствует. Часто он выражает свои чувства словами, обещая матери жениться на ней... Станут возражать также, что поведение маленького мальчика имеет эгоистические мотивы и не позволяет предположить существование эротического комплекса. Мать заботится о всех нуждах ребенка, и поэтому ребенок заинтересован в том, чтобы она ни о ком другом не беспокоилась. И это верно, но скоро становится ясно, что эгоистический интерес в этой и подобной ситуациях является лишь поводом, которым пользуется эротическое стремление. Когда малыш проявляет самое неприкрытое сексуальное любопытство по отношению к матери, требуя, чтобы она брала его ночью спать с собой, просится присутствовать при ее туалете или даже предпринимает попытки соблазнить ее, как это часто может заметить и со смехом рассказать мать, то в этом, вне всякого сомнения, обнаруживается эротическая природа привязанности к матери. Нельзя также забывать, что такую же заботу мать проявляет к своей маленькой дочери, не достигая того же результата, и что отец достаточно часто соперничает с ней в заботе о мальчике, но ему не удается стать столь же значимым, как мать. Короче говоря, никакой критикой нельзя исключить из ситуации момент полового предпочтения. С точки зрения эгоистического интереса со стороны маленького мужчины, было бы лишь неразумно не пожелать иметь к своим услугам двух лиц вместо одного из них.

...Не забудем прибавить, что часто сами родители оказывают решающее влияние на пробуждение эдиповой установки у ребенка, следуя половому притяжению, и там, где несколько детей, отец самым явным образом отдает нежное предпочтение дочери, а мать, сыну. Но и этот момент не может серьезно поколебать независимую природу детского эдипова комплекса. Эдипов комплекс разрастается в семейный комплекс, когда появляются другие дети. Вновь опираясь на эгоистическое чувство, он мотивирует отрицательное отношение к появлению братьев и сестер и желание непременно устранить их. Об этих чувствах ненависти дети заявляют, как правило, даже гораздо чаще, чем о чувствах, имеющих своим источником родительский комплекс. Если такое желание исполняется и смерть быстро уносит нежелательного нового члена семьи [здесь нужно вспомнить о зависти Зигмунда к Юлиусу и скорая смерть последнего], то из анализа в более поздние годы можно узнать, каким важным переживанием был для ребенка этот случай смерти, хотя он мог и не сохраниться в памяти. Ребенок, отодвинутый рождением нового ребенка [в частности, Анны] на второй план, первое время почти изолированный от матери, с трудом прощает ей это свое положение; у него появляются чувства, которые у взрослого можно было бы назвать глубоким ожесточением, и часто они становятся причиной длительного отчуждения. Мы уже упоминали, что сексуальное исследование со всеми его последствиями обычно опирается на этот жизненный опыт ребенка. С подрастанием этих братьев и сестер установка к ним претерпевает самые значительные изменения. Мальчик может выбрать объектом любви сестру [Анну] как замену неверной матери [Амалии]; между несколькими братьями, ухаживающими за младшей сестренкой, уже в детской возникают ситуации враждебного соперничества, значимые для последующей жизни [Джон и Зигмунд «ухаживали» за Полиной и ссорились за ее обладание]. Маленькая девочка [Роза] находит в старшем брате [Зигмунде] замену отцу [Якобу], который больше не заботится о ней с нежностью, как в самые ранние годы, или же младшая сестра [Роза] заменяет ребенка, которого старшая сестра [Анна] хотела бы иметь от отца [Якоба].

Такие и другие подобного рода отношения открывают непосредственное наблюдение за детьми и изучение хорошо сохранившихся, не подвергнутых влиянию анализа воспоминаний детских лет. Из этого вы, между прочим, сделаете вывод, что возрастное положение ребенка среди братьев и сестер является чрезвычайно важным моментом для его последующей жизни, который нужно принимать во внимание во всякой биографии. Но, что еще важнее, благодаря этим сведениям, которые нетрудно получить, вы не без улыбки вспомните высказывания науки по поводу причин запрета инцеста. Чего тут только не придумали! Что вследствие совместной жизни в детстве половое влечение не должно направляться на членов семьи другого пола или что во избежание вырождения биологическая тенденция должна найти свое психическое выражение во враждебном отвращении к инцесту! При этом совершенно забывают, что в таком неумолимом запрете законом и обычаями не было бы необходимости, если бы против инцестуозного искушения существовали какие-либо надежные естественные ограничения. Истина как раз в противоположном. Первый выбор объекта у людей всегда инцестуозный, у мужчины – направленный на мать и сестру, и требуются самые

строгие запреты, чтобы не дать проявиться этой продолжающей оказывать свое действие детской склонности».

Свое сексуальное отношение к матери и сестре Фрейд принял за всеобщий человеческий закон. В качестве объективных эмпирических данных он стал выдавать свои смутные воспоминания о событиях собственного детства. В квадратных скобках процитированного текста я расставил имена его ближайших родственников, которых, вероятно, он имел в виду, когда писал «Лекции по введению в психоанализ».

В «Толковании сновидений» Фрейд пересказывает трагедию Софокла «Царь Эдип». Считается, что моду на это древнегреческое произведение открыл поэт Дж. Дж. Давид. Европа переживала эпоху символизма в поэзии и изобразительном искусстве; мифологические сюжеты стали очень популярны. Фрейд также решил поэксплуатировать образ царя Эдипа, которому оракул пророчествовал убить отца Полиба, чтобы жениться на своей матери Иокасте. Чтобы Фивы не поразила эпидемия чумы, Эдип ослепил себя и в сопровождении своей дочери Антигоны отправился в изгнание. Антигоной Фрейд называл свою младшую дочь Анну, которая продолжила дело отца. Эдиповым комплексом он назвал инфантильную агрессию, которую особенно сильно испытывают дети при прохождении так называемой анально-садистской фазы. Утверждать, что дети в возрасте 2–4 лет из чувства ревности желают убить отца, чтобы не допустить его в постель к горячо любимой матери, является совершеннейшим вздором, даже если эти детские переживания трактовать в условно-символическом значении. Уже говорилось, что внутренний мир ребенка Фрейду был непонятен. Однако поэты, художники и писатели с шизотимической организацией психики в эпоху процветания символизма заговорили об эдиповом комплексе как о некоем душевном состоянии, испытываемом ими самими. И, вообще, венский психоаналитик получил первое громкое признание не от коллег, а от людей искусства, которые увидели в его фантазмагорических теориях сюжеты для своих столь же сюрреалистических произведений.

Фрейд также уверял, что маленький мальчик из-за эгоистической любви к матери хочет расправиться со своими братьями и сестрами. Об этом он говорил столь часто, что начинаешь задумываться, а не был ли он причастен к смерти своего брата Юлиуса. Его гибель окутана тайной, а молоденькая мать вполне могла проявить беспечность, повлекшую трагические последствия. Зигмунд по природе всегда был жесток и бессердечен; в детстве эти агрессивные наклонности проявляются особенно ярко. Поэтому его неосторожное импульсивное поведение могло явиться причиной смерти восьмимесячного брата. В «Лекциях по введению в психоанализ» он писал:

«Если у ребенка имеются... мотивы желать отсутствия другого ребенка, то ничто не препятствует ему облекать это желание в форму желания смерти: психическая реакция на такие сновидения о смерти показывает, что, несмотря на всё различие, по существу, желание ребенка всё же сходно с тем же желанием взрослого. Но если желание ребенка, чтобы умерли его братья и сестры, можно объяснить его эгоизмом, благодаря которому он смотрит на своих братьев и сестер как на соперников, то каким образом объяснить желание смерти родителей, которые являются для ребенка источником любви и исполнителями его капризов и потребностей и долговечности которых он должен был бы желать именно по эгоистическим мотивам?»

Автор пытается убедить читателя, что в основе «желания смерти родителей», которое часто возникает в сновидениях, также лежат «сексуальные желания» и продолжает:

«Сексуальные желания ребенка проявляются очень часто – поскольку они, конечно, в этом зачаточном состоянии имеют право носить название сексуальных – и что первая склонность девочки направляется на отца, а первая склонность мальчика – на мать. Отец, таким образом, становится для сына, а мать для дочери соперниками, а как мало нужно для того, чтобы у ребенка это ощущение вылилось в желание смерти, мы уже видели относительно аналогичных желаний по отношению к братьям и сестрам. Выбор сексуального объекта находит свое выражение обычно уже по отношению к родителям; естественное предрасположение устраивает так, что отец балует дочь, а мать сыновей, в то время как оба они там, где влияние их пола не омрачает чистоты их суждения, с одинаковой строгостью относятся к воспитанию детей. Ребенок замечает предпочтение и восстает против того из родителей, который противится такому баловству. Найти любовь у взрослых является для него не только удовлетворением особой потребности, но означает и то, что его воля получает удовлетворение и во всех других отношениях. Таким образом, ребенок следует собственному

сексуальному влечению и обновляет одновременно исходящее от родителей побуждение, если его выбор между родителями совпадает с выбором этих последних.

...Одна способная, очень живая девочка восьми лет, обнаружившая особенно ярко признаки этой черты детской психологии, говорит даже прямо: «Пусть мамочка умрет, папочка женится на мне, я буду его женой». В детской жизни желание это отнюдь не исключает того, что ребенок нежно любит свою мать. Если маленький мальчик может спать с матерью, как только отец уезжает, а после его возвращения должен вернуться в детскую к няньке, которая нравится ему гораздо меньше, то у него очень легко может возникнуть желание, чтобы отец постоянно находился в отсутствии и чтобы он сам сохранил бы свое место у дорогой, милой мамы. Одним из средств для достижения этого желания является, очевидно, то, чтобы отец умер, потому что ребенок знает: «мертвых», как, например, дедушки, никогда нет, они никогда не приходят».

Не спрашивайте, где Фрейд находит таких детей, которые мечтают увидеть своих родителей в гробу. Он сам был именно таким ребенком, а потом и взрослым, который только и думал о смерти своей и чужой. Такова участь всех шизотимических натур, постоянно страшящихся смерти и по закону амбивалентности психики неумолимо стремящихся к ней. Фрейд не умер своей смертью, а попросил своего домашнего врача, Макса Шура – лжетолкователя сна об инъекции Ирме, умертвить себя, когда испытывал страдания от рака челюсти. Итальянский историк Лучано Мекаччи в своей книге «Случай Мэрилин М. и другие провалы психоанализа» собрал богатейший материал по проблеме смерти, которая постоянно присутствовала в сочинениях Фрейда. Он привел длинный список психоаналитиков, закончивших жизнь самоубийством.

Последнюю главу «В чем причина стольких самоубийств?» он начал так: «*В различных вариантах биографии Фрейда часто задается вопрос: почему в работах родоначальника психоанализа постоянно присутствуют темы депрессии и смерти?*» Далее автор касается событий первой мировой войны, которая, однако, ничего объяснить не может, так как действует на всех людей одинаково. Следовательно, психоаналитики обладали своим собственным смертоносным геном. Он высказал также ту точку зрения, что «*жизни психоаналитиков переплетались с жизнями их пациентов*»; психоаналитики «*не обладали достаточной силой духа, чтобы выдержать трудности*» общения с пациентами. Еще говорилось, что «*ненадежность теоретической и терапевтической базы психоанализа отрицательно сказалась на психической жизни его последователей*»; будто «*ограниченность психоанализа вызвана слабостью аналитиков, неспособных управлять собственной психикой*».

На это надо сказать: психотерапевты, не признающие психоанализ, тоже тесно связывают свою жизнь с жизнью своих пациентов, но они не заканчивают свою жизнь самоубийством. Многие психотерапевтические теории достаточно слабы, однако это еще не повод их создателям или приверженцам накладывать на себя руки. В общем, Мекаччи не смог ответить на поставленный им же вопрос. Между тем, ответ хорошо известен: шизофреники и люди с шизотимической психикой склонны к суициду и депрессиям, связанным с мыслями о смерти. В силу расщепленности психики, шизотимик способен убить себя, поскольку он склонен воспринимать свое Я, как нечто чужое и малоценное для себя. Шизотимик легко утрачивает свой «смысл жизни», приобретают чувство, которое выражается словами: «пора», «хватит, пожил», «зачем мучиться, если существуют безболезненные способы ухода из жизни». Для циклотимика эти слова кажутся абсурдными: он живет ради жизни, и будет сопротивляться смерти, пока в нем сохраняется жизнь. Шизотимики такое «цепляние за жизнь» презирают и видят в «своевременном» уходе из нее особый шик.

Книга Мекаччи рассказывает не столько о врачах-психоаналитиках, сколько о пациентах. Так вот оказалось, что среди пациентов врачей-психоаналитиков чрезвычайно высок процент добровольного ухода из жизни. Шизотимические пациенты ищут и находят таких же шизотимических врачей. Часто «проанализированные» пациенты начинают сами практиковать психоанализ. Мекаччи построил несколько крупных «созвездий» из пациентов и врачей-психоаналитиков, однозначно доказывающих, что врачи-психоаналитики столь же ненормальные люди, как и их пациенты. И это не удивительно, поскольку в психоаналитическую теорию могут поверить только те, у кого не все в порядке с психикой.

26. Придуманные теории

«Анализ фобии пятилетнего мальчика» состоит из двух частей – диалогов и комментария к ним. Я думаю, что автор сначала написал комментарий, т.е. некие разъяснения того, как должен протекать психотерапевтический процесс, а потом диалоги, иллюстрирующие придуманный автором процесс.

По замыслу автора мальчику в возрасте 3,5 года самое время задуматься о том, как устроен мир. Этот интерес, решил автор, должен начаться с пипки мальчика. «А что это у меня здесь между ногами растет?» – спрашивает Ганс. И надо же случиться такому счастливому совпадению, как только сын озадачился этим сакраментальным вопросом, тут же отец изъявил желание фиксировать хронику ответа на него в течение полутора лет. Он как в воду глядел, что сына постигнет тяжелейший невроз и надо будет для науки оставить подробнейший отчет того, как всё начиналось и чем закончилось. Когда драматические дни остались позади, отец перестал фиксировать поступки и разговоры сына. Он был уверен, что дальше с сыном ничего не случится.

Более того, сын в процессе расспросов отца тоже проявлял трогательное беспокойство за судьбу психиатрии. Например, есть чудное место в анализе Фрейда, где Ганс мечтает, чтобы мама уронила его сестру Анну в воду и та, захлебнувшись, умерла. Отец спрашивает его:

«И ты остался бы тогда один с мамой. А хороший мальчик этого все-таки не желает». Ганс: «Но думать ему можно». Отец укоризненно повторяет: «А ведь это нехорошо». И тогда Ганс вспоминает о большой науке: «Когда об этом он думает, это все-таки хорошо, потому что тогда можно написать об этом профессору».

В этом месте чтения протокола, написанного якобы отцом, профессор расчувствовался: *«Славный маленький Ганс! Я даже у взрослых не желал бы для себя лучшего понимания психоанализа».*

Логика Фрейда состояла в следующем: мальчик Ганс думал, что пипка нужна ему для писания, однако известно еще одно назначение этого органа. И вот автор набросал сценарий того, как могло бы происходить открытие мальчиком этой важнейшей функции. Он подвергает малыша тяжелым испытаниям. Бедный Ганс смертельно обижается на мать, которая спит с его отцом, из-за ревности он хочет убить своего папашу и новорожденную сестренку, у него появляется боязнь лошадей, но вот приходит доктор Фрейд и снимает все познавательные проблемы мальчика.

Вместо того, чтобы писать скучным академическим языком научную статью, психоаналитик решает сочинить захватывающий роман, как «мальчик ищет случай видеть пипки других людей», как «ему нравится показывать свои половые органы», как «одна из его маленьких подруг помогла ему при мочеиспускании и, таким образом, могла видеть его половой орган», как «его желание оставалось невытесненным», как ему удалось найти «активные формы сексуального удовлетворения». И вот уже миллионы людей по всему миру утирая глаза, влажные от слез, читают выдающийся труд австрийского психоаналитика. «Анализ фобии пятилетнего мальчика» становится эталоном проведения психотерапевтических мероприятий. Профессора и академики европейских и американских университетов и психиатрических колледжей разбирают день за днем события, пережитые Гансом. Они конспектируют работу Фрейда, проводят по ней десятки семинаров, сдают экзамены по истории болезни мальчика, поскольку гениальному автору удалось не просто зафиксировать уникальный случай, а на практике собственноручно провести сложнейшую процедуру лечения опасного невроза.

Малыш четко следует логике открытия мира, как это задумал автор.

«Ганс заметил, – *комментирует Фрейд*, – что большие животные имеют половой орган намного больше, чем у него; поэтому он предполагает подобное же соотношение и для своих родителей и ему хотелось бы убедиться в этом. У мамы, думает он, наверное, такая же пипка «как у лошади». Таким образом, у него уже готово утешение, что его пипка будет расти вместе с ним; возникает впечатление, что желание ребенка быть большим он проецирует только на половые органы».

По ходу открытия мира – почему-то только сексуального – Фрейд разъясняет свое видение проблемы гомосексуализма, благо «наш маленький эротик» как раз к этому склонен. *«Ганс гомосексуалист, – пишет Фрейд, – как и все дети, соответственно тому, что он знает только один вид половых органов, такой, какой у него».* Гомосексуалист Фрейд считает:

«Нет никакого основания допускать существования особого гомосексуального влечения. Гомосексуализм вырабатывается не вследствие особенности влечения, а в выборе объекта. Я могу сослаться на указание, которое я сделал в «Трех очерках по теории сексуальности», что мы ошибочно принимаем сосуществование влечения и объекта за глубокую связь между ними. Гомосексуалист со своими, быть может, нормальными влечениями не может расстаться со своим объектом, выбранным им благодаря известному условию».

Фрейд никак не хочет признавать различия между гетеро- и гомосексуалистом на физиологическом уровне и пытается объяснить их различными психологическими установками. Почему Ганс гомосексуалист? Да по очень простой причине: он думает, что все пипки – и у девочек, и у мальчиков – устроены одинаково. Как только он разобрался в пипках девочек, говорит Фрейд, он тут же стал развиваться

«не к гомосексуальности, а к энергичной полигамически проявляющейся мужественности, в которой он в зависимости от меняющихся женских объектов знает, как действовать: в одном случае он решительно наступает, в других он страстно и стыдливо тоскует. В период, когда других объектов в любви нет, его склонность возвращается к матери (от которой он уходит к другим), чтобы здесь потерпеть крушение в форме невроза».

Оказывается дело в объекте, о котором человек либо что-то знает, либо не знает ничего, а вовсе не в его внутреннем влечении, т.е. физиологии. Тот, кто имеет половую связь только с мужчинами, он просто не знает, как хорошо делать то же самое с женщиной, а тот, кто спит только с женщинами, просто забыл, что этим же делом можно заниматься и с мужчинами. Поэтому бисексуалы – самые просвещенные люди, они знают и ценят пипки как женские, так и мужские. Если объект вожделения отсутствует, как это часто случалось с Гансом, можно использовать маму, сестру, няню. По-видимому, нет ничего удивительного в том, что сексуальными объектами могут стать животные и трупы. Прелесть, а не теория!

Педагог Фрейд считает, что все проблемы с неврозом возникли у Ганса от его незнания сексуальных объектов, в частности, женских и мужских пипок. Его родителю многое запрещали и не объясняли. Эх, сокрушается Фрейд:

«Если бы я мог сам всё устроить по-своему, я решил бы дать мальчику еще одно разъяснение, которого родители не сделали. Я подтвердил бы его настойчивые предчувствия, рассказав ему о существовании влагалища и коитуса, и таким образом еще больше уменьшил бы неразрешенный остаток и положил бы конец его стремлению к задаванию вопросов. Я убежден, что вследствие этих разъяснений не пострадала бы ни его любовь к матери, ни его детский характер, и он понял бы, что с занятиями этими важными, даже импозантными вещами нужно подождать, пока не исполнится его желание стать большим. Но педагогический эксперимент не зашел так далеко».

В «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд говорит, что нет ничего противоземного в сосании мужского члена женщиной. «Анализ фобии пятилетнего мальчика» как раз и начинается с диалога, в котором данная позиция венского специалиста получает эмпирическое подтверждение. В коровнике Ганс видит, как кто-то доит корову.

«Смотри, – *говорит он*, – из пипки течет молоко». Фрейд комментирует: «Уже эти первые наблюдения позволяют ожидать, что многое, если не большая часть из того, что проявляет маленький Ганс, окажется типичным для сексуального развития ребенка. Я уже однажды указывал, что не нужно приходить в ужас, когда находишь у женщины представление о сосании полового члена. Это непристойное побуждение довольно безобидно по своему происхождению, так как представление о сосании связано в нем с материнской грудью, причем вымя коровы выступает здесь опосредствующим звеном, ибо по природе это – грудная железа, а по виду и положению своему – пенис. Открытие маленького Ганса подтверждает последнюю часть моего предположения. В то же время его интерес к пипке не исключительно теоретический. Как можно предполагать, у него также имеется стремление прикасаться к своему половому органу. В возрасте 3,5 года мать застала его держащим руку на пенисе. Мать грозит ему: «Если ты это будешь делать, я позову д-ра А., и он отрежет тебе твою пипку. Чем же ты тогда будешь делать пипи?» Ганс: «Моей попой». Тут он отвечает еще без сознания вины, но приобретает при этом «кастрационный комплекс», который так часто можно найти при анализе невротиков, в то время как они все протестуют против этого».

Итак, мы видим, как из шутливой фразы, сказанной мамой, которую она потом, видимо, напомнила сыну, когда тот стал взрослее, Фрейд вывел наличие у всех детей кастрационного комплекса. Основатель психоанализа об этом комплексе говорил постоянно, однако кроме этого случая с Гансом у него не было доказательств, что хоть один мальчик когда-нибудь в жизни переживал за свою пипку. В «Крушении эдипова комплекса» (1924) Фрейд пишет:

«Если ребенок (мужского пола) заинтересовался своими гениталиями, то он проявляет это также и путем многократных манипуляций над ними и узнает затем, что взрослые не согласны с этими его действиями. Более или менее отчетливо, более или менее грубо высказывается угроза, что его лишат этой столь высоко ценимой им части. В большинстве случаев угроза кастрации исходит от женщин, часто они пытаются подкрепить свой авторитет тем, что они ссылаются на отца или на доктора, который осуществит это наказание согласно их заявлению. В целом ряде случаев женщины предпринимают символическое смягчение этой угрозы, заявляя о том, что будут наказаны не пассивные собственно гениталии, а активно грешащая рука. Особенно часто случается, что ребенок подвергается угрозе кастрации не потому, что он играет своим пенисом при помощи руки, а за то, что он каждую ночь мочит свою постель и ведет себя неопрятно. Воспитатели ведут себя так, как если бы ночное недержание мочи являлось следствием и доказательством слишком усердного манипулирования над пенисом, и в этом они, конечно, правы. Во всяком случае длительное недержание мочи по ночам равнозначно поллюции взрослого и является выражением того же генитального возбуждения, которое вынуждает в это время ребенка к мастурбации.

Мы утверждаем, что фаллическая генитальная организация ребенка гибнет от этой угрозы кастрации. Конечно, гибнет тотчас и не бесследно, так как ребенок прежде всего не придает веры этой угрозе и не становится послушным. Психоанализ придал новую ценность двоякого рода событиям, которые не отсутствуют ни у одного ребенка и которые должны подготовить его к утрате высоко оцениваемых им частей тела; это – первоначально временное, а впоследствии окончательное отнятие от материнской груди и ежедневно совершаемое выделение содержимого кишечника. Однако нельзя заметить, чтобы эти события были приведены в связь с угрозой кастрации. Лишь после того, как будет сделано новое наблюдение, ребенок начинает считаться с возможностью кастрации, но он делает это медленно, неохотно и не без стремления приуменьшить значение собственного наблюдения. Этим наблюдением, разрушающим, наконец, неверие ребенка, являются женские гениталии. Гордый обладанием пениса ребенок получает когда-нибудь возможность увидеть генитальную область маленькой девочки и убеждается в отсутствии пениса у столь подобного ему существа. Этим самым для него становится возможным представить себе утрату и своего собственного пениса; угроза кастрации начинает оказывать свое запоздалое действие».

Фобия Ганса заключалась в боязни большой белой лошади, которая грозила ему укусить. Фрейду путем наводящих вопросов удалось выяснить: в образе лошади Гансу из подсознания являлся отец.

«С этого времени, – пишет Фрейд, – мы перешагнули через высшую точку болезни, материал начал притекать в изобилии, маленький пациент обнаруживал мужество сообщать отдельные подробности своей фобии и вскоре самостоятельно принял участие в ходе анализа».

Фрейд подробно описывает «историю болезни и анализ» Ганса. Оказалось, что болезнь в основном связана с мастурбацией. Мать спрашивает сына: «Ты, может, трогаешь рукой пипку?» На это он отвечает: «Да, каждый вечер, когда я в кровати». В следующий день, 9 января, его перед послеобеденным сном предупреждают не трогать рукой пипку. После пробуждения он на соответствующий вопрос отвечает, что он все-таки на короткое время клал туда руку». Аналитик констатирует напряжение и страх: Гансу хочется трогать пипку, а мать запрещает ему это делать. Кроме того, у него появляется желание спать с мамой. Фрейд разъясняет, что «на него вечером нападает страх потому, что его перед тем, как лечь в постель, с особенной силой охватывает либидо, объектом которого является мать, а цель – переспать с матерью».

«Мудрый» доктор вместе с отцом придумали план по избавлению бедного Ганса от его фобии.

«Я, – пишет Фрейд, – условливаюсь с отцом, чтобы тот сказал мальчику, что история с лошадью – это глупость и больше ничего. На самом деле он болен оттого, что слишком нежен с матерью и хочет, чтобы она брала его к себе в кровать. Он теперь боится лошадей потому, что его так заинтересовала пипка лошади. Он сам заметил, что неправильно так сильно интересоваться пипкой, даже своей собственной, и это совершенно верно. Далее я предложил отцу взяться за сексуальное просвещение Ганса. Так как мы из записей отца знаем, что либидо Ганса связано с

желанием видеть пипку матери, то нужно отвлечь его от этой цели, сообщив ему, что у матери и у всех других женщин, как это он уже видел у Анны, пипки вообще нет. Последнее объяснение следует дать при удобном случае, после какого-нибудь вопроса со стороны Ганса».

Этот умный план был реализован.

«По дороге, – пишет Фрейд-отец, – я объясняю ему, что у его сестры нет такой пипки, как у него. Девочки и женщины не имеют совсем пипок. У мамы нет, у Анны нет и т.д.» «Разъяснение, которое Ганс недавно получил об отсутствии пипки у женщин, – размышляет Фрейд, – могло только поколебать его доверие к себе и пробудить кастрационный комплекс. Поэтому он и протестовал против него, и поэтому не получилось лечебного эффекта от этого сообщения: раз действительно имеются живые существа, у которых нет никакой пипки, тогда уже нет ничего невероятного в том, что у него могут отнять пипку и, таким образом, сделают его женщиной».

Здесь, как и во многих других случаях, Фрейд заставляет Ганса рассуждать по-взрослому. Наблюдая за игрой Ганса, Фрейд догадался, что тот знает тайну рождения детей.

«Он втыкает в круглое отверстие резиновой куклы маленький ножичек, – пишет Фрейд, – ...причем он отрывает ноги кукле, раздвигая их в стороны. Последовавшее за этим разъяснение родителей, что дети действительно вырастают в чреве матери и выходят оттуда, как каловые массы при испражнении, оказывается запоздавшим; оно ему уже ничего нового сказать не может. При помощи другого как бы случайно последовавшего симптоматического поступка он допускает, что желал смерти отца: он опрокидывает лошадь, с которой играл, в тот момент, когда отец говорил об этом желании смерти. На словах же он подтверждает, что тяжело нагруженные возы представляют для него беременность матери, а процесс падение лошади – процесс родов».

Если маленького Ганса по-настоящему что-то и интересовало, то это только вопросы, связанные с сексом. Вместе с новым знанием у него просыпаются сексуальные чувства. Он просит маму, чтобы она не стеснялась трогать его пипку, когда вытирает его после купания. Отец замечает, что

«процесс, когда Гансу расстегивают штанишки и вынимают его пенис, окрашен для него приятным чувством. Во время прогулок эту помощь Гансу оказывает отец, что и дает повод фиксировать гомосексуальную склонность к отцу. Два дня назад он, как я уже сообщал, спрашивал мать, почему она не прикасается к его пенису пальцами». Малыш Ганс не отходит от Анны, когда ее купает мама. Его забавляет ее пипка; он начинает смеяться. Когда мать спрашивает, над чем он смеется, Ганс отвечает: «Я смеюсь над пипкой у Анны... Потому что ее пипка такая красивая».

Таким образом, мы видим, как неудержимо тянуло маленького Ганса к маме и Анне, точнее, к их пипкам. Можно не сомневаться, что любознательному и упорному юному ученому удалось исследовать строение женских гениталий. Сексуальный вопрос постоянно будоражил нездоровое воображение Фрейда. Известный факт биографии: из любопытства маленький Зиги проник в спальню родителей и разгневанный отец выгнал его прочь. Все свидетельства ранней молодости он уничтожил, но то, что известно, так или иначе связано с сексуальной тематикой.

Верно, что Клаус интересовался проблемами гермафродизма у животных, но не Клаус нашел Фрейда, а Фрейд нашел Клауса, потому что тот занимался интересующей его темой. Фрейд никогда не занимался работой, которая его не интересовала. Быть может, преподаватель предлагал студенту на выбор несколько тем, но студент выбрал ту, которая была максимально связана с пипками животных. Не преподаватель подбирал студенту Фрейду тему угрей, а студент сам задался вопросом: «Как же эти черти размножаются, если у них нет пипок?» Пикантная подробность: половые органы мужской особи угря становятся заметными только в период спаривания, однако в состоянии полового возбуждения угря сложнее выловить. Таким образом, научное исследование студента превратилось в азартную охоту за сексуально озабоченными самцами. Могу представить радость студента, когда ему попался угорь с возбужденной пипкой: «Ага, гад, захотел любви!»

Студент Зигмунд Фрейд дважды побывал в Триесте, на прекрасном побережье Адриатического моря с научной миссией. Много позже, в 1919 г., он рассказывал в очерке под названием «Зловещее» о своих впечатлениях от этих научных командировок. В нем он писал, что однажды в Триесте он оказался в районе небольших публичных домиков, из окон которых высовывались размалеванные проститутки, заманивая к себе посетителей. Фрейд хотел было уйти подальше от

греха, но какая-то *vis divina* (*непреодолимая сила*) держала и влекла его к проституткам, так что, пишет Фрейд, *«мое присутствие уже начало привлекать к себе их внимание»*. Это «зловещая» или «сверхъестественная» сила, попросту именуемая похотливостью, искушала бедного студента полдня. Об угрях он, конечно, забыл, но и к проституткам пойти не осмелился (так он, по крайней мере, написал). Известно также, что в 1898 г. на празднование дня Пасхи Фрейд вместе со своим братом Александром посетил Италию, где в Аквиле рассматривал статую Приапа в форме каменного фаллоса необыкновенно больших размеров. Потом в письме к Флиссу он восторженно писал, что эта статуя *«символизировала вечную эрекцию, исполнение желаний, представлявшее противоположность психологической импотенции»*.

Ну, скажите, какой нормальный человек будет этим любоваться, восхищаться, запоминать, а потом еще делиться впечатлениями со своим другом? Только параноик, свихнувшийся на сексуальной почве, станет смаковать подобные вещи. Во время экскурсии братья посетили какую-то пещеру со сталактитами, торчащими как фаллосы. Всё это образно отпечталось в воображении Фрейда. Запомнился ему и ответ экскурсовода, который на вопрос Александра, насколько глубоко можно углубиться внутрь пещеры, пошло пошутил: «Это как с девушкой – чем глубже проникаешь в нее, тем приятнее». Шутка понравилась психоаналитику, и он передал ее содержание своему другу, Флиссу. В «Толковании сновидений» автор рассказывает множество сексуальных снов, связанных с Италией. Трудно догадаться, что конкретно происходило с ним в этой стране, одно бесспорно, там он испытал наслаждение, которое Марта не могла ему дать.

27. Сравнительная анатомия

В голове Фрейда с самого детства сидел Приап – не небесный Эрос – Бог Любви, а именно похотливое божество, которое определило все его думы и деяния. Учитывая прямолинейность мышления Фрейда, легко догадаться, что целая серия поздних работ, где раскрывается существо эдипова комплекса, была написана под ранними впечатлениями, полученными им еще в детстве. Возьмите, например, его глубокомысленное сочинение под названием «Некоторые психические последствия анатомического различия между полами» (1925) и внимательно вчитайтесь в текст. По Фрейду, различие в уровнях нравственности мужчин и женщин проистекает из анатомического различия полов, которое проявляется в раннем детстве и влияет на формирование области *Сверх-Я*.

Начинается с того, что маленькая девочка, пишет он, *«случайно обнаруживает большой, легко заметный пенис у брата или сверстника, распознает его как преувеличенный аналог своего собственного маленького и скрытого органа (клитора), и ею овладевает зависть к пенису»*. У мальчиков возникает другая реакция к девочке: *«боязнь изуродованного существа или презрение к нему, вызванное чувством превосходства»*. Девочка же, пишет этот знаток детской души, увидев пенис мальчика, непременно хочет приобрести его.

«Надежда получить все-таки когда-нибудь пенис и стать, таким образом, равной мужчине может сохраниться в течение долгого времени и стать мотивом для странных, иногда непонятных поступков. Или начинается процесс, который я назвал бы отрицанием. Процесс этот выступает в детской душевной жизни нередко и, по-видимому, не таит в себе опасностей; у взрослого он знаменовал бы собой психоз. Девочка отказывается признать факт своей кастрации, твердо убеждена в том, что она обладает пенисом и вследствие этого вынуждена вести себя так, как если бы она была мужчиной.

Психические последствия зависти к пенису разнообразны и многозначительны, – продолжает Фрейд, – поскольку они не растворяются в образовании комплекса мужественности. С признанием своей нарциссической раны у женщины возникает – словно рубец – чувство малоценности. После того, как она преодолевает первую попытку объяснить отсутствие у нее пениса понесенным ею личным наказанием и узнает об общераспространенности этого характерного полового признака, она начинает разделять пренебрежение мужчины к полу, имеющему дефект в столь важной части организма, и продолжает, по крайней мере, в этой оценке приравнять себя к мужчине. Даже в том случае, если она не испытывает зависти к пенису в отношении к себе самой, зависть эта не исчезает: с помощью небольшого перенесения она получает свое выражение в характерной черте ревности».

Фрейду было около 70 лет, когда он писал эти строки, но мы узнаем характерный взгляд на мир, который сложился у этого писателя еще в далеком детстве. Мироззрение сформировалось

у маленького Зиги, возможно, под влиянием взглядов его первого учителя – сводного брата Филиппа. Он-то и рассказал своему братику о различиях в устройстве пипок у девочек и мальчиков. Многое, о чем говорит 70-летний Фрейд, рассказывалось им и в 50, и в 40 лет. Основоположник психоанализа неустанно теоретизировал по поводу пениса мальчика, клитора девочки, «онанистических фантазий» и придуманного теоретиком словосочетания «ребенка бьют», где под «ребенком» подразумевался всё тот же клитор, а под словом «бьют» – мастурбация.

Эти странные темы тесно перекликались с темами, о которых шла речь в «Анализе фобии пятилетнего мальчика». Отец спрашивал Ганса:

«Кого, собственно, тебе хотелось бы ударить – маму, Анну или меня?» – «Маму», – отвечает Ганс. – «Почему?» – «Вот ее я хотел бы побить». – «Когда же ты видел, что кто-нибудь бьет маму?» – Я этого еще никогда не видел в своей жизни». – «И ты все-таки хотел бы это сделать? Как бы ты это хотел сделать?» – «Выбивалкой».

Тему избияния Фрейд часто поднимал в связи с вопросом садизма и мазохизма, имеющего отношению к сексу. Все дети, по мнению психоаналитика, наблюдая за половым актом своих родителей, думают, что папа избивает маму. Ему кажется, что Ганс должен на бессознательном уровне желать *побить* мать, т.е. совершить вместе с ней половой акт, как это делает папа. Тема совокупления плавно переходит в тему садизма и жестокости, мотивированные уже эдиповом и кастрационным комплексами. Всё это валится в одну кучу и преломляется через полусознательный лепет Ганса.

«Мама часто грозит ему побить его выбивалкой», – разъясняет аналитик, причем желание как следует отколотить маму, возникает не только у мальчиков, но и у девочек. Об этом великом открытии Фрейд заявил спустя 15 лет. Много лет он размышлял над тем, откуда возникает ненависть девочек к матерям – а она ведь существует. И вот, наконец, он догадался. Если девочки начинают завидовать мальчикам из-за наличия у них прекрасных пипок, то это автоматически приводит к «ослаблению нежного отношения к матери», так как девочка догадывается, кто является причиной ее несчастья, кто лишил ее замечательного инструмента для совершения полового акта. Мать – виновница их несчастья, она родила неполноценного ребенка. Фрейд пишет: *у девочки «вскоре после обнаружения дефекта в гениталиях возникает ревность в отношении к другому ребенку, который якобы больше любим матерью».*

Фрейд ничуть не меняется: та же прямолинейность, что и в работе «Анализ фобии пятилетнего мальчика». Он по-прежнему уверен, что *«поразительное влияние зависти к пенису или открытие малоценности клитора является, разумеется, самым важным»* доводом, указывающим на превосходство мужской сексуальности над женской. В этом его убеждает и тот непреложный факт, *«что женщина, в общем, хуже переносит мастурбацию, нежели мужчина, чаще борется с ней и не прибегает к ней тогда, когда мужчина при тех же самых условиях, безусловно, пользуется этим средством».* Отсюда естественным образом вытекает, что

«мастурбация более чужда природе женщины, и для разрешения этой предполагаемой проблемы следует принять во внимание, что по крайней мере мастурбация, связанная с клитором, является мужской прерогативой и что условием для развития женственности является устранение сексуальности, связанной с клитором. Анализ фаллической фазы показал мне, – пишет Фрейд, – что вскоре после проявления зависти к пенису у девочки наступает энергичное сопротивление против онанизма, которое не может быть объяснено одним только влиянием воспитания».

Он указывает на анатомическое различие половых органов.

Я хочу напомнить, что речь идет о детях пяти и меньше лет. Откуда четырехлетнему мальчику знать о клиторе девочек? Неужели все мальчики исследуют строение пипок девочек? Почему Фрейд решил, что «мастурбация, связанная с клитором, является мужской прерогативой». Мне кажется, что весь этот гиперсексуальный бред психоаналитик вынес из своего детства, где его окружали гиперсексуальные родители и гиперсексуальные родственники. Я уверен, что сестра Ганса – это его собственная сестра Анна, у которой он досконально изучил строение пипки.

Когда психоаналитики говорят о «честности» и «прямоте» научного подхода Фрейда, по-видимому, имеют в виду эту его циничную манеру выражать свой неприкрытый мужской шовинизм. Прочитав работу 1925 г., его поклонники могут еще указать на предельный

«рационализм» и «здравомыслие» автора. Но фактически он приписал свой пошлый рационализм невинным малюткам, заставляя их сравнивать клитор и пенис, с ужасом думать о кастрации и прочих извращениях больного воображения автора. Я уже говорил, Фрейд не выносил детского плача и грязных пеленок, поэтому практически не общался с детьми, включая своих собственных. Вряд ли он разговаривал с Гансом (Гербертом Графом); наверняка, диалоги, приведенные в «Анализе фобии пятилетнего мальчика», автор придумал под впечатлением своего детства. Альфред Адлер, посвятивший изучению и воспитанию детей неизмеримо больше времени, чем Фрейд, не принял его теорию детской сексуальности, почувствовав, видимо, аморальность автора.

Излишен также вопрос, откуда Фрейду известно, что все девочки хотят иметь пенис мальчиков. Это – данность его нездорового воображения. Тем не менее он считает нужным оправдаться: вывод о зависти девочек к пенису мальчиков надо еще проверять да проверять, но автору некогда проводить наблюдения, надо спешить, так как ему осталось недолго плодотворно работать.

«Мое время ограничено, – пишет Фрейд, – я не могу больше использовать его целиком для работы, следовательно, у меня нет уже столь благоприятных условий для обогащения своего опыта. Если я предполагаю, что я открыл нечто новое, то у меня нет уверенности в том, что я смогу дожидаться подтверждения его [в опыте?]. Всё, что находилось на поверхности, уже исчерпано, остальное должно быть добыто с помощью медленных усилий из глубины. Наконец, я больше не один: группа усердных сподвижников готова использовать даже незаконченные, недостаточно обоснованные знания, и я могу оставить им ту часть работы, о которой я в противном случае должен был бы позаботиться сам. Итак, я чувствую себя вправе сообщить на этот раз нечто такое, что настойчиво требует проверки, прежде чем будет признана его ценность или бесполезность».

Таким образом, Фрейд не скрывал, что все выше перечисленные выводы о зависти к пенису и малоценности клитора не опираются на наблюдения, а являются плодом его гениального прозрения и умозаключения. Разумеется, обыватели поверили в величайшую прозорливость ума Фрейда, тем более, что перед тем, как выложить перед ними результаты своих интеллектуальных поисков, он сослался на свои предыдущие работы, в истинности которых уже никто не сомневался. Творец психоанализа пишет:

««Толкование сновидений» и «Фрагмент анализа одного случая истерии (История болезни Доры)» лежали у меня если не в течение девяти лет по рецепту Горация, то во всяком случае в течение четырех–пяти лет, прежде чем я их опубликовал. Но тогда у меня впереди было много времени – *oceans of time*, как говорит поэт – и материал у меня был в таком изобилии, что я с трудом мог справиться с ним. Кроме того, я был единственным работником в этой области, и то обстоятельство, что я не опубликовывал своих исследований, не грозило никакой опасностью мне и не приносило никакого вреда другим. Теперь же обстоятельства изменились».

Мы уже знаем, что эти слова неискренние. Автор пытается разжалобить читателя тем, что его теория сексуальности поначалу испытала сопротивление со стороны общественности, однако книгу «Толкование сновидений» начали верстать, когда еще не были дописаны последние главы (об этом мы говорили уже с Удодом). Фрейд частенько «корректировал» даты событий своей биографии, руководствуясь собственной логикой.

В работе «Некоторые психические последствия анатомического различия между полами» есть и обычные для автора рассуждения об эдиповом комплексе, недержании мочи, онанизме, кастрационном комплексе и прочей претенциозной чепухе, в которой столько же правды, сколько в желании девочки приобрести пенис мальчика. Фрейд был уверен, что мужской фаллос является более эффективным инструментом для достижения оргазма, чем клитор девочки, так как с его помощью можно более эффективно предаваться наслаждению от мастурбации. В частности, он пишет:

«Относительно доисторического периода эдипова комплекса у мальчика нам еще далеко не всё ясно. Мы знаем из него идентификацию с отцом, связанную с нежными побуждениями и лишенную еще характера соперничества в отношении к матери. Другим элементом этого предшествующего периода является, по моему мнению, не отсутствующая ни в одном случае мастурбаторная манипуляция с гениталиями, онанизм в раннем детстве; более или менее насильственное подавление его со стороны воспитателей активизирует кастрационный комплекс. Мы предполагаем, что этот онанизм связан с эдиповым комплексом. Неизвестно, берет ли он свое начало в этих соотношениях

или же он возникает самопроизвольно, как деятельность, связанная с определенными органами, и лишь впоследствии присоединяется к эдипову комплексу; вторая возможность является гораздо более вероятной».

Мальчик Зигмунд мочился в постель и мастурбировал, за что его наказывали родители; с тех пор он неустанно ведет разговоры об этих вещах. Став взрослым, он замучил подобными вопросами пациентку Дору (Иду Бауэр). На ее примере он хотел удостовериться: действительно ли все дети, как он и его сестренка Анна, мастурбировали и мочились в постель. Лайне в предисловии к переведенной ей книги «Письма к невесте», сообщает любопытную информацию о сыне Фрейда. Она пишет:

«Оливер в одном из интервью утверждал, что его отец как воспитатель не был свободным от предрассудков своего времени. Он строго предостерегал сыновей от опасностей мастурбации, что вызвало некоторую напряженность в их отношениях».

В обсуждаемой сейчас работе он пытается теоретизировать на этот счет, при этом автор предстает перед читателем пытливым исследователем и сомневающимся ученым. Однако фальшивый тон, звучащий на протяжении всей работы, кажется мне особенно наигранным – уж слишком комично выглядят сформулированные им задачи.

Так, в результате бесконечных исканий и сомнений относительно альтернативного выбора между недержанием мочи и онанизмом, автор, наконец, приходит к важному выводу:

«Мы предпочитаем простой синтез, согласно которому ночное недержание мочи является результатом онанизма, а подавление его оценивается мальчиком как торможение его генитальной деятельности, т.е. в смысле угрозы кастрации; но неизвестно, будем ли мы правы в каждом отдельном случае. Наконец, анализ дает нам возможность смутно узнать о том, что подслушивание коитуса между родителями в очень раннем детском возрасте может вызвать первое сексуальное возбуждение и стать в силу своего последующего влияния исходным пунктом для всего сексуального развития. Онанизм, равно как и обе установки эдипова комплекса, присоединяется впоследствии к впечатлению, получающемуся в результате подслушивания. Однако мы не можем предположить, что такое подслушивание коитуса имеет всегда место, и сталкиваемся здесь с проблемой «первофантазий»».

Волнующая Фрейда тема поднята в его работе «Крушение эдипова комплекса» (1924), где автор представил результаты сексуальных исследований, проведенных им над пипкой Анны в далеких 1860-х годах. Без конца теребя свою пипку, мальчик Зиги испугался, когда его мать пригрозила ее отрезать. Этот детский испуг трансформировался у взрослого Зигмунда в теорию кастрационного комплекса. Однако он посчитал, что было бы несправедливо приписывать страх за пипку только мальчику; пусть и девочка переживает аналогичный страх. Теперь, спустя шестьдесят лет взрослый Зигмунд приходит к гениальному открытию:

«У лиц женского пола тоже существует эдипов комплекс, *сверх-Я* и латентный период. Можно ли приписать также и им фаллическую организацию и кастрационный комплекс? На это следует ответить утвердительно, но у девочки дело не может обстоять так, как оно обстоит у мальчика. Феминистическое требование равноправия полов не будет иметь в данном случае успеха, морфологическая разница должна проявиться в отличиях психического развития. Изменив выражение Наполеона, можно сказать: анатомия – это судьба. Клитор девочки аналогичен пенису, но ребенок, сравнивая себя со сверстником мужского пола, находит, что «он слишком мал», и ощущает этот факт как нечто неприятное для себя, как основу для малочценности. В течение некоторого времени девочка утешает еще себя ожиданием, что, когда она подрастет, у нее будет такой же большой придаток, как и у мальчика. Здесь ответвляется присущий женщине комплекс мужественности. Но ребенок женского пола учитывает свой актуальный дефект не как половой характер, а объясняет его тем, что некогда раньше он обладал таким же большим членом и затем потерял его вследствие кастрации. Он не распространяет этого вывода с себя на других, взрослых женщин, а предполагает, совсем в духе фаллической фазы, наличие у них больших и неповрежденных, т.е. мужских, гениталий. В результате возникает существенные различия, которые заключаются в том, что девочка считает кастрацию совершившимся фактом, в то время как мальчик боится возможности ее осуществления».

Нельзя без улыбки читать историю возникновения психоаналитического учения. Авторы называют даты первого упоминания терминов: «психоанализ», «эдипов комплекс», «кастраци-

онный комплекс» и т.д. На самом же деле психоаналитическое учение возникло всё целиком одновременно с рождением замечательного мальчика Зигмунда. Когда мама, погрозив пальчиком, строго сказала: «Зиги, оставь свою пипку в покое, а то ее у тебя отрежут», – тут и возник «кастрационный комплекс», хотя сам этот термин Фрейд придумал много позже, возможно, при написании им работы «Анализ фобии пятилетнего мальчика». В самом деле, откуда пятилетнему мальчику знать такие слова, как «комплекс» и «кастрация»? Чтобы узнать эти ученые термины, Фрейду понадобилось очень долго учиться в университете, потом с кошмарными унижениями добиваться профессорского звания и, наконец, приступить к научному оформлению психоаналитических изысканий. Но фактически все эти мучения были не нужны. Автор «Анализа фобии пятилетнего мальчика» просто подогнал диалоги мифического Ганса с матерью и отцом под ту, замечательную теорию, которую он открыл для себя еще в далеком детстве. Вся психоаналитическая концепция несет на себе следы инфантилизма, как если бы она была создана пятилетним мальчиком, у которого с рождения существовали проблемы сексуального характера.

28. Психоанализ унижает женщин

Чтобы понять теорию Фрейда, надо знать его биографию. Поскольку в цитируемых работах речь идет о мальчиках и девочках, нужно вернуться в самое раннее детство мальчика Зиги, о котором, к сожалению, мы ничего не знаем. Однако мы знаем, что Фрейд часто прибегал к прямому проецированию своего жизненного опыта на предмет теоретизирования. Поэтому можно более или менее уверенно сказать: причиной гадких мыслей о девочках является то, что Фрейд сам когда-то был жутко испорченным мальчиком. Чем он старше становился, тем больше в его теориях затрагивалась тема детства. Сначала его интересовало естествознание, химия, физиология, зоология, гистология; затем интерес перешел к гипнозу, истерии и психиатрии; наконец, он создал теорию детской сексуальности и пришел к теме, которую мы имеем удовольствие обсуждать сейчас. По-видимому, с возрастом его детские воспоминания становились для него отчетливее и беспокоили чаще.

Трудно представить, чтобы отец шестерых детей мог рассуждать как инфантильный юноша, но Фрейд выставляет себя именно таким самоуверенным и провоцирующим юнцом, раздражающим зрелых и искушенных людей. Мастер литературного слова постоянно спекулировал на словах. Возьмите, например, его термин *обладать* так часто используемый в теории пениса и клитора. Верно, что гениталии противоположного пола могут вызвать желание их *приобрести*. Но это же не означает, что девочка мечтает, чтобы у нее *вырос* пенис и, если он у нее не вырос, то она должна рассердиться на всех мальчиков мира, у которых этот пенис имеется. То же самое можно сказать и о «желании получить от отца ребенка». Правда, что многие девочки мечтают *иметь ребенка* (видимо, в качестве игрушки), однако совершенно ошибочно думать, что девочка неосознанно мечтает *совокупляться* со своим отцом. Теория эдипова комплекса – это какая-то дикость, которая только и могла прийти Фрейду – человеку психически и морально аномальному. Какую патологию должна иметь та девочка, которая переживает за «органическую малоценность» своего клитора?

Сомневаюсь, чтобы какое-то заметное число мальчиков в возрасте пяти–семи лет могло разглядеть и понять назначение клитора девочек. О том, что возбуждение клитора доставляет эротическое наслаждение женщинам, может знать только доктор Фрейд. Приобретя с малых лет богатый сексуальный опыт, он без зазрения совести распространяет его на малюток. Несчастный психоаналитик постоянно говорит об эдиповом комплексе. Вы, читатель, будучи ребенком, мечтали совокупляться со своей родной мамочкой? И что за бессмыслица этот кастрационный комплекс!³⁰

Фрейд своими вызывающими заявлениями просто эпатировал публику, а неумные люди стали восхищаться его «оригинальным» образом мыслей. Между тем его сочинения издаются

---

³⁰ В.Э.: Построения Фрейда, разумеется, являются нелепицей, но всё-таки ЭТИМИ вопросами их нельзя опрокинуть: Фрейд ведь утверждает, что все эти «комплексы» являются бессознательными, т.е. мы о них в принципе не можем ничего знать и помнить. Действительным опровержением учения Фрейда будет разбор вопроса: ЗАЧЕМ Природа (естественный отбор) все эти «комплексы» встраивала в человека? И тут обнаружится, что НЕТ никакой выгоды, никакого эволюционного преимущества, из-за которого они могли бы возникнуть. А рассматривая то, что действительно нужно Природе и эволюции, мы увидим то, что имеется на самом деле.

миллионными тиражами и читаются в основном неподготовленными к жизни студентами, которые принимают сексуальные фантазии сумасшедшего ученого за серьезную науку. Странно, что миллиарды благовоспитанных людей ничего этого не замечают. Фрейдское «теоретизирование» не отвечает не только научным критериям, но и самому элементарному здравому смыслу. После каждого его утверждения нужно задать вопрос, почему это так, а не иначе, что послужило основанием для такого вывода и т.д. Если обратиться к аргументу зависти девочек к мальчикам, то сразу же напрашивается вопрос, почему мальчики не завидуют замечательному устройству гениталий девочек, может быть, все мальчики желают приобрести материнскую грудь, которую они когда-то сосали?

Посмотрите, о чем писал Фрейд в цитируемой работе «Некоторые психические последствия анатомического различия между полами».

«Я не могу отделаться от убеждения... – пишет он, – что у женщин уровень этической нормы иной, чем у мужчин... что чувство справедливости проявляется у них в меньшей степени, что они менее подготовлены к большим требованиям, предъявляемым жизнью, что они чаще руководствуются в своих суждениях чувствами привязанности или враждебности. Мы не должны отказываться от своих убеждений под влиянием феминисток, пытающихся заставить нас рассматривать оба пола как абсолютно равноценные по своему положению и значению».

Фрейд, пытаясь обосновать теорию превосходства мужчин, указал на их большой пенис, превосходящий размеры клитора. Из-за крохотного клитора, говорил он, женщина не способна сублимировать сексуальную энергию в возвышенные произведения науки и искусства, у мужчин же это получается намного лучше.

Человек науки обязан использовать объективные методы получения знаний, отличающиеся от только что продемонстрированных; он должен наблюдать и ставить опыты. Исходные эмпирические данные должны быть статистически обработаны, т.е. указано число наблюдений, четко сформулированы условия их проведения, даны погрешности эксперимента. Ничего этого сделано не было, следовательно, Фрейд засвидетельствовал лишь свои личные предпочтения, а не научный взгляд. Но больше всего возмущают этические аспекты его позиции. Нравственная наука не станет заниматься доказательством превосходства мужского пола над женским или белой расы над черной. Сегодня подобная проблематика вызовет законное возмущение женщин и представителей униженных рас. Фрейда обвиняли в дискриминации по половому признаку и правильно делали. Очень неприятно, что отец-основатель, а за ним и все психоаналитики недооценивают женский ум и душевные качества.

Между мужчиной и женщиной существуют различия, например, женщина более приспособлена к жизни, чем мужчина, и в среднем живет дольше него, но эти различия не могут быть оценены с моральной точки зрения. Ментальные же свойства женщины просто иные, чем свойства мужчины. С научной точки зрения некорректно говорить о нравственных качествах, когда речь идет, например, об интеллекте. Да, в среднем женщины обладают лучшей памятью, чем мужчины, но образ мыслей мужчины лучше приспособлен к дедуктивным суждениям. Какие выводы этического плана здесь можно сделать? Никаких! Вообще, предпочтительней пользоваться нейтральными характеристиками. Так, известно, что мужчины более косноязычны, чем женщины, однако слово «косноязычность» лучше заменить словом «дислексия» – этот термин несет на себе меньшую этическую нагрузку. Морально изучать *пластичность* нервной системы человека. Женщины обладают более пластичной психикой, чем мужчины, они быстрее приспосабливаются к изменениям внутренних и внешних условий, существенно влияющих на жизнедеятельность. В частности, женщины лучше адаптировались к социальным переменам после распада Советского Союза. Неумолимая статистика зафиксировала, что мужская смертность в нашей стране значительно выше женской. Однако неуместно обвинять мужчин в душевной слабости, волевой нестойкости или бесхарактерности. Пластичность, кажется, вообще не имеет нравственного измерения, поскольку отражает природную способность организма трансформировать функцию и структуру нервной системы в ответ на изменения экзогенных и эндогенных факторов.

Фрейд уже навлекал неудовольствие женщин. Всемирное женское движение, борющееся за равноправие мужчин и женщин, давно осудило психоанализ как вредное учение. К сожалению, в психиатрии работает большинство мужчин. По статистическим данным правозащитных организаций на начало 1970-х годов из 17 тысяч американских психиатров 90% составляли мужчины, а из 30 тысяч психологов – 75% мужчины. Данный перекоп определенным образом связан с антигуманными измышлениями Фрейда о превосходстве мужчин над женщинами.

Женщина, обратившаяся за помощью к мужчине-психоаналитику, не может рассчитывать на объективную оценку своего душевного состояния и адекватное лечение. Врач-мужчина не видел ничего особенного в том, что мужчины унижали женщин, в том числе, и в сексуальном плане. Они выказывали пренебрежение к жалобам женщин, игнорировали или принижали их проблемы и просто отказывались признавать факты, противоречащие их «мужской» теории. Ничего не поделаешь, говорили они, когда сама анатомия женщин сделала их морально ущербными. Делались опросы, где выяснилось, что большинство врачей-мужчин считает, что женщина от природы истерична и сексуально подавлена, она обязана испытывать чувство вины перед мужчиной. Всякая жена должна ублажать мужа и выполнять его прихоти, поскольку его предназначение выше ее – и так думает, к сожалению, большинство психоаналитиков. Психоанализ оправдывает и закрепляет такое положение вещей, которое определил еще Фрейд.

В письме к Марте от 15 ноября 1883 г. он писал:

«Твои слова в последнем письме о Милле и его жене побудили меня найти это место в сочинении Милля. ...Он [Милль] выдает абсурдные требования относительно эмансипации женщин и в целом по поводу женского вопроса... Нежизнеспособна и его мысль о том, что женщины должны бороться за свое существование точно так же, как и мужчины. Выходит, я должен думать о моей нежной, любимой девушке как о конкурентке. Семнадцать месяцев назад, я сказал своей милой, что люблю ее и предлагаю ей руку и сердце. Следовательно, она должна позабыть о конкуренции и позаботиться об уюте и спокойствии домашнего очага».

После свадьбы он определенно указал Марте место на кухне и сказал, что она не должна забивать свою прелестную головку дурными вопросами, связанными с эмансипацией женщин. Ее прямая обязанность воспитывать детей и заниматься домашним хозяйством, а он уж как-нибудь без нее решит вопрос об отношении между полами. Напомню, что Фрейд по «наводке» своего университетского преподавателя философии, Brentano, для издателя и философа Теодора Гомперца перевел с английского на немецкий язык последний (12-й) том собрания трудов Дж. Ст. Милля, куда входили помимо работ о Платоне статьи о социализме и эмансипации женщин. Родоначальник психоанализа, конечно, считал себя крупным специалистом в женском вопросе.

В XIX в. женщины были бесправны как в семье, так и в обществе. Они не обладали всеми теми гражданскими и политическими свободами, которыми обладали мужчины. В этом смысле Фрейд не намного отличался от мужчин своего времени. Беда состояла в том, что он пытался свой мужской шовинизм обосновать научно. Фрейд был уверен в назначении женщины: она должна вечно вращаться спутником вокруг светила-мужчины, быть для него «соблазнительной и желанной». Он говорил, что «ее социальные интересы выражены слабее, чем у мужчин», а это проистекает из прямого предназначения женщины рожать детей. Подобная дискриминация не соответствует объективным данным: он выразил свою крайне субъективную точку зрения, которая сегодня особенно неприемлема. Но мало того, что Фрейд взял свои ложные постулаты, так сказать, с потолка, он еще прибегнул к удивительно ошибочному и аморальному их обоснованию.

Свои «теории женской ничтожности» развивали Карл Юнг, Отто Ранк, Вильгельм Райх, Мелани Кляйн, Герберт Маркузе, Жан Лакан и прочие последователи Фрейда. Они усугубляли различия между мужчиной и женщиной. Например, Лакан утверждал, что фаллос – это доминирующий символ; с его помощью устанавливается порядок внутри бесконечного ряда символов. «Кастрированные» женщины, не имеющие этого могущественного инструмента, должны быть изгнаны из мужского мира, они инородные существа, их место у кухонной плиты и колыбели ребенка. Женщина от природы и по назначению тупое и примитивное животное, созданное для обслуживания биологических потребностей мужчин. Такую «мораль» исповедовал и Ницше со своим знаменитым афоризмом: *«Мужчина, ты идешь к женщине? Тогда не забудь плетку»*. Фрейд писал: *«В ценных и содержательных работах Абрахама, Хорни, Хелены Дейч о комплексе мужественности и кастрационном комплексе у женщины содержится многое, близко соприкасающееся с моим изложением»*. Возможно, это и так, автору видней, но мне известны и критические высказывания на этот счет. Не хотелось бы сейчас углубляться в критику Фрейда его последователями, однако мнение Карен Хорни я все же приведу.

Фрейд много писал о женском мазохизме, вызванном анатомическими особенностями женщин, он отрицал ее «невротическое бунтарство» на основе социального фактора. В ответ на это 26 декабря 1933 г. Хорни выступила с докладом на тему «Проблема женского мазохизма». Свое выступление она начала так:

«В психоаналитической литературе, судя по работам таких авторов, как Шандор Радо и Хелен Дейч, до сих пор проблема женского мазохизма рассматривалась только с точки зрения психического последствия анатомического различия полов. Психоанализ, таким образом, представлял свой научный аппарат для поддержки теории исконного родства между мазохизмом и женским организмом. Возможность социальной обусловленности с психоаналитической точки зрения пока еще не рассматривалась. Задача настоящей статьи – попытаться раскрыть соотношение биологических и культуральных факторов в этой проблеме».

В книге «Невротическая личность нашего времени» (1937), Хорни писала:

«Мы должны выйти за пределы концепции Фрейда... [он] остался скованным рамками своей научной ориентации. Он предполагал, что инстинктивные влечения или объектные отношения, которые весьма часты в нашей культуре, обуславливаются биологически предопределенной «человеческой природой» или проистекают из строго фиксированных состояний (биологически заданных «прегенитальных» стадий, эдипова комплекса). Игнорирование Фрейдом культурных факторов не только приводит к ложным обобщениям, но также в значительной степени блокирует понимание реальных сил, которые мотивируют наши отношения и действия. Я считаю, что такое игнорирование является основной причиной, почему психоанализ... зашел в тупик».

29. Фрейд как соблазнитель женщин

Только что вы, дорогой читатель, узнали об отношении Фрейда к женщине вообще. Такое освещение вопроса, конечно, необходимо, но оно страдает излишней абстрактностью. Иногда, чтобы глубже раскрыть тему, нужно привести хотя бы один яркий конкретный пример из жизни. Сейчас я расскажу занятную историю, как отец-основатель психоанализа соблазнил жену своего будущего биографа Эрнеста Джонса (ее звали Лоу Канн), но начну всё же издали.

Эпистемология тесным образом увязана с психикой человека, поскольку процессы освоения действительности невозможно разделить на бытовые, производственные или научные. Как привык вести себя человек в семье и обществе, так и он будет действовать в научных учреждениях со своими коллегами. Если он по натуре игрок и обманщик, эти его психологические качества проявятся и в научной деятельности. Побеждает тот, кто окажется хитрее и изворотливее. Карьеризм, угодничество и лицемерие каких-нибудь политических деятелей ничем принципиальным не отличается от карьеризма, угодничества и лицемерия человека науки. Ленин и Сталин некогда вели за собой многомиллионные толпы фанатиков, о них складывали легенды, им верили и их любили. Однако созданная ими политическая система рухнула; теперь всем открылась их жалкая, мелочная и шизотимическая³¹ натура.

До полного разрушения созданной ими системы людям, находящимся внутри этой системы, трудно было постичь правду. Аналогичный механизм близорукости действует и в отношении науки: до тех пор, пока доктрина Фрейда держится в обществе, немногие понимают, что представляет собой психоанализ и кем в действительности является его автор. Правда, многие знают, что честные, умные и трудолюбивые люди вряд ли сыщут всенародную любовь: ее стяжателями, как правило, были и остаются люди ловкие. Но человеку с улицы, совершенно невозможно доказать, что некоторые научные деятели, приобретшие ореол божественной мудрости, были порядочными мерзавцами. Вот и Фрейд всю жизнь занимался очковитательством, нанося колоссальный вред делу познания человеческой души. Он сам и окружающие его люди подняли вокруг психоанализа густое облако пыли, в котором все потерялись. Это облако, возможно, будет висеть над миром еще не одно столетие пока, наконец, в обществе не произойдет какой-нибудь очередной культурно-исторический катаклизм и невежественная толпа не пойдет за очередным мошенником.

Шизотимический³² портрет Фрейда был эскизно очерчен выше и в беседе с Удодом. Несомненно, пионер психоанализа был по-своему харизматической личностью, во всяком случае, для тех, кто ему верил. Рассматривая его фотографии и просматривая кадры кинохроники, я

³¹ В.Э.: У автора всё-таки нет понимания, что означает слово «шизотимический» в психологической литературе.

³² В.Э.: Истероидный.

ничего особенного в нем не увидел, хотя ближайшее окружение принимало его за своего вождя. Значит, эти люди смотрели на него совершенно другими глазами. Джонс, похоже, был просто влюблен в его образ, тем не менее, от его цепкого взгляда не ускользнули некоторые грубоватые манеры поведения учителя. Он рассказывает, например, что Фрейд не делился своими планами на будущее, никогда не рассказывал, над чем работает в данный момент. Вождь и должен быть загадкой для своего ближайшего окружения, тем более для широких слоев населения его закрытая жизнь должна оставаться тайной за семью печатями, в противном случае он перестает быть вождем. Вместе с тем, пишет биограф, Фрейд не был *«человеком, который умеет хранить секреты других людей. Он действительно имел репутацию явно нескромного человека. Несколько раз он рассказывал мне такие подробности о личной жизни своих коллег, которые ему не следовало бы раскрывать»*. В этой связи можно вспомнить о секретах, которые он выболтал Флейшлю о Брейере и Брейеру о Флейшле.

Биограф поведал своему читателю два вопиющих случая; первый касался будущего издателя трудов Фрейда, так называемого стандартного издания.

«Когда Джеймс Стрейчи поехал на обучение к Фрейду, – вспоминает Джонс, – я написал ему рекомендательное письмо, в котором, однако, содержались некоторые нелюбимые моменты, которые я знал о Стрейчи в то время. В один из первых сеансов Фрейд вышел в соседнюю комнату, принес письмо и громко прочел его Стрейчи. В другом случае я послал Фрейду некоторую личную информацию, которую, как я думал, ему следует знать о моем пациенте, которого он в то время лечил, – это касалось тайного употребления морфия – и написал ему, что пациент не должен узнать о моем сообщении. Фрейд в ответ уверил меня, что сохранит эти сведения в тайне, но вскоре после этого я получил от пациента яростное письмо, осуждающее мое поведение».

Под «моим пациентом» Джонс имел в виду свою «жену» Лоу Канн, тайно употребляющую морфин.

Впервые Фрейд увидел ее в Америке, куда он прибыл в 1909 г. по приглашению университета Кларка. О ней Пол Феррис пишет:

«Его [Джонса] сопровождала женщина, которую он называл своей женой, – богатая и жизнерадостная голландская еврейка Лоу Канн (именно она когда-то помогала финансировать его путешествия по Европе). Для приличия он говорил всем, что они женаты. В письме Фрейду он упоминает, что ищет в Торонто дом для «своего гарема» – этой веселой фразой он описывает своих домашних: «жену», двух сестер из Уэльса, присоединившихся к нему, и двух служанок».

По поводу биографа Фрейда Феррис уточняет:

«Джонс признавался, что его интересовали женщины, но не сообщал особых подробностей. В его мемуарах «Свободные ассоциации» объясняется, что описание его эротической жизни в них «совершенно правдивое», но неполное».

Автор привел пример, характеризующий Джонса:

«В феврале 1911 г., пациентка, которую Джонс лечил в Торонто, «тяжелый случай истерии», пришла к врачу-женщине, которая одновременно исполняла функции секретаря местной Лиги чистоты [нравов], утверждая, что Джонс спал с ней «для ее пользы». Джонс дал благопристойное объяснение, будто у нее произошел эротический перенос на своего аналитика – одна из опасностей профессии, как Фрейд говорил Юнгу».

Впоследствии эта обиженная пациентка, угрожая револьвером, преследовала Джонса, который был вынужден

«нанять охрану, чтобы успокоить Лоу Канн. Когда он был в Чикаго, охрана тоже сопровождал его. По словам Джонса, всё это стоило ему (конечно, Лоу) больше тысячи долларов».

В письме к Ференци от 23 января 1912 г. Фрейд сообщал: *«Джонс привел ко мне свою жену для профилактического лечения, на которое она долго не соглашалась»*. Феррис уточняет время:

«В начале лета [1912 г.] он [Джонс] вместе с Лоу Канн посетил Вену, чтобы Фрейд попробовал вылечить ее от пристрастия к морфию (которое, несомненно, усугубилось в Торонто). Фрейду эта «глубоко невротичная еврейка» очень понравилась».

Итальянский психолог и историк Лучано Мекаччи в своей книге «Случай Мэрилин М. и другие провалы психоанализа» рассказал типичную ситуацию, часто возникающую в среде психоаналитиков. Предположим, говорит он, супруги X и Y анализируются, соответственно, врачами А и В. Супруги не подозревают, что врачи тайно от них обмениваются информацией и влияют на ход событий самым непредвиденным для них образом. Именно это произошло с Канн, которую анализировал Фрейд, и Джонсом, который одновременно с ней проходил анализ у Ференци. Джонс и Канн никак не думали, что Фрейд и Ференци за их спинами обмениваются конфиденциальной информацией. Многого Джонс не мог рассказать Фрейду, но говорил Ференци. Разумеется, личностная информация шла в обратном направлении. *«Какую бы информацию он [Джонс] ни утаивал от Фрейда, – пишет Феррис, – без сомнения, часть ее попадала к нему через Лоу Канн, которую Фрейд подвергал анализу».*

О чем говорили между собой Лоу Канн и Эрнест Джонс, мы не знаем, но информация, которой обменивались между собой два лечащих их врача, нам стала известна. Фрейд, ехидно потирая руки, писал Ференци: *«Я еще не знаю, как Джонс перенесет известие о том, что в результате анализа его жена больше не пожелает ею оставаться».* Он был в восторге, *«как мило вела себя Лоу».* Каким образом Ференци, узнав об этом, повлиял на Джонса, нам не известно, но в итоге, пишет Мекаччи, *«Эрнест приударил за Линой, сиделкой и подругой Лоу».* *«Джонс снова попал в переделку, – добавляет Феррис, – на этот раз потому, что спал с ее компаньонкой, Линой».* В связи с этим Феррис цитирует «сияющего» от радости Фрейда: *«Теперь я совершенно доволен своими приемными детьми».* «Приемными детьми» он называл Лоу и Эрнеста, Толу и Отто, и вообще тех, кто был свободно вхож в его дом. Основоположник учения о всеисилии половой энергии прикармливал мужей, но в обмен на это он получал в свое полное распоряжение их жен. В письме от 9 июня 1913 г. Фрейд цинично пишет Ференци:

«То, что Вы написали мне о Джонсе, очень меня радует. Теперь, когда я вижу, как его жена расцвела, обретя свободу, я гораздо меньше чувствую свою долю ответственности за исход психоаналитического процесса с ней. Такая Лоу удивительно дорога мне; у меня возникло к ней очень теплое чувство, в котором нет места сексуальности, что раньше мне редко удавалось (возможно, сказывается возраст)».

Эти слова Фрейда нужно еще правильно понять. На самом деле у автора данного послания возникло именно сексуальное чувство. Ссылка на возраст фальшива, поскольку в этот период он находился в отменной форме, что называется, в самом соку. Чтобы поспорить супругов, связанных гражданским браком, Фрейд намеренно передал Лоу слова Джонса о ее тайном пристрастии к морфию. Этим низким поступком Фрейд хотел сказать: «Видите Лоу, муж не хранит ваших сокровенных тайн; он вас не уважает, не любит и, по существу, предал вас. Вдобавок ко всему, он считает вас, наверное, сумасшедшей, если вопреки вашему желанию отправил к психиатру». Рассвирепевшая Лоу закатила Эрнесту скандал, о чем тот спустя сорок лет намеками сообщил в жизнеописании учителя. Таким образом, «в результате анализа» Фрейд соблазнил жену своего друга, что было не сложно сделать с помощью того же наркотика, и стал главным виновником разрыва Лоу Канн с Эрнестом Джонсом.

Я не знаю, зачем Фрейду понадобилось сталкивать лбами Джонса и Стрейчи, но думаю, что он неспроста выходил в соседнюю комнату зачитывать вслух рекомендательное письмо Джонса. Биограф просто не понял своего героя, а нам сейчас сложно восстановить истинную картину событий. Скорее всего, и здесь существовала какая-то сексуальная подоплека. Ее наличие трудно доказать, однако весь образ мыслей и плотских тяготений Фрейда, говорят в пользу этого. Любовный треугольник Фрейд – Джонс – Канн является классическим для родоначальника психоанализа; он будет еще не раз создавать подобные треугольники с другими парами.

Я скачал из Интернета кадры старой кинохроники, запечатлевшие Фрейда. Даже на роликах 1932 и 1934 г. видно, каким энергичным был этот человек, а посчитайте-ка, сколько ему тогда было, если он родился в 56-ом предыдущего века. Всмотриваясь в моторику его рук, ног и тела, которая напоминает мне динамику движения русского физиолога Ивана Петровича Павлова, вглядываясь в мимику и манеру разговаривать, я понял, что некоторые биографы, по-

видимому, преувеличивали его страдания после перенесения множественных операций по удалению раковой опухоли (в качестве челюстного протеза ему вставили механическую конструкцию). Во время еды, естественно, он испытывал неудобства, наверное, у него были болевые приступы (при встрече с Эйнштейном он не мог разговаривать), да и на протяжении жизни он часто впадал в болезненную хандру. Однако в присутствии хорошеньких женщин «дряхлый» Фрейд преображался, держался молодцом – картинно и бодро, никаких болей он при этом, конечно, не чувствовал. В 1912–1913 гг. он раком еще не болел, а ему в то время не было и 60. В общем, после просмотра документальных лент у меня появилась дополнительная уверенность в том, что ссылка Фрейда на возраст не состоятельна.

После мимолетной связи с Линой, о которой, видимо, узнала Лоу, Джонс попытался «клеиться» к Анне Фрейд, но отец быстро прервал их отношения, впрочем, и дочь была не тем человеком, с кем мог бы заигрывать ловелас. С другой стороны, скучая в Вене, Лоу в тайне от Эрнеста завела себе любовника, Герберта Джонса, как говорили Джонса II, – богатого американца, писавшего стихи. После скандального разрыва с Джонсом I, она вышла за него замуж; свадьба состоялась в Будапеште в 1914 г. Любовная связь с Джонсом II указывает на то, что Лоу можно было запросто соблазнить. Этот факт также говорит в пользу того, что Лоу до появления на ее горизонте Джонса II могла, а я уверен, и была *любовницей Фрейда*. Феррис пользуется словом «любимица» вместо «любовница», но его термин явно искажает суть истинных отношений между Фрейдом и Лоу, которую он называл «моя драгоценность».

О своей сексуальной связи с Лоу Фрейд, конечно, не стал писать Ференци или кому-либо еще, чтобы не рисковать перед своим будущим биографом, который тогда не особенно понимал происходящее. Феррис пишет:

«В 1913 г. Эрнесту Джонсу пришлось смириться с Лоу, столь изменившейся после анализа. Он отнесся к этому стоически, признавшись Фрейду, что хотел обвинить во всем его («мимолетный порыв»), отправился в Будапешт, чтобы его проанализировал Ференци, навсегда уехал из Канады и снял квартиру в Лондоне на улице Грейт-Портленд, к несчастью, всего в нескольких сотнях метров от медицинского района. Он оказался практически там же, откуда уехал почти пять лет назад. Канн, которая оставила его не сразу, помогла ему обставить квартиру. Фрейду Джонс сообщал о подробностях умирающей связи, как будто ждал от него одобрения, – рассказывал о том, как Канн принесла домой бездомного котенка, перекормила его, дала ему слабительное, а потом сделала клизму. Поскольку Джонс отнесся к этому недостаточно серьезно, она разозлилась и «три часа в качестве наказания заставила бегать по срочным поручениям». Сначала ей понадобился специальный шприц, чтобы сделать котенку укол бромида. Потом – синильная кислота на случай, если животному станет так плохо, что его придется убить. «Она, несомненно, умеет удовлетворять и развивать склонность человека к мазохизму», – заявил Джонс, но если он рассчитывал на успокаивающий ответ Фрейда, то был разочарован. Кроме того, Джонс сообщал, что она по-прежнему принимает морфий».

Эрнест Джонс продолжал любить Лоу Канн, а его «мимолетный порыв» во всем обвинять Фрейда, очевидно, не был таким уж мимолетным. Он чувствовал, кто стоит за крахом его надежд жить с красавицей Лоу. То, что Джонс изменял ей с Линой и с пациенткой, которая бегала потом за ним с револьвером, или еще с кем-то, вовсе не говорит об охлаждении его чувств к Лоу, которую он обожал. Джонс с юных лет был похотлив, обвинялся в сексуальных домогательствах к несовершеннолетним девочкам, за что привлекался к уголовной ответственности. Фрейд упорно молчал, когда Джонс приходил к нему поплакаться в жилетку; это, очевидно, настораживало его. Лоу, продолжавшая любить Джонса, тоже не могла по понятным причинам рассказать ему обо всем. Она молчала еще и потому, что ее измена с Фрейдом была своеобразной мстостью за предательство мужа: «Будет знать, как в следующий раз болтать о ее тайном пристрастии к морфию!» Смутно предполагая, что Фрейд переспал с его женой и стал причиной распада семьи, Джонс всё же скомпенсировал тягостное чувство тем, что рассказал о кокаиновой авантюре, о том, что Берта Паппенхейм и Анна О. одно и то же лицо. Не приходится сомневаться в том, что Фрейд строго-настрога запретил своим друзьям и коллегам сообщать о подобных вещах. Но Джонс нарушил запрет, и это была его мсть за Лоу. Мы обязаны учитывать все эти драматические перипетии, чтобы правильно истолковывать написанную им биографию Фрейда.

Лоу Канн – единственная женщина, которую Фрейд соблазнил во время психоанализа? Нет, говорит Лучано Мекаччи и рассказывает еще о двух любовных треугольниках, куда входил Фрейд. В первый треугольник входили Виктор Тауск и Лу Андреас-Соломе. Далее процитирую Мекаччи по его книге «Случай...»:

«Вскоре после того, как Лу Андреас-Соломе примкнула к психоанализу и переехала в Вену в 1912 г., она страстно полюбила «зверя» Виктора, «неистовую душу с нежным сердцем», как она описала его в письме к Фрейду. Лу было 51 год, Виктору – 33. Лу, восхитительная женщина, приехавшая из России, околдовала знаменитейших деятелей средневропейской культуры. Виктор был гордым и меланхоличным красавцем-блондином с голубыми глазами, – Зигмунд называл его «хищником». На собраниях Психоаналитического общества Лу была свидетельница споров между Виктором и Зигмундом, потом шла с отцом (психоанализа) и говорила с ним о непокорном сыне. С Виктором Лу ходила в кино и развлекалась, получала со своим «братом-зверем» удовольствие в постели, но затем возвращалась к «призраку отца»».

Мекаччи пояснил, что Виктор был встревожен тем, что оказался в связке с Фрейдом. Чтобы не вызывать ненужных подозрений, он предложил «папе» его проанализировать.

«Однако Фрейд начал новую игру, – пишет итальянский историк, – и направил его на анализ к Хелен Дойч, еще одной очаровательной представительнице психоанализа, несколько месяцев находящейся на лечении у самого Фрейда. Тауск попал из одного треугольника в другой: теперь участниками были Виктор, Хелен и Зигмунд... Хелен уже была знакома с Виктором. Они вместе учились медицине и работали в одной и той же психиатрической клинике. У них были общие друзья, они постоянно навещали друг друга до того, как начались психоаналитические сеансы. Хелен знала и Лу, но особой симпатии к ней не испытывала, считая ее нимфоманкой за попытку соблазнить ее мужа Феликса... На сеансах Виктор говорил с Хелен о своих отношениях с Зигмундом, а та, в свою очередь, рассказывала о случае Виктора в ходе психоанализа у Зигмунда. В определенный момент такая ситуация стала невыносимой, и Зигмунд навязал Хелен следующее решение: она должна была продолжать психоанализ у него (Зигмунда) и отказаться от сеансов с другим (с Виктором)... Через несколько месяцев после прекращения сеансов с Хелен Виктор покончил с собой. А спустя еще несколько месяцев Фрейд внезапно прервал психоанализ с Хелен...».

Мекаччи кратко пересказал события, описанные в книге Розена, в которой документально доказывается, что в смерти Виктора Тауска повинен Фрейд. В статье Гротьян и Шайдт «Фрейд в зеркале биографов», помещенной в первом томе «Энциклопедии глубинной психологии», мы читаем:

«Социолога Пола Розена следует упрекнуть в том, что в своей книге «Братец Зверь» он искажает действительность. В опубликованной в 1969 г. в США книге речь идет об одной таинственной истории, которая в 1919 г. якобы привела к самоубийству одаренного ученика Фрейда Виктора Тауска. Розен, который, по его словам, провел основательное расследование и опросил многочисленных свидетелей, пришел к заключению, что Фрейд из ревности (желая «отбить» Хелен Дойч у пользовавшегося успехом у женщины Тауска) и из профессиональной зависти (будучи не равнодушным к психоаналитическим открытиям и успехам Тауска) поставил молодого человека в столь сложную жизненную ситуацию, из которой единственным выходом для него был суицид».

Профрейдистски настроенные авторы уверяют, что в 1971 г. Курт Эйсслер доказывал, будто любовный треугольник между Фрейдом, Тауском и Хелен Дойч «является плодом фантазии» Пола Розена.

«Но Розен, – справедливо отвечает Мекаччи, – лишь привел документы, факты, свидетельства. И если предложенные им интерпретации необоснованны (не только в случае Тауска, но и в отношении других моментов истории психоанализа), хранители психоаналитического храма обязаны были представить документы, факты и свидетельства, которые бы заставили пересмотреть его объяснения. Они же, напротив, прибегли к привычному для них средству защиты, закрыв доступ к документам на невообразимо долгий срок, словно в них шла речь о самых важных на тот момент «государственных тайнах». Розен был абсолютно прав, заметив, что именно сокрытие документов и их подтасовка «в конечном итоге привлекают к опущенным деталям больше внимания, чем привлекла бы полная версия, будучи она обнаружена»».

В самом деле, в чем провинились исследователи жизни и творчества Фрейда перед его родственниками и наследниками? Тем, что пытаются расшифровывать его путаные «сны», делая при этом неизбежные ошибки? Так откройте сундуки с его письмами и документами, разместите засекреченные вами тексты в Интернете. Пока что во Всемирной сети вместо подлинного

жизнеописания отца-основателя психоанализа можно найти сказки о добром докторе Айболите. Но нам нечего надеяться на родственничков и ждать от них милостыни, если их семейный божок вскоре после смерти Виктора Тауска цинично написал: *«я ничуть не жалею о нем; я уже давно считаю его бесполезным для психоанализа и, более того, представляющим угрозу для будущего».*

30. Бережливость и экскременты

Могут сказать: пусть Фрейд аморальный, циничный и грубый человек, как здесь его сейчас представили, но, в конце-то концов, нас должна интересовать его теория. В «Психологии познания. Удод» я уже показал, что метод свободных ассоциаций является ни чем иным, как дымовой завесой для протаскивания в психиатрию мошеннических приемов врачевания. Этому методу соответствует столь же фальшивая теория сексуальности. Непристойные разговоры о половых отношениях Фрейд назвал «научной теорией», которую, однако, стыдно читать интеллигентным людям. Ее составной частью считается теория детской сексуальности. Кому сегодня не понятно, что грудные дети никаких сексуальных желаний испытывать не могут, в противном случае, это противоречило бы физиологии всех млекопитающих, живущих на земле. Если котенок ласкается к кошке-матери, то это вовсе не значит, что он хочет совокупляться с ней. Фрейд выдумал противоестественную теорию, которая ничем не подтверждалась раньше и никогда не подтвердится в будущем, поскольку в принципе ошибочна. Но если мы хотим продемонстрировать явную глупость в учении Фрейда, эта концепция вполне подходит для наших целей.

Мне удобно начать не с «Трех очерков по теории сексуальности», где впервые она была сформулирована, а с небольшой работы 1908 г. – «Характер и анальная эротика». Дело в том, что из-за малого объема структура этой работы легко улавливается. Затем мы перейдем к «Трем очеркам», которые значительно больше по объему, но выстроены по аналогичной схеме. Добавлю, что обе работы вызвали сильное общественное недовольство. О реакции на работу 1905 г. уже говорилось ранее, по поводу же работы 1908 г. Джонс написал: она *«произвела впечатление разорвавшейся бомбы и вызвала, пожалуй, больше насмешек, чем всё написанное ранее».* Сейчас мы увидим, что рассмешило в ней публику.

В начале статьи Фрейд сообщил, что аккуратные, бережливые и упрямые люди в младенчестве страдали «задержкой кала». Они

«принадлежат к той категории грудных младенцев, которые имеют обыкновение не опорожнять кишечник, если их сажать на горшок, так как акт дефекации доставляет им удовольствие, и они извлекают из него как бы некоторую побочную выгоду. Дело в том, что из их рассказов выясняется, что им доставляло удовольствие задерживать стул даже в возмужалом возрасте. Кроме того, в их воспоминаниях попадаются указания на всякого рода неподобающую возню с только что выделенным калом. Такие вещи, правда, чаще фигурируют в воспоминаниях о братьях и сестрах, чем о самом себе. На основании этих указаний мы заключаем, что к числу особенностей врожденной сексуальной конституции этих лиц относится более резко выраженная, гиперакцентированная эрогенность заднепроходной зоны. Но так как всё это бывает только в детстве и в дальнейшем ничего от этих слабостей и особенностей не остается, то мы должны допустить, что эрогенное значение анальной зоны утрачивается, теряется в процессе развития. И вот мы делаем предположение, что указанная нами выше триада свойств и ее постоянство в характере данных субъектов могут быть поставлены в связь с этим поглощением и исчезновением анальной эротика».

Эта ошарашивающая концепция являет собой типичный пример «теоретической» фабрикации, в которой нет ни единого слова правды. Выдавая эту фальшивку за респектабельное исследование, автор продемонстрировал свои блестящие жульнические наклонности. Как заправский аферист, он рассчитывал на непритязательного потребителя дешевых умствований, на которые никто и никогда не обратил бы внимания, если бы они исходили от какого-нибудь философа-дилетанта из дешевой рюмочной. Но статья появилась в научном журнале и написана уважаемым профессором, что, казалось бы, автоматически исключает любое подозрение в глупости. Рядовому филистеру и в голову не придет, что весь текст автор выдумал от начала и до конца. Этот психологический фактор усилился во сто крат для современного читателя, которому все уши прожужжали, будто Фрейд гениальный ученый, совершивший великую научную революцию в области психотерапии; он успешно лечил десятки, а может быть, и сотни душевнобольных и положил начало новому взгляду на мир человеческих отношений, в котором

сексуальный фактор является главенствующим. Трудно совершенно непредвзято взглянуть на текст, напечатанный в солидном издании, и объективно оценить его содержание, когда не ведаешь, кем был автор. Если бы знать всю подноготную Фрейда и корыстные цели, которые он преследовал, то смысл работы высветился бы ярким лучом света на темном небосводе. О неспособности обывателя преодолеть психологический барьер, возведенный пропагандистами фрейдизма, можно говорить долго; поэтому я и не буду начинать эту тему, а поспешу вернуться к существу изложенной теории.

Итак, Фрейд пришел к мысли, что аккуратность, бережливость и упрямство являются продуктом трансформации анальной фазы полового созревания, которое начинается в первые месяцы младенчества. Никаких эмпирических доказательств в пользу этой связи Фрейд, разумеется, не привел, хотя и сослался на некие «рассказы» и «воспоминания» своих пациентов. Тот, кто ему поверил, естественно причислил его к гениальным психиатрам, так как еще никому не удавалось установить столь глубокие отношения между дефекацией младенца и указанными чертами характера взрослого человека, а тот, кто ему не поверил, автоматически записал его туда, куда следует, т.е. в мошенники. Почему это надо сделать. Да по очень простой причине: автор написал о «рассказах» и «воспоминаниях» пациентов как бы мимоходом. Это похоже на отчет российских чекистов, которые к своему профессиональному празднику рапортовали президенту, что поймали 18 иностранных шпионов. Детали они, естественно, не стали разглашать в виду секретности мероприятия, но каждый здравомыслящий россиянин знает, на каких невидимых фронтах они преуспели. В данном случае имеем аналогичную ситуацию: в виду неразглашения медицинской тайны, детали наблюдения за пациентами не придаются гласности. Но давайте всё же разберемся, что для нашего ученого послужило доказательной базой.

Он просит нас припомнить известную карикатуру, где изображен банкир, из заднего прохода которого сыплются золотые монетки. *«Это ли не доказательства связи анальной эротики с бережливостью бюргера?»* – говорит автор. Он также напомнил, что

«людей, слишком боязливо расходующих свои деньги, в просторечии называют «грязными», или «валяными»... Архаический способ мышления во всех своих проявлениях постоянно приводит в самую тесную связь деньги и нечистоты: так обстоит дело в древних культурах, в мифах и сказках, в суеверных обычаях, в бессознательном мышлении, в сновидениях и при психоневрозах. Дьявол дарит своим любовницам золото, а после его ухода оно превращается в куски кала. Образ дьявола, конечно, не что иное, как олицетворение бессознательной душевной жизни с ее подвергнувшимися вытеснению инстинктивными влечениями. Существует суеверие, приводящее в связь процессы дефекации с находками кладов, а фигура «Dukatenscheissers» (непереводимое выражение – обозначающее человека, испражнения коего состоят из дукатов) известна всем и каждому. Уже по древневавилонскому вероучению «золото только адские извержения»... В тех случаях, когда психоневротическое заболевание подражает разговорному языку, оно всегда берет слова в их смысле, там же, где получается впечатление, будто заболевание как бы наглядно изображает перед нами какое-либо слово или выражение, оно в действительности обычно только восстанавливает первичное значение этого слова. Это условное отождествление золота и кала, может быть, находится в связи с переживанием резкого контраста между самым ценным, что известно человеку, и вовсе лишенным ценности, рассматриваемым как «отбросы»».

Что бы ни говорили, но Фрейд был достаточно алчным до денег человеком. Поскольку деньги ему приходилось брать от своих пациентов, которых он анализировал, то реакция пациента на расставание с той или иной суммой естественным образом входила в истолкование его психологического портрета. Психоаналитику было неприятно иметь дело со скупым человеком, в связи с чем у него в голове, по-видимому, возникало слово «грязный». Такие же мысли он приписывал и своим пациентам; ему казалось, что они должны испытывать чувство вины за свою скупость.

В «Толковании сновидений» есть место, где Фрейд дает толкование сновидения одной такой пациентке:

«Скрытое содержание сновидения можно сконструировать в виде мысли, что она боится, будто ей придется заплатить мне двойной гонорар, если я буду посвящать ей двойное время; эта мысль о скупости ей неприятна, «грязна». (Неопрятность, имевшая место в детстве, чрезвычайно часто замещается в сновидении скупостью; слово «грязный» образует при этом связующее звено). Если всё, что говорится в сновидении об ожидании, должно изобразить слово «грязный», то

«стояние в углу и отказ лечь в постель» относятся сюда же: в детстве она однажды запачкала постель, и в наказание за это ее поставили в угол; ей угрожали тем, что папа не будет ее больше любить, сестры высмеивали ее и т.д.».

Здесь мы видим, как возникает в голове автора незатейливая ассоциативная цепочка: скупость – грязь – экскременты. Он почему-то уверен, что в сновидениях неопрятность нужно истолковывать как скупость. Но кто это проверял? Неужели всем скупым людям чаще других снятся различного рода нечистоты? Это похоже на то, как астрологи предсказывают всем родившимся под знаком Скорпиона удачу в любовных похождениях. Тут же к теме экскрементов автор притягивает эдипову тематику в виде любящего отца – тоже явная импровизация по ходу сочинительства глубокомысленного текста. Однако вернемся к анализу работы 1908 г.

Многие поклонники мошеннической психотерапии зачислили Фрейда в рациональные ученые. В самом деле, разве не рациональная логика привела его к заключению:

«Если характер связи между анальной эротикой и названной триадой свойств действительно таков, как мы утверждаем, то едва ли следует ожидать, что подобный «анальный характер» можно отметить у тех лиц, у которых анальная зона сохранила свое эрогенное значение и в зрелом возрасте, как, например, у некоторых гомосексуальных субъектов. Если я не слишком заблуждаюсь, это наше заключение должно вполне подтвердиться эмпирически».

Таким образом, «рациональная логика» подвела Фрейда к мысли, что гомосексуалисты меньше всего могут быть аккуратными, бережливыми и упрямыми, поскольку совокупляются через анальное отверстие. Только, чего стоит такой рационализм? Между тем Фрейд дает поручение своим последователям продолжить исследования в том же «заднепроходном» направлении. Он пишет:

«Следовало бы вообще обратить внимание и на другие виды характеров и выяснить, нет ли и в иных случаях связи с определенными эрогенными зонами. Мне лично до сих пор бросилось в глаза только то, что субъекты, страдавшие недержанием мочи, отличаются непомерным, пламенным честолюбием».

Из «Толкования сновидений» мы узнаем, откуда у Фрейда появилась эта мысль.

«В возрасте двух лет, – пишет он, – я мочился в постель и в ответ на упреки отца захотел утешить его обещанием купить... новую хорошую красную постель... В этом обещании содержится вся мания величия ребенка... Из психоанализов невротиков мы узнали также о тесной связи, существующей между недержанием мочи и честолюбием как чертой характера. Есть еще один эпизод из домашней жизни, относящийся к моему 7 или 8-летнему возрасту, который прекрасно сохранился в моей памяти. Однажды вечером, перед тем как лечь спать, я, вопреки приказанию родителей, удовлетворил свою потребность в их спальне и в их присутствии. Отец, ругая меня, заметил: «Из тебя ничего не выйдет». Это было, по-видимому, страшное оскорбление моему самолюбию, так как воспоминание об этом эпизоде постоянно проявляется в моих сновидениях и связано обычно с перечислением моих заслуг и успехов, точно я хочу этим сказать: «Видишь, из меня все-таки кое-что вышло».

Этот детский эпизод дает материал для последней ситуации сновидения, в которой, разумеется, в целях мести, роли перемешаны. Пожилой господин, очевидно, – мой отец, так как слепота на один глаз объясняется его глаукомой, мочится теперь передо мною, как я когда-то перед ним. При помощи глаукомы же я напоминаю ему о кокаине, весьма помогшем ему при операции, – и этим как бы исполняю свое обещание. Кроме того, я насмехаюсь над ним; он слеп, и я держу перед ним склянку, – это намек на мои успехи в области изучения истерии, которыми я очень горжусь. Если оба эпизода моего детства о мочеиспускании и без того уже связаны тесно с темой мании величия, то пробуждение воспоминания о них во время путешествия в Аусзее помогло еще то случайное обстоятельство, что в моем купе не было клозета и я должен был быть готовым к тому, чтобы испытать во время поездки неудобства, что утром действительно и произошло».

Мстительность! Эта черта фрейдовского характера нам хорошо знакома. Другой известный нам мотив – субъективность. Если психоаналитики берутся теоретизировать, то непременно кладут свою личную жизнь в основание всего человечества. Таковы почти все фрейдовские источники концептуального строительства, включая теорию дефекации. Слава Богу, что родона-

чальник психоанализа писался в постельку до восьми лет,³³ иначе, мы бы ничего не узнали о связи ночного мочеиспускания с честолюбием и манией величия, которые его распирали.

31. Как Фрейд создавал теории

Теперь вернемся в 1905 г. В «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд высказал следующий тезис:

«То, что мы называем характером человека, создано в значительной степени из материала сексуальных возбуждений и составляется из фиксированных с детства влечений, из приобретенных благодаря сублимации и из таких конструкций, которые имеют своим назначением энергичное подавление перверзных, признанных недопустимыми душевных движений».

В статье 1908 г. этот тезис реализован, по крайней мере, в отношении трех черт характера – аккуратности, бережливости и упрямства. Это теоретизирование послужило своеобразным оселком на преданность и лояльность учеников по отношению к учителю. Тех, кто воспротивился теории фекалий (в частности, Адлер и Юнг), Фрейд выгонял из своего Общества, а тех, кто, зажав нос, терпел его «теоретические испражнения», остались у него в фаворе.

Например, Абрахам Брилл поддержал фрейдовскую «теорию кала». В десятой лекции своего курса по психоаналитической психиатрии он рассказывает о пациенте, характер которого, главным образом, сформировался в анальную фазу эротического развития. В итоге,

«всю жизнь над ним доминировала идея приобретения денег, столь ненавистная особенность матери. Он выбрал в жены женщину, казалось бы, более высокого культурного уровня, но она оказалась по характеру точной копией матери».

Мать же имела «анально-садистский характер». В этой связи Брилл замечает: *«Недаром говорят, что родственные души тянутся друг к другу»*. Это можно назвать приложением теории испражнений к практике работы с пациентами, но Брилл пытается двигать замечательное учение Фрейда дальше. В частности, по поводу выхода зловонных газов из анального отверстия он пишет: «действия, вызывающие у современных людей отвращение, практиковались и доставляли удовольствие в отдаленном прошлом. Так, человеческие запахи, столь отвратительные теперь культурным людям, когда-то играли привлекающую роль и всё еще необходимы в общении животных». Поскольку человек сохраняет рудиментарный хвост в виде копчика, а филогенез повторяет онтогенез,³⁴ задний проход должен обладать эротической чувствительностью. Не спрашивайте у Брилла, откуда он знает о предпочтениях доисторических людей; он, как и Фрейд, прозревает истины путем своего богатого воображения.

Сейчас я хотел бы обратить внимание читателя не столько на содержание, сколько на форму написанной в 1905 г. работы, в которой Фрейд впервые сформулировал теорию детской сексуальности. Схема доводов ранней работы выстроена примерно так же, как и поздней. На первый взгляд кажется, что автор работы 1905 г. строит свою концепцию, исходя из «рассказов» и «воспоминаний» своих пациентов. По всему тексту очерка разбросаны фразы типа «наблюдения над ребенком», «психоаналитическое исследование позволяет нам узнать». Выпишу несколько типичных предложений; Фрейд написал:

«Предположение о прегенитальных организациях сексуальной жизни основано на анализе неврозов и вряд ли может быть понято без знания этого анализа. Мы можем рассчитывать, что продолжение аналитической работы даст нам еще больше данных относительно строения нормаль-

³³ В.Э.: Вообще из приведенных цитат не следует, что *«родоначальник психоанализа писался в постельку до восьми лет»*; слова Фрейда *«эпизод из домашней жизни, относящийся к моему 7 или 8-летнему возрасту, который прекрасно сохранился в моей памяти. Однажды вечером, перед тем как лечь спать, я, вопреки приказанию родителей, удовлетворил свою потребность в их спальне и в их присутствии»*, по-моему, означают, что он воспользовался родительским горшком или ведром: в те времена – особенно в бедных домах – привычных нам туалетов не было, отхожее место находилось далеко во дворе, а для удовлетворения потребностей зимой, ночью, в непогоду или больными, стояли в самом доме, если мало комнат, то прямо в спальне, горшки, ведра и стульчаки.

³⁴ В.Э.: Наоборот: онтогенез повторяет филогенез. (Онтогенез – это десятки лет, и филогенез – сотни миллионов лет).

ной сексуальной функции». В другом месте говорится: «Анализ перверсий и психоневрозов убедил нас в том, что сексуальное возбуждение возникает не только из так называемых половых частей, но из всех органов тела». В третьем месте читаем нечто аналогичное: «дальнейшие наблюдения и другие соображения заставляют приписать свойство эрогенности всем частям тела и внутренним органам».

Сначала я доверял тому, что «основано на анализе», «наблюдениях» или, на худой конец, «соображениях». Но вскоре понял, что за многочисленными словесными оборотами типа «*связь явлений, которую мы научились понимать благодаря психоаналитическому исследованию*» или «*благодаря психоаналитическому исследованию удается довести забытое до сознания*» и т.д. ровным счетом ничего не стоит. Так, в разделе «Инфантильный страх» Фрейд написал: «*к страхам склонны дети с очень сильным сексуальным влечением – либо преждевременно развитым, либо ставшим благодаря изнеженности слишком требовательным*». Это – очень смелое заявление. Однако какие «психоаналитические исследования» указали автору на эту корреляцию? Ищем-ищем и ничего не находим: автор забыл подтвердить это положение хоть одним убедительным доказательством. И так по всем его выводам. Фрейд не привел никаких конкретных примеров, которые бы подтвердили его теорию. Я не говорю уже о статистике или каких-то строго контролируемых испытаниях; этими инструментами Фрейд никогда не пользовался. Пусть бы он опубликовал небольшую серию наблюдений над детьми. Раз этого нет, возникает закономерный вопрос: если не из своей практической работы с пациентами, то откуда еще он может черпать материал для конструирования своей концепции?

Как и в работе 1908 г., ответ на поставленный вопрос содержится в самой работе 1905 г., нужно только ее внимательно прочитать. К сожалению, ответ получился грустным: вся теория детской сексуальности, как она изложена в работе 1905 г., от начала и до конца фальшива. Ее нельзя брать в качестве руководства к действию, поскольку теория не выдерживает самой элементарной критики.

Фрейд стартовал следующим образом: «*мы возьмем за образец инфантильных сексуальных проявлений сосание, которому венгерский педиатр Линднер посвятил замечательный труд*». Далее автор кратко излагает «теорию сосания», как ее представлял, по-видимому, Линднер.

«Сосание, – пересказывает Фрейд, – которое проявляется у младенца и может продолжаться до зрелых лет или удерживаться на всю жизнь, состоит в ритмически повторяемом сосущем прикосновении ртом (губ), причем цель принятия пищи исключается. Часть самих губ, язык, любое другое место кожи, которое можно достать, даже большой палец ноги, – берутся как объекты, над которыми производится сосание. Появляющееся при этом влечение к хватанию выражается посредством одновременного ритмического дерганья за ушную мочку и может воспользоваться для той же цели и частью тела другого человека (по большей части – уха). Сосание часто поглощает всё внимание и кончается или сном, или моторной реакцией, напоминающей оргазм [?]. Нередко сосание сопровождается растирающими движениями рук определенных чувствительных частей тела, груди и наружных гениталий [?]. Таким путем многие дети переходят от сосания к мастурбации [?]. Линднер сам ясно понимал сексуальную природу этих действий и безоговорочно подчеркивал это».

Не знаю, что там «подчеркивал» Линднер, но я сильно сомневаюсь, чтобы грудные младенцы мастурбировали. Мне тоже доводилось не раз наблюдать за их поведением и должен с уверенностью констатировать: они теребят свои «наружные гениталии» примерно так же, как ощупывают погремушку, т.е. без всякого желания вызвать у себя «оргазм». Нужно обладать большим воображением, чтобы за невинными движениями губ сосущего младенца увидеть «сексуальные» отношения его с матерью. Фрейд явно сгущает эротические краски там, где для этого нет никакого повода. Как и в случае истолкования случайных чисел или сновидений, он тенденциозно интерпретирует в удобную для себя сторону некоторые достаточно произвольные движения рук и всего тела, совершаемые детьми. Если и есть какое-то здесь сходство с онанизмом, то оно исключительно внешнее и поверхностное. В безгрешных движениях рук младенца нет и намека на рукоблудие. Кроме того, мне кажется, что Фрейд спекулирует здесь на неопределенности и расплывчатости понятия «сексуальности», под которую может попасть и легкая симпатия и острое желание совоплощения; поясню это подробно.

Любовь и половое влечение тесно переплетаются, образуя широкий диапазон от низших биологических проявлений до высших психических. Сам термин «любовь» чрезвычайно многозначен: любовь к жене, матери, сестре, секретарше, лошадям, деньгам, роскоши, армянскому

коньяку, горным ландшафтам, детективным историям, полотнам импрессионистов, Господу Богу – всё это очень разные виды любви, детерминированные конкретными объектами внимания. Если «любимым» является человек, то и здесь чувство влюбленности представляет собой сложный комплекс переживаний, выражающийся в том, что влюбленная (влюбленный) еще и еще раз хочет говорить, слышать, видеть, касаться, целовать, обнимать любимого (любимую). По отношению к родственникам, например дяде (тете), этот ряд быстро прерывается, поскольку говорить, слышать и видеть мы его (ее) хотим, но касаться, целовать и обнимать – желания не испытываем. Представим себе другой случай. Босс влюбился в свою секретаршу; он забыл о жене и детях, постоянно думает о ней, покупает ей дорогие подарки, воображает себе постельные сцены, но общаться с ней ему не хочется: хватит того, что он терпит ее глупости на работе. Говоря о половой любви, мы должны помнить о биологическом желании, вспыхивающем у людей и животных с той или иной периодичностью. И еще, о чем следует помнить: в процессе оргазма запускаются специальные физиологические системы, которые попросту отсутствуют у младенца.

О предметах, которых я коснулся, можно много говорить ученым и поэтам, одно ясно без всякого обсуждения. Фрейд, не входя в детали, выбрал самый короткий путь – метод свободных ассоциаций, т.е. он воспользовался точно таким же дешевым приемом, который был продемонстрирован им на мифической связи между бережливостью и дефекацией. Беспомощные и произвольные движения конечностей младенца и сосание им материнской груди он связал с лежащими на поверхности самыми грубыми аналогиями, которые не выходили у него из головы. В частности, то, что сосание носит сексуальную природу, Фрейда убедила элементарная ритмичность, обнаруживаемая в половом акте. Вот как в разделе «Механические возбуждения» он начинает развивать теорию первой, так называемой оральной, фазы детской сексуальности.

Фрейд пишет:

«Доказательством наслаждения, вызываемого механическими сотрясениями тела, служит тот факт, что дети сильно любят пассивные игры-движения такие, как качание и подбрасывание, непрерывно требуют повторения их. (Многие могут вспомнить, что, качаясь на качелях, они чувствуют напор движущегося воздуха прямо на гениталии как сексуальное удовольствие.) Укачивание, как известно, применяется для того, чтобы усыпить беспокойных детей. Сотрясение при катании в карете и поездке по железной дороге оказывают такое захватывающее действие на более взрослых детей, что, по крайней мере, все мальчики когда-нибудь в жизни хотели стать кучерами или кондукторами [?] Тому, что происходит на железной дороге, они обыкновенно уделяют большой и тайный интерес [?] Всё происходящее становится у них ядром чистой сексуальной символики [?], когда в более зрелом возрасте (незадолго до появления половой зрелости) усиливается деятельность фантазии. Необходимость связывать поездку по железной дороге с сексуальностью исходит, очевидно, из сосательного характера двигательных ощущений [?] Если к этому прибавляется вытеснение, которое превращает в противоположное так много из того, чему дети оказывают предпочтение, то те же лица в юношеском возрасте или взрослые реагируют на качание тошнотой [?], сильно устают от поездки по железной дороге [?] или проявляют склонность к припадкам страха во время путешествия и защищаются от повторения мучительного переживания посредством страха перед дорогой [?].»

В приведенном тексте расставлены вопросительные знаки в тех местах, в которых у читателя может возникнуть сомнение относительно того, что описанные Фрейдом явления можно распространить на «всех мальчиков». Вряд ли эти мальчики, став взрослыми, испытывают указанные симптомы. Но пусть даже все без исключения мальчики *«когда-нибудь в жизни хотели стать кучерами или кондукторами»*. Всё равно представители точных и опытных наук никогда не признают за этим рядом внешне, может быть, в чем-то и сходных действий, доказательную базу детской сексуальности. Хотя философы и философствующие психологи, а тем более литераторы, поэты, режиссеры и прочие гуманитарии склонны проводить подобные параллели и рассматривать их как что-то концептуально осмысленное. Для них следующее сравнение, наверное, покажется доказательным.

В отношении орального насыщения Фрейд пишет:

«Кто видел, как насытившийся ребенок отпадает от груди с раскрасневшимися щеками и с блаженной улыбкой погружается в сон, тот должен будет сознаться, что эта картина имеет характер типичного выражения сексуального удовлетворения в последующей жизни».

Я же задаюсь вопросом: «Почему сексуального удовлетворения?» «Эта картина» демонстрирует просто удовлетворение или, точнее, удовлетворение от сытости. Подобное удовлетворение испытывают и взрослые, когда хорошо и вкусно поедят, однако они при этом не вспоминают о сексе. Таким образом, для настоящего ученого эта фрейдовская зарисовка не имеет никакой доказательной силы; он увидит, что психоаналитик всякое удовлетворение и наслаждение тенденциозно интерпретирует в сексуальном смысле.

При строительстве своей теоретической конструкции Фрейд абсолютно не опирался на свою врачебную практику. Он пользовался тем общим для всех людей жизненным опытом, который разные люди могут интерпретировать по-разному. Поэтому будет допущена ошибка, если кто-то скажет, что при создании теории инфантильной эротики Фрейд исходил из строгих протоколов наблюдений за своими или чужими детьми. Надо знать характер Фрейда: к длительным систематическим наблюдениям он был не способен; грудных детей вообще и своих в частности он не любил и не нянчил. Любящему детей родителю никогда бы не пришла в голову мысль, будто его малютка занимается с ним сексом – пусть даже «инфантильным». Однако, прекрасно зная повышенный интерес психоаналитика к сексу и жажду к сочинительству, мы легко находим всем этим преувеличениям простое объяснение – паранойя.³⁵

Кроме того, надо не забывать и другие «достоинства» Фрейда, в частности, его склонность делать далеко идущие выводы по одному-единственному эпизоду (об этом мы говорили с Удодом). Таким образом, глядя на этот Ниагарский водопад спекулятивных фантазий, здравомыслящему читателю не на чем остановить свой взгляд – всё очень сомнительно и зыбко. Собираение в одну кучу огромного числа непрочных элементов несколько не упрочняет конструкцию, но делает ее еще более шаткой и ненадежной. Теория детской сексуальности есть стремление автора огорошить непритязательную публику своей испорченностью. В дефекации и в сосании материнской груди столько же секса, сколько его присутствует в процессах мочеиспускания, потоотделения или дыхания.

Но вот неожиданно в «Трех очерках по теории детской сексуальности» мы натываемся на странную сноску, сделанную Фрейдом. Он уведомляет читателя: «*Название «сексуальный латентный период» я заимствовал у В. Флисса*». Это примечание тем удивительней, что в 1905 г. Фрейд окончательно разругался с Флиссом на почве плагиата идеи бисексуальности, о чем мы много говорили с Удодом. Следовательно, Флисс или кто-то сочувствующий ему принудили Фрейда сделать признание в отношении и этого заимствования. Тут же возникает подозрение, что Фрейд позаимствовал у друга не только понятие о латентном периоде, но и всё временное деление жизни человека на оральную, анальную, фаллическую и нарциссическую фазы.

Нам хорошо известно, что Флисс всю жизнь занимался разработкой теории биологических периодов. Его особенно интересовали временные закономерности в раздражимости слизистых оболочек носоглотки, влагалища, прямой кишки и их связь с половой активностью. Отсюда становится понятна та недоговоренность в теории сексуальных фаз, которая вызывает столько вопросов. В периодической системе фаз Флисса, возможно, всё объяснялось на основе разработанной им нумерологии. У Фрейда же это выглядит фрагментарно и непоследовательно. Если предположить, что он позаимствовал теорию детской сексуальности у Флисса, то такая хаотичность и непродуманность становится понятна. Впрочем, не следует сбрасывать со счетов кокаиновый фактор и метод свободных ассоциаций по Людвигу Бёрне.

То, что плагиат имел место в отношении бисексуальности, сомнений не вызывает. Текст «Трех очерков» имеет несколько крупных вкраплений, связанных с бисексуальностью. В общем, у читателя должно сложиться впечатление, что идея бисексуальности принадлежит Фрейду. Однако конструкция некоторых предложений его разоблачает. Например, он написал:

«С тех пор, как я познакомился с точкой зрения бисексуальности, я считаю этот момент решающим в данном случае и полагаю, что, не отдавая должного бисексуальности, вряд ли можно будет понять фактически наблюдаемые проявления мужчины и женщины».

---

³⁵ В.Э.: Паранойя предполагает, что больной сам верит в то, что он излагает. А все разобранные автором факты к этому месту книги уже склонили меня к ответу «Не верил» на поставленный в начале книги {[SamVeril](#)} вопрос: «*В какой степени САМ ФРЕЙД верил в свое «учение»? В какой степени это были искренними заблуждениями психически (скажем так) неуравновешенного человека, и в какой степени – сознательным обманом подлежащего унижению и ненавидимого Фрейдом общества?*». Всё это имеет не параноидальную, а истерическую природу.

Никто, кроме Флисса, в то время бисексуальностью не занимался, следовательно, Фрейд «познакомился» именно с его точкой зрения на бисексуальность. В свете бисексуальности Фрейд делает некоторые важные выводы. В частности, он пишет:

«Принимая во внимание самоэротические и мастурбационные сексуальные проявления, можно было бы выставить положение, что сексуальность маленьких девочек носит вполне мужской характер. Больше того, если бы мы были в состоянии придавать понятиям «мужской» и «женский» вполне определенное содержание, то можно было бы защищать также положение, что либидо, всегда – и закономерно по природе своей – мужское, независимо от того, встречается ли оно у мужчины или женщины и независимо от своего объекта, будь то мужчина или женщина».

На это высказывание нужно заметить следующее. У кастрированного мальчика с возрастом тембр голоса становится высоким, слабо развивается волосяной покров, характерный для мужчин, проявляются и другие женские черты. Поэтому если и говорить о какой-то сексуальной основе человека, то она скорее женского, чем мужского рода. Кроме того, содержание приведенного положения не соответствует безродному бессознательному, которое выражается в понятиях «Оно» и «либидо». Но главное, сделанные Фрейдом выводы прекрасно согласуются с теорией Флисса, в которой идеи бисексуальности и детской сексуальности тесно переплетались. Нет доказательств того, что теорию инфантильной эротики Фрейд от начала и до конца разработал самостоятельно, зато в текстах его книг встречается немало прямых и косвенных улик, подтверждающих, что она была украдена или, во всяком случае, явилась плодом эклектической комбинации чужих теорий. Факты фрейдовской биографии здесь однозначно указывают на Флисса.

Кто-то может возразить: из сноски Фрейда, где он говорит о заимствовании у Флисса одного технического термина, еще ничего не следует. Они были дружны, интенсивно переписывались и, естественно, совместно обсуждали какие-то научные проблемы. И вот когда они оказались в ссоре и обнаружился общий для их теорий термин, почему-то проблема авторства решается в пользу Флисса. Нет оснований обвинять Фрейда в краже идей о бисексуальности, и тем более, всей его теории детской сексуальности. Ее появление можно трактовать как угодно, в том числе как подтверждение глубокой порядочности Фрейда. Представьте себе ситуацию: беседуют два друга о бисексуальности. Фрейд говорит: «Как бы мне лучше назвать период скрытого сексуального развития, длящийся между 5 и 10 годами?» Флисс отвечает: «Назови его латентным периодом». Фрейд послушался совета друга и отметил это в своей книге – вот и всё. Нельзя из-за этого поступка винить Фрейда в плагиате.

Да, такая ситуация возможна, только надо учитывать еще и психологические моменты, о которых говорилось уже не раз. Честный человек не стал бы уничтожать письма своего друга, следовательно, у Фрейда было, что скрывать. Пусть даже он не крал у Флисса теорию детской сексуальности, всё равно она выглядит противоречиво и ненатурально, так как получена с помощью спекулятивных и псевдонаучных приемов. В ее дальнейшей разработке принимали участие Абрахам, Джонс, Ференци, Зиммель, Задгер, Кляйн, Эриксон и многие-многие другие, включая современных фрейдистов.

32. Продолжение фекальной теории

Карл Абрахам в «Исследовании самой ранней прегенитальной стадии развития либидо» идет дальше Фрейда, но прежде попытался его длинные рассуждения в следующих двух пунктах: во-первых, пишет он, «сосание молока вызывает удовольствие», во-вторых, «сексуальная функция и функция питания согласуются друг с другом в акте сосания». Из этих двух сексуальных положений Абрахам приходит к третьему ошеломляющему выводу, который он получил из наблюдения за конкретной пациенткой. Он пишет:

«По отношению к объекту, привлекающему к себе желания и фантазии пациентки, у нее существует стремление к влечению его [объекта] в свое собственное тело (сама пациентка обозначает эти импульсы как каннибальские)».

Таким образом, Абрахам продолжил свободно-ассоциативную линию Фрейда. У него получилось: из факта поглощения младенцем пищи, из ритмического сосания молока, которое поступает внутрь тела, проистекают «желания и фантазии» женщины по проникновению пениса

в ее влагалище. Рот, по мнению Абрахама, «не потерял своей роли эрогенной зоны и у нормальных взрослых людей», поэтому «зона губ очень часто присваивает себе настоящие генитальные функции».

Далее ученик и последователь Фрейда пишет:

«Меланхолический больной в своем бессознательном переживает особое желание по отношению к своему сексуальному объекту – желание включения его в свое тело, желание поглощения объекта. В глубинах бессознательного живет тенденция поглотить, уничтожить объект».

Отсюда рукой подать до каннибализма. Абрахам считает уместным рассуждения о «каннибальской стадии развития либидо», так как проникновение пениса в оральное и анальное отверстия есть рудимент поедания (проникновения) любой другой человеческой плоти.

«Все эти многообразные фактические [?] данные, – пишет он, – ... вынуждают нас к признанию правильности сделанного Фрейдом предположения о существовании ранней каннибальской стадии развития либидо. Эта фаза индивидуальной инстинктивной жизни находится в полном соответствии со степенью каннибальской культуры, сохранившейся до наших дней... Известные психические явления, продуцируемые больным и здоровым индивидуумом (особью), напоминают нам о самой ранней стадии его детства; народ же хранит следы своего отдаленного прошлого в сагах и сказках».

Логика Абрахама и других психоаналитиков нам понятна. Они рассуждают примерно так: сосание производится ртом, которым ребенок пьет материнское молоко, поглощает твердую пищу; этот процесс определяет оральную фазу сексуального развития. Но Фрейд ввел также анальную эротическую фазу; она продиктована симметричностью жизненного цикла: через задний проход переработанная пища выводится из организма. Эти же отверстия используются при половом акте, причем во всех случаях происходит удовлетворение некой биологической потребности, сопровождаемой чувством облегчения и наслаждения. Почему бы их ни обобщить в единую теорию сексуального удовольствия?

Ошибка такого хода рассуждений заключается в том, что научная теория должна основываться всё же на строгих доказательствах, которых нет в психоанализе. Фрейд имел дело, мягко скажем, с необычными предметами исследования, но рассуждал так, как рассуждают миллионы обывателей. Этим своим поверхностным мышлением он подкупил домохозяек и страховых агентов, которым не знаком строгий критический стиль обдумывания. На их счастье, в университетах всегда найдутся несколько «нестандартно мыслящих» профессоров, которые популярным в обществе дурным поветриям сообщат наукообразную форму. Именно это и произошло с теориями анального и орального секса у малышей.

Добавим, что с теорией анальной фазы дело обстоит несколько хуже, чем даже с теорией оральной фазы, поскольку Фрейд приписал грудному ребенку то, к чему тот вовсе не стремится. В частности, он пишет:

«Дети, которые пользуются эрогенной раздражимостью анальной зоны, выдают себя тем, что задерживают каловые массы до тех пор, пока эти массы, скопившись в большом количестве, вызывают сильные мускульные сокращения и при прохождении через задний проход способны вызвать сильное раздражение слизистой оболочки. При этом вместе с ощущением боли возникает и сладострастное ощущение. Одним из вернейших признаков будущей странности характера или нервозности является упорное нежелание младенца очистить кишечник, когда его сажают на горшок, т.е. когда это угодно няне, и его желание выполнять эту функцию только по собственному усмотрению. Для него, разумеется, неважно, что пачкается при этом его постель; он заботится только о том, чтобы не лишиться удовольствия при дефекации».

Откуда автору известно о «сладострастном ощущении», которое якобы испытывают грудные дети при выходе фекалий? Я не думаю, что дети сознательно или бессознательно задерживают «каловые массы», чтобы потом испытать «удовольствие при дефекации». Кому не понятно, что автор здесь откровенно фантазирует. Сидя за своим письменным столом и водя пером по чистой бумаге, он просто «пачкает» ее, как младенец пачкает постель.

Может показаться, что мы говорим о каких-то частностях. Но при внимательном чтении фрейдовских сочинений обнаруживается, что других доводов у него и нет, так что непринятие изложенного только что аргумента приводит к отрицанию всей теории анальной фазы. Вся

концепция детской сексуальности строится на подобных некорректных наблюдениях за детьми. Кто из серьезных исследователей признает связь между сосанием груди и половым актом только на основании периодического возвратно-поступательного движения? Глядя на младенца, сосущего грудь, Фрейд показалось, что малыш «совокупляется» со своей матерью. Если он любит, таким образом, свою мать, рассуждает психоаналитик, он непременно должен испытывать ревность к своему отцу и мечтать о его смерти. Нам хорошо известно, что автора часто обурежала ревность, которая тут же вызывала приступ ярости и желание убить противника (Флейшля и Тауска он таки лишил жизни). И вот уже, родоначальник психоанализа своими индивидуальными чертами характера награждает всех младенцев земли.

Здесь я наблюдаю ту же субъективную схему спекуляций, которая возникала в связи с разработкой теории зависти к пенису или приобретения кастрационного комплекса. Наделяя малышей своими испорченными чертами характера, Фрейд добивался потрясающего сюрреалистического эффекта, который так нравился взбалмошным дамочкам вроде Лу Андреас-Соломе или Марии Бонапарт. Приведу несколько примеров аналогичных «наблюдений», когда за счет небольшого смещения акцентов, использования сексуального воображения автора и его привычки додумывать за детей, делаются далеко идущие выводы о природе становления психики вообще.

Вторая эротическая фаза полностью называется анально-садистской и вот почему. Фрейд решил, что если ребенок оказывается свидетелем совокупления родителей, то он непременно эти действия интерпретирует в садистском смысле: папа-садист бьет маму. Нет никакого доверия и к другому его суждению; Фрейд пишет:

«И мальчики, и девочки создают теорию, что и у женщины первоначально имелся пенис, утерянный вследствие кастрации. Явившееся, в конце концов, убеждение в отсутствии пениса у женщины оставляет у мужского индивида часто навсегда пренебрежительное чувство к другому полу».

Я очень сомневаюсь, чтобы дети 2–4 лет что-то слышали о кастрации, а тем более доходили до представления этой жуткой экзекуции своим собственным умом. Откуда Фрейд взял, что все мальчики и девочки или хотя бы их большинство создают теорию кастрированного пениса? Разве можно делать столь широкие обобщения, причем весьма сомнительного характера, не прибегая к массовому опросу этих самых мальчиков и девочек. Но обывателям нравится столь необычный ход мысли знаменитого психиатра. Они верят его абсурдным утверждениям, как эмпирически установленным фактам, не обращая внимания, на его поверхностный и очень тенденциозный стиль мышления.

В первом томе «Энциклопедии глубинной психологии» размещена обзорная статья Петера Цизе «Психоаналитическая теория влечений», в которой рассказывается о дальнейшем развитии теории анальной фазы. Выпишу небольшой фрагмент из нее; автор пишет:

«Проекция фекалий во внешний мир является моделью, в соответствии с которой ребенок формирует, «строит» собственную картину мира... Тот факт, что ребенок рассматривает фекалии как нечто одушевленное, а с другой стороны, то, что в анально-садистской фазе развития либидо фекалии содержат деструктивное ядро, приводит к тому, что ребенок воспринимает свои собственные испражнения как нечто опасное и зловещее. Соответствующие фантазии выглядят так, будто фекалии являются испражнениями злых духов или кого-то еще в этом роде. По всей видимости, возникающая позднее мания преследования восходит к этим страхам (Фрейд 1905, Абрахам 1969, Ференци 1911). С другой стороны, фекалии либидинозно катектированы. Фрейд (в 1915 и 1916 гг.) показал, что по этой причине экскременты превращаются для ребенка в сексуальный орган, например становятся предвестником мужского члена, точно так же, как прямая кишка в качестве эрогенной зоны в свою очередь становится предтечей влагалища. Из-за этого опорожнение кишечника приобретает для ребенка смысл утраты чего-то ценного. Таким образом, страх многих детей перед опорожнением кишечника связан с более поздним страхом кастрации».

Самым печальным в этой возне с фекалиями является то, что никаких аргументированных доводов авторы не приводят. Мы являемся свидетелями спонтанного выброса «теоретического поноса», хотя процесс такой интеллектуальной дефекации и осуществляется оральным путем, как итог скрытого от нас переваривания мозговой пищи. Нас ставят перед фактом: у ребенка фекалии ассоциируются с фаллосом, прямая кишка – с влагалищем, газы, скопившиеся в прямой кишке, – со злыми духами и т.д. Ну, хоть один ребенок об этом когда-нибудь говорил? У детей,

между прочим, чаще бывает жидкий стул, их экскременты мало похожи на фаллос. Они также не знакомы с анатомией прямой кишки и влагалища, поэтому не могут судить об их сходстве или различии. Рассуждать же о том, что они ощущают при дефекации, вообще очень трудно. Можем ли мы их ощущения выражать в словах – это еще вопрос. Подобное теоретизирование сильно отдает первобытным мифотворчеством взрослых дядь, которые весьма смутно представляют внутренний мир 1–3-годовалых детей, которые, по их извращенной концепции, проходят анальную фазу становления сексуальности.

В связи с инфантильным эротизмом, психоаналитики часто употребляют такие термины, как «злые и добрые духи», «магически-галлюцинаторное всевластие» или «мистические представления» и т.д. Откуда всё это берется у ребенка младше пяти лет? Детей обыкновенно тянет к котяткам и щеняткам, жучкам и бабочкам, куклам и кубикам. Если они и боятся чего-то, то лишь темного леса или подвала, мышей и жаб, возможно, Бабу-Ягу и Кощея Бессмертного, когда о них узнают из «страшных» сказок. Додумывать за детей, как это делают психоаналитики, почему они боятся леса, мышей, паучков, змей и прочей живности, здесь не следует, поскольку детские мысли и переживания имеют совершенно иное содержание. Так, например, хорошо известно, что изначально дети не религиозны, хотя они и могут испытывать безотчетный страх или благоговение. В их сознании отсутствуют идеи Бога и Духа; всё это приходит от родителей и общественных институтов. Если общество не религиозно, как во Франции или Китае, то и дети вырастают неверующими в сверхъестественные силы. Что касается додумывания и толкования явлений, то это главные источники психоаналитических спекуляций. Видимо, психоаналитики не могут мыслить иначе, а это, между прочим, означает невозможность прочтения ими данной книги: она им покажется ошибочной и неинтересной. Но я на них и не рассчитываю; как уже говорилось в начале, это учебное пособие предназначено в основном для нормальных студентов, владеющих рациональными навыками мышления.

Фрейдовская наука – это субъективная интерпретация объектов, и как не является исключением. Но почему психоаналитики повели разговор о мифологизации экскрементов и материнской груди, фетишизации и анимизме, т.е. о том, чего в действительности у детей не наблюдается?

В среде первых психоаналитиков модными были два закона: онтогенез повторяет филогенез (Бэр, Мюллер и Геккель) и общество проходит три стадии развития – мифологическую, метафизическую и научную (Конт). В свете современных представлений оба закона скорее ложны, чем верны. Но как бы там ни было, психоаналитики соединили эти два закона вместе и решили, что человек проходит указанные позитивистами стадии так, что детский возраст приходится на первобытную фазу развития человеческого общества. Вооружившись этой ложной идеей и начитавшись книг Тейлора, Спенсера и Фрезера о примитивной культуре аборигенов Австралии, Африки и Америки, психоаналитики начали приписывать детям образ мышления и поведения взрослых людей из первобытных племен. Многие современные психоаналитики, получившие образование по каноническим текстам первых фрейдистов, до сих пор думают в этом ошибочном направлении.

Здесь можно предвидеть следующий альтернативный ход мысли: дефекация, как и удовлетворение голода или сексуальной потребности, является важнейшей функцией живого организма, а раз так, она не может не влиять на психику человека. Ханжески настроенные психотерапевты всегда закрывали глаза на основные биологические потребности человека, с которыми связаны сильнейшие чувства удовольствия и беспокойства. Между тем выход фекалий наружу не может оставить ребенка равнодушным, поскольку он самым непосредственным образом участвует в их выделении, испытывая при этом удовольствие или раздражение. Фекалии и материнская грудь – это первые объекты, попадающие в поле внимания ребенка. Следовательно, дефекация должна оказывать влияние на осмысление внешнего мира новорожденного. Не принимать во внимание этот фактор формирования характера, значит, не понимать одну из важнейших составляющих этиологии последующих неврозов. Когда же это влияние может быть максимальным – когда человеку 1–2 года или когда ему 10–20 лет? Разумеется, речь может идти о первых годах или даже месяцах жизни.

Вы хотите, чтобы маленькие дети сами рассказывали Фрейдю об оральной и анальной фазах становления своей сексуальности? Понятно, что Фрейд пришел к этому выводу в результате отвлеченных размышлений, но это не значит, что при создании своей теории он не опирался на опыт. Дефекация и мочеиспускание, несомненно, оказывают влияние на нрав и сферу профессиональной деятельности зрелых людей. Фрейд попытался установить взаимосвязь

между первичными функциями организма и такими качествами характера, как аккуратность, бережливость и упрямство. В ответ на эту его смелую инициативу, мы слышим гомерический хохот. Может сложиться впечатление, будто критики Фрейда отлично знают, отчего люди становятся аккуратными, бережливыми и упрямыми. Но ничего позитивного в противоположность теории Фрейда предложено не было. Так почему же тогда нашим критикам так весело? Можно было бы понять причину веселья, если бы они предложили свою альтернативную теорию, но ее нет, и не ожидается в обозримом будущем. Поэтому пользуйтесь тем, что мы, психоаналитики, вам предлагаем, и помалкивайте.

На этот ход рассуждений нужно ответить так: лучше отсутствие хорошей теории, чем присутствие плохой. Фрейд и его последователи не представили серьезных аргументов в пользу того, что биологические потребности – дефекация, удовлетворение голода и секса – влияют на формирование психики. Эта первичная для всех живых существ физиология, если всё протекает более или менее нормально, не может сама по себе негативно влиять на психику человека ни когда ему 1–2 года, ни в 10–20 лет. Указанные физиологические процессы протекают большей частью на инстинктивном уровне или, по крайней мере, в изолированном режиме «автопилота», когда голова фиксирует процесс, но не вмешивается в его ход; после благополучного завершения процесса происходит полное переключение внимания на очередной психический объект. В случае патологии развития низших функций можно ожидать какого-то изменения в развитии высших, но тогда нужно изучать характер отклонения и соответствующую специфику взаимодействия низшей и высшей подсистем. Однако никакого серьезного анализа проведено не было. Установленная Фрейдом связь между характером человека и процессом дефекации выглядят комично; непонятно, зачем понадобилось предлагать нелепую корреляцию там, где ее, вероятнее всего, вообще не существует.

Фрейд никогда не был добросовестным ученым, способным проводить квалифицированное исследование. Он может сочинить некий текст, который для непосвященных кажется научным, но его литературно-художественный труд мало, чем отличается от труда писателя-фантаста. Если сотни философов и работников самых разных искусств ухватились за него, то только потому, что они не обладают критическим мышлением, свойственным настоящим ученым. Фрейд предоставил им богатый материал для последующего фантазирования. Толкование сновидений и кровосмешение, садизм и мазохизм, ревность дочерей и сыновей к отцу и матери – всё это будоражило большое воображение художников, сценаристов, режиссеров зрелищных искусств. Их драматические постановки не могли не сказаться на философских разглагольствованиях в области этики, религии, антропологии, социологии и индустрии, обслуживающей массовую культуру. Но стоит внимательно прислушаться к какой-нибудь идее психоаналитиков, детально проследить их аргументацию, как тут же на поверхность всплывает некомпетентность и аморальность даже в таких вопросах, которые традиционно считаются сферой их компетентности. Все рассуждения об оральной и анальной фазах развития детского эротизма – это плод большого воображения Фрейда и его преданных последователей.

Брилл в своих «Лекциях по психоаналитической психиатрии» нарисовал следующую схему развития сексуальности, начиная с самого рождения. Сначала идет оральная стадия, затем анально-садистская, за ней фаллическая, а заканчивается инфантильным эротизм в возрасте 4–5 лет нарциссизмом. Эти четыре фазы относятся к аутоэротизму и составляют эдипов комплекс ребенка. Далее идет латентный период, который в возрасте 9–10 лет сменяется на пубертатный период. Эти два периода сопровождаются, соответственно, парциальными и генитальными влечениями. Согласно учению Фрейда, «латентный период» наступает тогда, когда у юношей начинают формироваться внешние половые органы. В этот период происходит «регресс сексуальной активности». Однако

«продукция сексуального возбуждения, – пишет Фрейд, – в это время не прекращается, а продолжается и дает запас энергии, которая большей частью употребляется на другие несексуальные цели, а именно, с одной стороны, на присоединение сексуальных компонентов к социальным чувствам, с другой стороны (при помощи вытеснения и реактивного образования), на созидание позднейшего сексуального ограничения».

В латентный период, утверждает психоаналитик, наблюдается повышенная вероятность приобретения какого-либо невроза. Фрейд предостерегает:

«Опыт показал нам, что внешнее влияние соблазна может привести к преждевременному нарушению латентного периода до прекращения его, и что при этом половое влечение ребенка оказывается фактически полиморфно-перверсным. Всякая подобная ранняя сексуальная деятельность понижает способность ребенка поддаваться воспитанию».

С чем здесь можно спорить? Кто не согласен, что если мальчики и девочки засматриваются друг на друга, то они становятся очень неважными объектами воспитания?

Так-то оно так, только ведь этот вывод слишком банален. Кому неизвестно, что в пору сексуального созревания молодежь становится раздражительной и непослушной, следовательно, трудновоспитуемой. Однако из этого трюизма еще не следует, что вся фрейдовская теория детской сексуальности верна. Приведенная Бриллом схема представляется весьма надуманной. За оборотами речи типа «опыт показал нам» стоит далекий от научного эксперимента личный опыт Фрейда; автор лишь растиражировал его ложное видение мира. Теория инфантильного эротизма намного бы выиграла, если бы ее творцы привели строгие протоколы испытаний; в их отсутствие теория выглядит слишком умозрительной. Искусственность ее выводов бросается в глаза всякому, кто способен хоть немного критически думать.

Так, например, остается полнейшей загадкой, почему Фрейд говорит о последовательных во времени эротических фазах. У грудного ребенка сосание материнской груди и дефекация происходят параллельно, следовательно, сексуальное наслаждение, если таковое возникает при сосании и дефекации, невозможно разнести во времени. Кроме того, если сосание груди заканчивается в течение короткого периода жизни, то дефекация продолжается до гробовой доски. Почему же тогда оральная фаза заканчивается, когда ей положено, а анальная не сопровождает человека всю его жизнь? Где находятся рубильники, включающие и выключающие эрогенные зоны? И потом, хорошо известно, что интерес к своим гениталиям у ребенка просыпается в 7–9 лет, т.е. в самый глухой «латентный период». Как объяснить данный сексуальный факт? На эти важные вопросы теория детской сексуальности не дает ответа.

33. Психоанализ – это, вообще, что?

Выше были рассмотрены несколько психоаналитических теорий. Теперь пора задуматься, что такое психоанализ как цельная наука. Если в конце предыдущего предложения поставить знак вопроса, то ответ на него будет отрицательным: психоанализ не является цельной наукой. Родоначальник психоанализа смотрел на свое детище с позиции текущего момента, причем его отношение к нему менялось в зависимости от его отношения к истории болезни Анны О. Интересно проследить эволюцию взглядов Фрейда на свою первую пациентку, Берту Паппенгейм. С этой целью сравним три работы, написанные в разное время. Нельзя не заметить странную тенденцию в отношении Фрейда к пациентке Анне О. В «Исследовании истерии» (1895) она еще не идол, а одна из пяти рядовых больных. Далее можно было бы ожидать, что Фрейд о ней забудет, но происходит удивительное превращение: ее образ начинает усиливаться и вместе с тем искажаться. По работам 1905, 1909 и 1914 г., посвященным тому главному, что есть в психоанализе, можно наблюдать, как менялось отношение Фрейда к одному и тому же медицинскому случаю, о котором, как считается, он узнал в середине ноября 1882 г. со слов Брейера.

Чтобы представить себе, что такое психоанализ и каков его научный уровень, необязательно изучать все 24 тома стандартного издания фрейдовских сочинений. Достаточно просмотреть несколько страниц одной какой-нибудь его работы, чтобы составить себе представление о нем. Но если идти дальше и попытаться понять мотивы, которыми руководствовался автор психоаналитического учения, нужно провести небольшой сравнительный анализ. Я приведу несколько выдержек из трех работ и дам к ним свой комментарий. Начну с работы 1909 г. «О психоанализе», являющейся записью публичного выступления Фрейда, когда он вместе со своими ближайшими сподвижниками посетил США. Подавляющее большинство врачей и ученых Европы тогда относилось к нему как к врачу-шарлатану, поэтому предстоящая поездка вызывала у него тревогу. Всё это чувствуется в произнесенной им речи перед аудиторией, в которой не присутствовали врачи-профессионалы и специалисты-психиатры (это ясно из текста доклада). Содержание уже первого абзаца для нас важно.

«Уважаемые дамы и господа! – обратился он к собравшимся. – Я смущен и чувствую себя необычно, выступая в качестве доктора перед жаждущими знания обитателями Нового Света. Я уверен, что обязан этой честью только тому, что мое имя соединяется с темой психоанализа, и потому я намерен говорить с вами о психоанализе. Я попытаюсь дать вам в возможно более кратком изложении исторический обзор возникновения и дальнейшего развития этого нового метода исследования и лечения. Если создание психоанализа является заслугой, то это не моя заслуга. Я не принимал участия в первых начинаниях. Когда другой венский врач, д-р Йозеф Брейер, в первый раз применил этот метод к одной истерической девушке (1880–1882), я был студентом и держал свои последние экзамены. Этой-то историей болезни и ее лечением мы и займемся прежде всего».

Основной смысл этого абзаца сводится к тому, что не Фрейд, а его друг Брейер является автором открытия. Имеется, по крайней мере, две причины, почему он выставил Брейера впереди себя. Во-первых, Брейер – известный врач, авторитет которого мог способствовать продвижению «нового товара» на рынке целительных услуг. Уже много лет Фрейд рассказывает, что именно его наставник по Институту Брюкке сделал величайшее открытие, позволяющее успешно лечить душевнобольных от истерии и неврозов. Никто в США ничего не слышал о психоанализе и докладчик; как перед нынешней американской аудиторией, так и в прошлом перед европейской, нужно было заручиться авторитетным источником, от кого исходила главная идея психоанализа.

Берту лечил Фрейд в течение нескольких лет, но Брейер тоже ей что-то говорил, а та отвечала ему, он хлопотал перед врачами психиатрических лечебниц, так что слова Фрейда с некоторой натяжкой и оговорками можно было принять за некую правду: Берта – пациентка Йозефа Брейера. У Фрейда срабатывал инстинкт самосохранения: 28 лет назад он чуть было не угробил свою несчастную пациентку. Чувство страха, собственно, исчезло, поскольку семья Паппенхеймов жила в Германии, но оратор говорил так, как он привык выступать перед европейской аудиторией. Берта, конечно, жила в его душе, но это была та далекая девочка из его юности. Она еще не напомнила о себе в своем новом качестве неистового борца за права женщин, ее пока не было слышно в Европе.

Далее обратите внимание, как Фрейд будет описывать видения больной. Вам будет ясно, что эти картины не мог рассказать малоразговорчивый и несклонный к гётовской образности Брейер. Докладчик говорил в присутствии ему стиле, в котором использовались элементы художественного вымысла. Его фантазии с некоторыми вариациями повторялись и раньше, так что через них просматривается пристрастное отношение к пациентке.

«Летом, во время большой жары, – рассказывает Фрейд, – больная сильно страдала от жажды, так как без всякой понятной причины она с известного времени вдруг перестала пить воду. Она брала стакан с водой в руку, но как только касалась его губами, тотчас же отстраняла его, как страдающая водобоязнь. При этом несколько секунд она находилась, очевидно, в состоянии абсента. Больная утоляла свою мучительную жажду только фруктами, дынями и т.д. Когда уже прошло около шести недель со дня появления этого симптома, она однажды рассказала в гипнозе о своей компаньонке, англичанке, которую она не любила. Рассказ своей больной вела со всеми признаками отвращения. Она рассказывала о том, как однажды вошла в комнату этой англичанки и увидела, что ее отвратительная маленькая собачонка пила воду из стакана. Она тогда ничего не сказала, не желая быть невежливой. После того, как в сумеречном состоянии больная энергично выказала свое отвращение, она потребовала пить, пила без всякой задержки много воды и проснулась от гипнотического сна со стаканом воды у рта. Это болезненное явление с тех пор пропало совершенно».

Хочу напомнить, что докладчик рассказывает о событии, имевшем место без малого три десятка лет назад. Фрейду – 53 года, а он говорит так, будто эти события происходили вчера, и будто он был их непосредственным свидетелем. Разве нельзя было привести в качестве примера не давнишнюю пациентку своего коллеги, а собственную пациентку, вылеченную им самим год или два назад? Неужели ничего подобного не происходило с больными, которых он лично лечил по методике разговоров и свободных ассоциаций? Нет, мы видим, как Фрейд упорно цепляется за Берту, которую он лично якобы никогда не видел.

Меня развеселила последняя фраза этого абзаца: так заканчивают обычно свои рассказы заезжие знахари, поднаторевшие в одурачивании простаков. Почерк всех мошенников удивительно схож, вот и Фрейд представлял дело так, будто любой истерический симптом Берты бесследно исчезал, стоило ей вслух проговорить болезненную ситуацию, прокрутить в своем сознании события задом наперед и прийти к травмирующему источнику.

Симптом, о котором говорится в приведенном отрывке, был вызван поглощением воды «отвратительной маленькой собачонкой», которая вызвала у больной приступ раздражения. По Фрейду, Берта не только не могла пить воду из стакана, но и перестала говорить на немецком языке и общалась на языке той самой «англичанки, которую она не любила». Болезненный симптом Берты сформировался не из-за воды как таковой, а из-за способа ее потребления, что она будет пить ее из точно такой же емкости, из которой лакала собака англичанки. Но собаки не умеют «пить воду из стакана»³⁶, они могут лакать ее из блюдца. Пускай Фрейд оговорился, но если в фабулу его рассказа ввести блюдце, то уже Берта не могла бы «лакать» воду из него. Невозможность использования одной и той же емкости для собаки и Берты приводит к невозможности всего рассказанного эпизода, в котором емкость для воды имела решающее значение. Рассказанный докладчиком яркий эпизод выглядит неестественно. Всякий серьезный слушатель обязан скептически отнестись к подобным способам исцеления.

Впрочем, опустим эти придирки в надежде, что психоаналитики найдут иную логику истерической реакции больной. Они – большие мастера по истолкованию подобных искусственных ситуаций, сконструированных по одной и той же схеме, которую можно пояснить таким примером. Маленький мальчик испугался кролика; когда он вырос, ему не хочется носить кроличью шапку и, вообще, его раздражают изделия из меха, он пугается людей в шубах. Никто не может понять, откуда взялись эти фобии, и тут является проницательный психоаналитик, который в беседе с больным докапывается до того самого кролика, которого больной давно забыл. Врач убеждает его, что кролика бояться не нужно, в результате такого психоанализа больной выздоравливает.

Описанная механика должна была, по утверждениям психоаналитиков, приводить к выздоровлению душевнобольных, однако она не работала ни в случае с Бертой, ни в миллионах других случаях. Эта внешне эффектная психотерапия критиковалась многими противниками психоанализа; они приводили факты фальсификации, контраргументы и теоретического, и практического характера.

Продолжая свое выступление, докладчик отметил очевидные заслуги Брейера:

«Никто еще не устранял истерических симптомов подобным образом, и никто не проникал так глубоко в понимание их причин. Это должно было бы стать богатым последствием открытием, если бы опыт подтвердил, что и другие симптомы, пожалуй, даже большинство симптомов, произошли таким же образом и так же могут быть устранены. Брейер не пожалел труда на то, чтобы убедиться в этом, и стал планомерно исследовать патогенез других, более тяжелых симптомов болезни. Именно так и оказалось; почти все симптомы образовались как остатки, как осадки, если хотите, аффективных переживаний, которые мы впоследствии стали называть «психическими травмами»».

К «более тяжелым симптомам болезни» Берты относился, в частности, паралич ее правой руки. Вот как он возник и как был исцелен чудо-доктором.

«Однажды, – продолжил свой рассказ Фрейд, – она проснулась ночью в большом страхе за своего лихорадящего отца и в большом напряжении, так как из Вены ожидали хирурга для операции. Мать на некоторое время ушла, и Анна сидела у постели больного, положив правую руку на спинку стула. Она впала в состояние грез наяву и увидела, как со стены ползла к больному черная змея с намерением его укусить. (Весьма вероятно, что на лугу, сзади дома, действительно водились змеи, которых девушка боялась и которые теперь послужили материалом для галлюцинаций). Она хотела отогнать змею, но была как бы парализована: правая рука, которая висела на спинке стула, онемела, потеряла чувствительность и стала парализованной. Когда она взглянула на эту руку, пальцы обратились в маленьких змей с мертвыми головами (ногти). Вероятно, она делала попытки прогнать парализованной правой рукой змею, и благодаря этому потеря чувствительности и паралич ассоциировались с галлюцинацией змеи. Когда эта последняя исчезла и больная захотела, всё еще в большом страхе, молиться, у нее не было слов, она не могла молиться ни на одном из известных ей языков, пока ей не пришел в голову английский детский стих, и она смогла на этом языке думать и молиться. С воспоминанием этой сцены в гипнозе исчез спастический паралич правой руки, существовавший с начала болезни, и лечение было окончено».

³⁶ В.Э.: Если собачка была какой-нибудь из миниатюрных пород, то она могла лакать из стакана – на столе или на полу.

Берта, по словам докладчика, как по мановению волшебной палочки, полностью исцелилась. Мне кажется, чудо воскрешения Лазаря из мертвых, которое осуществил наш Спаситель, не столь впечатляюще по сравнению с данным эпизодом счастливого выздоровления Берты. Обращаю внимание на самое грозное оружие Фрейда – его выразительный язык, который мог околдовать и повести за собой любого скептика. Кого оставит равнодушным образ «маленьких змей с мертвыми головами». Разве Брейер смог бы передать таким сочным яком видения больной? Но меня удивляет не эти басни, а то, как быстро Фрейд изменил свое отношение к лечащему врачу Берты. Поводом к этому послужила банальная причина, лежащая на поверхности: вскоре после поездки в Соединенные Штаты к нему пришла мировая слава. Однако у него не было ни малейшего желания с кем-либо, в том числе и со своим другом Брейером, делиться ею. И вот, Фрейд решает скорректировать историю возникновения и развития психоанализа, для чего он совершенно иначе расставляет акценты в истории учения.

Небольшой очерк, написанный Фрейдом в 1914 г., начинается так:

«Не следует удивляться субъективному характеру предлагаемого «Очерка истории психоаналитического движения» и той роли, которая отведена в нем моей личности. Потому что психоанализ – мое творение. В течение десяти лет им занимался один только я, и все неудовольствия, вызванные у современников этим явлением, всегда обращались против меня одного. Поэтому я считаю себя вправе отстаивать ту точку зрения, что еще и теперь, когда я уже давно перестал быть единственным представителем психоанализа, никто лучше меня не может знать, что такое психоанализ, чем он отличается от других способов исследования душевной жизни, чему можно дать такое имя и чего не следует так называть».

Здесь читатель становится свидетелем того, как чисто психологический фактор – в данном случае амбициозные притязания автора – оказывают сильнейшее воздействие на существо дела. С этого момента в психоанализе главным считается не брейеровский метод катарсиса, в результате которого врач давал возможность пациенту выговориться по поводу беспокоящих его симптомов, после чего они исчезали, а сексуальная подоплека травматических событий, вызвавших психическое расстройство. Теперь в истории болезни Анны О. Фрейд обращает внимание на совершенно иные моменты. Оказывается, в основании ее истерических реакций лежала сексуальная озабоченность, которую она перенесла на врача, а тот не сумел распознать важнейшего механизма человеческой психики, который с этого момента в психоанализе считается наиважнейшим. Поэтому, говорит Фрейд, Брейера никак нельзя считать первооткрывателем психоанализа, так как в этом учении главным является не метод «лечения разговором», а техническое воздействие на сексуальный комплекс больного.

Фрейд пишет:

«Факт грубо сексуально окрашенного, нежного или враждебного перенесения, возникающего при всяком лечении невроза-перенесения, хотя и нежелательного и не вызываемого ни одной из сторон (больным и врачом), казался мне всегда неопровержимым доказательством происхождения творческих сил невроза из области сексуальной жизни. Это доказательство еще до сих пор недостаточно серьезно оценено, так как в этом случае при исследовании не было бы собственно другого выбора. Для меня оно сохраняет свое решающее значение одинаково и даже больше, чем соответствующие результаты аналитической работы».

Чтобы отнять у Брейера честь первооткрывателя, Фрейд принизил «очищающий» метод лечения разговором, который он раньше считал большим достижением новой науки, и сделал упор на «сексуальном перенесении». Эту свою новую позицию на существо психоанализа он впоследствии никогда не менял; ее усвоили ученики и последователи Фрейда, в частности, Абрахам Брилл.

Брилл пишет:

«Брейер и Фрейд сотрудничали в течение нескольких лет, когда разрабатывали метод лечения катарсисом, затем они разошлись. Это произошло по ряду причин. Одна из причин заключалась в усилении критики их взглядов на роль сексуальности в происхождении неврозов. Брейер сообщал, что в случае с Анной О. сексуальный элемент едва заметен. Понятно, он рассматривал сексуальность в границах генитальной активности в соответствии с общепринятыми в то время воззрениями. В последующем, когда Брейер и Фрейд углубились в исследование истерии, они открыли, что сексуальный элемент повсеместно присутствует в избытке, и, конечно, опубликовали свои данные. Ничто не возбуждает людей так, как обсуждение сексуальных проблем. Все, возражающие Брейеру

и Фрейду, сосредоточились на одном вопросе. Брейеру стало не легко под огнем критики, особенно со стороны важных персон, прежде оказывавших ему уважение».

Как видим, Брилл очень хорошо усвоил урок истории психоанализа, преподанный Фрейдом. В своих лекциях он неоднократно укоряет Брейера в трусости перед сексуальной правдой жизни. О подвиге Фрейда рассказывает и главный идеолог фрейдизма, Шандор Ференци. В 1933 г. в статье «Влияние Фрейда на медицину» он писал:

«Уже первые попытки Фрейда объяснить открытие Брейера привели к исследованию сексуальных проблем. И тут же его покинули друзья и коллеги, признававшие его дарование, пока он ограничивался лишь такими конкретными проблемами, как афазия и церебральный паралич у детей. Даже Брейер присоединился к тем, кто считал проблемы, интересующие Фрейда, неэстетичными. Так Фрейд оказался в одиночестве. Начался период в его жизни, заслуживающий названия героического».

Все, верные и неверные, сыны своего отца-основателя – Штекель, Адлер, Абрахам и др. – писали о нем в подобном ключе, создавая ему мученический ореол.

Но зададимся вопросом: что могло повлиять на интерпретацию события, которое имело место теперь уже 33 года назад, только ли желание Фрейда выставить себя впереди Брейера? Ведь это можно было сделать множеством способов, без привлечения новой теоретической базы. Почему «трусу» Брейеру вменяется в вину его неспособность понять сексуальные аспекты психоанализа? Ведь ничего не изменилось за эти годы, формально эта сторона дела проговаривалась еще в работе 1895 г. «Исследование по истерии». Но тогда перенос сексуальных переживаний Берты на Брейера почему-то не ставился во главу угла психоанализа. В цитированной выше работе 1909 г. о переносе тоже упоминается вскользь.

Какие же события произошли с 1909 по 1914 г., которые заставили Фрейда резко изменить свое отношение к Брейеру, а главное, к сексуальной стороне психоанализа? Я не нахожу других причин, кроме второго пришествия Берты Паппенхейм. О ней заговорили в Европе, она участвовала во многих громких политических акциях, стала известной писательницей. Фрейд, как когда-то в юности, не мог не обратить на нее внимание. Темные силы ненависти и мести с илистого дна его души мутным облаком окутали его шизотимическое сознание. Флейшль давно лежал в могиле, а эти двое – Берта и Брейер – за свою теперешнюю счастливую жизнь должны заплатить. Вендетта, начатая когда-то со сновидения об инъекции Ирме, возобновилась с утроенной энергией.

Если бы Фрейд был честным ученым, то он постарался бы выяснить: оправилась ли до конца бывшая пациентка Брейера от душевного недуга, мучавшего ее на протяжении почти десяти лет, не испытывает ли она каких-то новых беспокойств. Он мог бы похвастаться перед ней, что по новой методике были вылечены десятки пациентов. Ничего этого не произошло. Вспоминая озорную девочку, с которой он весело играл на солнечных лужайках Пратер-парка, родоначальник психоанализа мрачно думал: «Ты, чертовка, борешься с проституцией и за права женщин, но я-то знаю твою сексуальную озабоченность, мне известно, чего ты в действительности хочешь. Я знаю, ты меня любила, но изменила мне с этим ловеласом Флейшлем. Отвергнув мою любовь, ты меня тем самым унизила, но я выше тебя и, вообще, женщины никогда не были выше мужчин, ты не сможешь своими громкими акциями, поднять женщин на равный с мужчинами уровень». Может быть, он не говорил именно таких слов, но подобный мотив начал громко звучать во всех его работах того периода.

Чтобы понять, каким радикальным метаморфозам подверглась позиция Фрейда, надо открыть еще одну его работу, написанную в далеком 1905 г. Если читатель внимательно ознакомится с очерком «О психотерапии», то у него возникнет иное впечатление о психоанализе; по сравнению с работами 1909 и 1914 гг. здесь совершенно по-другому расставлены акценты. Первое, что бросается в глаза, – полное пренебрежение сексуальными аспектами лечения и сбалансированный взгляд на вклад в новую науку, внесенный Брейером и самим автором, а также предшественниками. Кстати, Юнг нередко называл психоанализ терапией Фрейда–Брейера, т.е. он не считал психоанализ творением только Фрейда. В тексте 1905 г. мы читаем:

«Многим врачам психотерапия еще и теперь кажется продуктом современного мистицизма и в сравнении с нашими физико-химическими лечебными средствами, применение которых основано на физиологической точке зрения, – прямо ненаучной, недостойной интереса естествоиспытателя.

Позвольте же мне защитить перед вами дело психотерапии и указать, что в этом осуждении можно считать неправильным и ошибочным.

Во-первых, позвольте мне напомнить вам, что психотерапия – не новый метод лечения. Напротив, это самая старая терапия, находящая применение в медицине. В очень поучительной книге Левенфельда (учебник всеобщей психотерапии) вы можете прочесть о методах, применявшихся в первобытной и античной медицине. Большую часть этих методов вы должны будете отнести к психотерапии. С целью исцеления больного его приводят в состояние «верующего ожидания», дающего и теперь еще неплохие результаты. С тех пор, как врачи нашли другие лечебные средства, психотерапевтические стремления того или иного рода никогда не прекращались в медицине. Во-вторых, обращаю ваше внимание на то, что мы, врачи, уже потому не можем отказаться от психотерапии, что другая сторона, которую очень даже необходимо принимать во внимание при процессе исцеления, – а именно больные, – не имеют никакого намерения от нее отказываться».

Из этих слов хорошо видны истоки психоанализа, которые берут свое начало в целебном шаманстве. Фрейд рано проявил симпатии к нему; все последующие его искания вращались вокруг одной проблемы – как этому древнему ремеслу сообщить наукообразную форму. Сначала он сделал ставку на гипноз. В работе 1905 г. он упоминает Бернхейма и Льебо из Нанси, метод лечения которых он не отбросил полностью, как что-то абсолютно ошибочное. Он только думал, что психоанализ эффективнее гипноза, поскольку дает понимание генезиса невроза.

«Есть много способов и путей психотерапии, – *говорит Фрейд*. – Хороши все, если они ведут к излечению. Наше обычное утешение: «всё обойдется и будет хорошо», которым мы так щедро одариваем больных, соответствует одному из психотерапевтических методов. Но при более глубоком понимании сущности невроза нам нет необходимости ограничиваться утешением. Мы выработали технику гипнотического внушения, психотерапии с помощи внушения, упражнения и вызова целенаправленных аффектов. Я не отказываюсь ни от одного из них и при благоприятных условиях пользовался бы ими всеми. Руководствуясь только субъективными мотивами, я ограничился в действительности названным «катарсическим» методом Брейера, который я охотнее называю «аналитическим». Вследствие моего участия в выработке этой терапии я чувствую себя лично обязанным посвятить себя ее изучению и разработке ее техники. Я могу утверждать, что аналитический метод психотерапии оказывает самое глубокое действие, идет дальше всех других методов, при его помощи достигаются самые коренные изменения состояния больного. Оставляя на минуту терапевтическую точку зрения, я могу указать в его пользу на то, что он самый интересный метод и единственный, открывающий кое-что в образовании болезни в общей связи ее явлений. Вследствие открывающегося перед нами понимания механизма душевного заболевания он один в состоянии повести нас за свои пределы и указать нам путь к другим видам терапевтического воздействия».

Далее Фрейд говорит о различиях гипноза и анализа в свете оппозиции живописи и скульптуры в понимании Леонардо да Винчи. Он предостерегает, что психоаналитическая методика сложна, длительна и требует немалых усилий как со стороны врача, так и со стороны пациента. Причем психоаналитической терапии, по его мнению, поддаются не все больные. Нужно *«отказываться от лечения таких больных, которые не обладают известным образованием и внушающим доверие характером»*. В другом месте он писал: *«Если врачу приходится иметь дело с никудышным характером, он вскоре теряет к нему интерес, который необходим для глубокого проникновения в психическую жизнь пациента»*. Пролетарии и «никчемные люди», говорил он, не годятся для серьезного психоанализа. Существует также и возрастное ограничение: лица, которым за 50, говорил он, «утеряли пластичность душевных процессов» и «не поддаются воспитанию».

В заключение работы 1905 г. автор кратко остановился на сути новой терапии.

«Эта терапия основана на идее, что бессознательные представления... являются ближайшей причиной болезненных симптомов. Это убеждение мы разделяем с французской школой Жане, которая в своей жесткой схематизации сводит истерический симптом к бессознательной *idee fixe*».

Сказав еще несколько фраз по поводу *«перевоспитания для преодоления внутренних сопротивлений»*, Фрейд в самом конце коснулся вопроса о *«роли сексуальности в этиологии психоневрозов»*.

Противники психоанализа выдвигали простой довод: если неврозы в конечном счете происходят от сексуальной неудовлетворенности, то не будет ли их эффективным лечением

непосредственное сексуальное удовлетворение больного. Именно на этот довод автор дает ответ. Он пишет:

«Сексуальная потребность является только одним фактором, играющим роль в механизме невроза. Если бы он был один, то его следствием была бы не болезнь, а половое излишество. Второй, столь же необходимый фактор, о котором слишком охотно забывают, представляет собой сексуальное отвращение невротиков, их неспособность любить, т.е. та психическая черта, которую я называю «вытеснением». Невротическое заболевание происходит из конфликта между этими стремлениями, а потому совет удовлетворять сексуальную потребность редко может быть назван хорошим советом».

Ничего другого о сексуальности автор не сказал. Он не вспомнил здесь об Анне О. и не прибегал к эксплуатации фантастического образа трусливого Брейера, в которого влюбилась пациентка. Здесь Фрейд пытается апеллировать к здравому смыслу компетентного слушателя. В Америке он поймет, что самым благодарным его слушателем является невежественная толпа, жадно ловящая каждое его слово.

Я коротко остановился на трех работах – 1905, 1909 и 1914 г., в которых раскрывалось то главное, что составляет существо психоанализа. С одной стороны, можно сказать, что между представленными работами нет больших противоречий. Мнение автора о психоанализе менялось, но это было связано с естественным развитием науки. Невозможно требовать от автора, чтобы он написал три статьи об одном и том же. Разумеется, в разное время появлялись разные проблемы, требовавшие разъяснений, в соответствии с этим он и расставлял акценты. В 1905 г. Фрейд сделал ударение на истоках психоанализа, в 1909 г. – на методе катарсиса, открытого Брейером, а в 1914 г. – на его ошибках. Кажется, что работы не только дополняют друг друга, но виден определенный прогресс в становлении науки. Автор постоянно искал и находил новые подтверждения для своей теории и практики, что и отражено в трех статьях.

Такой взгляд на работы Фрейда является поверхностным, а значит и ошибочным. Он не учитывает шизотимическую природу автора. В поступках диктатора оглушенная им толпа тоже видит только положительные моменты. Но если судить об авторе трех статей с более скептической и критической позиции, невозможно не заметить его метаний – частью беспорядочных, а частью окрашенных в сугубо личные тона. Все «теоретические» искания Фрейда вращались вокруг двух хорошо знакомых ему лиц – Берты и Брейера. Читая историю психоанализа в изложении его апологетов, так и хочется крикнуть: «Да оставьте вы их в покое! А если они для вас так важны, почему же оказалось, что вся информация о них засекречена? Почему до сих пор ничего неизвестно о личности Берты, ее последующем отношении к лечащим врачам? Какие аргументы Брейер выдвигал против фрейдовского подхода? Ну, и так далее».

Идея психоанализа, как очистительной исповеди пациента, была сформулирована в начале 1880-х годов. Но Фрейду понадобилось еще 30 лет, чтобы сочинить фантастическую легенду о трусливом отступнике Брейере, который смалодушничал перед проблемой сексуальности. Мы видим, как сон об Ирме, основная идея которого состоит в отмщении Флейшлю, Брейеру и Берте, последовательно реализовался в глобальном культурно-историческом явлении. В начале XX в. фрейдизм представлял собой расплывчатое мироощущение одного потерявшегося в науке человека, который высыпал на голову своих коллег целый ворох странных и несогласованных утверждений. Сегодня уже не скажешь, что психоанализ – это дым, так как он оброс таким количеством одеревенелых мифов, что не хватит и сотни книг, чтобы разоблачить их. Но сегодня, как и в начале прошлого века, в психоанализе отсутствует твердое ядро, указав на которое, можно было бы уверенно сказать: «Вот это – квинтэссенция учения Фрейда».

Перечень работ Фрейда

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/freud-works.htm>

- 1884 – О коке.
- 1885 – Сведения о воздействии коки.
- 1885 – Общее воздействие коки.
- 1885 – Экспертное заключение о кокаине Парке.
- 1885 – Краткая автобиография.
- 1886 – Отчет о стажировке в Париже.
- 1887 – Заметки о кокаинизме и страхе перед кокаином.
- 1891 – К вопросу о трактовке афазии.
- 1895 – На каких основаниях можно выделить из комплекса симптомов неврастении определенный синдром «невроз тревоги».
- 1895 – Исследование истерии.
- 1896 – Об этиологии истерии.
- 1898 – Роль сексуальности в этиологии неврозов.
- 1899 – Автобиографические заметки.
- 1899 – Вещий сон.
- 1899 – Покрывающие воспоминания.
- 1900 – Толкование сновидений.
- 1901 – О сновидении.
- 1901 – Психопатология обыденной жизни.
- 1904 – Фрейдовский психоаналитический метод.
- 1905 – О психотерапии.
- 1905 – Три очерка по теории сексуальности.
- 1905 – Фрагмент анализа одного случая истерии (История болезни Доры).
- 1905 – Остроумие и его отношение к бессознательному.
- 1906 – Мои взгляды на роль сексуальности в этиологии неврозов.
- 1906 – Диагностика фактов и психоанализ.
- 1906 – Психопаты на сцене.
- 1907 – К вопросу о сексуальном просвещении детей.
- 1907 – Бред и сновидения в «Градиве» В. Йенсена
- 1907 – Навязчивые действия и религиозные обряды.
- 1908 – «Культурная» сексуальная мораль и современная нервозность.
- 1908 – Об сексуальных теориях инфантильности.
- 1908 – Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности.
- 1908 – Характер и анальная эротика.
- 1908 – Поэт и фантазирование.
- 1909 – Семейный роман невротиков.
- 1909 – Общий взгляд на истерический припадок.
- 1909 – Анализ фобии пятилетнего мальчика.
- 1909 – Заметки об одном случае невроза навязчивости.
- 1910 – О психоанализе.
- 1910 – Введение и заключительное слово к дискуссии о самоубийстве.
- 1910 – К вопросу о психологии любви (с добавлениями 1912 и 1918 года).
- 1910 – Психогенное нарушение зрения с позиции психоанализа.
- 1910 – О «диком» психоанализе.
- 1910 – Воспоминания детства Леонардо да Винчи.
- 1910 – Об обратном смысле вечных истин.
- 1910 – Примеры проявления патогенных фантазий у невротиков.
- 1911 – Шансы на будущее психоаналитической терапии.

- 1911 – Сновидение в фольклоре.
1911 – Формулировка двух принципов психического процесса.
1911 – Психоаналитические заметки об одном автобиографическом описании паранойи.
1911 – Значение последовательности гласных.
1911 – Величие Дианы Эфесской.
1912 – О типах невротического заболевания.
1912 – Введение и заключительное слово к дискуссии об онанизме.
1912 – Практика толкования снов в психоанализе.
1912 – О динамике переноса.
1912 – Советы врачу при психоаналитическом лечении.
1912 – Некоторые замечания о понятии бессознательного в психоанализе.
1913 – Тотем и табу.
1913 – Интерес к психоанализу.
1913 – Сказочные мотивы в сновидениях.
1913 – Два случая детской лжи.
1913 – Предрасположенность к неврозу навязчивости.
1913 – Введение в лечение.
1913 – Материалы сказок в сновидениях.
1913 – Сновидение как средство доказательства.
1913 – Мотив выбора ларца.
1913 – Наблюдения и примеры из психоаналитической практики.
1914 – Об истории психоаналитического движения.
1914 – О ложном узнавании во время психоаналитической работы.
1914 – Воспоминание, повторение и переработка.
1914 – Введение в нарциссизм.
1914 – «Моисей» Микеланджело.
1914 – О психологии гимназистов.
1915 – Влечения и их судьба.
1915 – Сообщение об одном случае паранойи, противоречащем психоаналитической теории.
1915 – Вытеснение.
1915 – Бессознательное.
1915 – Заметки о любви в перенесении.
1915 – Мысли о войне и смерти в духе времени.
1916 – Бренность.
1916 – Некоторые типы характера из психоаналитической практики.
1916 – Отношение между символом и симптомом.
1916 – Мифологические параллели по поводу одного пластичного навязчивого представления.
1917 – Лекции по введению в психоанализ.
1917 – О превращении влечений, в частности, анальной эротике.
1917 – Метапсихологическое дополнение к учению о сновидениях.
1917 – Печаль и меланхолия.
1917 – Проблема психоанализа.
1917 – Воспоминание детства из «Поэзии и правды».
1918 – Из истории одного детского невроза.
1918 – К вопросу о психологии любовной жизни.
1919 – Пути психоаналитической терапии.
1919 – «Ребенка быют».
1919 – Зловещее.
1920 – О психогенезе одного случая женской гомосексуальности.
1920 – Ассоциации мыслей одного четырехлетнего мальчика.
1920 – О предыстории психоаналитической техники.
1920 – По ту сторону принципа удовольствия.
1921 – Психология масс и анализ Я.
1921 – Психоанализ и телепатия.
1922 – Сон и телепатия.

- 1922 – О некоторых невротических механизмах при ревности, паранойе и гомосексуальности.
- 1923 – «Психоанализ» и «теория либидо».
- 1923 – Я и Оно.
- 1923 – Инфантильная генитальная организация.
- 1923 – Заметки о теории и практике толкования сновидений.
- 1923 – Один случай невротической одержимости дьяволом в семнадцатом веке.
- 1923 – Йозеф-Поппер-Линкеус и теория сновидений.
- 1924 – Утрата реальности при неврозе и психозе.
- 1924 – Экономическая проблема мазохизма.
- 1924 – Невроз и психоз.
- 1924 – Крушение эдипова комплекса.
- 1924 – Краткий очерк о психоанализе.
- 1925 – Заметки о «чудо-блокноте».
- 1925 – Отрицание.
- 1925 – Некоторые психические последствия анатомического различия между полами.
- 1925 – Некоторые дополнительные замечания об основных принципах толкования сновидений.
- 1925 – «Жизнеописание».
- 1925 – Соппротивление психоанализу.
- 1926 – Торможение, симптом и страх.
- 1926 – К вопросу о дилетантском анализе.
- 1926 – Психоанализ.
- 1927 – Фетишизм.
- 1927 – Дополнение к работе о «Моисее» Микеланджело.
- 1927 – Будущее одной иллюзии.
- 1927 – Юмор.
- 1928 – Религиозное переживание.
- 1928 – Достоевский и отцеубийство.
- 1929 – К 50-летию со дня рождения Эрнеста Джонса.
- 1930 – Недовольство культурой.
- 1930 – Премия Гёте.
- 1931 – О либидозных типах.
- 1931 – Заключение совета факультета по процессу Гальсмана.
- 1931 – О женской сексуальности.
- 1932 – Покорение огня.
- 1932 – Навязчивые действия и религиозные ритуалы.
- 1932 – Предисловие к книге Т. Райка «Проблема психологии религии» .
- 1933 – Новый цикл лекций по введению в психоанализ.
- 1933 – Почему война?
- 1933 – Шандор Ференци.
- 1933 – Предисловие к книге Марии Бонапарт «Эдгар По. Психоаналитический очерк».
- 1935 – Свобода ошибочного действия.
- 1936 – Послесловие к «Жизнеописанию».
- 1936 – Расстройство памяти на Акрополе.
- 1937 – Конструкции в анализе.
- 1937 – Конечный и бесконечный анализ.
- 1938 – Расщепление Я в процессе защиты.
- 1939 – Человек Моисей и монотеистическая религия.
- 1940 – Голова Медузы.
- 1940 – Очерк психоанализа.

Случай фрейлейн Анна О.

Йозеф Брейер [?]

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/LFR.htm>

При использовании семантико-структурного анализа книги «Исследование истерии» в статье «Как возник психоанализ» доказывается, что историю болезни Анны О. написал именно Фрейд, безуспешно лечивший ее, как минимум, в течение двух лет (верхняя граница достигает предположительно пяти лет). Таким образом, отец-основатель психоанализа всю свою жизнь обманывал общественность, говоря, будто Анну-Берту лечил Брейер, а он даже никогда не видел ее. С этой большой лжи начинается победное шествие психоанализа по миру.

*Перевод – Крук В.М.*³⁷

К моменту заболевания (в 1880 г.) Фрейлейн Анне О. был 21 год. Её можно было считать обладательницей невротической наследственности средней тяжести, т.к. среди её дальних родственников было несколько психотиков. Она сама до этого была совершенно здоровой и в процессе развития не обнаруживала невротических признаков. Она была отменно интеллигентна, с удивительно быстрой умственной хваткой и проницательной интуицией. У неё был мощный интеллект, способный переваривать приличную пищу для ума и который действительно нуждался в этом – хотя не получал её с тех пор, как она закончила школу. У неё был большой поэтический талант и дар воображения, которые были под контролем острого и критичного здорового ума. Благодаря этой последней черте она была полностью невнушаема. Она принимала только аргументы, но никогда не голые утверждения. У неё была энергичная воля, упорная и настойчивая, иногда это достигало силы упрямства, которое могло быть преодолено только добротой и уважением других людей.

Одной из её особенных черт была её замечательная доброта. Даже во время своей болезни она сама себе во многом помогала способностью заботиться о многих бедах больных людей, для неё это было возможностью (пока она была способна) удовлетворять мощный инстинкт. Её чувства всегда наполнялись лёгкой преувеличенностью, будь то бодрость или хмурость, поэтому она была иногда человеком настроений. Элемент сексуальности был удивительно не развит у неё.³⁸ Пациентка, чья жизнь стала известна мне, на протяжении никогда не была влюблена. И во всём громадном количестве галлюцинаций, которые появлялись во время её болезни, этот элемент духовной жизни никогда не присутствовал.

---

³⁷ В.Э.: На странице <http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/LFR.htm> своего сайта Олег Акимов выставил (точнее: объявил выставленными) три различных перевода фрейдского текста «Случай фрейлейн Анна О.». Я решил эти три перевода разместить в разных томах Векордии, чтобы их можно было между собой удобно сравнивать. В настоящий том я помещаю первый из этих переводов: В.М. Крука (второй перевод см. в {OJAK-2}). Но предупреждаю читателя, что перевод Крука – совершенно идиотский: если Вы хотите нормально прочесть этот текст, то читайте его не здесь, а в книге OJAK-2. Находящийся же здесь текст переведен каким-то безграмотным дилетантом; можно подумать, что он предназначался для кустарных нужд и не проходил цикл издательско-типографской обработки. Но, судя по сноскам, это не так: текст взят из какой-то типографски изданной книги, причем претендующей на солидность: имеющей сноски, список литературы и т.д. Олег Акимов вообще-то обычно довольно точен в указании источников, но в данном случае он не указал, что это такое есть, что он выставил на свой сайт, так что мне остается только гадать. Я, было, подумал, что, может быть, это перевод с каких-то царских времен, но нет – в сносках упоминается книга Джонса, изданная в 1953 г., значит, данный текст печатался после 1953 г. А так как в СССР Фрейда не печатали, то это либо заграничное, либо постсоветское издание. Скорее всего, это какое-то халтурное издание 1990-х годов; тогда много печатали в дикой спешке с целью скорее урвать деньги...

³⁸ 1. Фрейд цитировал это предложение (не дословно) в примечании к первому из своих Трёх Очерков Теории сексуальности (1905d.), стандарт. изд., 164с. и во 2-й части своей автобиографии (1925d).

Эта девушка, у которой интеллектуальная жизнеспособность была ключом, пребывала исключительно в монотонном состоянии в своей пуритански выдержанной семье. Она украшала свою жизнь способом, который, вероятно, решительно повлиял на возникновение болезни посредством постоянных снов наяву, которые она называла своим личным театром. Когда все полагали, что она ухаживала за больным, она пребывала в сказочных выдумках своего воображения, но она всегда была на месте, когда должна была говорить, поэтому никто не знал об этом. Она преследовалась этой активностью почти непрерывно, когда была занята своими домашними обязанностями, которые выполняла безупречно. Я вскоре опишу способ, которым это привычное хорошее для неё снопоподобное состояние без нарушений, переросло в болезнь. Течение болезни разделилось на ряд отдельных фаз.

Фазы заболевания

(А). Латентный инкубационный период.

С середины июля до приблизительно 10 декабря 1880 года. Эта фаза болезни обыкновенно скрыта от нас, но в этом случае, благодаря странному характеру, она оказалась полностью доступной и сама по себе представляет не меньший интерес для истории патологии. Я скоро опишу эту фазу.

(В). Манифестация болезни.

Душевное расстройство странного рода: 1) парафазия (потеря речи), 2) серьёзное расстройство зрения: конвергентное (сходящееся) косоглазие, 3) паралич (в форме контрактуры, сведения) полностью правой верхней и обеих нижних конечностей и 4) частичный в левой верхней конечности парез (полупаралич) мышц шеи. Постепенное уменьшение контрактуры конечностей правой руки. Некоторое улучшение, приостановленное тяжёлой психической травмой (смертью отца) в апреле, после чего оно продолжилось.

(С). Период сомнабулизма.

Период продолжительного сомнабулизма, чередующийся затем с более нормальными состояниями, проявление ряда хронических симптомов (до декабря 1880 года).

(D). Прекращение патологических состояний.

Постепенное прекращение патологических состояний и симптомов (до июня 1882 года).

В июле 1880 года отец пациентки, которого она страстно и нежно любила, заболел периплеврическим абсцессом, который не удавалось прояснить. И от которого он умер в апреле 1881 года. В первые месяцы его болезни Анна отдала всю свою энергию уходу за отцом, и никто не удивился, когда её собственное здоровье резко ухудшилось. Возможно, беспокойная пациентка знала, что случилось с ней, но, в конечном счёте, состояние слабости, малокровие, отвращение к пище стали такими тяжёлыми, что к её великой печали она не могла больше ухаживать за пациентом. Непосредственной причиной этого был очень тяжёлый кашель, по поводу которого я обследовал её в первый раз. Это был типичный кашлевой невроз. Вскоре она стала обнаруживать явное стремление отдохнуть днём, которое переходило к вечеру в снопоподобное состояние, а впоследствии в состояние высокого возбуждения.

В начале декабря появилось сходящееся косоглазие. Глазной врач ошибочно объяснил это наступающим парезом (полупараличом) отводящих мышц. 11 декабря пациентка слегла в постель и пробыла в таком положении до 1 апреля.

Сразу развилась в быстрой последовательности серия явно новых нарушений: левосторонняя затылочная головная боль, сходящееся косоглазие (диплопия), отчётливо усиливающееся при волнении. Жалобы, что стены комнаты казались опрокидывающимися (эффект наклонности, скошенности, расстройство зрения), которое было трудно проанализировать; полупаралич мышц задней части шеи. В результате пациентка могла поворачивать голову, только зажав её сзади между поднятыми плечами и вращаясь всем телом; контрактура и анестезия правой верхней, а через некоторое время правой нижней конечностей. Последняя была полностью вытянута, повернута внутрь. Позднее этот симптом появился на левой нижней конечности и, наконец, на левой руке, пальцы которой, однако, в некоторой мере восстановили способность двигаться. Однако полной оцепенелости плечевых суставов не было. Контрактура достигла максимума в мускулах верхней части рук. В этом же направлении в районе локтей появилась наиболее сильная анестезия, что позже позволило внимательно проследить это. В начале болезни анестезия неявно прослеживалась из-за возникающего у пациентки чувства тревоги.

Описание состояния и история болезни.

Вот при таком её состоянии я взялся за лечение и, наконец, признал важность психического внушения, которым я обходился. У неё присутствовало два совершенно отчётливых состояния сознания, которые чередовались очень часто и без предупреждения, становясь, всё более и более различающимися в ходе болезни. В одном из этих состояний она узнавала окружающих, была меланхоличной и озабоченной, но относительно нормальной. Во время другого состояния у неё были галлюцинации, и она была непослушной, испорченной, так сказать, бросалась подушками, насколько позволяли контрактуры, обрывала пуговицы с постельного и нательного белья (теми пальцами, которыми она могла двигать) и т.д. На этой стадии болезни, если кто-нибудь перемещался по комнате, входил или выходил (во время ее других состояний сознания), она выражала недовольство «потерей» некоторого времени и замечала пробел в своей попытке осознать мысли. Поэтому она пыталась отрицать это и успокоить себя, когда она жаловалась, что стала сумасшедшей, после бросания в людей подушек она обвиняла их в этих вещах и в том, что они покидают её в беспорядке и т.д.

Эти «отсутствия (абсенсы)» (2)³⁹ появились ещё перед тем, как она слегла, она использовала их для остановки в середине предложения, повторяя свои последние слова и после короткой паузы продолжая разговор (беседу). Эти задержки постепенно увеличивались, до тех пор, пока не достигли описываемых проявлений; а в кульминационный период болезни, когда контрактуры распространились на левую часть ее тела, нормальное состояние в течение дня было только короткое время. Но нарушение прорывалось даже в момент относительно ясного сознания. Это проявлялось крайне быстрой сменой настроения, приводящей к интенсивному, но временному оживлению, а в других случаях сильной тревогой, упрямым сопротивлением любым терапевтическим усилиям, пугающими галлюцинациями черных змей, когда она смотрела на свои волосы, ленты или подобные вещи. В то же время она продолжала разговаривать сама с собой, но не как слабоумная: то, что она видела, были только ее волосы и т.д. Временами, когда её сознание было относительно свободным, она жаловалась на глубокий мрак в голове, неспособность понимать, проявления слепоты и глухоты, на ощущение раздвоенности, реальная и дурная сторона которой привели её к такому тяжёлому положению и т.д.

Днем она погружалась в снопоподобное состояние, которое продолжалось примерно до часа после захода солнца. Затем она пробуждалась и жаловалась на то, что что-то мучает её, – вернее она продолжала повторять в безличной форме: «мучение», «мучение». С другой стороны, развитие контрактур сопровождалось проявлением глубокого функционального расстройства её речи. Впервые это проявилось затрудненностью подобрать (найти) слова, и эта трудность постепенно увеличивалась. Позднее она потеряла контролирующую функцию за грамматикой и синтаксисом, не могла спрягать глаголы и по возможности использовала только инфинитивы, большей частью неправильно образуя их от причастий, она пропускала как определенные, так и неопределенные артикли. Со временем она стала почти полностью забывать слова. Она мучительно подбирала их из 4–5 языков и делала это почти неразборчиво. Когда она пыталась писать (до тех пор, пока контрактура совершенно не помешала ей делать это), она использовала эту же смесь (жаргон). В течение двух недель она была полностью немой и, несмотря на упорные и непрекращающиеся попытки говорить, она не могла произнести ни слога. И тогда впервые стал пониматься психический механизм расстройства. Насколько я знал, она испытывала большую обиду от кого-то и решила не говорить об этом. Когда я понял это и убедил её рассказать об этом, задержка, которая могла принять любую другую форму выражения, как правило, неприемлемую, исчезла.

Это событие совпало с восстановлением подвижности конечностей левой стороны тела, в марте 1881 года. Ее парафазия (потеря речи) отступила, но с тех пор она разговаривала только на английском языке – кажется, однако, не понимая, что делает это. Она спорила со своей сиделкой, которая, конечно, не могла понять её. Только через несколько месяцев я сумел убедить её в том, что она говорит на английском языке. Однако она всё ещё понимала людей, окружающих её и говорящих на немецком языке. Только в момент сильного беспокойства она совершенно утрачивала дар речи или ещё использовала смесь из разных языков. Временами, когда она была в лучшей форме и совсем спокойная, она говорила на французском или итальянском языках. Во всё другое время у неё была полная амнезия и поэтому она говорила только по-английски. С этого времени стало ослабевать её косоглазие, проявлявшееся только в моменты сильного

³⁹ В.Э.: Сноска (2) отсутствует в интернетовском тексте.

волнения. Она вновь стала способной поддерживать свою голову. Первого апреля она впервые смогла встать.

5 апреля умер горячо любимый ею отец. В течение своей болезни она видела его очень редко и не подолгу. Это была для неё самая тяжёлая психическая травма, какую она могла, возможно, перенести. Бурный всплеск переживаний сменился глубоким ступором, который продолжался почти 2 дня, и из которого она вышла в очень изменённом состоянии.

Во-первых, она стала гораздо спокойнее, а её чувство тревоги значительно ослабло. Контрактура правой руки и ноги сохранялась, в то время как их анестезия не была глубокой. Было ограничено поле зрения: в букете цветов, который доставлял ей большое удовольствие, она могла видеть одновременно только один цветок. Она жаловалась на неспособность узнавать людей. Обычно, говорила она, она могла различать лица без всяких усилий: сейчас же она вынуждена была выполнять напряжённую «работу распознавания» и говорить себе: «У этого человека такой-то и такой-то нос, его волосы такие-то и такие-то, значит, он должен быть тем-то и тем-то». Все люди казались ей похожими на восковые фигуры, не имеющие к ней никакого отношения. Она находила присутствие некоторых своих близких родственников очень раздражающим, и это негативное чувство продолжало расти. Если кто-либо, кого ей обычно было приятно видеть, заглядывал в комнату, она распознавала его и могла уловить смысл на короткое время, но вскоре погружалась в свои мысли, и её посетитель вычеркивался. Я был единственным, кого она всегда узнавала, когда я приходил, поэтому, когда я разговаривал с ней, она всегда была в сознании и доброжелательна, исключая внезапно возникающие заминки, обусловленные её галлюцинациями и «отсутствиями».

К тому времени она говорила только на английском языке и не могла понять, что ей говорилось на немецком. Поэтому все окружающие были вынуждены говорить с ней на английском языке, даже кормилица училась обращаться к ней. Она была, однако, способна читать по-французски и по-итальянски. Если она могла читать что-то из этого громко, она делала с необычайной беглостью превосходный импровизированный английский перевод.

Она снова начала писать, но в странной манере. Она писала левой рукой, менее негибкой и использовала римские печатные буквы, копируя алфавит с ее издания Шекспира.

Раньше она ела крайне мало, но сейчас она совсем отказалась есть. Правда, она позволяла мне кормить её, поэтому она очень скоро стала принимать больше пищи. Но она никогда не соглашалась есть хлеб. После еды она неизменно полоскала рот и делала так, даже если по какой-то причине она ничего не ела – это показывает, как рассеяна она была в этих вещах.

Ее снопоподобное состояние днем и глубокий сон после захода солнца упорно продолжались. Если после этого она выговаривалась (позже я объясню, что это значит), она была в ясном сознании, спокойная и бодрая.

Это сравнительно терпимое состояние продолжалось недолго. Через несколько десятков дней после смерти её отца, был приглашён консультант, которого она, как и всё незнакомое, полностью игнорировала, когда я демонстрировал ему все её странности. Когда я заставлял её читать французский текст на английском языке, она, смеясь, говорила, что: «Это похоже на экзамен». Другой врач вмешивался в разговор и пытался привлечь её внимание, но тщетно. Это была разновидность искренней «негативной галлюцинации», часто подтвержденной экспериментально. В конце он победоносно достиг цели, пустив ей дым в лицо. Она внезапно увидела незнакомца перед собой, бросилась к двери вынимать ключ и упала на пол без сознания. Затем наступила короткая вспышка гнева, вслед за этим – ряд приступов тревоги, которые я потом успокоил с большим трудом. К несчастью в тот вечер я уезжал в Вену, а когда я вернулся через несколько дней, то нашел пациентку в ухудшившемся состоянии.

Она провела всё это время совсем без пищи, была полна тревоги, и её «галлюцинаторные отсутствия» были наполнены ужасными фигурами, мёртвыми головами и скелетами. Поскольку она вела себя с этими вещами, словно переживая их и, частично, выражала это словами, окружавшие её люди в значительной мере стали понимать контекст этих галлюцинаций.

Обычный порядок вещей был: снопоподобное состояние днем, сменявшееся после захода солнца глубоким гипнозом, для которого она придумала рабочее наименование «помрачение». Если в это время она была способна рассказать галлюцинации, которые у неё были в течение дня, она приходила в состояние ясного ума и бодрости. Она садилась за работу и писала или рисовала до глубокой ночи весьма разумно. Около 4-х утра она ложилась в кровать. На следующий день повторялась вся последовательность событий. Это был точно подмеченный контраст: днём

безответственный пациент преследовался галлюцинациями, а ночью девушка была с совершенно чистым умом.

Вопреки её эйфории ночью, её психическое состояние постоянно ухудшалось. Появились сильные суицидальные импульсы, что сделало нецелесообразным продолжение ее проживания на 4-м этаже. Поэтому вопреки её желанию она была переведена в деревенский дом в окрестностях Вены (7 июля 1881 г.). Я никогда не угрожал ей этим переездом из её дома, к которому она относилась с ужасом. Она сама, ничего не говоря об этом, надеялась и боялась этого. Это событие прояснило ещё раз, насколько аффект тревоги преобладал в её психическом расстройстве. Так же, как после смерти отца стало спокойнее, так и сейчас, когда то, чего она боялась, наступило, она снова стала спокойнее. Однако изменение немедленно последовало через три дня и ночи полностью без сна и пищи в виде многочисленных попыток самоубийства (однако, когда она бывала в саду, они не были опасными) разбиванием окон и т.д. и галлюцинациями, несопровождаемыми «отсутствиями» – которые она могла легко отличать от её других галлюцинаций. После этого она стала спокойнее, позволила покормить себя и даже приняла хлорал на ночь.

Перед продолжением моего доклада случая я должен еще раз вернуться и описать одну из странностей, о ней я упоминал до сих пор только мимоходом. Я уже говорил, что во время болезни вплоть до этого пункта пациентка ежедневно впадала в сноподобное состояние и что после захода солнца, это сменялось глубоким сном – «помрачением». Можно объяснить эту регулярную последовательность событий просто её переживанием, когда она дежурила у своего отца, что она делала в течение нескольких месяцев. По ночам она сидела у постели больного или бодрствовала, прислушиваясь в тревоге до самого утра, днями она прилегалла ненадолго отдохнуть, что обычно характерно для сиделок. Эта привычка бодрствования ночью и сна днями кажется, была перенесена в её болезнь и ещё долго продолжалась после того, как сон был заменен гипнотическим состоянием. После глубокого сна в течение примерно около часа у неё нарастало беспокойство, она металась взад и вперед, продолжая повторять: «мучение, мучение», с закрытыми всё это время глазами. Было также замечено, как во время её «отсутствий» в дневное время она ясно сознавала некоторую ситуацию или эпизод, по поводу которого она давала клубок из нескольких проборматываемых слов. Это произошло когда-то сначала случайно, но позже специально – что кто-то около неё повторял некоторые её фразы, когда она жаловалась на «мучение». Однажды она присоединилась и начала описывать некоторую ситуацию или рассказала историю, сначала нерешительно и на своём жаргоне, но постепенно она перешла на плавный, какой могла, пока, наконец, она не заговорила на вполне корректном немецком. Это относится к начальному периоду, перед тем, как она начала говорить только на английском языке (с.25). Рассказы были всегда печальны, а некоторые из них очаровательные, в манере «книжки картинок без картинок Ганса Андерсена» и действительно, они, вероятно, создавались по этому образцу. Как правило, точкой отсчета или центральной фигурой была девушка, озабоченно сидящая у постели больного. Но она также создавала свои истории на совершенно другие темы.

После того, как она заканчивала своё повествование, она приходила в себя, заметно успокаиваясь или, как она сама называла это, чувствовала себя «комфортабельно». Ночью она опять становилась беспокойной, а утром, после пары часов сна, она оказывалась явно вовлеченной в некоторый иной набор идей. Если по какой-то причине она не могла рассказать мне историю во время её вечернего гипноза, она оказывалась не в состоянии успокоиться. И на следующий день она должна была рассказать мне две истории в порядке их появления.

Существенная особенность этого феномена заключается в том, что подъем и интенсификация её «отсутствий» в самогипнозе вечером, – эффект результатов ее воображения как психического возбуждения и успокоение и устранение её состояния возбуждения, когда она проговаривала их в гипнозе – оставались постоянными в течение всех десяти месяцев, пока она находилась под наблюдением.

Истории стали действительно еще более трагичными после смерти отца. Этого не было, однако, до ухудшения её физического самочувствия, которое наступило, когда её состояние сомнамбулизма отчетливо нарушилось в уже описанном направлении, когда её вечерние повествования, имевшие характер более или менее свободно создаваемых поэтических композиций, сменились на нить страшных и ужасных галлюцинаций. (Это стало уже возможным для пациентки в течение дня). Я уже описал (с.27), как её сознание полностью менялось когда, трясясь, от страха и ужаса она воспроизводила эти ужасные картины и выражала их вербально.

В то время, когда она была в деревне и я не мог наносить ей дневные визиты, ситуация развивалась следующим образом. Я посещал её по вечерам, когда я знал, что найду её в гипнотическом состоянии, и я затем освобождал её от всего запаса воображаемого, который она накопила со времени моего предыдущего визита. Существенно, что это было полностью эффективно, если ожидалось хорошие результаты. Когда это случалось, она становилась совершенно спокойной, и на следующий день она могла быть приятной, управляемой, прилежной и даже весёлой. На следующий день она могла быть во всё более и более в дурном настроении, упрямой и неприятной. И это могло стать особенно заметным на третий день.

Когда она становилась такой, не всегда её легко было уговорить разговаривать, даже в состоянии её гипноза. Она эмоционально описывала эту процедуру, называя её серьезно «лечением разговором», а шутливо «чисткой труб». Она знала, что после того, как проговорит вслух свои галлюцинации, у неё пропадёт всё упрямство и то, что она описывала как свою «энергию» наподобие повторения выражения, которым она обычно сопровождала свои истории. Но когда, после довольно продолжительного перерыва, она была в плохом настроении, и отказывалась разговаривать, и я был обязан сломить её нежелание своей настойчивостью, упрямством и ухищрениями. Но она никогда не начинала говорить до тех пор, пока не убеждалась в моей идентичности осторожным ощупыванием моих рук. В те ночи, когда она не могла успокоиться выговариванием, необходимо было обращаться к хлоралу. Я применял его в нескольких предыдущих случаях и вынужден был давать ей 5 граммов, в результате интоксикации, после чего наступал сон, длящийся несколько часов. Когда я присутствовал, это состояние было эйфоричным, но в моем отсутствии оно было очень неприятным, и характеризовалось беспокойством, подобно волнению. (Можно отметить, между прочим, что это тяжёлое состояние интоксикации не влияло на её контрактуру). Я был готов исключить назначение наркотиков как только проговаривание ею галлюцинаций успокаивало её, даже если эта энергия не позволяла заснуть, но когда она была в деревне, ночи, в которые она не получала гипнотического облегчения, были довольно невыносимыми, поэтому вопреки всему необходимо было прибегать к хлоралу. Но это позволяло постепенно сокращать дозу.

Настойчивый сомнамбулизм не возвращался. Но с другой стороны чередование двух состояний сознания продолжалось. Она привыкла галлюцинировать в середине разговора, спасаться бегством, карабкаться на дерево и т.д. Если кто-то ловил её, она могла очень быстро выдавать прерванное предложение, ничего не зная о том, что случилось в интервале.

Все эти галлюцинации, однако, появлялись и повторялись в её гипнозе. Её состояние в целом улучшалось, она без затруднений принимала пищу и позволяла няне кормить её, исключая спрашиваемый хлеб, который отвергала в тот момент, когда он касался её губ. Сильно преобладала паралитическая контрактура ноги. У неё прибавилось также здравого смысла, и она стала более внимательной к моему другу доктору, посещавшему её психиатру. Ей очень помогла подаренная Ньюфаундленская собака, которую она страстно любила. Хотя однажды её любимец набросился на кота, и это было великолепное зрелище наблюдать, как хрупкая девушка схватила хлыст в руку и отбила атаку крупного зверя, стремясь спасти его жертву. Позже она ухаживала за несколькими бедными больными людьми, и это ей очень помогло.

После того, как я вернулся из отпускного путешествия, продолжавшегося несколько недель, я получил убедительное доказательство патологического и возбуждательного аффекта, обусловленного идеализированными комплексами, появившимися во время её «отсутствий», или «вторичного состояния» и в результате этого эти комплексы отделялись от вербального выражения, произведенного в течение гипноза. Во время этого перерыва «лечебное проговаривание» было нарушено, было невозможно уговорить её поверить в то, что она должна рассказывать любому, а не только доктору В., которому она была преданна. Я нашёл её в никудашном моральном состоянии, вялой, неподатливой, болезненно раздражительной, даже злобной. В её вечерних историях стало ясно, что её образное и поэтическое настроение иссякло. То, что она представляла, было, всё более и более относящимся к её галлюцинациям и вещам, которые досаждали ей в последние дни. Они были облечены в образную форму, но скорее просто стереотипнее оформлены, чем в тщательно разработанных поэтических произведениях. Но ситуация стала терпимее только после того, как я устроил пациентке возвращение на неделю в Вену и вечер за вечером заставлял её рассказывать мне по 3–5 историй. Когда я добился этого, всё, что накопилось за недели моего отсутствия, было отработано. И только тогда сформировавшийся режим был восстановлен. После вербального выражения своих фантазий, она в течение дня была любезной и веселой, на следующий день она была раздражительной и менее

приятной, а на третий день определенно «отвратительной». Её душевное состояние зависело от времени, прошедшего после её последнего выговаривания. Это было потому, что каждый из спонтанных продуктов её воображения, каждое событие, которое было ассимилировано патологической частью её души, упорствовали как психические стимулы. И это продолжалось до тех пор, пока она не выговаривалась в состоянии гипноза, после чего они полностью исчезали.

Когда осенью пациентка вернулась в Вену (хотя в другой дом, не в тот, в котором она заболела), её состояние было терпимым, как физическое, так и психическое; очень немногие её переживания, – это действительно удивительно, – были представлены в психическом стимуле в патологическом образе. Я надеялся на продолжение и дальнейшее улучшение за счет того, что постоянное нагружение её сознания свежими стимулами может быть предотвращено их регулярным вербальным выражением. Но я был разочарован с самого начала. В декабре было отмечено ухудшение её психического состояния. Она вновь стала возбужденной, мрачной и раздражительной. У неё больше не было действительно «хороших дней», даже когда было невозможно обнаружить что-либо, что оставалось «приклеенным» в ней. К концу декабря, перед рождественскими праздниками она была особенно беспокойна и целую неделю по вечерам она не рассказывала мне ничего нового, за исключением продуктов воображения, возникших под впечатлением сильной тревоги и волнения во время предновогодних рождественских праздников (1880 г.). Когда сцены полностью восстанавливались, ей становилось значительно легче.

Прошёл год, с тех пор, как она разлучилась с отцом и слегла в постель. И с этого времени её состояние стало более ясным и обобщалось в стройный образ. Её измененные состояния сознания, которые на деле характеризовались тем, что с утренним пробуждением, её «отсутствием» (лучше сказать появлением «второго состояния») чаще всего наступал день продвижений и полного владения. К вечеру – эти альтернативные состояния отличались, предварительно, одно от другого тем, что одно (первое) было нормальным, а второе отчужденным. Но, однако, они отличались ещё тем, что в первом она жила, как бы отдыхая от нас зимой 1881–1882 г. В то время как во втором она жила зимой 1880–1881 г., в котором полностью забыла все последующие события. Одна мысль, тем не менее, казалось, стремилась остаться в сознании всё время, – что её отец умер.

Она вернулась в предыдущий год с такой интенсивностью, что в новом доме ей представлялась её старая комната, поэтому, когда она хотела подойти к двери, она наталкивалась на печь, которая стояла по отношению к окну в том месте, где была дверь в её прежней комнате. Переход из одного состояния в другое происходил спонтанно, и мог быть очень просто вызван любым появлением чувств, ярко напомнившим прошлогодние. Достаточно было поднести к её глазам апельсин (в первый период своей болезни она очень любила апельсины), чтобы вернуть её из 1882 в 1881 год. Но этот перенос в прошлое не происходил в целом или неопределённым образом; она проживала предыдущую зиму день за днем. Я мог только предполагать, что тогда происходило, это не значит, что каждый вечер в состоянии гипноза она рассказывала то, что волновало её в этот день в 1881 году и не всегда дневниковые записи 1881 года её матери, несомненно, подтверждали случай, лежащий в основе событий. Это оживление в памяти прошлогоднего продолжалось до тех пор, пока болезнь не пришла к окончательному приближению в июне 1882 г.

Здесь было также интересно проследить путь, которым эти воскресшие психические стимулы, принадлежащие её вторичному состоянию, совершали свой путь в её первое, более нормальное состояние. Так случилось, например, что однажды утром пациентка сказала мне со смехом, что она не понимает почему, но она сердится на меня. Благодаря дневниковым записям я узнал, в чём дело, и достаточно точно, – это было вызвано нежеланием вечернего гипноза: я изрядно надоел им пациентке в тот вечер в 1881 году. Или в другой раз она сказала мне, что с её глазами что-то случилось, она различала цвета искажённо. Она знала, что на ней коричневое платье, но оно виделось ей как голубое. Мы вскоре обнаружили, что она чётко и безошибочно может различать все цвета на визуальных тестовых листах, и что нарушение относилось только к материалу платья.

Причиной было то, что в тот период в 1881 году она много работала над халатом для своего отца, который был из такого же материала, что и её платье, но в отличие от того он был голубым, а не коричневым. Между прочим, всегда можно было видеть, что эти неожиданно появляющиеся воспоминания заранее показывали свой эффект; нарушение её нормального

состояния могло встречаться раньше, а память могла быть только постепенно возвращена в её вторичное состояние.⁴⁰

Её вечерние гипнотические состояния, были, таким образом, тяжело нагружены, потому что мы должны были добиться выговаривания не только её актуальных продуктов воображения, но и событий и «неприятностей» 1881 г. (К счастью, я уже мог выручать её во время проявления продуктов воображения того года). Но в дополнение ко всему этому работа, которая должна была быть проделана пациенткой и её врачом, была чрезвычайно увеличена третьей группой обособленных нарушений, которые появились в это время. Это были психические события, возникшие в инкубационный период болезни, между июлем и декабрем 1880 года; именно они продуцировали весь истерический феномен и когда они были пропущены через вербальное выражение, симптомы исчезли.

Когда это произошло впервые – в результате случайного и спонтанного выговаривания такого рода, во время вечернего гипноза, упорствовавшее длительное время нарушение исчезло, – я был очень удивлен. Это было летом, в период сильной жары, и пациентка очень страдала от жажды, не в состоянии как-либо объяснить, каким образом она вдруг утратила способность пить. Она брала стакан страстно желаемой воды, но как только он касался её губ, она отталкивала его прочь, как при водобоязни. Судя по тому, как она делала это, она, очевидно, была на пару секунд «отсутствии». Она питалась только фруктами, такими как дыня и др., чтобы уменьшить страдания от жажды. Это продолжалось около 6 недель, однажды во время гипноза она проворчала о своей англичанке-компаньонке, которую не любила, и начала описывать с вздохом отвращения, как она однажды заглянула в комнату леди и как её маленькая собачка – страшное создание! – пила из стакана. Пациентка ничего не сказала, так как хотела быть вежливой. После последовавшего энергичного выражения гнева она замешкалась, попросила почему-то пить, выпила большое количество воды без какого-либо затруднения и вышла из состояния гипноза со стаканом у своих губ; а вслед за этим нарушение исчезло, никогда больше не появляясь. Ряд чрезвычайно упрямых капризов был устранён подобным образом, после того, как она описывала обстоятельства, положившие им начало. Она сделала громадный шаг вперёд, когда первый из её хронических симптомов исчез таким образом – контрактура правой ноги, которая, действительно, уже в значительной мере ослабла. Эти находки – что в таком случае истерический феномен пациентки исчезал, как только событие, которое дало ему почву для появления, было воспроизведено в её гипнозе – позволило прийти к терапевтической технической процедуре, которая не выбрасывала ничего из того, что требовалось в логической последовательности и систематическом применении. Каждый отдельный симптом в этом комплексном случае был взят изолированным. Все обстоятельства, в которых он появился, были описаны в обратном порядке, начиная с того времени, когда пациентка оказалась прикованной болезнью к постели и, возвращаясь к событию, которое привело к его первому появлению. Когда это описывалось, симптом неизменно исчезал.

Так были «выговорены, прочь» ее паралитические контрактуры и анестезии, различные расстройства зрения, слуха, невралгии, кашель, тремор и др. и, наконец, её расстройства речи. Среди расстройств зрения например, было устранено отдельно: сходящееся косоглазие с диплопией (двоением в глазах); отклонение обоих глаз вправо так, что когда она хотела коснуться рукой чего-то, то всегда попадала влево от объекта; ограничение визуального поля; центральная амблиопия (ослабление зрения); макropsия (кажущееся увеличение предметов при расстройстве зрения); видение мёртвой головы вместо её отца; невозможность читать.

Только несколько разбросанных феноменов (таких, например, как выпрямление (разгибание, экстензия) паралитических контрактур на левой стороне её тела), которые развились, когда она была прикована к кровати, были не тронуты процессом анализа и, возможно, действительно у них была не прямая психическая природа.

Это обернулось невозможностью ускорить работу попыткой сразу извлечь из её памяти первичные случаи, спровоцировавшие её симптомы. Она была не в состоянии отыскать их, вытаскивала, смущаясь, и факты проявлялись даже медленнее, чем, если бы она позволяла спокойно и осторожно вновь появиться ниточке воспоминаний, за которую она взялась. Метод стал довольно длинным в проводимых вечерних гипнозах из-за её перенапряжения и смущения «выговариванием». Два других направления переживания – и особенно для воспоминаний, требовалось время, пока они могли достичь достаточной яркости, – мы развертывали следующую

⁴⁰ 3. Аналогичный феномен в случае фрау Сешли, с.70 сборника.

процедуру. Я посещал её по утрам и погружал в гипноз (очень простые методы этого были получены эмпирически). Затем я просил её сконцентрировать мысли на симптоме, к которому мы обращались в тот момент и рассказать мне обстоятельства, в которых он появился. Пациентка начинала переходить к описанию в быстрой последовательности, и бегло касаясь внешних событий, и я кратко записывал это. Во время её последующих вечерних гипнотических состояний она, с помощью моих записей давала мне довольно детальное объяснение этих обстоятельств.

Для примера покажем исчерпывающий сюжет, в котором она достигала этого. Мы постоянно переживали, что пациентка не услышит, когда будут говорить. Можно выделить следующие переходы особенного не слышания:

а). Не слышание, когда кто-то входит, в то время, когда у неё абстрактные мысли. 108 отдельных детализированных примеров этого, упоминая личности и обстоятельства, часто с датами. Первый пример: не слышит, когда входит её отец.

б). Не слышание, когда разговаривают несколько человек. 27 примеров. Первый: опять её отец и знакомый.

в). Не слышит, когда она была одна, и к ней непосредственно обращались. 50 случаев. Первый: её отец тщетно пытается попросить у неё немного вина.

г). Глухота во время тряски в (экипаже и т.д.). 15 случаев. Первый: сердитая встряска младшим братом, когда он застал её ночью подслушивающей у двери комнаты больного.

д). Глухота, наступившая от испуга при шуме. 37 случаев. Первый: приступ удушья был у её отца из-за неправильного глотания.

е). Глухота во время глубокого «отсутствия»: 12 случаев.

ё). Глухота, обусловленная длительным напряжённым слушанием, поэтому, когда она говорила, была не в состоянии слушать. 54 случая.

Конечно, все эти эпизоды были в значительной мере тождественны, поскольку они восходили к состояниям абстракции, «отсутствия» или испуга. Но в памяти пациентки они были так ясно различимы, что если ей случалось сделать ошибку в их последовательности, она должна была с благодарностью поправить себя и поставить их в правильном порядке, если этого не делалось, её отчет останавливался. Описанные ею события были такими лаконичными и интересными. Они были многозначительны и рассказывались так детально, что не могло быть подозрений, что это были её выдумки. Многие из этих случаев состояли целиком из внутренних переживаний и поэтому не могли быть проверены, другие (или сопутствующие им обстоятельства) были на памяти людей из её окружения.

Была ещё одна характерная особенность, которая всегда наблюдалась, когда симптом «выговаривался»: особенный симптом проявлялся с большей силой, когда она прорабатывала его. Таким образом, во время анализируемой невозможности слышать она была такой глухой, что некоторое время я был вынужден общаться с ней письменно.⁴¹ Первым провоцирующим обстоятельством был обычно некоторый испуг, пережитый в то время, когда она ухаживала за своим отцом – например, из-за некоторой оплошности с её стороны.

Работа воспоминания не всегда была лёгким делом и иногда пациентка прилагала большие усилия. Однажды весь наш прогресс был остановлен на некоторое время потому, что воспоминание отказывалось всплывать. Вопрос касался чрезвычайно ужасной галлюцинации. Когда она сидела у постели своего отца, он чудился ей с мёртвой головой. Она и бывшие с ней люди помнили, что однажды, когда она ещё была в добром здравии, она нанесла визит одному из своих родственников. Она открыла дверь и тотчас упала без сознания. Чтобы преодолеть препятствие к нашему прогрессу, она снова посетила это место и, входя в комнату, опять упала на пол без сознания. Во время её последующих вечерних сеансов гипноза препятствие было преодолено. Как только она входила в комнату, то она видела своё бледное лицо в зеркале напротив двери. Но то, что она видела, было не ею, а её отцом с мёртвой головой. Мы часто замечали, что её страх воспоминания, как и в настоящее время, препятствовал его появлению, и это должно было быть насильно преодолено пациенткой или врачом.

Следующий случай, среди прочих, иллюстрирует высокую степень логической последовательности её состояний. В этот период, как уже объяснялось, пациентка всегда была в своём «втором состоянии» – это в 1881 году, ночью. Однажды, проснувшись среди ночи, она заявила,

---

⁴¹ 4. Этот феномен более обстоятельно обсужден ниже Фрейдом (с.296), где он описывает его как симптом «единения в разговоре».

что опять уйдёт из дома, и стала так серьёзно волноваться, что все домашние были встревожены. Причина была простая. Во время предыдущего вечернего лечения разговором выяснилось её расстройство зрения, и это также связывалось с её «вторичным состоянием». Поэтому, когда она проснулась ночью, она обнаружила себя в незнакомой комнате в доме, снятом её семьёй весной 1881 года. Неприятные воспоминания такого рода всегда устранялись мною (по её просьбе) закрытием её глаз вечером и внушением, что она не сможет их открыть до тех пор, пока я не сделаю это сам на следующее утро. Волнение повторилось только однажды, когда пациентка закричала во сне и открыла глаза, спасаясь от этого.

Как только этот трудоёмкий анализ её симптомов подошёл к летним месяцам 1880 года, который был подготовительным периодом её болезни, я обнаружил полное проникновение в инкубационный период и патогенез этого случая истерии и сейчас я его кратко опишу.

В июле 1880 года, будучи в деревне, её отец свалился с ног с серьёзной болезнью – субпревральным абсцессом. Анна разделила обязанности сиделки со своей матерью. Однажды она проснулась среди ночи в большой тревоге за пациента, у которого был сильный жар; и она напряжённо с надеждой ждала прибытия хирурга из Вены, который должен был оперировать. Её мать ненадолго уехала, и Анна сидела у постели больного, опустив правую руку на спинку своего стула. Она впала в сон наяву и увидела черную змею, ползущую по стене к больному, чтобы ужалить его. (Вполне вероятно, что в поле вокруг дома действительно водились змеи и что они когда-то испугали девушку, они могли, таким образом, послужить материалом для её галлюцинации). Она пыталась отогнать змею, но оказалась совсем парализованной. Её правая рука на спинке стула онемела и стала нечувствительной и парализованной, а когда она посмотрела на неё, пальцы превратились в маленьких змей с мёртвыми головами (ногтями). (Вероятно, она пыталась отогнать змею своей парализованной правой рукой и эта анестезия, и паралич поэтому стали ассоциироваться с галлюцинацией змеи). Когда змея исчезла, она пыталась в ужасе молиться. Но у неё пропала речь: она не могла вспомнить язык, на котором разговаривают, пока, наконец, не вспомнила несколько детских стихов на английском, и тогда нашла в себе возможность думать и молиться на этом языке. Свист поезда, оказавшийся приездом доктора, которого она ждала, разрушил чары.

На следующий день, играя, она бросила кольцо в кусты; и когда она стала доставать его, наклоненная ветка оживила её галлюцинацию змеи и сразу её правая рука стала негнушейся, вытянутой. С этого времени подобное постоянно имело место в случаях, если галлюцинация вызывалась некоторым объектом с более или менее змееподобным внешним видом. Эта галлюцинация, с появлением во время коротких «отсутствий» контрактуры, с этой ночи становилась всё более и более многократной. Контрактура не становилась постоянной до декабря, пока пациентка не свалилась с ног и не слегла совсем в постель. В результате какого-то частного события, запись которого я не нашёл у себя и которое не могу подробнее вспомнить, контрактура правой руки распространилась на правую ногу.

С этого времени стабилизировалась её тенденция к самогипнотическим «отсутствиям». Наутро после ночи, как я описал, когда она ожидала приезда хирурга, она погрузилась в такое состояние абстракции, что не услышала его приближения даже, когда он вошёл в комнату. Её неотступная тревога мешала приёму пищи и, в конце концов, привела к сильным приступам тошноты. Независимо от этого, действительно, каждый её истерический симптом возникал во время аффекта. Не вполне понятно, в каждый ли случай было включено кратковременное состояние отсутствия, но это вполне возможно, учитывая тот факт, что при пробуждении пациентка не знала, что произошло.

Некоторые из её симптомов, однако, казалось, не возникали в её «отсутствиях», а просто проявлялись в аффекте в текущей жизни; но если так, они и пропадали таким же путем. Таким образом, мы могли проследить возврат всех её различных нарушений зрения к различным, более или менее детерминированным случаям. Например, однажды, когда она сидела у постели отца со слезами на глазах, он вдруг спросил её, который час.

Она не смогла отчетливо рассмотреть, сделала огромное усилие и поднесла часы близко к своим глазам. Циферблат казался очень большим – таково объяснение её макроскопии и сходящегося косоглазия. Или опять, она упорно пыталась подавить свои слезы, чтобы больной не заметил их.

Обсуждение подавления возражений из-за постоянно повторявшегося спазма голосовой щели. Она теряла силу голоса: (а) из-за страха после её первой ночной галлюцинации, (б) после несправедливого обвинения в чём-то, (г) во всех аналогичных случаях (когда она огорчалась).

Сначала она начала кашлять, когда однажды, сидя у постели отца, услышала звуки танцевальной музыки, раздававшейся из соседнего дома, почувствовав внезапное желание быть там, и укорами совести отогнала это. С этого времени, на протяжении всей болезни, она отчётливо реагировала на всякую ритмичную музыку кашлевым неврозом.

Я очень сожалею, что неполнота моих записей не позволяет мне перечислить все обстоятельства, при которых появлялись её различные истерические симптомы. Она сама рассказывала их мне в каждом отдельном случае, с одним исключением. Я упоминал (стр.35 и дальше, с.44–45) и уже говорил, что каждый симптом исчезал после того, как она описывала его первое появление.

Таким образом, вскоре вся болезнь стала близиться к завершению. Пациентка сама поставила перед собой жесткую задачу, что всё лечение должно быть закончено к годовщине её переезда в деревню (7 июня, стр.28). Соответственно, в начале июня она с огромной энергией приступила к «лечению разговором». В последний день, – с переоборудованием комнаты, чтобы она была похожа на комнату её отца, – она воспроизвела ужасающую галлюцинацию, которую я уже описал, и которая составляла корень всего её заболевания. Во время неповторимой сцены она была в состоянии думать и молиться только по-английски, но непосредственно после воспроизведения этого, она стала говорить на немецком языке. Кроме того, она освободилась от бесчисленных нарушений, которые она проявила раньше.⁴² После этого она покинула Вену, и некоторое время путешествовала; но прошло ещё много времени, прежде чем она полностью восстановила свой ментальный баланс. Только после этого она обрела полное здоровье.

Хотя я опускал много довольно интересных деталей, этот случай истории Анны О. Оказался объемнее, чем, казалось бы, требуется для истерического заболевания, что не было самоцелью необычного характера. Было, тем не менее, невозможно описать случай без вникания в детали и особенно это кажется мне достаточно важным, чтобы оправдать такой пространственный доклад. Таким же образом яйца иглокожих важны в эмбриологии не потому, что морской ёж является особенно интересным животным, а потому что протоплазма этих яиц прозрачна и благодаря этому мы наблюдаем в них, каким образом проходят скрытые процессы. Свет воздействует на возможное течение событий в яйцах с темной протоплазмой. Интересным данный случай кажется мне главным образом из-за возможности с предельной ясностью и понятностью проследить его патогенезис.

Еще когда она была в основном здорова, у девушки были две психические характеристики, которые выступили предрасполагающими тенденциями в её последующем истерическом заболевании: 1. Её монотонная семейная жизнь и отсутствие адекватного интеллектуального замещения оставили её с неиспользованным излишком ментальной живости и энергии, и это нашло выход в постоянной активности её воображения. 2. Это привело к привычке дневного сновидения (её «сокровенный театр»), которая заложила основы для расщепления её ментальной индивидуальности. Несмотря на это, расщепление оказалось в пределах нормы. Мечты и рефлексии во время более или менее машинальных занятий сами по себе не предполагают патологического расщепления сознания, так как если они остановлены, – если, например, выговариваются, – нормальная целостность сознания восстановлена; не так, вероятно, как при любом случае амнезии. В случае Анны О., однако, эта черта подготовлена почвой, на которой аффект тревоги и страха был способен установить сам себя описанным мной путем, когда однажды этот аффект трансформировался в привычный для пациентки сон наяву в галлюцинаторном «отсутствии». Удивительно, как полно ранняя манифестация её болезни в самом её начале уже проявила свои основные характеристики, которые в будущем оказались неизменными на целых два года. Они охватили существование второго состояния сознания, которое первым всплыло как временное «отсутствие» и позднее организовалось во «вторую совесть», задержка

---

⁴² 5. В этом месте (как однажды Фрейд рассказал издателю с указанием на открытый экземпляр книги) содержится пробел в тексте. То, что он имел в виду и хотел отметить, было событием, которое положило конец лечению Анны О.. Он коротко отметил это в начале своей «Истории психоаналитического движения» (1914d), в которой он рассказал его отлично от точки зрения Брейера, как «несчастливое событие» и во 2-й части его «Автобиографического исследования» (1925d). Целиком история рассказана Эрнстом Джоном в его описании жизни Фрейда (1953, 1, 246с) и здесь достаточно сказать, что когда лечение стало явно подходить к успешному завершению, пациентка неожиданно стала демонстрировать Брейеру наличие мощного положительного непроанализированного переноса неопровержимо сексуальной природы. Фрейд считал, что это был тот случай, из-за которого Брейер столь долгие годы не публиковал историю случая и который привел, в конечном счете, к его отходу от сотрудничества в исследованиях с Фрейдом.

речи, обусловленная эффектом тревоги, которая нашла возможность освободиться в английских словах. Позже парафазия (потеря речи) и утрата родного языка, была заменена отличным английским и, наконец, случайный паралич её правой руки, обусловленный напряжением, которое позднее развился в контрактурные парезы и анестезию с правой стороны. Механизм, благодаря которому преобразовался этот поздний аффект, полностью соответствовал теории травматической истерии Шертока – легкой травмы, полученной в состоянии гипноза.

Но тогда как экспериментально вызванный у своих пациентов Шертоком паралич стал стабилизироваться сразу, и тогда как паралич, вызванный у страдающих травматическим неврозом от тяжелого травматического шока, также возникает сразу, нервная система этой девушки растянула прекрасное состояние на 4 месяца. Её контрактура, так же как и другие сопровождавшие её расстройства, возникала только во время коротких «отсутствий» в её «втором состоянии» и пропадали во время её нормального состояния и полного контроля её тела, и владения своими чувствами; поэтому ни ею самой, ни окружающими её ничего не наблюдалось, хотя, правда, внимание последних было сосредоточено на больном отце пациентки и поэтому отвлечено от неё.

Поскольку, однако, её «отсутствия» с полной амнезией и сопровождение истерического феномена становились всё более частыми со времени её первого галлюцинаторного самогипноза, представились удобные случаи для образования новых симптомов подобного рода, и те, которые уже были сформулированы, стали ещё более укрепляться в частых повторениях. В добавление к этому, постепенно произошло так, что всякий внезапный дистрессовый аффект приводил к такому же результату, как при его «отсутствии» (хотя, правда, возможно, что такие аффекты действительно вызывали в каждом случае временное «отсутствие»). Случайные совпадения воздвигали патологические ассоциации и сенсорные или моторные расстройства, которые с этого времени появились параллельно с аффектом. Но до сих пор это случалось для отдельных моментов. Перед тем, как пациентка совсем слегла в постель, у неё уже развился весь ансамбль истерического феномена, о котором никто не знал. Это произошло только после того, как пациентка совсем свалилась из-за истощения, вызванного недостатком питания, бессонницы и постоянной тревоги, и только после того, как она стала проводить больше времени в своём «втором состоянии», чем в обычном, истерический феномен тоже преобразовался в современный и перешёл из перемежёвывающейся остроты симптомов в хронический.

Возникает вопрос, насколько достоверны состояния пациентки или обстоятельства и природа феномена были такими, как она представила их. Так как наиболее важные и фундаментальные события интересны, точность её докладов кажется мне несомненной. То, как считаются исчезающие после «устранения разговором» симптомы, я не использую в качестве доказательства, это может быть очень хорошо объяснено внушением. Но я всегда находил пациентку очень правдивой и заслуживающей доверия. Содержание мыслей, которые она мне проговаривала, было непосредственно связано с тем, что было для неё самым неприкосновенным. То, что могло быть проверено другими людьми, было полностью подтверждено. Даже самая высокоодарённая девушка была бы неспособна, придумать ткань фактов с такой внутренней согласованностью, как было представлено в истории этого случая. Бесспорно, однако, что именно её последовательность могла привести её (совершенно искренне) к передаче некоторым её симптомам сомнительной причины, которой они реально не обладали. Но и это подозрение я считаю неоправданным. Ничтожная вероятность многих этих причин, нерациональный характер такого большого числа включённых связей, доказывают их реальное расположение. Пациентка не могла понять, как могла танцевальная музыка вызвать у неё кашель; так же как истолкование так бессмысленно для осужденного. (Это, между прочим, кажется, мне очень похожим, что каждый из её приступов совести приводил к одному из её регулярных спазмов голосовой связки и что моторные импульсы, которые она чувствовала, – так как она очень любила танцевать, – трансформировали спазм в кашлевой невроз). Поэтому, как мне кажется, состояния пациентки были весьма правдивыми и соответствовавшими фактам.

Обсуждение

А теперь мы должны рассмотреть, насколько позволительно полагать, что истерия развивается аналогичным образом у других пациентов и что этот процесс аналогичен, когда нет такой ясной чёткости организации «второго состояния». Я могу предположить в поддержку этой точки зрения факт, что в представленном случае, тоже история развития болезни могла бы достигнуть полного незнания, как у пациента, так и у врача, если бы не её странное повторение

мыслей в гипнозе, как я описал, и рассказывание того, что она помнила. Когда она была в бодрствующем состоянии, она ничего не знала обо всём этом. Таким образом, трудно предположить, что бы случилось в других случаях изучения пациентов, когда в бодрствующем состоянии, с лучшим усилием в мире они могли бы ни дать никакой информации. И я уже отмечал, как мало все окружающие пациентку были способны увидеть, что происходит. Поэтому обнаружить состояние аффектов у других пациентов можно только с помощью этих некоторых процедур, предусмотренных в самогипнозе в случае Анны О. Мы должны только высказать предварительную точку зрения, что вереницы событий, подобных описанным, встретят больше общего, чем наше игнорирование патогенетического механизма относительно приведшего нас к предположению.

Когда пациентка слегла в постель, и её сознание постоянно качалось между нормальным и «вторичным» состоянием, весь сонм истерических симптомов, который возник отдельно и до сих пор был латентным, стал явным, как мы уже видели, как хронические симптомы. Это добавило к ним новую группу феномена, которая, казалось, имела другую природу: паралитические контрактуры левых конечностей и парезы держащих её голову мышц. Я отличаю их от другого феномена, потому что когда однажды они пропадали, они никогда не возвращались, даже в сжатой или слабой форме или во время заключительной и восстановительной фазы, когда все другие симптомы вновь активизировались после некоторого времени состояния неопределенности. Таким образом, они никогда не выходили в гипнотическом анализе и не возвращались в эмоциональных или воображаемых ключах. Поэтому я склонен думать, что их появление не было обусловлено тем же психическим процессом, как всех других симптомов, но приписано к вторичному добавлению этого неизвестного условия, которое образует соматический фундамент истерического феномена.⁴³

На протяжении всей болезни её два состояния сознания сохранялись бок о бок. Первое, в котором она была вполне психически нормальной, и второе, в котором могло быть подобно сну наяву (с богатством воображаемых продуктов и галлюцинаций, с большими пробелами памяти и недостаточным сдерживанием и контролем в их ассоциациях. В этом втором состоянии пациентка была в состоянии умопомешательства.

Действительно, психическое состояние пациентки было полностью зависимым от вторжения этого второго состояния в нормальное. И это, кажется, важно, чтобы пролить значительный свет на один класс истерического психоза. Каждое из её вечерних гипнотических состояний приносило доказательство, что пациентке было всё понятно. И она была хорошо дисциплинирована в её сознании и нормально (как относятся её чувства и воля) так, что нечто из продуктов её вторичного состояния было активным как стимулированное «в её бессознательном»⁴⁴. Чрезвычайно заметный психоз, который появлялся всякий раз здесь, был каким-то значимым.

Бессознательным внутренним в этом отводящем процессе, показывал согласие тем, чьи продукты влияли на психические события её «нормального» состояния. Трудно удержаться от описания ситуации, говоря, что пациентка была расщеплена на две личности, из которых психическое состояние одной было нормальным, а другой безумным. Резкое различие между двумя состояниями в настоящей пациентке только яснее доказывает, как мне кажется, то, что позволило подняться ряду необъяснённых проблем у многих других истерических пациентов. Это было особенно заметно у Анны О., как много продуктов её «плохой самости», как она сама называла, воздействовало на её моральную особенность сознания. Если эти продукты ненадолго отделялись, мы могли столкнуться с истеричкой злобного типа – непокорной, ленивой, упрямой и недоброжелательной, но как бывало, после их перемещения стимулировался её действительный характер, противоположный всему этому, всё повторялось сначала.

⁴³ В.Э.: Здесь кончается второй перевод {OJAK-2}.

⁴⁴ 6. Кажется, это первый случай печатного использования термина «*das Unbewusste*» («бессознательное») в психоаналитическом смысле. Он, конечно, часто использовался другими авторами, особенно философами (Хартман, 1869). Тот факт, что Брейер заключил его в кавычки, может, возможно, указывать, что он приписал его Фрейдю. Термин использован самим Фрейдом ниже, стр.76. Прилагательная форма «бессознательное» была использована несколькими годами раньше в неопубликованном черновике, выполненном в ноябре 1892 совместно Брейером и Фрейдом (1940). Фрейд использовал термин «*le subconscient*» в статье о моторной парализации на французском языке (1893) и использует «подсознательный» в настоящем издании (стр.69), как делает Брейер много чаще (стр.222). Позже, конечно, Фрейд четко определил использование этого новейшего термина (см., например, конец Части 1 этого издания «Бессознательное», 1915).

Тем не менее, её два состояния резко отделялись, где не только вторичное состояние вторгалось в первое, но – и это было при всех событиях часто правдой, даже когда она была в очень плохом состоянии – ясное сознание тихо наблюдающее сидело, положенное ею в уголок мозга и смотрело на всё это сумасшедшее занятие. Это настойчивость ясного мышления, когда психоз активно приводил к нахождению выражения очень странным образом. Когда истерический феномен прекратился, пациентка впала в тяжелую депрессию, у неё образовался ряд детских страхов и само упреков и среди них идея, что она совсем не болела, и что весь случай был симулирован. Подобные взгляды, как мы знаем, часто встречаются. Когда проясняется расстройство такого рода, и два состояния сознания становятся однажды слитыми в одно, пациенты, оглядываясь в прошлое, видят себя как целостную единственную личность, которая сознавала весь вздор, они думают, что могли бы предотвратить его, если бы захотели, и таким образом они чувствуют, как будто они сделали всё зло умышленно. Можно добавить, что эти обычные мысли, которые потворствовали во вторичном состоянии, должны громоздко колебаться в своём выражении и очень часто совсем отсутствовать.

Я уже описал удивительный факт, что с начала до конца заболевания все стимулы, появлявшиеся из вторичного состояния, вместе с их следствиями, непрерывно возвращались, как только им давалось словесное выражение в гипнозе, и я всё более убеждался, что это не моё изобретение, которое я навязал пациентке внушением. Это полностью застало меня врасплох, и я разработал терапевтическую технику избавления от симптомов, показанную в целой серии примеров.

Заключительный курс лечения истерии заслуживает ещё нескольких слов. Он сопровождался, как я уже говорил, значительными нарушениями и ухудшением психического состояния пациентки. Меня очень сильно впечатлило, когда различные продукты её вторичного состояния, бывшие неподвижными, стали пробиваться в её сознание и, хотя первоначально они всплывали только в её вторичном состоянии, они, тем не менее, объединялись и расстраивали её нормальное состояние. Остаётся увидеть, может ли не быть, что такая природа обнаружится в других случаях, в которых хроническая истерия заканчивается в психозе.⁴⁵

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате А4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представителями Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – <http://vecordija.blogspot.com/>; для латышских книг – <http://vekordija.blogspot.com/>.

---

⁴⁵ 7. Полное обобщение и обсуждение истории этого случая занимает большую часть первой из пяти Фрейдовских лекций (1910).

Оглавление

VEcordia	1
Извлечение R-OJAK-1	1
Олег Акимов.....	1
Правда о Фрейде	1
Правда о Фрейде и психоанализе	2
1. Зачем нам неправда?.....	3
2. Да свершится правосудие.....	6
3. Не верю!	7
4. Знакомьтесь, Фрейд	12
5. Реалистичный портрет.....	15
6. Загадки рождения Фрейда.....	20
7. Правдоподобная версия.....	23
8. Берта, Полина и Гизела	26
9. Тайна знакомства с Мартой	31
10. Фрейд показывает когти.....	34
11. Ближайшее окружение	39
12. Друг-враг Флейшль.....	42
13. Вторичные половые признаки	48
14. Друг-враг Брейер.....	54
15. Как Фрейд стал профессором	60
16. Попытки понять сон об Ирме	64
17. Начало расшифровки сна	69
18. Мстительность Фрейда.....	75
19. Сон о трех памятниках	80
20. Призрак Берты Паппенхейм.....	84
21. Превращение Берты в лошадь	89
22. Анализ «Анализа».....	93
23. Ганс – это маленький Зиги	97
24. Большой Ганс против маленького Ганса	102
25. Прямой обман населения	108
26. Придуманные теории.....	115
27. Сравнительная анатомия	119
28. Психоанализ унижает женщин	123
29. Фрейд как соблазнитель женщин	126
30. Бережливость и экскременты.....	131
31. Как Фрейд создавал теории.....	134
32. Продолжение фекальной теории	138
33. Психоанализ – это, вообще, что?.....	143
Перечень работ Фрейда	150
Случай фрейлейн Анна О.....	153
Фазы заболевания	154
Описание состояния и история болезни.	155
Обсуждение	164
Оглавление	167